

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V.V. Vinogradov Russian Language Institute

**Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова**

XV

**Общеславянский лингвистический атлас
Материалы и исследования
2015–2017**

Главный редактор А. М. Молдован

МОСКВА
2018

Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 15. Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2015–2017 — М., 2018. 216 с.
ISSN 2311–150X

Издание основано в 2013 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В. А. Плунгян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);
А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА

Т. И. Вендина, д. филол. наук, профессор (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА

Л. Л. Касаткин, д. филол. наук (Москва, Россия);
Л. Э. Калнынь д. филол. наук (Москва, Россия);

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ ВЫПУСКА

В. А. Пыхов (Москва, Россия)

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

E-mail: ruslang@ruslang.ru

Издательство зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57258

©Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2018

©Авторы, 2018

**Proceedings
of the V. V. Vinogradov
Russian Language Institute**

XV

**The Slavic Linguistic Atlas
Materials and Studies
2015—2017**

Editor-in-Chief Alexander M. Moldovan

MOSCOW
2018

Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute, 2017, No. 15. The Slavic Linguistic Atlas. — M., 2018. 216 p.
ISSN 2311–150X

The Journal was founded in 2013

EDITORIAL BOARD

Yury D. Apresyan, D.Sc., Professor, Full Member of the RAS (Moscow, Russia);
Václav Čermák, Ph.D., (Prague, Czech Republic);
Alexey A. Gippius, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS, (Moscow, Russia);
Maria L. Kalenchuk, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Tore Nettet, D.Sc., Professor (Tromsø, Norway);
Vladimir A. Plungian, D.Sc., Professor, Full Member of the RAS (Moscow, Russia);
Bjoern Wiemer, D.Sc., Professor (Mainz, Germany);
Alexey D. Shmelev, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia).

CHIEF EDITOR OF THE ISSUE

T. I. Vendina, D.Sc., Professor (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

L. L. Kasatkin, D.Sc. (Moscow, Russia);
L. E. Kalnyn' D.Sc. (Moscow, Russia)
V. A. Pykhov (Moscow, Russia).

Address

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019
E-mail: ruslang@ruslang.ru

The journal is registered by the The Federal service for supervision
of communications, information technology, and mass-media.
Registration certificate ПИ № ФС 77-57258.

© by Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2018
© by Authors, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Фонетика, интонация

Т. И. Вендина (Москва) Из истории «Общеславянского лингвистического атласа» (к 60-летию проекта 1958—2018).	9
П. Жиго (Братислава) Интерпретация склонения имен существительных в «Общеславянском лингвистическом атласе».	43
М. Шекли (Любляна) Младшие романизмы в словенском языке (на материале «Общеславянского лингвистического атласа», выпуски 11 и 12).	56
Д. Ю. Ващенко, Т. В. Шалаева (Москва) Славяно-венгерские лексические связи в области сельскохозяйственной терминологии (на материале «Общеславянского лингвистического атласа» и «Венгерского диалектного атласа»)	78
Я. Ванякова (Краков) Славянская фитонимия: эквиваленты и ложные друзья переводчика	100
С. Керемидчиева (София) Диалекты и диалектология в Болгарии в начале XXI века.	113
М. Котева (София) Кулинарная терминология в болгарских диалектах и ее лингвогеографическая проекция в «Общеславянской лингвистическом атласе» (ономасиологические и словообразовательные модели)	135
Г. С. Кобиринка (Киев) Современные акцентные типы прилагательных в говорах Чернобыльской зоны как рефлексы праславянских акцентных парадигм	150
Ж. Ж. Варбот (Москва) Производные от глагола <i>*velkti</i> в терминологии славянского погребального обряда	162
А. К. Шапошников (Москва) Материалы к этимологическому словарю славянских древностей Греции. III	167
О. М. Сергеева (Москва) К проблеме начального согласного слав. <i>*gnězdo</i>	185
И. А. Горбушина (Москва) О развитии семантики праславянского глаголы <i>*sěditi</i> / <i>*saditi</i> в славянских языках.	188
В. Л. Васильев (Великий Новгород) К типологии корреляций между ландшафтным термином и географическим названием	192

Рецензии

Д. Ю. Ващенко (Москва) Рец. на: Pavol Žigo. Vývin substantívnej deklinácie v slovanských jazykoch. Bratislava. Univerzita Komenského v Bratislave. 2017. 116 s.	206
Л. В. Куркина (Москва) Рец. на: Rada Cossutta. Ribiška jezikovna in kulturna dediščina v Tržaškem zalivu in slovenski Istri. Koper, 2015. 277 s.	210

CONTENTS

Tatyana Vendina (Moscow)	
The Slavic Linguistic Atlas. 1958—2018 (to the 60th anniversary of the project)	9
Pavol Žigo (Bratislava)	
The Interpretation of Substantive Declension in The Slavic Linguistic Atlas	43
Matej Šekli (Ljubljana)	
Younger Romanisms in Slovene (based on the material of The Slavic Linguistic Atlas, volumes 11 and 12).	56
Darya Vashchenko, Tatyana Shalayeveva (Moscow)	
Slavic-hungarian Lexical Relations in Agricultural Terminology (on the materials of The Slavic Linguistic Atlas and Hungarian Dialect Atlas)	78
Jadwiga Waniakowa (Kraków)	
The Slavic Phytonyms: Equivalents and Translator's False Friends	100
Slavka Keremidchieva (Sofia)	
Dialects and the Bulgarian Dialectology at the Beginning of the XXI century	113
Margarita Koteva (Sofia)	
Culinary Terminology in Bulgarian Dialects and its Lingvogeographic Projection in OLA (onomasiological and word-forming models)	135
Galina Kobrynka (Kiev)	
Modern Accent Types of the Adjective in the Chornobyl Zone Dialects as Reflexes of Protoslavica Accentual Paradigms	150
Zhanna Varbot (Moscow)	
Derivatives of the Verb <i>*velkti</i> in the Terminology of Slavic Funeral Ceremony.	162
Alexandr Shaposhnikov (Moscow)	
Materials for the Etymological Dictionary of Slavic Antiquities of Greece. III	167
Olga Sergeeva (Moscow)	
A Remark on the Word-initial Consonant in Slavic <i>*gnězdo</i>	185
Irina Gorbushina (Moscow)	
Evolution of the Semantics of Protoslavica verb <i>*sěditi</i> / <i>*saditi</i> in the Slavic Languages	188
Valery Vasilyev (Veliky Novgorod)	
About the Typology of Correlations between Landscape Term and Geographical Name.	192

Reviews

Pavol Žigo	
Vývin substantívnej deklinácie v slovanských jazykoch. Bratislava. Univerzita Komenského v Bratislave. 2017. 116 s. (Darya Vaschenko).	206
Rada Cossutta	
Ribiška jezikovna in kulturna dediščina v Tržaškem zalivu in slovenski Istri. Koper, 2015. 277 s. (Lyudmila Kurkina)	210

Т. И. Вендина
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)
vendit@rambler.ru

**ИЗ ИСТОРИИ
«ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АТЛАСА»
(К 60-ЛЕТИЮ ПРОЕКТА 1958–2018)***

Статья посвящена истории создания «Общеславянского лингвистического атласа». Оценивая предварительные итоги этого международного проекта, автор говорит о том, какие коррективы вносят карты Атласа в сравнительно-историческое языкознание и лингвистическую географию.

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание, Общеславянский лингвистический атлас, диалектология, лингвистическая география.

Идея создания «Общеславянского лингвистического атласа» родилась в начале XX в., когда пришло осознание ограниченности знаний, касающихся пространственной проекции многих праславянских явлений. Именно тогда стало очевидно, что эмпирические наблюдения над историей отдельных славянских языков носят атомарный характер и требуют своей систематизации и интерпретации в пространственно-временном аспекте. Поэтому на I Международном съезде славистов в 1929 г. в Праге крупнейший компаративист XX в. А. Мейе выступил с докладом «Projet d'un Atlas Linguistique Slave», в котором поставил вопрос о необходимости создания общеславянского лингвистического атласа с целью изучения истории славянских языков методами лингвогеографии. Эту идею поддержал И. А. Бодуэн де Куртенэ, который в докладе «Изоглоссы в славянском языковом мире» представил перечень изоглосс, свидетельствующих о дифференциации славянских языков.

Примечательно, что в этом докладе он говорил лишь о фонетических изоглоссах, тогда как лексические оставил без внимания. Объясняется это, по-видимому, тем, что в то время славистика не располагала данными о древних лексических изоглоссах (не случайно во многих сравнительных грамматиках славянских

---

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта № 17-04-00013 «Личные черты человека в славянских диалектах. Лингвогеографический аспект», финансируемого РФФИ.

языков в качестве иллюстрации праславянских диалектизмов традиционно приводились одни и те же лексемы, такие, например, как *бук, береза, лиса, ворон, гусь, лосось* и др.).

Однако общая политическая обстановка 30-х годов в Европе не благоприятствовала проведению столь обширного международного начинания, поэтому оно не получило своего развития. И только лишь спустя тринадцать лет после окончания Второй мировой войны эта идея вновь стала предметом обсуждения. В 1958 г. на IV Международном съезде славистов, проходившем в Москве, с докладами о создании общеславянского лингвистического атласа выступили З. Штибер «O projekcie Ogólnosłowiańskiego atlasu dialektologicznego», Р. И. Аванесов и С. Б. Бернштейн «Лингвистическая география и структура языка». На этом съезде было принято решение развернуть работу над «Общеславянским лингвистическим атласом». Признав создание Атласа одной из важнейших задач славянского языкознания, съезд рассмотрел организационные формы осуществления этого проекта.

Началась разработка «Вопросника» Атласа, его «Программы», а позже и экспедиционная работа по сбору материала во всех славянских диалектах.

В истории этого проекта важной вехой явился VIII съезд славистов, на котором один из основателей Атласа, Р. И. Аванесов, говорил о том, что будет или должно быть в ОЛА. Сегодня **можно говорить о том, что уже есть**, что уже видно, что реально дают карты Атласа для изучения диалектов славянских языков в их истории и современном состоянии, какую новую лингвистическую информацию содержат карты ОЛА, в чем проявляется специфика состояния современного диалектного континуума Славии, характера его дифференциации, какие коррективы вносит Атлас в существующие представления о складывании дифференциации отдельных зон Славии, включая динамику этой дифференциации.

Программа Атласа предусматривает решение двух качественно разных задач — сравнительно-исторического и синхронно-типологического изучения славянских диалектов.

Первая — традиционная область славянского языкознания — «охватывает такие вопросы, как образование славянского языкового единства и последующее его диалектное членение, а в дальнейшем образование современных славянских языков. Вместе с данными историческими в широком смысле, включая этнографические и археологические, ОЛА дает материал для решения вопроса о первоначальной территории, занимаемой славянами, и их последующего распространения в разных направлениях в разные географические зоны и в разные исторические эпохи, о контактах славянских языков с языками неславянских народов на весьма обширной территории с очень разными по уровню своего развития культурами: с германцами, балтийцами, кельтами, фракийцами, иранцами, финно-уграми, тюрками, греками, романцами... Помимо проблемы реконструкции праславянского языка в его общих и диалектных чертах ОЛА дает материал и для освещения вопросов общеславянских, т. е. более поздних процессов, охватывающих в той или иной мере все славянские языки и диалекты, процессов, основанных на общности прешествующей эпохи, но протекавших в разных частях Славии в значительной

мере самостоятельно и приведших к разным результатам... Наконец, ОЛА дает материал для изучения истории формирования современных славянских диалектов, внутриславянских контактов — процессов более позднего времени. Карты ОЛА помогают в той или иной степени выяснить сложные языковые отношения: русско-белорусские, белорусско-украинские, русско-украинские, белорусско-польские и украинско-польские и т. д. Картографирование карпатского региона на стыке словацких, чешских, польских, западноукраинских диалектов с венгерскими и румынскими позволяет углубить изучение старых языковых отношений в этом районе. На картах Атласа детальное освещение получают и польско-чешские языковые отношения («ляшские» говоры на территории Чехии) и отношения славянских языков Балканского полуострова с неславянскими языками соседних народов» [ОЛА Вступительный выпуск 2 изд. 1994: 28–30].

Другая задача Атласа, также не менее важная и к тому же в значительной степени новая, — задача синхронно-типологическая, актуальная для всех уровней языка от фонетического до грамматического, включая синтаксический. Решение этой задачи предполагает создание карт принципиально нового типа, которые должны репрезентировать отдельные фрагменты языковых систем славянских языков.

Работа над «Общеславянским лингвистическим атласом» продолжается уже 60 лет. Несмотря на то, что процесс создания Атласа растянулся во времени и при этом знал разные коллизии, его коллективу удалось опубликовать 16 томов: восемь томов фонетико-грамматической серии — «Рефлексы *ě» (Београд 1988); «Рефлексы *e» (Москва 1990); «Рефлексы *o» (Warszawa 1990); «Рефлексы *ьr, *ьr, *ьl, *ьl» (Warszawa 1994); «Рефлексы *ь, *ь» (Загреб 2006); «Рефлексы *ь, *ь. Вторичные гласные» (Скопје 2003); «Рефлексы *o» (Москва 2008); «Рефлексы *e» (Москва 2011); и восемь томов лексико-словообразовательной серии — «Животный мир» (Москва 1988); «Животноводство» (Warszawa 2000); «Растительный мир» (Мінск 2000); «Профессии и общественная жизнь» (Warszawa 2003); «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (Москва 2007); «Человек» (Kraków 2009); «Сельское хозяйство» (Bratislava 2012); «Народные обычаи» (Москва 2015) и это при том, что в 80-х годах публикацию Атласа пришлось «заморозить», так как в процессе работы возникли сложности экстралингвистического характера, преодолеть которые удалось практически только спустя двадцать пять лет, когда болгарская национальная комиссия возобновила свое участие в этом проекте. Кроме того, были опубликованы два издания «Вступительного выпуска» Атласа, содержащего его концепцию, информацию о населенных пунктах и эксплораторах, фонетическую и обобщающую транскрипции; а также два тома болгарских материалов лексико-словообразовательной и фонетико-грамматической серии, которые отсутствовали в опубликованных ранее томах Атласа.

В настоящее время во всех странах-участницах этого международного проекта ведется работа по подготовке к печати очередных томов Атласа — лексико-словообразовательной серии: «Личные черты человека», «Степени родства», «Транспорт и пути сообщения», «Народная техника», «Строительство», «Одежда и обувь», «Гигиена и медицина», «Метеорология и измерение времени», «Рельеф

местности», «Горное овцеводство» и др.; и фонетико-грамматической серии: «Рефлексы *а», «Рефлексы *i, *у, *и», «Рефлексы *tort, *tolt, *tert, *telt»; «Местоимения», «Существительные», «Прилагательные», «Глаголы» и др.

Оценивая предварительные итоги проделанной работы, следует отметить то, что Атлас предоставил исследователям богатейший диалектный материал, который ранее был во многом неизвестен, а потому долгое время оставался в тени при изучении диалектной дифференциации Славии. И этот **новый и свежий языковой материал является главным итогом международного проекта.**

Работа над ОЛА со всей очевидностью показала, что **реконструкция системы праславянского языка, решение вопроса о локализации прародины славян невозможны без** изучения современного славянского диалектного континуума методами **лингвогеографии**. В этом смысле Атлас содержит бесценную информацию об ареалах многочисленных явлений как фонетико-грамматических, так и лексико-словообразовательных, локализация которых ранее была неизвестна в славистике.

Карты Атласа убедительно говорят о том, что в число дифференциальных признаков должны входить не только фонетические (о которых говорил И. А. Бодуэн де Куртенэ), но и лексико-словообразовательные, грамматические и даже культурологические.

Публикация томов **лексико-словообразовательной** серии Атласа дает основания для нового взгляда на ряд нерешенных вопросов славистики, в частности, на **проблему лексического фонда праславянского языка**. Известно, что праславянская «словарная коллекция» довольно долгое время создавалась в отрыве от ее лингвогеографической проекции. Вследствие отсутствия достоверных материалов и надежных сведений по древним лексическим изоглоссам лексический состав праславянского языка, как правило, воспринимался не дифференцированно. Более того, во многих сравнительно-исторических и диалектологических исследованиях XIX — нач. XX вв. сама идея пространства была сильно размыта. Характеристика ареалов тех или иных лексем была во многом случайна и часто опиралась лишь на интуицию ученого.

Это отсутствие внимания к лингвогеографическому изучению праславянской лексики было связано во многом с тем, что в сравнительно-историческом языкознании еще со времен младограмматиков довольно прочно укоренилось скептическое отношение к фактам лексики и словообразования как к фактам, которые, в силу своей мозаичности и повышенной языковой проницаемости, не позволяют провести ареальную классификацию того или иного диалектного континуума. Каждое слово, согласно этой точке зрения, живет в диалекте «своей жизнью» и «распространяется в своих собственных границах», порождая пестроту и дробность диалектного ландшафта. Возник даже образ «путешествующего слова» (Л. Гоша), которое, подобно страннику, останавливается там, где ему захочется. Отсюда делался вывод, что распространение слова в значительной степени зависит от случайности. Поэтому лексические диалектизмы традиционно считались нерелевантными для решения проблемы диалектной дифференциации праславянского языка.

Понятно, что для того, чтобы проверить или опровергнуть эту точку зрения необходим большой полевой материал, который, к сожалению, долгое время отсутствовал. С выходом в свет «Общеславянского лингвистического атласа» ситуация в корне изменилась, так как впервые идея пространства и времени была последовательно реализована как на этапе сбора диалектного материала, так и на этапе его систематизации. Материалы «Общеславянского лингвистического атласа» позволили пересмотреть эту точку зрения. Они показали, что лексические изоглоссы не являются чем-то случайным, индивидуальным, характерным лишь для одного слова, напротив, они повторяются и в этой повторяемости прослеживается определенная последовательность, позволяющая говорить о **типологии ареалов** (например, **русско-польские** изоглоссы на территории Польши часто локализируются в говорах переселенцев с восточнославянских территорий, образуя островные ареалы, ср., например, локально ограниченные ареалы лексем в польских диалектах: *lyś-ь*¹ к. 49 ‘рыло свиньи’ т. 2 «Животноводство»; *pŷs-t-ь* к. 46 ‘волосы, которыми покрыта шкура коровы’ т. 2 «Животноводство»; *pět-их-ь, pěv-ьn-ь* к. 11 ‘петух’ т. 2 «Животноводство»; *ne-za-bqd-ьk-a* к. 53 ‘незабудка’ т. 3 «Растительный мир»; *krin-ic-a, krŷn-ic-a* к. 1 ‘вырытая в земле яма для добывания воды, колодец’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *mel-ьn-ik-ь* к. 19 ‘человек, который мелет зерно на мельнице’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и др.; **украинско-польские** изоглоссы образуют островные ареалы в говорах Правобережной Украины, ср., например, ареалы следующих лексем в украинских диалектах: *śv-greb-ьl-o* к. 52 ‘скребница’ т. 2 «Животноводство»; *tŷn-in-a* к. 50 ‘терн’ т. 3 «Растительный мир»; *sos-ьn-in-a* к. 18 ‘сосновый лес’ т. 3 «Растительный мир»; *kraj-e-ть* к. 17 ‘режет’ (хлеб) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *krok-ь* ‘шаг’ к. 49 т. 9 «Человек» и др.; **западно-южнославянские** изоглоссы имеют высокую концентрацию в чешских, западно- и среднесловацких говорах, где чаще всего локализируются обширные ареалы корреспондирующих лексем, ср., например, ареалы следующих лексем: *běs-ьn-ь* к. 73 ‘бешеный’ (о собаке) т. 2 «Животноводство»; *tyrn-ь* к. 13 ‘колючка, шип’ т. 3 «Растительный мир»; *kys-ěl-ь // kys-el-ь* к. 44 ‘кислый’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *lŷž-ic-a* к. 52 ‘ложка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kol-ar-ь* к. 9 ‘человек, который делает колеса для телег’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь и др.).

Карты Атласа убедительно говорят о том, что то, что, на первый взгляд, кажется произвольным или случайным в распространении того или иного слова при его изолированном рассмотрении, на самом деле вписывается в типологию ареалов и обретает свой глубокий смысл. За всем этим стоят факты истории языковых явлений, локализация которых на пространственно-временной оси позволяет говорить об определенных закономерностях в их распределении. Именно поэтому картографирование языкового материала на огромном пространстве terra Slavica придало

¹ Примеры приводятся в морфонологической транскрипции, принятой в ОЛА. Морфонологическая транскрипция позволяет обобщить фонетические записи, сделанные в полевых условиях в том или ином диалекте, с целью их прямого сопоставления с другими славянскими диалектами.

картам Атласа особую ценность, так как чем больше территория, тем надежнее информация о специфике диалектного ландшафта и вероятнее получение новых сведений. Поэтому Атлас стал уникальным источником изучения славянского диалектного континуума и тех языковых процессов, которые протекали в древности и протекают в славянских диалектах сегодня.

Более того, Атлас позволил наглядно увидеть то, что трудно уловимо при монографическом описании славянских диалектов или при составлении словарей. Он дал возможность выявить пространственную локализацию межъязыковых схождений и, что самое главное, оценить их с ареальной точки зрения, так как эти схождения могут иметь разный характер — очаговый или системный, т. е. они могут охватывать значительные ареалы, отражая сложные отношения между двумя и/или более диалектами.

В этом смысле Атлас обогатил славистику не только новым, четко стратифицированным материалом, позволяющим с высокой степенью достоверности создать фонд праславянских лексических единиц, но и предоставил исследователям еще одну уникальную возможность, ранее совершенно нереальную — рассмотреть те или иные диалекты в общеславянском контексте, в связи с чем он стал бесценным источником для изучения истории формирования современных славянских языков (см., например, монографию Т. И. Вендиной «Русские диалекты в общеславянском контексте» М., 2009).

Следует, однако, отметить, что ареальные характеристики лексики, представленной в Атласе, являются часто довольно сложными, демонстрирующими наложение и пересечение векторов изоглосс, имеющих различные направления. Поэтому топография славянских изоглосс, их реальная пространственная «наполненность» оказываются не одинаковыми, что свидетельствует об их разном историческом прошлом и, соответственно, разной хронологии. В этом смысле научная ценность Атласа заключается в том, что общеславянская перспектива дает возможность понять, какие из этих изоглосс продолжают отношения исходной системы, а какие свидетельствуют о неодинаковой реализации системы связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи. Это положение является чрезвычайно важным, так как карты Атласа показали, что эксплицированный на них материал в хронологическом плане оказывается разнородным, ибо изоглоссы межславянских лексических соответствий проецируются в разновременные плоскости:

одни из них детерминированы факторами генетического порядка (они имеют глубокие корни и восходят часто к периоду праславянской языковой общности);

другие определяются факторами ареально-типологическими, связанными с независимым и параллельным развитием сходного явления;

третьи — факторами пространственно-генетическими (они во многом порождены явлением интерференции славянских диалектов и восходят к эпохе самостоятельного развития славянских языков);

четвертые — факторами культурно-историческими, связанными со становлением национального самосознания и оформления государственности (это ареалы так называемой эксклюзивной лексики).

Поэтому «современные славянские языки в сильно преобразованном виде продолжают диалектные отношения, унаследованные из праславянской эпохи» [Куркина 1985: 64].

Материалы опубликованных томов «Общеславянского лингвистического атласа» свидетельствуют о длительных процессах дивергентного и конвергентного развития славянских языков, начиная с праславянской эпохи и кончая новейшей историей. Отсюда отражение на карте, с одной стороны, диалектной дифференциации, восходящей к праславянскому периоду, а с другой — «вторичных» сближений отдельных диалектов в историческую эпоху диалектного развития славянских языков.

Вместе с тем материалы Атласа говорят о **преобладании конвергентных процессов** в развитии славянского диалектного континуума. Так, в частности, большинство ареалов **северной Славии** имеет своим источником контактную конвергенцию и является иллюстрацией **контактно-генетического родства** восточно- и западнославянских диалектов. Об этом свидетельствует наличие ярко выраженных контактных зон в украинских, белорусских, польских, отчасти в восточнословацких говорах. Причем **в роли языка-донора выступали чаще всего западнославянские диалекты, преимущественно польские** (ср., например, распространение таких лексем, как *stbkl-ěn-ъk-a* к. 6 'стакан' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *podъ-večer-ъk-ъ* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *gqs-in-a* к. 25 'мясо гуся' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *doj-ъk-a* к. 34 'женщина, которая доит коров' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *//olov-ъk-ъ* к. 36 'карандаш' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *krav-ъc-ъ* к. 16 'человек, который шьет одежду' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *měst-ъc-e* к. 46 'место' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *//qtr-ob-a* к. 54 'печень человека' т. 9 «Человек» и др.), **реже украинские** (ср., например, обширные ареалы украинских лексем *сѣl-uš-ъk-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и *krin-ic-a, kryn-ic-a* к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи») и **белорусские** (ср. лексемы *mold-iv-o, mold-iv-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *korm-y-sl-a* к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»).

Карты «Общеславянского лингвистического атласа» показали, что топография ареальных сценариев картографируемых языковых явлений не является случайной или произвольной. Если использовать методику индуктивно-дедуктивно анализа, то, изучая различные топографические сценарии, можно увидеть, что **ареалы многих картографируемых явлений повторяются**. Убедительным доказательством повторяемости лексических ареалов является ситуация в восточнославянских языках, так как **восточнославянский диалектный континуум характеризуется высокой степенью гомогенности** (особенно, когда речь идет об ареалах древних лексем, ср., например, ареалы таких лексем, как *krop-iv-a* к. 22 'крапива'

т. 4 «Сельское хозяйство»; *ob-ěd-a-j-e-tь* к. 60 ‘ест обед’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sv-kaž-e-tь* к. 64a ‘скажет’ (слово) т. 9 «Человек»; *ryt-ь* к. 16 ‘рот’ т. 9 «Человек»; *vis-ьk-ь*, *vis-ьk-у* к. 4 ‘висок’ т. 9 «Человек» и др.), тогда как для южно- и западнославянского диалектных континуумов свойственна, как правило, гетерогенность.

Такая ареальная картина заставляет по-новому взглянуть на проблему существования праюжнославянского и празападнославянского языков. Даже если предположить, что в ходе истории славянских языков их бывшее единство было разрушено временем, практическое отсутствие общезападнославянских и общеюжнославянских изоглосс является серьезным аргументом против существования в прошлом их историко-культурного, территориального и языкового единства, говорившего бы о существовании в древности подлинной языковой общности.

Иллюстрацией повторяемости лексических ареалов является и тот факт, что на картах Атласа довольно четко прослеживается разделение Славии по линии **север ~ юг**, ср.: север // *ašč-er-* (// *ašč-er-ь*, // *ašč-er-ic-a*, // *ašč-er-ьk-a*) ~ юг *gušč-er-* (*gušč-er-ь*, *gušč-er-ic-a*, *gušč-er-ьk-a*) к. 30 ‘ящерица’ т. 1 «Животный мир»; север *baran-ь* ~ юг *ov-ьn-ь* к. 4 ‘некастрированный самец овцы’ т. 2 «Животноводство»; север *ten-ь* ~ юг *xold-ь* ‘тень под деревом’ к. 6 т. 3 «Растительный мир»; север *les-ь* ~ юг *sum-a* к. 11 ‘лес’ т. 3 «Растительный мир»; север *sos-ьn-j-a* ~ юг *bor-ь* к. 17 ‘сосна’ т. 3 «Растительный мир»; север *sv-čest-bj-e* ~ юг *sv-ręt-j-a*, *sv-rět-j-a* к. 7 т. 10 «Народные обычаи»; север *kur-i-tь* ~ юг *puš-i-tь* к. 19 ‘курит’ т. 10 «Народные обычаи» и т. д.), тогда как противопоставление по линии **запад ~ восток** практически не прослеживается. И это обстоятельство **заставляют по-новому взглянуть на проблему эволюции праславянской языковой общности**, в частности, на первоначальное разделение ее на западную и восточную группы [см. Бернштейн 1962: 68].

В связи с этим закономерно встает вопрос о локализации праславянского языка, тем более что одной из важнейших задач Атласа является задача определения прародины славян. Следует, однако, признать, что Атлас пока не может дать ответ на этот вопрос. Решение его затруднено рядом обстоятельств.

Прежде всего — незавершенностью работы. В настоящее время в национальных комиссиях «Общеславянского лингвистического атласа» ведется работа над подготовкой к печати таких важных в лексическом отношении томов Атласа, как «Степени родства», «Транспорт и пути сообщения», «Народная техника», «Строительство» «Одежда и обувь», «Гигиена и медицина», «Личные черты человека», «Метеорология и измерение времени», «Рельеф местности», «Горное овцеводство» и др. Все это делает какие-либо предположения и выводы по данной проблеме преждевременными и не вполне корректными.

Затрудняет решение этой проблемы и отсутствие четкой методологии пространственно-временной интерпретации лексических изоглосс. Между тем наличие такой методологии позволит соотнести материал, представленный на картах, с различными гипотезами славянской прародины (висло-одерской, дунайской, среднеднепровской, прикарпатской, припятской и др.) и перевести дискуссию о славянской прародине из плана абстракции в план конкретного сравнительного

анализа лексем, имеющих праславянское происхождение. Фактов для этого накопилось уже достаточно.

Определенные трудности создает и фрагментарность «Вопросника» «Общеславянского лингвистического атласа», практическое отсутствие в нем семантических вопросов, между тем как именно значение слова является важным диагностирующим признаком при определении его праславянского статуса (см. в связи с этим размышления Ф. Славского в предисловии к SP)².

Пока же можно сказать, что материалы Атласа не подтверждают гипотезы о том, что распад праславянского языка происходил сначала на юго-восточную и западную группы, а потом первая из них разделилась на южную и восточную группы, что привело к образованию трех славянских языковых групп — южной, восточной и западной. Напротив, они недвусмысленно говорят о том, что этот процесс был намного сложнее. Прерывистые изоглоссы, связывающие разные славянские диалекты на всем пространстве terra Slavia, являются отражением более сложных и многомерных диалектных отношений, чем существующее сегодня в славистике представление о разделении праславянского языка сначала по вертикали на запад и восток, а затем по горизонтали с вычленением северного и южного ареалов.

В этой связи представляется важным то, что карты Атласа позволили выявить ареалы с высокой степенью концентрации праславянских лексем, имеющих общеславянский характер распространения: это, прежде всего, чешские (особенно ляшские говоры, в частности, п. 203), словацкие, лужицкие (особенно пп. 234, 236) диалекты, юг польских (особенно говоры Силезии, в частности, пп. 288 и 308), словенские и прилегающие к ним хорватские кайкавские и чакавские говоры; сербские (особенно зетско-сеницкие, косовско-ресавские и призренско-тимокские говоры); македонские и юго-западные болгарские; а также юго-западные украинские. Территория этих говоров покрыта практически полностью лексемами, имеющими общеславянское распространение, но с локальными ограничениями.

И хотя современные диалектные отношения, характеризующие славянские языки, не имеют четкой экспликации на плоскости праславянского, однако думается, что выявление этих соответствий будет иметь важное значение для решения проблемы этногенеза славян. Во всяком случае материалы Атласа убедительно свидетельствуют о том, что реконструкция системы праславянского языка, решение вопроса о локализации прародины славян невозможны без изучения современного славянского диалектного континуума методами лингвогеографии.

---

² Не могу в связи с этим не привести слова Л. В. Куркиной, много и плодотворно занимавшейся проблемой хронологической стратификации словенского диалектного материала: «При разграничении явлений разного хронологического уровня роль диагностирующего показателя выполняет семантика. В разных ареалах неодинаково реализуются унаследованные семантические, словообразовательные отношения. С перестройкой лексико-семантических отношений изменяется семантика и лексический состав понятийного поля. Лексемы, изначально входившие в разные синонимические ряды, лишь со временем в силу ряда причин сближаются, становятся территориальными синонимами» [Куркина 2012: 141]. Между тем проследить все эти процессы мешает фрагментарность «Вопросника» ОЛА.

Поэтому можно с уверенностью сказать, что если раньше при решении проблемы этногенеза славян привлекались разрозненные факты (а иногда лишь интуиция ученого), то с созданием «Общеславянского лингвистического атласа» она получит твердые основы и достаточно убедительную аргументацию.

Говоря о специфике состояния современного диалектного континуума Славии, следует отметить, что **карты Атласа свидетельствуют о том, что диалектный ландшафт Славии характеризуется сегодня чрезвычайной дробностью, так как большинство лексических ареалов славянского диалектного континуума подвержено разрушению.** Эта тенденция прослеживается во всех славянских диалектах, поэтому в Атласе представлено сравнительно немного праславянских лексем, плотно покрывающих всю территорию Славии. Невольно напрашивается вывод: чем больше территория, тем меньше праславянских лексем, способных ее «освоить» (или «удержать») полностью.

О разрушительных процессах, протекающих в славянских диалектах, говорит факт нестабильности существования многих праславянских лексем, поскольку они находятся часто в отношениях конкуренции с другими лексемами (ср., например, ареалы лексем *dqb-ъ* к. 26 ‘дуб’ т. 3 «Растительный мир» или *mqk-a* к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»), которые широко распространены в северной Славии, но имеют ограниченные ареалы — в южной, в частности, в словенских, хорватских и сербских диалектах, где с ними конкурируют лексемы *xvǫrst-ъ*, *gor-un-ъ*, *cer-ъ* к. 26 ‘дуб’ и *borš-ъn-o*, *mel-j-a*, *mel-iv-o*, *myl-iv-o* к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’). О былом существовании этих лексем в южнославянских диалектах свидетельствуют возникшие на их базе дериваты, ср. серб., хрв., мак. *dqb-ov-in-a*; серб., мак. *dqb-ov-o degv-o* к. 28 ‘древесина дуба’ т. 3 «Растительный мир»; серб., мак. *dqb-ov-a šuma*; серб., *dqb-ov-a gor-a* к. 27 ‘дубовый лес’ т. 3 «Растительный мир»; или блг., мак. *мучник*; болг. *мъчник* ‘ларь, в который ссыпается мука на мельнице’).

На картах Атласа отчетливо видно, где происходит чаще всего разрушение ареала.

Карты Атласа говорят о том, что разрушение ареала лексем, имеющих общеславянское распространение, может происходить как в центре современной Славии (ср., например, ареалы лексем *ov-ъc-a* к. 5 *овьса т. 5 «Рефлексы *о» и *žen-a* к. 57 *žena т. 6 «Рефлексы *е» в украинских и белорусских диалектах, которые являются разорванными, поскольку в этих диалектах они активно вытесняются лексемами *žen-ъk-a* и *ov-ъĉ-ъk-a*), так и на периферии, причем часто на юго-востоке южнославянского континуума, так как именно в болгарских и македонских диалектах нередко наблюдается либо сужение ареала лексем, имеющих широкое распространение на остальной территории Славии, либо вообще их отсутствие (ср., например, распространение лексем *žed-j-a* к. 9 ‘желание, потребность пить’; *ob-ěd-ъ* к. 59 ‘обед, еда в дневное время’; *vъ-kqs-ъn-ъ* к. 65 ‘вкусный’ (о еде) и др. в т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»). Другой такой периферией terra Slavica являются русские диалекты, в которых праславянские лексемы, имеющие общеславянское распространение, локализуются часто или в **латеральном**

ареале на границе с украинскими и белорусскими диалектами (ср., например, распространение лексемы *večer-j-a* к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая имеет обширный ареал в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских и белорусских; в русских диалектах ее ареал является латеральным, так как ее распространение ограничено в основном южнорусскими говорами, причем преимущественно смоленскими, брянскими и примыкающими к ним с юга белгородскими); **или в небольшом островном ареале**, ср. распространение лексемы *//agne* к. 29 *Nsg (j)agne* т. 2 «Животноводство», которая широко распространена в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских, имеет островные ареалы в белорусских юго-западных и западнополюсских говорах и микроареал — в южнорусских белгородских говорах (пп. 841, 846).

Разрушение ареала лексем, имевших ранее общеславянское распространение, является неизбежным следствием языковой эволюции. **Карты Атласа позволяют проследить, как происходит разрушение ареала** праславянских лексем. В этом смысле показательна **типология этого процесса**, ибо он связан, как правило, с возникновением на базе старой лексемы новой. Однако в этой новой лексеме сохраняется как бы «мерцающий» свет ее производящей (ср., например, ареалы лексем *krъt-ic-a*, *krъt-ič-ic-a*, *krъt-in-a*, *krъt-ъk-ъ* на к. 12 ‘крот’ т. 1 «Животный мир» или *//ež-ъk-ъ*, *//ež-ak-ъ*, *//ež-ik-ъ* на к. 10 ‘ёж’ т. 1 «Животный мир»; ср. также распространение лексем *ov-ъč-ъk-a*, *žen-ъk-a*, *měst-ъc-e*, *myš-ъk-a*, *dob-ov-in-a*, *zvěr-e*, *zvěr-in-a*, *květ-ъk-ъ*, *pъs-ъk-ъ*, *tъn-in-a* и т. д.). Так формируются новые ареалы слов, которые часто не знают государственных границ.

Разрушительные процессы, протекающие во всех славянских диалектах, привели к образованию нескольких **типов локально ограниченных** ареалов: **разорванного** (ср., например, ареал лексемы *ovъs-ъ* к. 50 ‘овес’ т. 4 «Сельское хозяйство», которая плотно покрывает территорию восточной и западной Славии, но имеет разорванный ареал в южной, поскольку в сербских и хорватских диалектах ее ареал разорван широко распространенной лексемой *zob-ъ*); **дискретного** (ср. ареал лексемы *myš-ъ* к. 14 ‘мышь’ т. 1 «Животный мир»), которая распространена во всех славянских диалектах, однако в польских, украинских и белорусских диалектах ее активно теснит лексема *myš-a*, в болгарских — лексемы *myš-ъk-a* и *myš-ъk-ъ*, в македонских — лексема *gluš-ъc-ъ*, соответственно ее ареал в этих диалектах является дискретным); **фрагментарного** (или островного, ср. распространение лексемы *sěr-a* к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», ареал которой во всех славянских диалектах является фрагментарным); **латерального** (ср., например, латеральный ареал лексемы *oč-i* к. 6 ‘глаза человека’ т. 9 «Человек» в южнорусских говорах, при том что она имеет широкое распространение во всех славянских диалектах); и **микроареала** (или «мерцающего», ср., например, микроареал лексемы *běd-a* к. 62 ‘бедность, нужда’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» в македонских, белорусских и русских диалектах при том, что она имеет обширный ареал — в западнославянских и ограниченный в хорватских, сербских и украинских). При этом расчлененность

лингвистического континуума, как правило, не соответствует характеру административно-политического деления terra Slavia.

Лингвогеографическое изучение terra Slavia позволило обратиться не только к изучению **типологии ареалов**, но и задуматься над такими лингвоареальными явлениями, как системность ареала (когда на огромном географическом пространстве наблюдается последовательное распространение одного и того же рефлекса или одной и той же лексемы, см., например, карты первого лексико-словообразовательного тома “Животный мир”: к. 1 ‘зверь’, к. 9 ‘ласка’, к. 10 ‘еж’, к. 11 ‘заяц’ или карты, посвященные рефлексам носовых и редуцированных, в частности, в восточнославянских диалектах, демонстрирующих удивительную монолитность в однотипности рефлексов) и противоположная ей асистемность, размытость ареала (когда на сравнительно небольшой территории наблюдается огромное разнообразие рефлексов или высокая концентрация разнолексемных номинаций (ср., например, ситуацию в словенских диалектах, где чаще всего наблюдается такая ситуация, которую можно сравнить, пожалуй, с эффектом “прибрежных волн”).

Карты атласа позволяют проследить не только процесс разрушения ареалов праславянских лексем, но и **процесс формирования новых ареалов**.

Наглядной иллюстрацией этого процесса могут служить микроареалы эксклюзивных лексем, существующих во всех славянских диалектах (ср., например, распространение эксклюзивных лексем в **словенских** диалектах: *tořč-yn-ik-ъ* к. 15 ‘летучая мышь’ т. 1 «Животный мир»; *vin-ik-a* к. 8 ‘виноград’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *modr-yš-ъ* к. 61 ‘василек’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *vъx-tj-e, masl-o* к. 37 ‘сметана’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *děl-av-ъc-a* к. 41 ‘женщина, которая работает на заводе или на фабрике’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *gost-(ij)-a, gost-iv-a-n-tj-e* к. 16 ‘свадьба’ т. 10 «Народные обычаи»; *veseli-tъ se* к. 25 *1sg praes raduję (se)* т. 10 «Народные обычаи»; *plę-al-ъc-ъ* к. 28 ‘человек, который хорошо танцует, пляшет’ т. 10 «Народные обычаи»; *(punc)-a, ljub-a* к. 10 ‘невеста’ т. 10 «Народные обычаи»; *ob-žen-i-tъ <se>* к. 12 ‘выходит замуж’ т. 10 «Народные обычаи» и др.). Микроареалы всех этих лексем являются величинами позднего времени, что говорит о том, что в этих диалектах идет процесс перманентного обновления их лексического состава.

***

Как уже отмечалось выше, Атлас имеет прежде всего **сравнительно-историческую** направленность, поскольку в основе его лежит генетический принцип установления диахронического тождества слов и морфем, реконструируемых для позднего праславянского периода. Эта диахроническая направленность Атласа особенно хорошо прослеживается в его фонетико-грамматической серии, где отчетливо видна дифференциация славянских диалектов в зависимости от исторического развития картографируемых праславянских единиц.

Давая представление о шкале возможных и допустимых перемещений в исторической эволюции праславянских фонем, карты этой серии впервые предоставили возможность исторического прочтения лингвистического ландшафта Славии,

продемонстрировав эффективность синтеза сравнительно-исторического и лингвогеографического методов исследования.

Публикация **фонетических** томов Атласа позволила **критически оценить высказанные ранее гипотезы о фонетической субституции некоторых праславянских звуков** в позднепраславянском и современных славянских языках. Так, например, материалы первого фонетического тома «Рефлексы *ě» дали возможность ответить на два принципиально важных вопроса, а именно: 1) какова была фонетическая природа *ě, в частности его линейный характер (являлся ли он дифтонгом или был монофтонгом); и 2) что представлял собой *ě в артикуляционном отношении (если это был дифтонг, то каковы были его компоненты, если монофтонг, то каково было его качество). Как известно, эти вопросы неоднократно обсуждались в славистике и имели разные решения, поскольку фонетическая субституция *ě связывалась то с долгим *e:*, то с долгим закрытым *e:*, то с широким открытым гласным переднего ряда типа *'ä*, коррелирующим с гласным непереднего ряда нижнего подъема *a*, то с дифтонгами либо закрытого типа *ie*, либо открытого типа *ia*, *iä*, *ea*, *ea*, *eä* [подробнее см.: Вендина 1998: 130]. Такое многообразие точек зрения объясняется не только «загадочностью» предмета исследования (вызывавшего у некоторых ученых скептическое отношение к возможности решения проблемы реконструкции фонетического качества *ě), но прежде всего недостатком материала, необходимого для всестороннего анализа.

Публикация фонетического тома «Рефлексы *ě» позволила выдвинуть гипотезу, согласно которой на фоне синхронных и ареальных показателей Атласа более убедительной представляется эволюционная теория *ě, когда в качестве исходной для одних диалектов признается широкая открытая артикуляция типа *ea* (*ea*, *eä*, *'ä*), а для других — узкая закрытая типа *e* с последующим преобразованием их либо в сторону дальнейшего сужения (ср. модель *ea* > *e* > *ie* > *i* (*iie*), характерную для многих сербских, хорватских, словенских, а также, возможно, и некоторых севернорусских говоров, или *e* > *ie* > *i* — для украинских и некоторых севернорусских говоров или модель *ea* > *e* — для македонских, северо-восточных штокавских и западноболгарских), либо в сторону расширения (ср. модель *ea* > *'a* > *'a*, которая характерная для ряда восточноболгарских и македонских говоров или модель *e* > *e* — для многих русских говоров [подробнее см. Вендина, 1997: 209; Вендина 1998: 136]).

Публикация томов «Рефлексы *e» и «Рефлексы *o» дала возможность в деталях выявить весь спектр рефлексов этих праславянских гласных во всем их диалектном разнообразии.

Рефлексом праславянского *e в позиции под ударением (не в новом закрытом слоге) является гласный переднего ряда среднего подъема *e*. При этом гласный *e* в отношении континуантов других праславянских гласных может занимать доминирующую позицию, поскольку он способен поглощать их (например, *ь > *e*, *ě > *e*, *e > *e*).

Карты Атласа говорят о том, что его локализация в пределах среднего подъема по диалектам варьировалась, порождая диалектные различия. Более широкое/

низкое образование гласный *е имел в регионе северо-западной части хорватских (особенно кайкавских), части словацких диалектов, а также в западных украинских говорах. Об этом свидетельствует рефлексация *е в виде *a*, *a* под ударением. Понижение подъема гласного *е отражает и континуант *ε*, который встречается в верхнелужицких, словенских, хорватских и сербских диалектах.

Дифференциация славянских диалектов прослеживается и в рефлексации инициального *е, прикрытого ~ неприкрытого спирантом *j* типа *(je)zero, *(je)lenъ, *(j)esень и др. Континуанты этих праформ имеют в славянских диалектах в своем начале [*je* ~ *e* ~ *o*].

Карты Атласа позволили внести коррективы в существующие в славистике объяснения этого феномена. Рефлекс *o* представлен в восточнославянских диалектах. Его происхождение объясняют как новообразование, появившееся в результате изменения *е (Шахматов, Якубинский и др.). Однако существует и другая точка зрения, согласно которой уже в праславянском языке существовали варианты с инициальными гласными *е и *о, при этом появление спиранта *j* перед *е относится к более позднему периоду (Соболевский, Бернштейн и др.). И материалы Атласа свидетельствуют в пользу второй точки зрения. Праславянское происхождение вариантов с инициальным гласным *o* подтверждается наличием перед ним протез *w*; *h* в белорусских и украинских диалектах так же, как это имеет место перед рефлексами праславянского *о.

Диалектная дифференциация *terra Slavia* наблюдается и в варьировании подъема лабиализованного гласного, являющегося континуантом *о, от высокого гласного *u* до гласного среднего между [o] и [a] — звука *ɔ*, который встречается в отдельных сербских и словенских диалектах. Кроме того, в ряде славянских диалектов наблюдается дифтонгизация рефлекса *о, которая основана на выделении билабиального спиранта 1) перед лабиализованным гласным — тип *ɥV* (словенские, болгарские, словацкие и польские диалекты) и 2) после лабиализованного гласного — тип *Vɥ* (словацкие, словенские, хорватские, кашубские диалекты). При этом вокальный компонент этих дифтонгов может утрачивать лабиализованность, вступая в отношения диссимиляции со спирантом.

На картах Атласа отчетливо видно, что славянские диалекты различаются и в зависимости от наличия/отсутствия протезы, а также ее качества перед начальным гласным *o*, так как протетический согласный может быть:

- билабиальным спирантом (*ɥ*, *w*) или лабиодентальным (*v*) (словенские, лужицкие, чешские, польские, украинские, белорусские диалекты);
- заднеязычным в виде фарингального спиранта *h* (в серболужицких и украинских диалектах), задненебного *ɣ* (в белорусских);
- среднеязычным спирантом *j* (в хорватских кайкавских говорах), развившимся в результате локализации придыхания в палатальном ряду.

Наличие протезы позволяет говорить о противопоставлении северной Славии ~ южной (хотя нельзя не отметить, что в южнославянском регионе выделяется крайний запад в виде группы словенских диалектов, которые по наличию в них протезы аналогичны говорам северной Славии; в западнославянских языках выделяются

словацкие диалекты, факт отсутствия протезы в которых сближает их с южнославянскими диалектами).

Таким образом, сам материал Атласа говорит о том, что фонетическая система праславянского языка была чрезвычайно сложной и при этом диалектно дифференцированной. Включение в систему доказательств фактора пространства позволяет не только определить фонетическую субституцию праславянской единицы, но и является убедительным свидетельством отсутствия единого в фонетическом и лексическом отношении «праславянского наречия» [Мейе 1951: 1], из которого традиционно выводились все славянские языки.

Фонетические карты Атласа позволяют пересмотреть и некоторые древние изоглоссы, которые традиционно считались релевантными для южно- и восточнославянской языковой группы. Так, в частности, материалы тома «Рефлексы *ε» вносят коррективы в существующие представления о том, что рефлекс *a* на месте *ε является исключительной принадлежностью восточнославянских языков, так как в южнославянских диалектах после праславянских шипящих и *j* на месте *ε выступает гласный более широкий, чем после других согласных (см., например, карты *žędlo, *žędja, *žędъnъ, *žęlъ, *žęčъtu, *žęzъkъ, **(-)jęla*, *zajęсь и др.).

Неравномерность развития диалектных систем, помноженная на исключительное многообразие праславянских континуантов, представленных на картах Атласа, позволяет установить и **последовательность различных стадий исторической эволюции** праславянских фонем, выявить типологию их развития, что дает возможность внести коррективы в сложившиеся в славистике представления об этих процессах. Так, например, материалы томов «Рефлексы *ε» (Москва 1990), «Рефлексы *ϙ» (Warszawa 1990) выявляют различные стадии процесса деназализации рефлексов праславянских *ϙ, *ε, обнаруживая факты, ранее неизвестные в славистике. Карты обоих томов показали, что носовой резонанс этих праславянских гласных характерен далеко не для всех польских диалектов: полностью, в виде вокальной назальности, он сохранился в кашубских, в отдельных мазовецких и малопольских говорах, кроме того, он наблюдается также в отдельных говорах Каринтии, хотя и только у представителей старшего поколения; в большинстве других польских диалектов, а также в южномакедонских говорах он представлен лишь в виде консонантной назальности [Topolińska, Видоески, 1990: 110].

Таким образом, карты Атласа свидетельствуют о высокой исторической информативности диалектного ландшафта Славии, ибо разрозненная фиксация языковых фактов, представленная в отдельных сравнительно-исторических штудиях, выстраивается на его картах в логически последовательные цепи, отражающие реальную связь изучаемых явлений в пространстве и времени.

Возможность рассмотреть то или иное явление в общеславянском контексте позволяет **по-новому взглянуть и на факты истории фонетических систем отдельных славянских языков**. Так, в частности, материалы четвертого тома Атласа «Рефлексы *ьг, *ьг, *ьл, *ьл» (Warszawa 1994) дают основания для пересмотра существующих в русистике взглядов на явление аккомодации сонанта предшествующему гласному переднего ряда, традиционно рассматривавшееся

как исконно русское (ср. **рус.** 'p'er'voj; 'p'er'vyj; 'p'er'vaj; 'p'er'vaj; v'er'x; v'ir''ba; v'er'ba; č'et'v'er'k; č'et'v'er'k; čyt'v'er'k; s'er'p; 'cer'kva; 'c'er'kof; 'c'er'kař; 'cer'kař и др.), отражающее следы т. н. "второго полногласия". Широкое распространение этого явления не только в русских, но и во многих западнославянских говорах (ср. **плс.** v'ešx, v'ješx, v'jeřx, v'jeřba, v'ežba, šeřp; m'eža; m'iza; m'eža, šešp; šešp; šišp; v'il'k, w'il'k; v'il'gotny; w'il'gotnyj; **луж.** w'er'ba; m'er'wa, w'er'x; **чеш.** vil'k ; **слц.** vil'k; vil'hotni), наличие разорванных (часто неконтактных) ареалов в отдельных украинских (прежде всего юго-западных, ср. **укр.** vyr'x; ver'x; ser'p; 'mer'va; 'mer'va; čyt'vyr'; čyt'ver'; čet'ver'; 'cer'kova) и белорусских (витебско-могилевских) говорах (ср. **блр.** v'er'x; čac'v'er'x; čyc'v'er'x; čac'v'er'; čac'v'er'h) позволяет квалифицировать его как одно из диалектных праславянских явлений, которое охватило северные диалекты Славии, способствуя тем самым формированию диалектного различия, противопоставившего севернославянский ареал южнославянскому.

Таким образом, картографирование имеет уже не просто иллюстративную функцию, а становится важной теоретической составляющей сравнительно-исторического языкознания.

Карты Атласа нередко свидетельствуют о том, что **традиционно принятые аргументы при объяснении тех или иных фонетических явлений теряют свою объяснительную силу**, как только в систему доказательств включается фактор пространства, ср., например, судьбу редуцированных *ъ и *ь перед слогом с гласным полного образования в формах типа *тъха, представленных в 46 томе «Рефлексы *ъ, *ь. Вторичные гласные» (Скопје 2003): вокализация редуцированных в начальном слоге перед слогом с гласным полного образования, засвидетельствованная практически повсеместно в западно- и восточнославянских диалектах, а также в словенских и некоторых сербских, доказывает возможность фонетического обоснования развития редуцированных в данной праформе и подрывает традиционную точку зрения о влиянии морфологической аналогии, ибо морфологическая аналогия, проявляющаяся, как правило, индивидуально, вряд ли могла стимулировать изменение фонетического облика слова на таком обширном языковом пространстве. В противном случае это означало бы признание морфологической аналогии таким необъяснимым феноменом, который распространяется на огромной территории и на большой временной протяженности (ибо падение редуцированных в разных языках шло в разное время), что едва ли правомерно [см. Калнынь 1996: 40].

Следует отметить также, что фонетические тома, посвященные редуцированным, заставляют по-новому взглянуть и на проблему, которая до сих пор в славистике казалась давно уже решенной, а именно на оценку их «сильной» и «слабой» позиции. Карты ОЛА показывают, что в восточнославянских диалектах правило Гавлика в т. н. «слабой» позиции перед слогом с гласным полного образования «не работает», поскольку в этой позиции прослеживается вокализация «слабых» редуцированных (см., например, карты *trъstina, *drъva, *krъvanъ, *krъstjenъ, *xръbьtъ, *trъbuxa, *grъmitъ, *blъxa, *glъtalъ, *jablъko, *slъza, *kльnetъ, *stъklo и др.). Это обстоятельство заставляет историков языка вновь вернуться к вопросу о том, чем обусловлено прояснение редуцированных в данной позиции — влиянием

морфологической аналогии (выравниванием основ в парадигме), как это традиционно считалось, но против чего «восстает» фактор пространства, или собственно фонетическими условиями, признанием того, что редуцированные и в этом случае находились в «сильной» позиции. Таким образом, «те аргументы, какие могут быть выдвинуты для объяснения определенных явлений в истории отдельных славянских языков или диалектов и какие в этом случае могут считаться достаточными, — эти аргументы теряют свою доказательную силу, когда такие явления обнаруживаются на большом языковом пространстве. Именно подобное широкое языковое пространство представлено на картах ОЛА, и историки славянских языков уже теперь не могут не учитывать отраженные на них факты при изучении и интерпретации развития тех или иных процессов и явлений в определенном славянском языке или диалекте» [Иванов 1996: 17].

***

Не менее важным является и другой аспект Атласа — **синхронно-типологический**, так как ОЛА охватывает целую семью хотя и близкородственных языков, но существенно отличающихся по своему строю. Этот аспект Атласа реализуется как в фонетико-грамматической, так и в лексико-словообразовательной серии.

Так, в частности, во всех томах фонетико-грамматической серии ОЛА содержатся **типологические карты**, репрезентирующие целые фрагменты языковой системы, на которых в обобщенном виде представлена информация, содержащаяся на отдельных картах, посвященных континуантам той или иной праславянской фонемы.

Синтезируя и упорядочивая огромный материал целого тома, эти обобщающие карты являются по своей сути интерпретационными, поскольку на них репрезентируются результаты сопоставления современных континуантов с более ранними, тогда как факты, не являющиеся продолжением развития собственно праславянских единиц, авторами элиминируются. При этом на картах получают отражение не только рефлексы картографируемых праславянских фонем, но и их позиционное поведение (отношение к ударению, вокальному количеству и консонантному окружению). После тщательного, скрупулезного сравнительно-исторического и лингвогеографического анализа авторами карт материалов всего тома (анализа, который можно сравнить, пожалуй, с работой археологов, последовательно снимающих более поздние напластования) искомая информация предстает на обобщающих картах в «чистом виде», что делает эти карты бесценным вкладом в сравнительно-историческое языкознание и лингвистическую географию.

Обобщающие карты посвящены исследованию таких, например, вопросов, как влияние консонантного окружения на рефлексацию праславянских вокалов. В большинстве сравнительно-исторических исследований эта информация, как правило, отсутствует или носит эпизодический характер. Между тем карты Атласа продемонстрировали, как важен учет консонантного окружения при изучении рефлексации праславянских гласных, поскольку наличие или отсутствие влияния фонетического контекста может являться причиной возникновения древнейших диалектных различий. Так, например, изучение связи рефлексации *ε с консонантным

окружением позволило сделать следующий вывод: «развитие гласного *ε в масштабах славянского диалектного континуума определялось двумя главными тенденциями, а именно: а) регрессивным ассимилятивным воздействием следующего за *ε мягкого согласного, ведущим к повышению тоновой характеристики гласного (почти все западнославянские, северо-восточные русские диалекты) и б) прогрессивным диссимилятивным влиянием предшествующих небных согласных, проявляющимся в понижении тоновой характеристики гласного (оно охватывает значительно меньшую, но более компактную территорию — словацкие, западноукраинские, некоторые южнославянские диалекты)» [Пожарицкая, Попова 1990: 174].

Принципиально иным оказывается вывод о влиянии консонантного окружения на рефлексию праславянского *о. В большинстве славянских диалектов (сербских, хорватских, македонских, болгарских, чешских, словацких и восточнославянских) развитие *о в открытом слоге не зависело от консонантного окружения, что подтверждается, с одной стороны, наличием обширных ареалов континуантов *о, существующих в любом фонетическом контексте без каких-либо ограничений в консонантном окружении, а с другой — отсутствием позиционного варьирования его континуантов в открытом слоге. Связь рефлексии *о с фонетическим контекстом характерна в основном для словенских, польских и серболужицких диалектов. Несмотря на то, что влияние консонантного окружения на рефлексию *о отразилось в них по-разному, однако, общим является сам характер этого влияния (прогрессивное и регрессивное) и основные оппозиции, формируемые губными и небными согласными:

— при прогрессивном воздействии согласных на рефлексию *о, являющемся основным во всех отмеченных выше диалектах, чрезвычайно важной оказывается позиция после губных и заднеязычных согласных (польские, серболужицкие, словенские диалекты);

— при регрессивном их воздействии на рефлексию *о определяющим является соседство с губными (словенские диалекты), *j* (словенские и серболужицкие диалекты) и назальными согласными (словенские, польские диалекты).

Соседство со всеми этими согласными ведет, как правило, к появлению альтернативного континуанта, который либо сужается и повышается, либо расширяется, либо перемещается по ряду [подробнее см. Вендина 2008: 144].

Новой и принципиально важной для сравнительно-исторического языкознания является информация о влиянии вокального количества на рефлексию праславянских гласных *ě, *q и *ε. На обобщающих картах Атласа, посвященных рефлексии этих праславянских гласных, впервые четко обозначен ареал влияния вокального количества (польские, чешские, словацкие, словенские, сербские и хорватские диалекты) и определен тип влияния — непосредственное (что чаще всего наблюдается в словенских диалектах) и опосредованное (примером такого влияния являются, как правило, польские диалекты). Судьба этих праславянских гласных складывалась по-разному в зависимости от их вокального количества и качества: рефлексы, например, носового *q менее зависимы от вокального

количества [Ivić, Logar, 1990: 112] — непосредственное влияние наблюдается лишь в отдельных словенских диалектах, чем рефлексы *е, где эта зависимость наблюдается уже в более широком ареале [Ивич, Логар, 1990: 170] — практически все словацкие диалекты и отдельные словенские; особенно ярко это явление отражается на рефлексах *ѣ, развитие которого практически во всех этих диалектах зависит от влияния вокального количества (Ивич, Логар, 1988: 154).

Предметом картографирования в Атласе стал также вопрос о влиянии ударения на рефлексацию праславянских гласных, т. е. иными словами, сохранил ли этот гласный свое специфическое качество под ударением и без ударения или растворился в рефлексах других праславянских гласных (ср., например, обобщающую карту «Отношение рефлексации *ѣ к ударению» [Вендина, Калнынь, 1988: 152], на которой отчетливо выделяются две группы говоров: 1) **говоры, в которых рефлексация *ѣ зависит от ударения**, так как в них *ѣ сохранил свою специфику лишь под ударением, поскольку без ударения он утратил свою индивидуальность, совпав либо с более широким низким гласным (серболужицкие, значительная часть севернорусских говоров — архангельских, вологодских, костромских, отдельные пункты в среднерусских новгородских, селигеро-торжковских, владимирско-поволжских и южнорусских верхне-днепровских говорах, тульских и восточных; большинство белорусских и украинских севернополюских говоров; из южнославянских — часть словенских (приморских, горенских, белоукраинских и штаерских) говоров и отдельные пункты в говорах Эгейской Македонии (п. 112), либо с более узким высоким гласным (что наблюдается значительно реже и встречается в основном в отдельных новгородских говорах, словенских, сербских и македонских); 2) **говоры, в которых ударение не влияет на рефлексацию *ѣ**, так как в них он либо утратил свою специфику (большинство русских, сербских, хорватских и македонских диалектов, частично белорусских и словенских), либо сохранил ее независимо от ударения (большинство украинских диалектов и отдельные пункты в сербских штокавских говорах).

Новым перспективным направлением в лингвистической географии является и создание в ОЛА обобщающих фонетико-фонологических карт, репрезентирующих факт сохранения или утраты фонологической индивидуальности праславянской фонемы в ее отношении к другим функциональным единицам фонологической системы праславянского языка независимо от ее современной фонетической реализации. Авторы этой серии карт (Б. Видоески и З. Тополинска) вскрывают сложные отношения континуантов картографируемой фонемы с другими единицами диалектной системы вокализма, которые во многих славянских диалектах возникли вследствие частичного позиционного или факультативного ее совпадения с другими фонемами. Используя специальную систему картографических средств, они показывают развитие взаимодетерминированных рефлексов, передавая хронологически самые ранние совпадения праславянской фонемы с другими единицами частной диалектной системы, дифференцируя объединения с двумя, тремя и даже четырьмя фонемами (см., например, такие карты, как «Фонологический статус рефлексов *ѣ / *ѣ:» или «Фонологический статус рефлексов *е / *е:» и др.).

Сопоставительный анализ этих структурно-типологических карт ОЛА позволит в будущем «нащупать» механизм развития многих праславянских фонем и **выявить внутренние связи сходных по своим результатам рефлексаций** (например, *ě и *e), что в конечном итоге позволит создать историческую типологию фонетико-фонологических систем славянских диалектов.

Такой принципиально новый подход к интерпретации материалов Атласа позволил по-новому взглянуть на диахроническую типологию славянских языков, с докладом о которой на IX съезде славистов выступил П. Ивич. В своем докладе он поднял вопрос о причинах, вызывающих изменения в системе вокализма славянских языков. Одной из таких причин является тенденция к упрощению системы вокализма. И хотя это упрощение в разных славянских языках протекало по-разному, однако определенные закономерности все же прослеживаются. Они связаны с действием главным образом двух факторов — просодических (ударение, количество, тон) и позиционных (граница слова — начало или конец, качество предшествующего и последующего согласного, а также качество гласного следующего слога). Главными из них, по мнению П. Ивича, являются **ударение** (а точнее безударность), **количество** и **мягкость** соседнего согласного. Причем территориальная дистрибуция действия этих факторов разная: в восточнославянских языках, как и на восточной окраине южнославянских языков, наблюдается комбинация двух факторов — ударения и мягкости согласного. В западнославянских диалектах наибольшую силу имело количество и мягкость согласного. В словенском языке и ближайших к нему хорватских диалектах существенным было влияние количества и ударения. В кайкавских и чакавских говорах особенно значимо было количество, а ударение оказало небольшое влияние. В штокавских говорах, а также в большинстве македонских и некоторых западноболгарских говорах действия этих факторов практически не наблюдается [Ivić, 1983: 1].

Таким образом, материалы фонетико-грамматической серии Атласа являются ярким свидетельством того, что ОЛА дает возможность не только для сравнительно-исторического, но и для типологического изучения современных славянских диалектов, выявления их типологических особенностей.

Не менее значимой является структурно-типологическая информация и лексико-словообразовательной серии карт. Это относится прежде всего к **мотивационным картам** как к новому типу лингвистической интерпретации картографируемого материала. Пока удельный вес этих карт в Атласе сравнительно невелик, однако число их в каждом томе увеличивается.

Ценность их определяется тем, что, эксплицируя внутреннюю форму того или иного слова, они позволяют выявить принципы номинации реалии, и, в отличие от этимологических исследований **позволяют сразу увидеть пространственную стратификацию всей лексико-семантической группы** на территории Славии. В этом смысле на карте как бы в конденсированном виде отражен фрагмент славянской языковой картины мира. А наличие разных мотивационных признаков, четко выявляемых в легенде к каждой карте, дает возможность реально увидеть **своеобразие национального языкового сознания** в сложном процессе восприятия мира

человеком, его познавательной и классифицирующей деятельности. Поэтому мотивационные карты имеют существенное предпочтение перед любым диалектным или сравнительно-историческим исследованием монографического характера.

Иллюстрацией такой карты может служить мотивационная карта, посвященная наименованию ужина к. 62 'ужин, вечерняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». В мотивационных признаках ее лексем отразилась, с одной стороны, идея движения солнца, его **пространственной локализации** на небосклоне как указания на время приема пищи (из праславянского *jugъ [Фасмер IV: 152]), рус. //уž-in-ь, //уž-in-a, //уž-ьн-a, а с другой — внимание к самой идее **времени**, в частности, к определенному промежутку времени как части суток (ср. *večer-ь*, *večer-j-a*), характерной для большинства славян.

Другой пример диалектных различий в мотивационных признаках можно найти на карте 14 'подходит, растет' (о тесте) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: если в большинстве славянских диалектов этот процесс осмысляется через идею «**движения**» (о чем говорят корни **xod(j)*-/**xad(j)*- или *dvig-/*dviž-, распространенные в словенских, хорватских, польских, чешских и восточнославянских диалектах) или «**роста**» (корень *orst- в словацких, польских, южно- и восточнославянских диалектах), то в кашубских диалектах этот процесс связан с идеей «**работы**» (ср. корень *orb- в кашубских: '*ro^ub'i*, '*rob'i*).

Четкое ареальное противопоставление северной и южной Славии просматривается на мотивационной карте L 2197 'счастье' т. 10 «Народные обычаи»: в северной Славии представления о счастье связаны с наделенностью человека долей, частью (*śb-čest-bj-e*, *dol-j-a*), у лужичан — это прямое указание на субъекта, наделяющего этой долей (ср. *śb-bož-bj-e*), в то время как в южной Славии эти представления ассоциируются с встречей (*śb-ręt-j-a*, *śb-rět-j-a*) как судьбой человека, поскольку «судьба осмыляется как предначертанный человеку свыше путь» [Славянские древности 5: 203]. «Случайная непредвиденная встреча рассматривается в народе как знак, влияющий на дальнейший ход событий в жизни человека, ... как знак некой высшей силы, которая наделяет человека счастьем. Первоначально этот знак соотносился с неожиданным приобретением «счастья», «удачи», «счастливой доли». По сербским поверьям счастье можно обрести только встретив его (ср. сербскую поговорку: «Срећу ако не сретнеш, нећеш је стићи» 'Счастье не обретишь, если не встретишь его')» [Плотникова 2013: 218].

Такое же четкое противопоставление по линии север ~ юг просматривается в мотивационных признаках на карте L 2250 'курит' (папиросу) т. 10 «Народные обычаи». Если в северной Славии и в словенских диалектах актуализируется признак с общим значением 'жечь, разжигать огонь', то в южной Славии — признак со значением 'дуть, выдыхать'; различия прослеживаются и в лексемной реализации объектного признака («что используется для этого»): если в западнословенских и приморских словенских диалектах внимание акцентируется на «трубке» (*fajf-a-j-e-tb*, *faj-bč-i-tb* (< (*faj*)-*bk-a*) от нем. *Pfeife* 'трубка'; *pip-a-j-e-tb* от слн. *pípa* 'курительная трубка'), то в болгарских и македонских диалектах — на самом табаке (ср. *pi-j-e-tb* (*tutun*)-ь из тур. *tütün* 'табак').

Сходная ареальная картина вырисовывается и на карте L 2340 ‘похоронит’ т. 10 «Народные обычаи»: в диалектах северной Славии наблюдается реализация мотивационного признака ‘прятать, сохранять’, тогда как в южной Славии получил широкое распространение признак ‘закапывать, зарывать’.

Более сложная картина в распределении мотивационных признаков представлена на карте L 2311 ‘праздник’: если в западнославянских диалектах, а также в хорватских в основе наименования лежит сакральный признак (ср. *svět-a*, *svět-o*, *svět-ьk-ь*, *svět-ьk-y*, *svět-ьc-ь*, *svět-ь-dьn-ь* и др.), то в русских, болгарских и словенских диалектах — профанный, указывающий на то, что это день ‘свободный от работы’ (ср. *porzd-ьn-ik-ь*, *ne-děl-ь*, *gul-ь=-a-n-ьj-e*), а в украинских, белорусских, сербских и македонских диалектах в основе наименований праздника встречаются оба признака.

Наличие мотивационных карт в «Общеславянском лингвистическом атласе» является надежным источником этнолингвистической информации, поскольку они позволяют увидеть мотивационный признак в пространстве языка той или иной культуры и поэтому являются, по сути дела, лингвогеографической проекцией языка этой культуры.

Так, например, в томе «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» находится мотивационная карта, посвященная названию ‘первого куска хлеба, отрезанного от буханки, горбушки’. На этой карте наряду с пространственным и процессуальным мотивационным признаком (ср. *kraj-ьc-ь*, *kraj-ьč-ь*, *kraj-išč-ь*, *kraj-ьk-a*, *kraj-ik-ь*, *kraj-ik-a*, *kraj-ьč-ik-ь* или *kroj-ь*, *сь-kroj-ьk-ь*; *pri-lěp-ьk-a*, *сь-lěp-ьk-ь*; *qьb-ь*, *qьb-ьč-ь*; *na-čьet-ьk-ь*, *na-čin-ьk-ь*, *ob-ber-ьk-a*) представлен антропоморфный признак (ср. лексемы *gьrb-ux-a*, *gьrb-uš-a*, *gьrb-uš-ьk-a*, *gьrb-uš-ьk-ь*, *gьrb-ьk-ь* и др., распространенные главным образом в русских и частично украинских и белорусских диалектах; или лексемы *peť-ьk-a*, *peť-ič-ьk-a* и др., характерные в основном для периферийных македонских, южнопольских и чешских диалектов; лексема *lьb-ьk-ь*, отмеченная только в украинских диалектах; лексемы *jan-ьk-ь*, *jan-ьk-o* и др., встречающиеся в словацких и в некоторых чешских диалектах). Все эти названия говорят о том, что хлеб в языке этих культурных традиций воспринимается как живое существо, имеющее свои «части тела». На это косвенно указывает и другая карта Атласа — ‘подходит, растет (о тесте)’, которая свидетельствует о том, что тесто практически во всех славянских диалектах уподобляется живому существу.

Отражение на карте всех зафиксированных в славянских диалектах названий позволяет увидеть реальную картину фрагмента славянского языкового мира. В этом смысле материалы Атласа имеют еще одну чрезвычайно важную ценность — лингвокультурологическую. Так, в частности, лингвокультурологическая информация содержится на карте L 2203 ‘выходит замуж’: у большинства славян женщина выступает как пассивное лицо, ибо она идет «за мужа» (*vy-χod-i-ть за mьž-ь*, *za mьž-a*, *въ за mьž-ь*) или отдается ему в жены (*vy-da-j-e-ть <se>*, *vy-da-v-a-j-e-ть <se>*), вместе с тем у некоторых южных и западных славян она выступает как активное лицо, приобретающее иной статус, ибо она *žen-i-ть <se>*, *ob-žen-i-ть <se>*, *mьž-i-ть <se>*, *o-mьž-i-ть <se>*, *qьč-i-ть <se>*, *qьk-u-j-e-ть <se>* и т. д.

Несмотря на то что культурно-историческая направленность Атласа в опубликованных томах пока еще ясно не эксплицирована, однако в дальнейшем она может быть достаточно четко представлена на его этнолингвистических картах, соединяющих в себе принципы собственно лингвистического и культурологического анализа картографируемого материала (опыт составления таких карт имеется уже в ЛАЕ [см., например.: Гак 1996: 105, Alinei 1997:3]).

Анализ мотивационных признаков является чрезвычайно важным и для хронологической стратификации представленных на карте названий, ибо, согласно культурной морфологии, в истории языка любой культуры существуют довольно устойчивые «прозрачные модели мотивации», в соответствии с которыми условно можно выделить «три отдельных слоя: слой, поддающийся самой легкой идентификации и датировке, принадлежит истории, а именно христианству и исламу... В доисторическую эпоху можно различить два слоя: один характеризуется «сверхестественными, сверхчеловеческими» языческими персонажами, а второй уже без антропоморфизма, еще более ранними зооморфными образами и представлениями о родстве» [Фирек 2003: 32]. В отличие от «немой» археологической стратификации, эта культурно-историческая стратификация является «говорящей», ибо на лингвистических картах Атласа все эти культурные слои до сих пор остаются «живыми» (см., например, карту ‘божья коровка’, на которой «сосуществуют» в пространстве и во времени названия, относящиеся ко всем трем культурно-историческим слоям — христианскому, ср.: *bož-bj-a korv-ъk-a*, *bož-bj-ъ vol-ъk-ъ* или по именам святых: *katarin-ъk-a*, *marget-ic-a*, *an-ъč-ica*, *elen-ъk-a bož-bj-a*, *ivan-ъč-ikъ*, *ivaš-ъk-a*, *petr-ik-ъ* и т. д.;³ и языческому — антропоморфному, ср.: *ne-vest-a*, *ne-vest-ica*, *pan-ъn-a*, *pan-ъn-ъka*, *sir-ot-ъka*, *rod-in-ъk-a*, *mat-in-ъk-a*, *bab-a*, *malžen-ъk-a*, *god-un-ъk-a*, *vorž-ъk-a* и др.; и зооморфному, ср. *ov-ъč-ic-a*, *ov-ъč-ъk-a*, *vol-ъ*, *vol-ik-ъ*, *baran-ъ*, *koz-ar-ъk-a* и др.).

Создание таких карт в ОЛА — дело, несомненно, будущего. Однако и сегодня соединение лингвистического, этнолингвистического и лингвогеографического подходов в интерпретации материалов Атласа позволяет не только выявить много интересного, но и внести коррективы в саму «идеологию» картографической концепции.

Так, в частности, осмысление опубликованных материалов лексико-словообразовательной серии Атласа приводит к мысли о необходимости включения данных этнолингвистических исследований в лингвистический комментарий лексической, лексико-словообразовательной и мотивационной карты, поскольку этнолингвистика помогает многое прояснить в мотивационных признаках картографируемых лексем, мимо которых часто «проходит» автор карты: например, внимательное

³ Следует отметить, что этот мотивационный признак является чрезвычайно значимым для представителей разных культур, ибо он встречается и в других европейских языках, ср. англ. *lady-cow* или *cow-lady* ‘корова Богородицы’, *lady-bug* ‘жук Богородицы’, франц. *vache a Dieu* ‘божья коровка’, итал. *vacheta de la Madyna* ‘коровка Мадонны’, исп. *buey de Dios* ‘божий вол’, нем. *Marienkäfer* ‘жук Марии’, бретон. *elik doue* ‘божий ангелок’, швед. *Jesu vallflicka* ‘пастух Иисуса’ и т. д. (подробнее см. Фирек 2003: 33; Донадзе 2004: 108);

прочтение карт первого тома ОЛА «Животный мир» обнаруживает сходство в морфемной структуре лексем *last-ъk-a* и *last-ъč-ъk-a* на картах, посвященных названию ласки и ласточки (к. 9 ‘ласка’ и к. 24 ‘ласточка’), причем сходство не только морфемное, но и ареальное: обе лексемы имеют приблизительно одинаковую географию (восточнославянские диалекты, а точнее — южнорусские, восточноукраинские и восточнобелорусские). Объяснение этому странному совпадению дает этнолингвистика, указывающая на то, что «в народной традиции ласточка обнаруживает сходство с лаской (обеим свойственная женская символика, обе они благоприятствуют скоту, обе наделяются функцией щекотания («лоскотания»))» и т. д. [подробнее см.: Гура 1997: 631–632].

Этнолингвистический комментарий помогает прояснить и непонятную для читателя мотивацию многих других названий. Так, например, в третьем томе Атласа, посвященном растительному миру, на карте № 56 ‘ядовитый гриб’ представлена целая вереница названий, во внутренней форме которых наблюдается соотносительность с различными животными (ср. *рьс-ь-ak-ъ*, *sabač-ьп-ь-ak-ъ*, *vьlč-ь-ak-ъ*, *myš-ь-ak-ъ*) и гадами (ср. *gad-ь-ač-ъk-a*, *qž-ov-ъk-a*). Объяснить эту мотивацию можно лишь в том случае, если принять во внимание общий принцип номинации грибов, установленный этнолингвистикой, в соответствии с которым названия несъедобных грибов часто являются отражением древних представлений о связи ядовитых грибов с нечистыми животными и растениями [Славянские древности 1: 548].

Эти примеры свидетельствуют о том, что разрешающие возможности лексического материала Атласа могут быть значительно увеличены, если при его анализе будут использоваться и данные этнолингвистики.

Карты Атласа позволяют не только увидеть разные мотивационные признаки в пространстве языка той или иной культуры, но и провести глубинную смысловую реконструкцию метафорических образов, лежащих в основе этих мотивационных признаков [см., например, реконструкцию метафорических образов божьей коровки в Топоров 1999: 491; Вендина 2000: 193]. Этнолингвистический подход к репрезентации материала на карте, предполагающий объясняющую интерпретацию лингвистической карты, открывает, таким образом, большие перспективы перед «Общеславянским лингвистическим атласом» в картографической проекции духовной культуры славян. Расширение практики мотивационной картографии «позволит отвлечься от формальных различий между языками и сосредоточиться на сходных или одинаковых идеологических и культурных представлениях для исследования «мотивационного метаязыка», общего для всех языков мира» [Донадзе 2004: 107]. Следует отметить, что именно на этом направлении международный коллектив ЛАЕ достиг наиболее заметных результатов.

Наконец, самую небольшую в количественном отношении группу карт составляют собственно **семантические**. К сожалению, в опубликованных томах Атласа их представлено сравнительно немного, причем в большинстве своем они имеют лакуны в ответах, однако даже этот ограниченный материал позволяет говорить о существовании в славянских диалектах и семантических различий.

Ярким примером таких различий может служить значение ‘ячень’ у лексемы *žito* к. 60 *žito т. 4 «Сельское хозяйство» в севернорусских и в западной группе среднерусских говоров; и значение ‘хлебные культуры вообще, в зерне или на корню’ — в македонских. На остальной славянской территории эта лексема известна либо в значении ‘рожь’ (в западнославянских, украинских, белорусских и в некоторых южнорусских диалектах), либо в значении ‘пшеница’ (в болгарских, в некоторых сербских, словацких и чешских диалектах).

Другой пример представлен на к. 7 *čáša т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». Эта лексема, распространенная во всех славянских диалектах, известна в основном в значении ‘стакан’ (в хорватских, сербских, македонских, болгарских, чешских диалектах), однако только в русских диалектах (в вологодских и костромских говорах) она встречается в значении ‘миска’ // ‘большая миска, выточенная из дерева’, а в словенских приморских говорах — в значении ‘большой ковш’.

Общеславянская лексема *sěra к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» во всех славянских диалектах имеет значение ‘молоко коровы сразу после отела скота, молозиво’, однако в русских диалектах (в севернорусских и среднерусских владимирско-поволжских и тверских говорах) она, кроме того, может иметь значение ‘смола (сок) хвойных деревьев’, в болгарских западных, северо-восточных и некоторых юго-восточных говорах — ‘нестирная овечья шерсть с жировыми выделениями’, а в отдельных северо- и юго-восточных говорах — ‘вода после стирки овечьей шерсти’, в сербских восточно-герцеговинских, косовско-ресавских и призренско-тимокских говорах — ‘жировые выделения на шерсти овцы’ и т. д.

Праславянская лексема *bljudo к. 56 **bl’udo* т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» во всех славянских диалектах известна в значении ‘большая глубокая тарелка’, однако только в лужицких диалектах она встречается в значении ‘стол’, в болгарских диалектах — в значении ‘поднос’, кроме того, в западноболгарских говорах — в значении ‘поминальный хлеб’; в севернорусских ладого-тихвинских говорах, а также в отдельных среднерусских (новгородских и тверских) и в западной группе южнорусских говоров — в значении ‘таз’.

Синхронно-типологический аспект Атласа проявляется и в том, что его материалы дают исследователю возможность «реально представить» общую картину **механизма эволюции славянских языков**. Сравнение материалов карт лексико-словообразовательной и фонетико-грамматической серии Атласа свидетельствует о том, что в лексических и фонетических системах славянских языков процессы их дивергенции носили разный характер: если на фонетических картах можно довольно часто наблюдать четкое диалектное размежевание, своеобразные «разломы» на диалектном ландшафте *terra Slavia* (см., например, карты фонетических томов ОЛА, посвященных рефлексам носовых), то на лексических картах таких резких обрывов изоглосс не прослеживается, скорее здесь отражен процесс медленного разрушения праславянского единства, при котором следы прежней близости языков не только не утрачиваются, а, напротив, довольно долго сохраняются (хотя нередко и лишь

в виде осколков). И эта разная картина эволюции славянских языков на фонетическом и лексическом уровне порождена кумулятивным принципом развития лексического состава каждого языка, когда новое не устраняет старое, а прекрасно «сосуществует» с ним, усложняя эту систему во времени и в пространстве.

Именно поэтому на лексических картах Атласа особенно четко прослеживается принцип отражения диахронии в синхронии, так как лексика и особенно словообразование — это системы, постепенно развертывающиеся во времени. Несмотря на все изменения, пережитые языками в процессе развития, их словообразовательные системы (в силу своей консервативности), как правило, сохраняли модели, которые в большинстве своем обладали высокой степенью устойчивости. В связи с этим образование нового слова происходило по готовому образцу, унаследованному от предшествующей языковой эпохи и закрепившемуся в сознании носителей языка (ср., например, карты, посвященные названиям детенышей животных и птиц во втором томе «Животноводство», на которых представлены целые вереницы слов, образованных в разное время, но часто по одной и той же модели, а также сводную карту № 79 ‘названия молодых животных и птиц’, репрезентирующую территориальную дистрибуцию этих словообразовательных моделей). Обобщая информацию, содержащуюся на каждой отдельной карте, эта карта эксплицирует не только ареалы разных моделей, но и выявляет степень их продуктивности, так как чем активнее в прошлом была та или иная словообразовательная модель, тем шире ее ареал в настоящем, подтверждением чему служит ареал суф.=е, охватывающий практически все западно- и южнославянские диалекты, а также частично белорусские и украинские.

Ценность лексико-словообразовательных карт проявляется и в том, что они **позволяют внести коррективы в картину сходств и различий** славянских языков, которая традиционно устанавливалась на базе данных исторической фонетики. Оперирование многочисленными лексическими изоглоссами, в количественном отношении во много раз превосходящими фонетические, дает исследователю возможность быть более объективным в восстановлении сложной картины схождения и расхождений родственных диалектов праславянского языка, нежели при использовании фонетических данных.

В этом отношении чрезвычайно ценной и полезной является начавшаяся с 10 тома публикация таблиц, сопровождающих каждую карту. В таблицах содержится информация о количественном составе картографируемых лексем в разных славянских диалектах, о единичных картографируемых и некартографируемых лексемах, а также их этимологии. С помощью этих таблиц читатель сможет составить более точное представление об ареальных связях славянских языков.

Одной из задач Атласа, как уже отмечалось выше, является изучение вопроса о контактах славянских языков с языками неславянских народов (с германцами, балтийцами, кельтами, фракийцами, иранцами, финно-уграми, тюрками, греками, романцами и т. д.). Иллюстрацией этих сложных исторических процессов является картина, отраженная на картах, представляющих распространение заимствований в славянских языках (см., например, **сводные карты заимствований** в шестом

томе ОЛА «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», посвященные заимствованиям из тюркских языков, из романских и германских, из латинского и греческого, а также из албанского и венгерского). На картах Атласа отчетливо видно, что география этих заимствований, а также их объем разный: **наиболее распространены** и частотными являются **заимствования из немецкого языка** (они покрывают практически всю территорию Славии, за исключением болгарских и македонских диалектов), за ними следуют заимствования из **тюркских языков**, характерные в основном для восточно- и южнославянских диалектов, далее идут заимствования из **итальянского языка** (они распространены в основном в словенских диалектах в Италии и в хорватских на побережье Адриатического моря), из **греческого** (они локализируются в основном в южнославянском ареале, причем главным образом в болгарских и македонских диалектах), а также из **латинского** (они характерны преимущественно для западнославянских диалектов, и прежде всего польских, а также частично южнославянских — словенских и хорватских), из **венгерского** (они отмечены главным образом в словацких диалектах, а также в юго-западных украинских и частично на юго-востоке чешских), из **румынского языка** (в юго-восточном ареале южнославянских языков, а также в юго-восточных словацких и украинских закарпатских говорах), наконец, самая немногочисленная группа заимствований из **албанского языка** (они свойственны в основном македонским диалектам). Интересно, что и в восьмом томе ОЛА «Профессии и общественная жизнь» **эта картина в принципе повторяется**, хотя число заимствований здесь значительно выше — 750 названий от 300 заимствованных корней (для сравнения в шестом томе всего 118 заимствований от 105 корней), однако и здесь **лидируют заимствования из немецкого языка**, за которыми следуют тюркские заимствования [подробнее см. Siatkowski 2003: 174-184].

При этом карты Атласа позволяют провести исследование и в обратном направлении и изучить заимствования славизмов в пограничные неславянские диалекты (например, румынские или немецкие), поскольку они содержат информацию об ареальной характеристике отдельных лексем такой высокой точности и детализации, что **позволяют выявить зоны активных иррадиационных процессов** и не только провести каталогизацию таких славизмов, но и **установить их относительную хронологию** (так, например, карта 'ящерица' т.1 «Животный мир» свидетельствует о том, что ю.-рум. *gúšter, gúštări* 'ящерица' является южнославянским заимствованием, причем достаточно старым, на что «указывает, с одной стороны, наличие мегл. *gúšteri* ..., а с другой — представленность в ОЛА, в соседних с Румынией областях, более частотных несUFFIXальных форм (*gušč-er-ъ* и под.), при «периферийном» (=южном) *gušč-er-ic-a*, редко (мак.), *gušč-er-ъk-a*, часты варианты] [подробнее см.: Бернштейн, Клепикова 1998: 52; Siatkowski 2004].

***

Карты «Общеславянского лингвистического атласа» дают основания для нового взгляда не только на многие сюжеты сравнительной грамматики славянских языков, но и лингвистической географии, в частности, на положение

о центрально-периферийной противопоставленности ареалов инноваций и архаизмов.

Типология ареальных сценариев архаизмов и инноваций говорит о том, что противопоставление центрального и периферийного ареалов в современной Славии как зон инноваций и архаики в славянском диалектном континууме является упрощенной схемой их отношений, которые в действительности оказываются значительно сложнее.

Карты Атласа убедительно свидетельствуют о том, что ареалы инноваций могут локализоваться не только в центре диалектного континуума того или иного языка, но и на периферии (ср., например, распространение лексемы (*škol*)-*j-ar*-ъ к. 33 'мальчик, который учится в школе' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» в хорватских, восточнословацких, польских, словенских диалектах, в которых она локализуется именно на периферии; или распространение лексем (*papir*)-ъ к. 39 'бумага' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и (*atrament*)-ъ к. 37 'чернила' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» — в белорусских, в которых она также отмечена на периферии; на периферии словенских диалектов локализуется и лексема (*jarmark*)-ъ к. 48 'периодическая широкая торговля' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и т. д.).

По-видимому, это связано с тем, что периферийная зона менее устойчива и более проницаема для внешних влияний. Более того, именно на периферии, где наблюдается меньшее давление со стороны системы и большая свобода в междиалектных связях, благодаря контактной конвергенции складываются наиболее благоприятные условия для зарождения новых языковых явлений.

Что касается ареалов архаизмов, то на картах Атласа хорошо видно, что они также могут сохраняться не только на периферии, но и в центре. Кроме того, они могут иметь как островные, так и обширные ареалы. Примером островных ареалов может служить распространение таких праславянских лексем, как *sěr-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», ареал которой во всех славянских диалектах, за исключением польских, является островным; *znaj-e-tь* к. 73 'знает' т. 9 «Человек» — в словенских и польских диалектах; *gob-a* к. 54 'съедобный гриб' т. 3 «Растительный мир» — в словацких, польских, украинских и македонских диалектах; *čel-o* к. 5 'лоб человека' т. 9 «Человек» и *grob-ъ* к. 45 'могила, яма, в которой хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи» — в украинских диалектах; *květ-ъ* к. 14 'цветок' т. 3 «Растительный мир» — в восточнославянских диалектах; *běd-a* к. 62 'бедность, нужда' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» — в украинских, хорватских и сербских диалектах; *ust-a* к. 16 'рот' т. 9 «Человек» и *bor-ъ* к. 17 'сосна' т. 3 «Растительный мир» — в словацких и чешских диалектах. Обширные ареалы праславянских лексем встречаются чаще всего на фонетических картах (ср., например, ареалы лексем *pol-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о», *mor-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *о», *snop-ъ* к. 20 т. 5 «Рефлексы *о», *rog-ъ* к. 23 т. 5 «Рефлексы *о», *ros-a* к. 43 т. 5 «Рефлексы *о», *kor-a* к. 45 т. 5 «Рефлексы *о», *vod-a* к. 33 т. 5 «Рефлексы *о», *kon-j-ъ* к. 26 т. 5 «Рефлексы *о» и др. в фонетическом томе «Рефлексы *о»; или распространение лексем *zem-j-a*

к. 47 т. 6 «Рефлексы *е», *med-ъ* к. 12 т. 6 «Рефлексы *е», *ber-e-ть* к. 28 т. 6 «Рефлексы *е», (*j)ezер-o //ozer-o* к. 5 т. 6 «Рефлексы *е», (*j)elen-ь//olen-ь* к. 6 т. 6 «Рефлексы *е», *per-o* к. 29 т. 6 «Рефлексы *е» и др. в томе «Рефлексы *е»; или *berz-a*, *vyrb-a* в 3 томе «Растительный мир»). Причем при их разрушении центр иногда оказывается даже более архаичным, чем периферия, где чаще всего происходит зарождение новых диалектизмов. Разрушенные ареалы праславянских лексем красноречиво свидетельствуют о том, что явление более древнее нередко занимает большую площадь, чем явление более позднее, ибо оно начало распространяться значительно раньше, поэтому часто становится причиной возникновения нового явления. В этом смысле показательна сама типология процесса разрушения ареалов архаичных лексем, которые являются, как правило, производящими для новых. Таким образом, «историческая последовательность языковых событий записывается, так сказать, географией на данной территории, где запись эту остается только прочесть» [Теньер 1966: 114].

При сопоставлении ареалов архаизмов и инноваций бросается в глаза отсутствие у инноваций обширных ареалов. Объясняется это, по-видимому, тем, что при возникновении нового явления зона его распространения является довольно ограниченной, и только лишь со временем она может увеличиваться⁴.

В демифологизации нуждается и теория волн И. Шмидта, в основе которой лежит идея постепенных, незаметных переходов между не имеющими четких границ диалектами индоевропейских языков, поэтому каждый отдельно взятый и.-е. язык по отношению к другому можно рассматривать как переходный. Карты «Общеславянского лингвистического атласа» заставляют внести в эту теорию ряд поправок, поскольку они красноречиво свидетельствуют о существовании четких границ в распространении того или иного языкового явления. Яркой иллюстрацией существования подобных границ служат ареалы эксклюзивных лексем, которые иногда могут покрывать обширные пространства диалектов того или иного языка, но при этом не выходить за их пределы, т. е. идея «колышущейся нивы», лежащая в основе этой теории, здесь явно не работает.

Карты лексико-словообразовательной серии Атласа позволяют **выявить** и некоторые **тенденции**, которые прослеживаются на диалектном **ландшафте** Славии. Это прежде всего тенденция к сужению ареалов праславянских лексем за счет широкого распространения региональных диалектизмов. И это обстоятельство чрезвычайно повышает ценность лингвогеографического критерия при определении диалектов, отличающихся наибольшей концентрацией лексической архаики.

При этом степень сохранности праславянских диалектизмов во многом определяется их принадлежностью к той или иной семантической группе, поскольку она, как правило, выше в лексике, принадлежащей миру «дикой» природы, нежели

⁴ Ср. в связи с этим следующее замечание: «Теоретически допустимо, что в начале своего формирования диалектная зона имеет небольшую территориальную протяженность. По мере роста она как бы захватывает новые области, увеличивается и в период наибольшего расцвета достигает максимальной площади» [Джураев 1991: 118].

в доместикатах, относящихся к миру «второй» природы, созданной самим человеком: именно в этой лексике чаще всего прослеживается яркое своеобразие в видении и назывании предметов и явлений, отсюда богатство как корневых морфем, так и цельнолексемных номинаций, имеющих эксклюзивный характер (см., например, карты, посвященные звукоподражательным глаголам в томе «Животноводство»: ‘блеет (овца)’, ‘лает’, ‘мяукает’, ‘поет (о петухе)’ и др., которые свидетельствуют о том, что каждый славянский народ слышит эти звуки по-своему).

***

В заключение следует сказать, что материалы «Общеславянского лингвистического атласа» дали возможность прикоснуться к праславянскому слову, почувствовать «дыхание времени» и проследить зафиксированную на картах его реальную жизнь в современных славянских диалектах. Накопление изоглосс самого разного характера поможет со временем выработать надежные лингвистические критерии для хронологического расслоения языкового материала. А это в свою очередь даст возможность ответить на вопрос, что в диалектной системе современных славянских языков является продолжением праславянского наследия, а что сложилось позднее, в эпоху миграций, под влиянием факторов культурно-исторического характера.

Информация, содержащаяся на картах Атласа, явится, бесспорно, прочным фундаментом для новых сравнительно-исторических штудий, которые в будущем будут иметь своим итогом полноценную реконструкцию той языковой модели, с преобразованием которой связано существование семьи славянских языков.

Литература

Бернштейн 1962 — *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1962.

Бернштейн, Клепикова 1998 — *Бернштейн С. Б., Клепикова Г. П.* Славяно-румынские языковые контакты в свете новых данных славянской лингвистической географии // XII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады российской делегации. М., 1998.

Вендина, Калнынь, 1988 — *Вендина Т. И., Калнынь Л. Э.* Отношение рефлексации *ё к ударению // *Общеславянский лингвистический атлас, серия фонетико-грамматическая. Вып. I Рефлексы *ё.* Белград, 1988.

Вендина 1997 — *Вендина Т. И.* *Общеславянский лингвистический атлас и сравнительно-историческое языкознание // Славянский альманах.* М., 1997.

Вендина 1998 — *Вендина Т. И.* *Общеславянский лингвистический атлас и лингвистическая география // XII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады российской делегации.* М., 1998.

Вендина 2000 — *Вендина Т. И.* Мотивационный признак в лингвогеографическом пространстве *Общеславянского лингвистического атласа //* *Јужнословенски филолог LVI/1.* Београд, 2000.

Вендина 2003 — *Вендина Т. И.* Лексика и семантика на картах Общеславянского лингвистического атласа // XIII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады российской делегации. М., 2003.

Вендина 2008 — *Вендина Т. И.* Влияние консонантного окружения на рефлексацию гласного *о // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 5. «Рефлексы *о». М., 2008.

Гак 1996 — *Гак В. Г.* Сноха (по материалам Atlas Linguarum Europae) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1991–1993. М., 1996.

Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Джураев 1991 — *Джураев А. Б.* Теоретические основы ареального исследования узбекоязычного массива. Ташкент, 1991.

Донадзе 2004 — *Донадзе Н. З.* Новые перспективы в лингвогеографии — Лингвистический атлас Европы // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 2001–2002. М., 2004.

Иванов 1996 — *Иванов В. В.* Общеславянский лингвистический атлас (1978–1993). Итоги и перспективы // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1991–1993. М., 1996.

Ивич, Логар, 1990 — *Ивич П., Логар Т.* Влияние вокального количества на рефлексы *е // Общеславянский лингвистический атлас, серия фонетико-грамматическая. Вып. 2а Рефлексы *е. М., 1990.

Калнынь 1996 — *Калнынь Л. Э.* Рефлексация *ъ, *ь перед слогом с гласным полного образования по материалам ОЛА // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1991–1993. М., 1996.

Куркина 1985 — *Куркина Л. В.* Праславянские диалектные истоки южнославянской языковой группы // Вопросы языкознания 1985, №4.

Куркина 2012 — *Куркина Л. В.* К проблеме интерпретации лексических изоглосс // *Praslovanska dialektizacija v luči etimoloških raziskav.* Ljubljana 2012.

Мейе 1951 — *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.

Плотникова 2013 — *Плотникова А. А.* Южные славяне в балканском и общеславянском контексте. Этнолингвистические очерки. М., 2013.

Пожарицкая, Попова 1990 — *Пожарицкая С. К., Попова Т. В.* Влияние консонантного окружения на рефлексы *е // Общеславянский лингвистический атлас, серия фонетико-грамматическая. Вып. 2а. Рефлексы *е. М., 1990.

СД — Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: 1995–2012.

Теньер 1966 — *Теньер Л.* По вопросу о диалектологическом атласе русского языка // Вопросы языкознания 1966, №5.

Топоров 1999 — *Топоров В. Н.* Об одной мифоритуальной «коровье-бычьей» конструкции у восточных славян в сравнительно-историческом и типологическом контекстах // Славянские этюды. М., 1999.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV.

Фирек 2003 — *Фирек В.* Лингвистический атлас Европы и его вклад в европейскую историю культуры // Вопросы языкознания 2003, № 5.

Alinei 1997 — *Alinei M.* Magico-religious Motivations in European Dialects: A Contribution to Archaeolinguistics. — *Dialectologia et Geolinguistica* 5, 1997.

Ivić, 1983 — *Ivić P.* Faktori koji uticu na razvoj vokala u slovenskim jezicima // Јужнословенски филолог, XXXVIII. Београд, 1983.

Ivić, Logar, 1990 — *Ivić P., Logar T.* Влияние вокального количества на рефлексy *q // Общеславянский лингвистический атлас, серия фонетико-грамматическая. Вып. 26. Рефлексы *q. Warszawa, 1990.

Siatkowski 2003 — *Siatkowski J.* Заимствования // Общеславянский лингвистический атлас. Т. 8. Профессии и общественная жизнь. Warszawa 2003.

Siatkowski 2004 — *Siatkowski J.* Studia nad wpływami obcymi w ogólnosłowiańskim atlasie językowym. Warszawa, 2004.

Topolińska, Видоески, 1990 — *Topolinska Z., Видоески Б.* Сохранившаяся назальная артикуляция *q и *q̣: // Общеславянский лингвистический атлас, серия фонетико-грамматическая. Вып. 26. Рефлексы *q. Warszawa, 1990.

Tatyana Vendina

Institute Of the Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

vendit@rambler.ru

THE SLAVIC LINGUISTIC ATLAS. 1958–2018 (TO THE 60TH ANNIVERSARY OF THE PROJECT)

The article deals with the history of The Slavic Linguistic Atlas (OLA). Assessing the preliminary results of the OLA project, the author focuses on the new facts in linguistic geography theory which the Atlas gives to comparative historical linguistics.

Key words: Slavic Linguistic Atlas, dialectology, linguistic geography.

References

Bernshtejn S. *Oчерk sravnitel'noj grammatiki slavyanskih yazykov*. M., 1962 [In Russian].

Bernshtejn S., Klepikova G. Slavyano-rumynskije yazykovyje kontakty v svete novyh dannyh slavyanskoj lingvisticheskoj geografii. *XII Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov. Slavyanskoye yazykoznanije. Doklady sovetsoj delegatsii*. M., 1998. [In Russian].

Vendina T., Kalnyn' L. Otnosheniye refleksaciji *ě k udareniju. *Obshcheslavyanskij lingvisticheskij atlas. Serija fonetiko-grammaticheskaja. Vyp. I. Reflekcy *ě*. Belgrad, 1988. [In Russian].

Vendina T. Obshcheshlavyankij lingvisticheskij atlas i sravnitel'no-istoricheskoje yazykoznaniye. *Slavyanskij al'manach*. M., 1997. [In Russian].

Vendina T. Obshcheshlavyankij lingvisticheskij atlas i lingvisticheskaya geografiya. *XII Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov. Slavyanskoye yazykoznaniye. Doklady sovetskoj delegatsii*. M., 1998. [In Russian].

Vendina T. Motivatsionnyj priznak v lingvogeograficheskom prostranstve Obshcheshlavyankogo lingvisticheskogo atlasa. *Yuzhnoslavyanskij filolog*. LVI/1. Belgrad. 2000.

Vendina T. Leksika i semantika na kartah Obshcheshlavyanskogo lingvisticheskogo atlasa. *XIII Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov. Slavyanskoye yazykoznaniye. Doklady sovetskoj delegatsii*. M., 2003. [In Russian].

Vendina T. Vlijaniye konsonantnogo okruzheniya na refleksaciju glasnogo *o. *Obshcheshlavyanskij lingvisticheskij atlas. Serija fonetiko-grammaticheskaja. Vyp. 5. Refleksy *o*. M., 2008. [In Russian].

Gak V. Snocha (po materialam Atlas Linguarum Europae). *Obshcheshlavyankij lingvisticheskij atlas. Materialy i issledovaniya. 1991–1993*. M., 1996. [In Russian].

Gura A. *Simvolika zhyvotnyh v slavyankoj narodnoj traditsii*. M., 1997.

Dzhurajev A. *Teoreticheskije osnovy areal'nogo issledovaniya uzbekoyazychnogo massiva*. Tashkent. 1991. [In Russian].

Donadze N. Novyje perspektivy v lingvogeografii — Atlas Linguarum Europae. *Obshcheshlavyankij lingvisticheskij atlas. Materialy i issledovaniya 2001–2002*. M., 2004.

Ivanov V. Obshcheshlavyanskij lingvisticheskij atlas. (1978–1993). Itogi i perspektivy. *Obshcheshlavyanskij lingvisticheskij atlas. Materialy i issledovaniya 1991–1993*. M., 1996.

Ivich P., Logar T. Vlijaniye vokal'nogo kolychestva na refleksy *ε. *Obshcheshlavyanskij lingvisticheskij atlas. Serija fonetiko-grammaticheskaja. Vyp. 2a. Refleksy *ε*. M., 1990. [In Russian].

Kalnyn' L. Refleksacija *ъ, *ь pered slogom s glasnym polnogo obrazovaniya po materialam OLA. *Obshcheshlavyanskij lingvisticheskij atlas. Materialy i issledovaniya 1991–1993*. M., 1996.

Kurkina L. Praslavyanskiye dialektnyye istoki yuzhnoslavyanskoy yazykovoj grupy. *Voprosy yazykoznaniya*. 1985, No 4. P. 64 [In Russian].

Kurkina L. K probleme interpretacii leksicheskikh isogloss. *Praslovanska dialektizacija v luči etimoloških raziskav*. Ljubljana, 2012.

Meje A. *Obshcheshlavyanskij yazyk*. M., 1951.

Plotnikova A. *Yuzhnyje slavyane v balkanskom i obshcheshlavyanskom kontekste. Etnolingvisticheskije ocherki*. M., 2013.

Pozharitskaja S., Popova T. Vlijaniye konsonantnogo okruzheniya na refleksy *ε. *Obshcheshlavyanskij lingvisticheskij atlas. Serija fonetiko-grammaticheskaja. Vyp. 2a. Refleksy *ε*. M., 1990. [In Russian].

Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskij slovar': v 5 t. Pod red. N. Tolstogo. M., 1995–2012. [In Russian].

Tesnière L. Po voprosu o dialektologičeskom atlase ruskogoazyka. *Voprosy yazykoznanija*. 1966, No 5.

Topolinska Z., Vidoeski B. Sohranivshajasya nazal'naja artikulyacija *q i *q̣. *Obshčeslavyanskij lingvističeskij atlas. Serija fonetiko-grammatičeskaja. Vyp. 26. Refleksy *q̣*. Warszawa, 1990. [In Russian].

Toporov V. Ob odnoj miforitual'noj "korov'je-bych'ej" konstrukcii u vostochnyh slavyan v sravnitel'no-istoričeskom i tipologičeskom kontekstah. *Slavyanskije etudy*. M., 1999.

Fasmer M. *Etimologičeskij slovar' ruskogoazyka*. [Etymological Dictionary of the Russian Language] M., 1964–1973. T. I–IV.

Firek V. Lingvističeskij atlas Evropy i ego vklad v evropejskuju istoriju kul'tury. *Voprosy yazykoznanija*. 2003, No 5.

Alinei M. Magico-religious Motivations in European Dialects: A Contribution to Archaeolinguistics. *Dialectologia et Geolinguistica* 5, 1997.

Ivić P. Faktori koji uticu na razvoj vokala u slovenskim jezicima. *Yuzhnoslavyanskij filolog. XXXVIII*. Beograd. 1983.

Ivić P., Logar T. Vlijanije vokal'nogo kolyčestva na refleksy *q̣. *Obshčeslavyanskij lingvističeskij atlas. Serija fonetiko-grammatičeskaja. Vyp. 26. Refleksy *q̣*. Warszawa, 1990

Siatkowski J. Zaimstvovanija. *Obshčeslavyanskij lingvističeskij atlas. Serija lek-siko-slovoobrazovatel'naja. Vyp. 8. Professii i obshestvennaja zhyzn'*. Warszawa, 2003.

Siatkowski J. *Studia nad wpływami obcymi w ogólnosłowiańskim atlasie językowym*. Warszawa, 2004.

Павол Жиго
Университет имени Коменского в Братиславе
(Братислава, Словакия)
pavol.zigo@uniba.sk

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СКЛОНЕНИЯ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В «ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АТЛАСЕ»

В исследовании предпринята попытка интерпретации субстантивного склонения и дифференциации морфологических структур на материале «Общеславянского лингвистического атласа». Особое внимание обращает автор на естественное формирование парадигматических структур в отдельных макроареалах славянских языков — южнославянском, восточнославянском и западославянском — в связи с происшедшими фонетическими изменениями, влиянием грамматического рода (в том числе и категории одушевлённости), словообразовательной системы а также внеязыковых факторов и контактов с типологически иными неславянскими языками. Приведённые примеры являются доказательством тесной связи морфологической проблематики с остальными планами языка и необходимости включать все приведённые аспекты в интерпретацию морфологической проблематики не только в рамках Общеславянского лингвистического атласа.

Ключевые слова: Общеславянский лингвистический атлас, диалектология, лингвогеография, морфология, имя существительное.

Максимально полная интерпретация развития морфологического состава слов от древности до наших дней, на материале, охватывающем обширное языковое пространство Славии, требует подхода, который позволил бы не только адекватно объяснить ситуацию в отдельных литературных языках, по сути представляющих собой некие компромиссные решения и предполагающих оптимальное ограничение множества вариантных и дублетных форм, но также предоставил бы исследователю возможность эффективно анализировать их бытование во всех стратах национального языка. Данный тезис мы постараемся аргументировать на примере такого сложного морфологического феномена, как субстантивное склонение, для которого характерны множество дивергентных и конвергентных тенденций, а также значительное действие принципов аналогии и аномалии, что обусловлено самой сущностью именных категорий рода и одушевленности.

Работа над проблематикой субстантивного склонения в рамках проекта *Общеславянский лингвистический атлас*, охватывающего материал всех славянских диалектов, демонстрирует необходимость комплексной интерпретации морфологической проблематики. Диалектное дробление праславянского языка, распад его единства и последующее развитие отдельных славянских языков положили начало дифференциации морфологических структур прежде единых славянских макроареалов. Получившиеся в итоге области, как показывает эмпирический материал, не совпадают ни с «предполагаемым» генетическим, ни с ареальным членением славянских языков, поэтому исследование субстантивного склонения в сущности не должно оставаться в рамках классического ареального описания, от ареально-генетической характеристики следует перейти к ареально ориентированной типологической интерпретации. Современное состояние в отдельных национальных языках является результатом действия целой совокупности внутри- и межпарадигматических аналогических процессов, явления представлены в их сложной ареальной дистрибуции, что обусловлено не только собственно лингвистическими, но и экстралингвистическими факторами. Последовательная реконструкция форм и их интерпретация в синхронии и диахронии показывает высокую эвристическую ценность вводимого в научный оборот языкового материала. Подобная работа требует эффективной методологии, которая позволила бы объективно отобразить развитие славянских языков в генетической, ареальной и типологической проекции. Вместе с тем синтез указанных подходов в интересующей нас предметной области подводит нас к раскрытию теоретической значимости категории «свой / чужой» в языке и позволяет интерпретировать вытеснение исходных форм как результат их замещения более функциональными элементами, своими либо чужими по происхождению. При картографическом отображении того или иного явления из области субстантивного склонения необходимо учитывать, помимо исходного, генетически обусловленного состояния, его эволюцию, связанную не с одними только конвергентными тенденциями в отдельных славянских языках. Помимо генетической принадлежности каждого языка (в пост-миграционный период, в период существования ранней государственности, когда имели место сильные тенденции к языковой интеграции, и особенно в период формирования национального языка, когда начинается внутриязыковая дивергенция) — следует рассматривать также ареальную его специфику, включающую в себя не только собственно географические параметры, но и векторы внешнего воздействия, которое носит типологический характер.

Разную степень дивергенции в развитии отдельных славянских языков подтверждает их современное состояние — не только в кодифицированной форме, но особенно в естественных языковых идиомах, в диалектах. Отправной точкой для комплексной интерпретации морфологических структур может послужить давнее высказывание словацкого лингвиста Л. Дюровича, обратившего внимание на один парадокс в классификации славянских языков: «...Как это ни странно, не существует классификации славянских языков, основывающейся на данных их современного состояния. Разделение на западно-, южно- и восточнославянские или на южные

и северные славянские языки базируется на географических данных и подгоняет языковые факты — *nota bene* исторические — под эту заранее созданную схему. Классификация на основании рефлексов определённых праславянских звуковых сочетаний исходит из положения свыше 1000 лет тому назад и полностью игнорирует то специфическое, что отдельные славянские языки выработали в течение своего самостоятельного развития» [Đurovič 1973: 225, Đurovič 2004: 125].

Специфичность развития субстантивных парадигм доказывает их современное состояние в отдельных ареалах, оно равным образом подтверждает и опровергает взаимное влияние между языками и свидетельствует об их сложных и уникальных характеристиках, а также о глубокой внутренней дифференциации каждого из них. Изменения на уровне литературных или национальных языков можно виртуозно «отфильтровать» при помощи административного ограничения территории государства, однако их естественную дистрибуцию следует определять лишь выходя за административно-территориальные границы, которые никак нельзя отождествлять с границами языковыми. При этом развитие национальных языков в области морфологии — мы говорим о ней постольку, поскольку именно она является предметом нашего исследования — с позиции современности чем далее тем более отклонялось от «ожидаемого» или «предполагаемого» территориального членения, совпадающего с исходными праславянскими макроареалами. Нарушение их внутренней гомогенности является доказательством органичного воздействия оппозиции «свой / чужой» на процесс развития языка. Теоретические основы вкупе с интерпретацией материала на данном этапе проникновения в сущность вопроса содержат огромное количество противоречий. С учетом масштаба проблематики и ограниченности объема статьи, мы продемонстрируем их на четырех примерах, чтобы проиллюстрировать необходимость комплексного подхода к морфологической проблематике.

Типичным примером постепенной внутренней дифференциации в славянском ареале являются структурно-типологические различия в Южной Славии, которые, с одной стороны, демонстрируют тенденцию к стабилизации флексии в юго-западной латеральной области, где происходили контакты с неславянской культурно-языковой средой, при этом здесь же вырисовывается тенденция к унификации формообразующей основы путем устранения чередования велярных в корневой морфеме. См. Р. п. ед. ч. слова *vlk* на территории распространения словенских диалектов (**vlcě* > *vlku*, четырехугольные символы на рис. 1), также ср. стабильность гомогенного восточнославянского языкового макроареала, за исключением небольшой части украинских говоров с чередованием согласных в основе (*vьlcě*, темные области на рис. 1 в противоположность унифицированной основе *vьlcě* > *vьlkě*). Представленные явления требуют комплексной интерпретации ввиду того, что, помимо собственно флексий, здесь принципиальное значение имеет также характер основы, а ее стабильность / вариативность в парадигме в фонетическом плане является важным фактором при трактовке палатализации велярных. В противоположность описанному ареалу значительная часть западнославянского, южнославянского и восточнославянского языкового

ареалов являются свидетельством исходного внутриязыкового напряжения и постепенной стабилизации формообразующей основы, аналогично с исходным склонением *и*-основ и окончанием *-и* в Предл. п. (темные округлые символы). Также здесь формируется категория одушевленности-неодушевленности, в результате чего формы Предл. п. выравниваются по аналогии с Д. п. — ср. окончание *-ovi*. Данное явление наиболее рельефно проявило себя в словацких и украинских диалектах, в части чешских и моравских говоров и в юго-западной части диалектов на территории современной Белоруссии. Как показывает современный материал, сформировавшиеся области несоотносимы с классическим генетическим или ареальным членением славянских языков. Выравнивание по аналогии было характерно также для восточной латеральной части южнославянского ареала: здесь морфологическая структура слова оказалась под сильным влиянием другого — неславянского — языка с принципиально иной системой, в результате чего исходная субстантивная парадигма сильно редуцировалась, при этом большую функциональную нагрузку приобрели предлоги. В результате объединения типологически отличных форм в *casus generalis universalis* (также *casus generalis obliquus*) грамматическое значение исходной постпозитивной морфемы перемещается в препозицию, при этом предлог приобретает иной функциональный статус (термином *casus generalis* мы обозначаем явление, когда в парадигме самостоятельной части речи представлена всего одна форма, а грамматическое значение выражается посредством предлога). Пространство южнославянских языков, прежде гомогенное в ареальном и фонетическом отношении, подверглось внутреннему членению на морфологически, даже типологически отличные области.

Причины подобной дифференциации следует искать с учетом различной интенсивности внутренних и внешних импульсов. Типичным примером формирования новых категориальных значений и их отражения в парадигматической структуре является категория одушевленности у существительных мужского рода. Здесь не только совпали формы В. п. и Р. п. в ед. ч. и во мн. ч., но также в косвенных падежах произошло выравнивание Предл. п. и Д. п. по исходной *и*-основе (*k synovi* > *o synovi*), кроме того, указанное явление распространилось среди всех одушевленных существительных мужского рода. Сильное влияние категории одушевленности на остальные парадигмы субстантивного склонения — в частности, на склонение существительных исходной *i*-основы (тип *host*) или *ja*-основы (тип *muž*) — стало характерной чертой западнославянского языкового ареала. Об этом свидетельствуют образованные в результате действия межпарадигматической аналогии „новые“ формы Д. п. ед. ч. слова *muž*, т. е. формы *mužovi/ muževi* (темные треугольные символы на рис. 2) в отличие от исходной формы *mužu* (светлые четырехугольники, рис. 2), типичной южнославянской формой здесь является *casus generalis*.

Универсальность падежного окончания *-ovi* в Д. п. ед. ч. у сущ. м. р. с исходной *и*-основой тем самым проявила себя при стабилизации внутрипарадигматических отношений Д. п. ед. ч. — Предл. п. ед. ч. у сущ. м. р., что мы проиллюстрируем

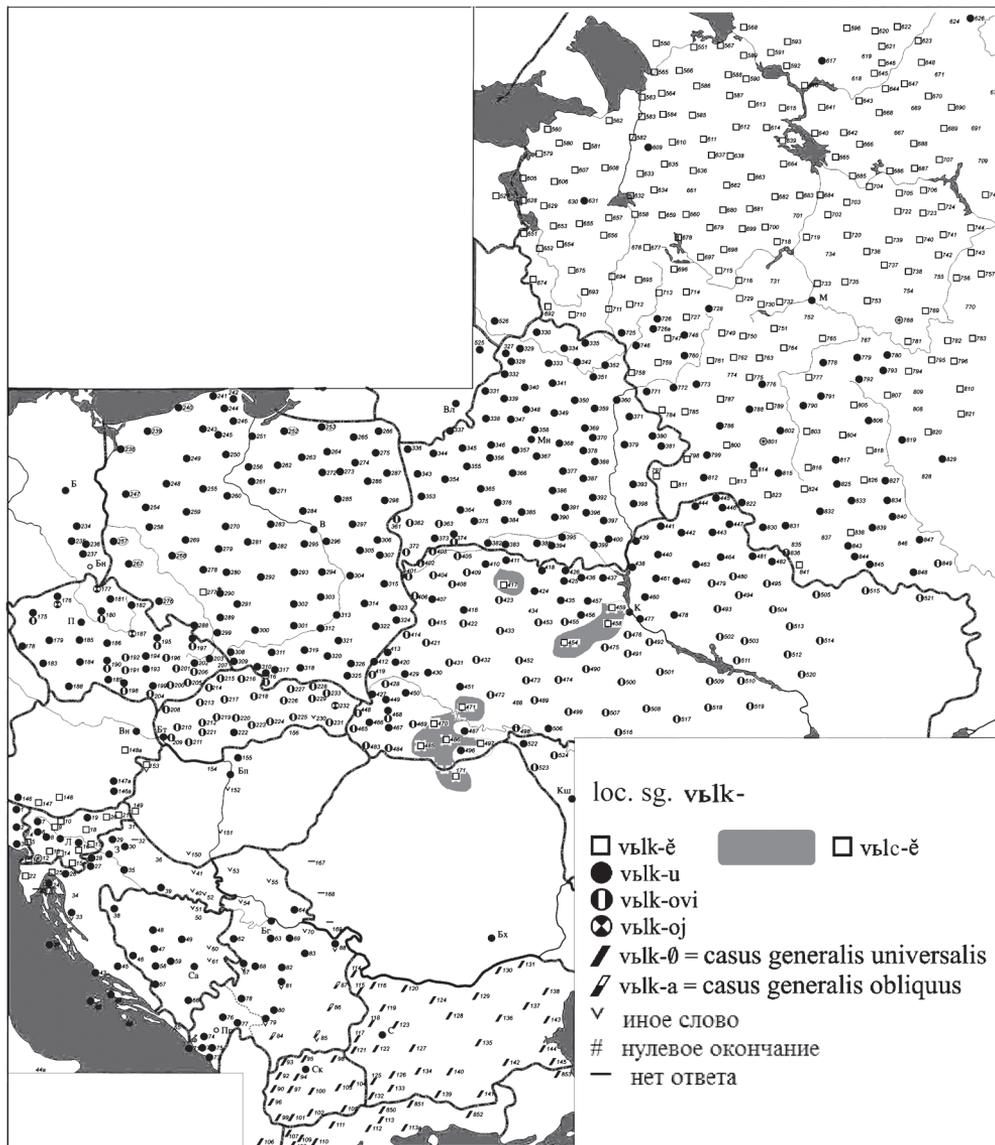

Рис. 1. Д. п. ед. ч. слова *vlk*

на примере форм Предл. п. ед. ч. слова *brat*. Для данного процесса, неоднородного по своей сути, были характерны две противоположные тенденции — сохранение исходной формы Предл. п. ед. ч. *o*-основ **o bratRe*¹ на обширной части

¹ Курсивом заглавной буквы R мы обозначаем наличие предполагаемой формы, которая сохранилась только в чешских и моравских говорах.

на фонологическом уровне, ср. исчезновение чередований типа *človek — o človece, duch — o duse / o duše*, связанных с падением редуцированных и с установлением корреляции по твердости-мягкости. Мы сомневаемся, что начало данному процессу было положено еще в эпоху исходных праславянских чередований, скорее он произошел позднее, в противовес дестабилизации основы [Đurović 1973: 227]. Материал, охватывающий всю территорию славянских диалектов, а также подробное отображение явления в отдельных говорах подтверждают, что выравнивание Д. п. и Предл. п. ед. ч. сущ. м. р. стало частью формирования категории одушевленности на территории чешских, словацких, а также значительной части украинских диалектов. Основанием служит в т. ч. тот факт, что формы Д. п. и Предл. п. ед. ч. одушевленных сущ. м. р. совпали в тех ареалах, где утвердилось падежное окончание *-u*. На первый взгляд может показаться, что речь идет о том, то Предл. п. исходных *o*-основ подвергся влиянию Д. п., однако генезис говоров в словенском, хорватском, сербском и боснийском ареалах доказывает, что речь здесь идет об исходном окончании существительных с *u*-основой (Brozović, Ivić 1988: 21). Проблематика *casus generalis* в болгарских и македонских диалектах распадается на два потока: в части болгарских говоров в Предл. п. в качестве *casus generalis obliquus* после формирования категории одушевленности установилась форма Р. п. / Предл. п. *brata*, для другой части болгарского ареала, а также для территории македонских говоров характерна форма *casus generalis universalis*, идентичная с Им. п. ед. ч. (рис. 3). Сходное развитие данного явления подтверждает ряд работ по морфологии одушевленных существительных м. р., которые первоначально принадлежали к другим типам склонения [Žigo 2013: 37]. Ареалы с универсальным окончанием *-ovi* можно в типологическом аспекте характеризовать как территорию с высокой степенью агглютинации.

Отдельный круг вопросов, связанных с эффективностью объединения генетического, ареального и типологического критериев, представляет собой внутреннее членение меньших территориальных либо тематических областей. Сложное развитие субстантивного склонения следует, с одной стороны, рассматривать внутри исходно гомогенных ареалов, с другой стороны, необходимо учитывать «эрозию» первоначального состояния, вызванную влиянием различных экстралингвистических феноменов. Так, ср. распад исходного южнославянского ареала на несколько типологически отличных, возникших как результат дивергенции в отдельных национальных языках. Результаты подобной дивергенции являются убедительным подтверждением неравномерности процессов, которые следует расценивать как стабилизацию морфологической структуры в результате изменений фонологического характера. См., например, развитие флексий Тв. п. сущ. ж. р. типа *žena*, речь не только о том, что в словенских диалектах произошла контракция и деназализация в данных формах: не следует забывать, что в исходно гомогенном южнославянском ареале выделились сербские, боснийские и хорватские говоры, где формы ж. р. подверглись нейтрализации (вероятно, ввиду того, что столетиями на этих землях сохранялся патриархальный уклад; межпарадигматическое выравнивание флексий ж. р. и м. р. см. на рис. 4, темные круги). Следствием контактов с языками

Рис. 3. Предл. п. ед. ч. слова *brat*

иногo морфологического типа стали редукция форм в уже упомянутой области болгарских и македонских говоров, а также изменение функциональной нагрузки предлога в формах *casus generalis universalis* или *casus generalis obliquus*.

Своей спецификой в ареально-типологическом плане обладает и развитие субстантивного склонения с исходными основами на согласный. С ними связана обширная проблематика, мы для иллюстрации ограничимся примерами унификации исходных *n-основ (тип *kamy, *vyme, *ime, *berme, *teme, *seme, *sleme...),

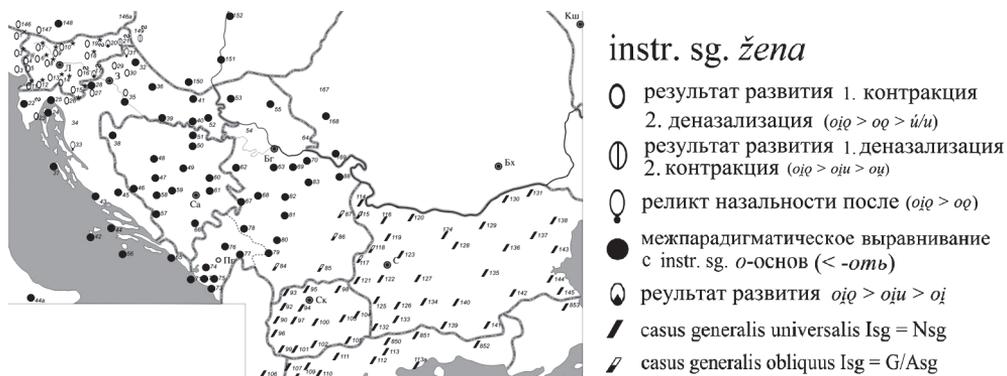

Рис. 4. Предл. п. ед. ч. слова *žena*

чтобы показать, как на ограниченной территории развитие флексии подверглось действию в т. ч. унификации формообразующей основы, в состав исходной формы именительного падежа вошел субморф падежей косвенных: **vumę* > *veteno* [Žigo 2017: 61]. Во многом поэтому возникновение таких форм следует интерпретировать не только в чисто морфологическом плане, но комплексно, и трактовать скорее как переход от изначальных форм к вторичным, которые были образованы, с одной стороны, в результате реструктурирования прежних элементов грамматической системы, с другой стороны, стали свидетельством системной переоценки морфологического статуса и унификации новых форм в грамматической структуре [Músková 2016: 18]. Эти процессы носят естественный и спонтанный характер, они не протекали во всех ареалах равномерно, и в них нашли свое отражение специфические языковые, межязыковые ареальные, и общественно-исторические характеристики тех или иных областей, а также, в особенности, меняющееся языковое сознание пользователей языковых идиомов. Внутрипарадигматически унифицированные формы Им. п. ед. ч. типа *veteno* характерны для западнословацкого и восточнословацкого диалектов, а также для компактного ареала моравских и чешских говоров (рис. 5)³; в среднесловацком ареале наличествует параллельное употребление исходных форм **vumę*, которые подверглись соответствующим фонетическим изменениям [Atlas slovenského jazyka 1981: 16, Český jazykový atlas 1999: 176].

Ареальная дистрибуция большинства рассмотренных явлений из области субстантивного склонения демонстрирует необходимость учитывать их поэтапное развитие от ранних праславянских изменений и стабилизации фонологической структуры слова к установлению консонантных корреляций и последовательной дифференциации морфологических структур. При этом развитие национальных

³ Отдельные фиксации форм на польской территории появились в результате переселения граждан с восточных территорий после Второй мировой войны, данные из градишанско-хорватских сел на территории Австрии и Венгрии мы рассматриваем как следствие окказиональных языковых изменений.

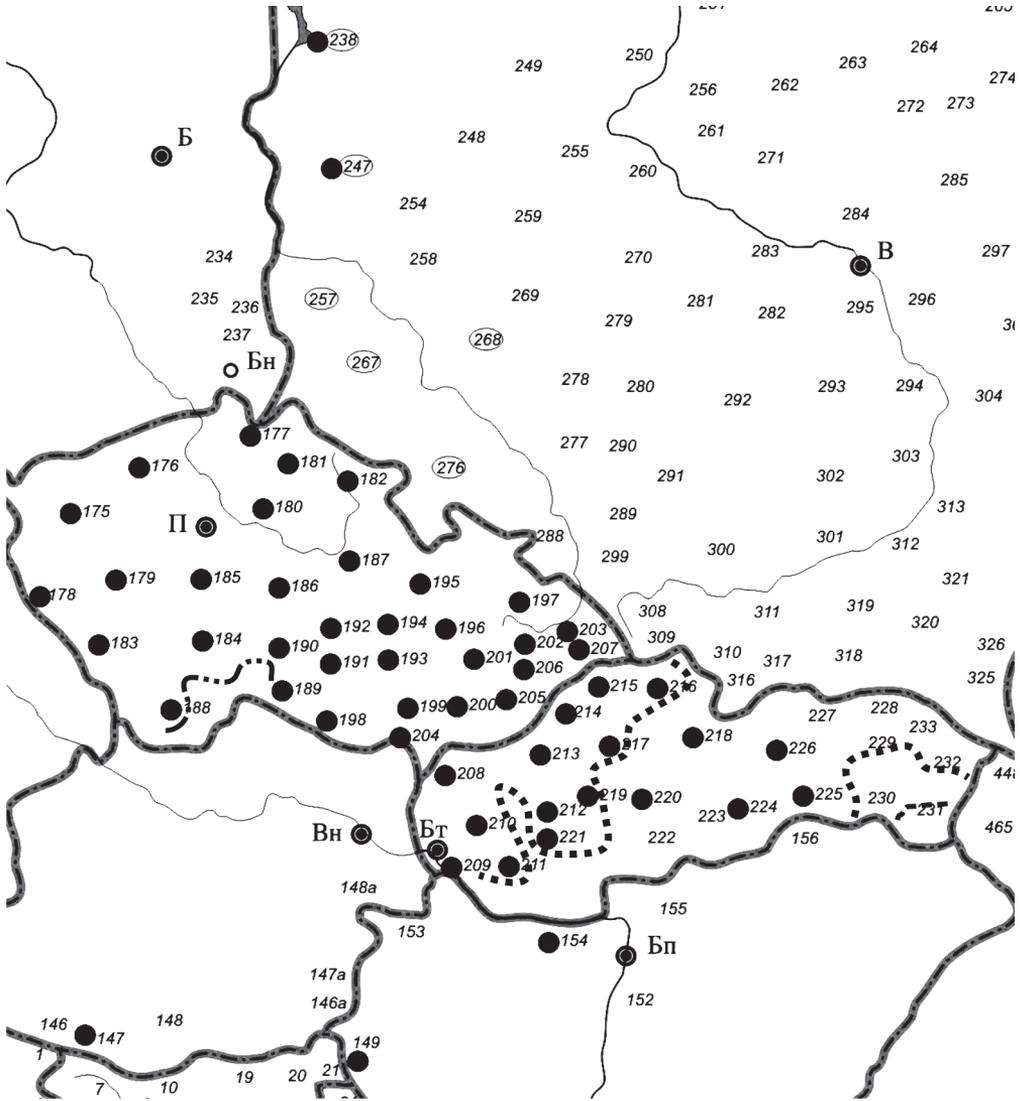

Рис. 5. Типичной инновацией чешских и моравских говоров в рамках Славии является выравнивание формообразующей основы Им. п. ед. ч. исходных п-основ по косвенным падежам (тип *vumę > vemeno). Изоглоссами очерчена центральная область словацких говоров, где параллельно встречаются исходные и унифицированные формы

языков на морфологическом уровне — мы говорим о нем постольку, поскольку именно морфология является предметом нашего внимания — постепенно чем далее тем больше отклонялось от «ожидаемого» или «предполагаемого» территориального членения, совпадающего с исходными праславянскими макроареалами. Нарушение их внутренней гомогенности является свидетельством органичного влияния оппозиции «свой / чужой» на процесс языкового развития.

Теоретико-методологические основы исследований равно как интерпретация материала на данном этапе проникновения в сущность проблемы содержат огромное множество противоречий. В частности, неясно, до какой степени в период формирования систем склонения на территориях гетерогенных государственных образований, в составе которых проживали предки современных славянских народов, имела влияние культура в качестве фактора, объединяющего такой коллектив, как народ. Быть может, именно гетерогенный характер государственных образований стал причиной дивергенции в морфологическом развитии, что подтверждают некоторые данные южнославянского макроареала, а также проникновение явлений из контактной языковой среды принципиально иного характера. С другой стороны, наблюдается стабилизация всего макроареала, объединенного мощным интегрирующим началом — конфессионально-языковой средой, оказывавшей сопротивление внешнему межкультурному и межъязыковому давлению. Эти предварительные заключения подтверждают справедливость уже цитированного скептического высказывания Л. Дюровича [Đurovič 1973: 273] касательно классификации славянских языков, которая должна отталкиваться от их современного состояния, в противовес традиционному основному критерию, каковым являются фонетические различия между отдельными славянскими языками. Наиболее полную и адекватную классификацию можно будет построить, когда у исследователей появятся силы и стремление пристрастно интерпретировать не только ситуацию в отдельных литературных языках, по сути представляющих собой компромиссное решение, которое предполагает функционально оптимальное ограничение множества вариантных и дублетных форм, но рассматривать тенденции в морфологическом развитии за пределами ареалов с определенной фонетической спецификой. Полная типологическая характеристика общеславянского языкового ареала должна быть дополнена рассмотрением общих тенденций на материале микроструктур отдельных ареалов, и более подробным анализом национальных диалектных атласов, где сеть картографируемых пунктов является более густой, кроме того, следует учитывать данные дописьменного периода развития национальных языков. Тем самым утверждение Л. Дюровича о том, что «классификация на основании рефлексов определённых праславянских звуковых сочетаний исходит из положения свыше 1000 лет тому назад и полностью игнорирует то специфическое, что отдельные славянские языки выработали в течение своего самостоятельного развития...» [Đurovič 1973: 225] является крайне важным при рассмотрении морфологии славянских языков, и современные исследования функционирования грамматических форм в национальных языках его полностью подтверждают. Несколько примеров из морфологической части *«Общеславянского лингвистического атласа»*, касающиеся субстантивного склонения, доказывают необходимость применения комплексного подхода при интерпретации морфологических явлений на территории Славии: от характеристики исходной природы морфологического явления мы переходим к его развитию, на которое оказывали влияние внутрипарадигматические и межпарадигматические процессы аналогического выравнивания — при этом необходимо учитывать такой фактор, как интра- и экстралингвистическое давление — и далее

к современному состоянию, к сложной ареальной дистрибуции явлений, ставших результатом естественных языковых изменений. Последовательная реконструкция современных форм и их интерпретация в синхронии и диахронии демонстрирует высокую познавательную ценность материалов *Общеславянского лингвистического атласа*. Проблематика, представленная в его отдельных томах, демонстрирует необходимость точной и аргументированной интерпретации эмпирического материала как рельефного образа славянских языков — в их генетической, ареальной и типологической проекции.

Перевод со словацкого Д. Ю. Ващенко

References

- Atlas slovenského jazyka. Zv. 2.* Bratislava, 1981.
Brozović, Ivić 1988 — Brozović D., Ivić P. *Jezik. Srpskohrvatski, hrvatskosrpski, hrvatski ili srpski.* Zagreb, 1988.
Český jazykový atlas. Zv. 3. Praha, 1999.
Đurovič 1973 — Đurovič L. Tipologija flektivnoj osnovy v slavyanskix yazykax. *Scando-Slavica*, 1973. No 19, pp. 225–243. [In Russian].
Đurovič 2004 — Đurovič L. *O slovenčine a Slovensku. Zv. I.* Bratislava, 2004, pp. 125–139.
Múcsková 2016 — Múcsková G. *Jazykové zmeny v historickom vývine gramatických tvarov z aspektu gramatikalizácie.* Bratislava, 2016.
Paulíny 1990 — Paulíny E. *Vývin slovenskej deklinácie.* Bratislava, 1990.
Žigo 2017 — Žigo P. *Vývin substantívnej deklinácie v slovanských jazykoch.* Bratislava, 2017.
Žigo 2013 — Žigo P. K probleme kartografirovaniya substantivnyx paradigm v dialektax slavyanskix yazykov. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii. 16. Grammatika slavyanskix yazykov. Mexanizmy evolyucii. Utraty i innovacii. Istoriko-tipologicheskie yavleniya.* Ed. L. E. Kalnyn'. M., 2013, pp. 37–47. [In Russian].

Pavol Žigo

*Comenius University in Bratislava
(Bratislava, Slovakia)
pavol.zigo@uniba.sk*

THE INTERPRETATION OF SUBSTANTIVE DECLENSION IN THE SLAVIC LINGUISTIC ATLAS

The paper deals with The Interpretation of Substantive Declension in Slavic Languages which is based on an extensive field research of all Slavic language dialects. The territory of the research is delimited by the international project The Slavic Linguistic Atlas.

It's database is formed by the answers to more than 3400 questions within 853 localities overall the Slavic territory. However, not all the forms of substantive paradigms are presented, but only the selected representative phenomena testifying to the natural constitutive processes of the national languages in connection with the phonetic changes proving the specific character of the linguistic development under the influence of a genetically homogeneous or heterogeneous environment and testifying to linguistic changes as results of intercultural, inter-lingual and probably also inter-confessional influences. The final part of the publication is oriented upon the constitutive processes of substantive declination in the Slavic macro-areas (South-Slavic, West-Slavic, and East-Slavic — and within them also in the particular Slavic languages) from the point of view of “otherness” and “foreignness”, i.e. from the point of view of the original and non-original grammatical endings in the particular declension types. The genuine basis of the transgression from the original domestic elements to the new ones gets manifested not only within the adaptation processes of the lexical level, but its basis is hidden in the long-term stabilization processes, in systemic changes by which the inner structure of the language, the area of the distribution of changes, and their impact upon the typological substance of the language are modified. By its interpretative character, the research aims at integrating the genetic areal as well as typological aspects of the investigated domain.

Key words: Slavic Linguistic Atlas, dialectology, morphology, noun, declension.

Матей Шекли

*Люблянский университет, Философский факультет, Кафедра славистики
Научно-исследовательский центр Словенской академии науки и искусств,
Институт словенского языка им. Франа Рамовша
(Любляна, Словения)
matej.sekli@guest.arnes.si*

**МЛАДШИЕ РОМАНИЗМЫ В СЛОВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ «ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
АТЛАСА», ВЫПУСКИ 11 И 12)¹**

В статье на основе материала *Общеславянского лингвистического атласа* анализируются младшие романизмы в словенском языке. Проанализирован словенский материал двух томов атласа, которые находятся в работе: *Выпуск 11. Степени родства* (вопросы с 1729 по 1857) и *Выпуск 12. Личные черты человека* (вопросы с 1898 по 1971). Младшие романизмы в словенском языке заимствованы из новороманских идиомов, которые находятся в контакте со словенским языком: фриульский язык, колониальные венецианские диалекты итальянского языка и литературный итальянский язык. Поскольку первоначально одна и та же романская лексема может иметь в указанных новороманских идиомах весьма разнообразное фонетическое оформление (по причине дивергентного фонетического изменения во времени), именно дифференциальные фонетические характеристики младших романизмов являются средством для определения их источника.

Ключевые слова: общеславянский лингвистический атлас, контактная лингвистика, словенский язык, романизмы, фриульский язык, венецианские диалекты итальянского языка, литературный итальянский язык.

1. Романские идиомы в контакте со словенским языком

Романизмы в словенском языке с точки зрения хронологии романского идиома, из которого они были заимствованы, можно разделить на старшие и младшие. Старшие романизмы были заимствованы из формирующихся старороманских

---

¹ Проблематика, анализируемая здесь, на материале первого тома Словенского лингвистического атласа представлена в Šekli 2013.

идиомов (такowymi являлись альпийский романский язык, «предок» фриульско-го, доломитского ладинского и ретороманского языков, а также балканский романский язык, «предок» истророманского, далматинского и румынского языков) в альпийский славянский язык (ранний словенский язык), «предок» словенского, тогда как младшие романизмы были заимствованы из уже сформировавшихся новороманских идиомов (сюда относятся фриульский язык, истророманский язык, колониальные венецианские диалекты итальянского языка и литературный итальянский язык) в (приморский) словенский язык.

В контакте со словенским языком появляется больше новороманских идиомов, больше геолектов (географических языковых вариантов) и социолектов (общественных языковых вариантов), а также их хронолектов (временных языковых вариантов).

Новороманские геолекты. Среди геолектов были фриульский и истророманский, к которым в XIV веке начали присоединяться колониальные венецианские диалекты итальянского языка. Из социолектов до XVI века по отношению к фриульскому и истророманскому более престижным социальным вариантом, использовавшимся также в роли литературного языка, были (колониальные) венецианские диалекты итальянского языка, которые после XVI века заменил литературный итальянский язык, ставший более высоким социальным вариантом по отношению к остальным трем идиомам.

Новороманские хронолекты. На протяжении истории в контакте со словенским языком были разные хронолекты новороманских геолектов (которые были подвержены изменениям с течением времени). Некоторые младшие романизмы в словенском языке указывают на более ранний фонетический характер новороманских лексем, заимствованных из новороманских геолектов, территориально контактирующих со словенским, что демонстрируют их современные континуанты (эти лексемы были заимствованы словенским языком до некоторых фонетических изменений, произошедших в новороманских геолектах, территориально контактирующих со словенским): словен. диал. *amig* ‘друг’ было заимствовано из фриульского языка в словенский язык до отпадения некоторых глухих шумных в положении между гласными (исторически) во фриульском языке типа фриул. *amig ‘друг’ > *amì*; словен. диал. *zerman* ‘двоюродный брат’ было заимствовано из колониальных венецианских диалектов после упрощения аффрикат в спиранты типа итал. вен. [zerman] > [zerman] ‘двоюродный брат’.

Новороманские социолекты. Новороманские идиомы, находящиеся в контакте со словенским языком, находились и продолжают находиться в территориальном и общественном контакте, последствием чего является заимствование слов из одного идиома в другой. Здесь следует упомянуть заимствование «ученых слов» (итал. *voci dotte*) из латинского языка, начавшееся с периода Ренессанса, на что указывает фонетический облик заимствованных слов. Можно различать несколько направлений заимствования: а) из венецианских диалектов или литературного итальянского языка в фриульсийкий (итал. вен. *campanil*, итал. лит. *campanile* → фриул. *campanil* ‘колокольня’, однако незаимствованное фриул. *sjampane* ‘колокол’ : итал. вен. *campana*, итал. лит. *campana*); б) из литературного итальянского

языка в венецианские диалекты (лат. *diurnu(m)* > итал. лит. *giórno* → итал. вен. *giorno* ‘день’, однако более раннее незаимствованное *zorno, zorno*); в) из северно-итальянских диалектов в литературный итальянский язык (лат. *capu(t)* > итал. вен. *cavo* ‘веревка’ → итал. лит. *càvo* ‘веревка’, однако незаимствованное итал. лит. *càpo* ‘голова’); г) из латинского языка в литературный итальянский (и оттуда дальше в венецианские диалекты и фриульский язык) (лат. *vitiu(m)* → итал. лит. *vizio* ‘порок, недостаток’, однако незаимствованное итал. лит. *vèzzo* ‘привычка, порок, ласка, нежность ...’).

1.1. Фриульский язык²

Фриульский язык (фриул. *furlan*, итал. *friulano*) является автохтонным альпийско-романским языком, который присутствует на своей современной (и прошлой) территории распространения еще с античных времен. Языковая граница между фриульским, на одной стороне, и романским к востоку от него, на другой стороне (граница определена на основе передачи романских глухих шумных в звонком окружении и передачи романских сочетаний **k^E, *g^E*), проходила по линии Копер-Солкан-Филлах: язык Муджи (итал. *Muggia*, словен. *Milje*) был фриульским, поскольку на это указывает озвончение романских глухих шумных в звонком положении (лат. **Mūt(u)la(m)* > ром. **Mūkla* > альп. ром. **Mūgla* > фриул. *Mugla*); язык Копера был истророманским, поскольку озвончение романских глухих в звонком окружении здесь не происходило (лат. *Caprīs* > ром. **Kapri* > балк. ром. **Kapri* → сл. **Koprъ* > словен. *Kopar*). С расширением венецианских диалектов итальянского языка на изначально фриульскую языковую территорию с 14 века и позже южная часть фриульского подверглась венецизации. При напластовании венецианского суперстрата на фриульский субстрат возникли колониальные диалекты Градо (итал. *Grado*, фриул. *Grau*, словен. *Gradež*), бизиакко и диалект Триеста венецианского типа. Документированы два вымерших фриульских диалекта: тергестинский (итал. *tergestino*), т. е. фриульский язык Триеста, который вымер в начале XIX века, и мулизанский диалект (итал. *muglisano*), т. е. фриульский язык Муджи, вымерший в конце XIX века.

С диатопической точки зрения фриульский язык неоднороден, он делится на три крупных диалекта. Это центрально-восточный диалект (итал. *friulano centro-orientale*), расположенный к востоку от реки Тальяменто (итал. *Tagliamento*, фриул. *Tiliment*), карнийский (северный) (итал. *friulano carnico*) в провинции Карния (итал. *Carnia*, фриул. *Cjargne*), в верхнем течении реки Тальяменто и вдоль реки Фелла, и западный диалект (итал. *friulano occidentale*), расположенный к востоку от реки Тальяменто.

Фриульские диалекты, находящиеся или находившиеся в контакте со словенским языком в направлении с севера на юг: фелльский (от итал. *Fella*, фриул. *Fele*, словен. *Bela*) диалект (восточноальпийский) карнийского диалекта

² Frau 1984, 1989: 563–645; Skubic 2002: 144–155.

и восточно-предальпийский диалект, диалект Чивидале (итал. *Cividale*, фриул. *Cividât*, словен. *Čedad*), Гориции (итал. *Gorizia*, фриул. *Gurize*, местное: *Guriza*, словен. *Gorica*), тергестинский и мулизанский диалекты центрально-восточной группы³.

1.2. Истророманский⁴

Истророманский (итал. *istrioto* или *istroromanzo*) является автохтонным балканороманским языком, который присутствует в Истрии еще с античных времен. До славянизации внутренних районов Истрии и венецизации, в первую очередь, приморской части полуострова, он был распространен на большей территории, сейчас же — только в шести населенных пунктах юго-западной Истрии: Ровинь (хорв. *Rovinj*, итал. *Rovigno*), Воднян (хорв. *Vodnjan*, итал. *Dignano*), Фажана (хорв. *Fažana*, итал. *Fasana*), Бале (хорв. *Bale*, итал. *Valle*), Галижана (хорв. *Galijana*, итал. *Gallesana*), Шишан (хорв. *Šišan*, итал. *Sissano*), до начала XX века, вероятно, был распространен также в Пиране (словен. *Piran*, итал. *Pirano*), Врсаре (хорв. *Vrsar*, итал. *Orsera*), Пуле (хорв. *Pula*, итал. *Pola*). Речь идет о вторичном геолекте: исторороманский язык возник из балканского романского языка, изначально он был генетически близок к вымершему далматинскому (вельотскому) языку, позднее он был под влиянием истрийского варианта колониальных венецианских диалектов подвержен сильной венецизации, из-за чего современный исторороманский язык включается в диалекты венецианского типа.

На балканороманское происхождение исторороманского указывают редкие остатки глухих шумных в звонком окружении (лат. *lepore(m)* ‘заяц’ > истр. *leprio*, итал. лит. *lèpre* : итал. вен. Венеция *lievro*, Триесте, Монфальконе *levro*, Копер *lever(o)*, *liever(o)*, Изола *levro*, Пиран *levere*, *levero*, фриул. *jeur*).

Истророманско-далматинская инновация в вокальной системе, которая отличает исторороманские говоры от колониальных истрийских говоров венецианского типа и одновременно делит исторороманские говоры на «западные» (Ровинь, Воднян, Фажана) и «восточные» (Бале, Галижана, Шишан), следующая: а) (лат. *ī, ū* >) ром. *i, *u > зап. истрором. *eĭ, oĭ* : вост. истрором. *i, u* (лат. *filu(m)* ‘нить’ > истрором. Ровинь *fēil* : Бале *fil*; лат. *dūru(m)* ‘твердый’ > истрором. Ровинь *dōur* : Бале *duro*);⁵ б) ром. **ĕ, *o* > зап. истрором. *i, u* : вост. истрором. *e, o* (лат. *pilu(m)* ‘шерсть’ > истрором. Воднян *pil* : Бале *pél*; лат. *vēru(m)* ‘настоящий’ > истрором. Ровинь *viro* : Бале *véro*; лат. *cruce(m)* ‘крест’ > истрором. Ровинь *crus* : Бале *crós*; лат. *sōle(m)* ‘солнце’ > истрором. Ровинь *sul* : Бале *sól*).

³ Frau 1984: 118–128, 104–106, 110–111, 112–114.

⁴ Tekavčić 1982: 271–298; Ursini 1989: 538–548; Skubic 2002: 46–50; Filipi — Buršič-Giudici 1998.

⁵ Истророманская дифтонгизация ром. **i, *u* > зап. истрором. *eĭ, oĭ* по всей вероятности, древняя, на что указывает древнеисторороманское географическое название в чакавском диалекте Бузета лат. *Montōna(m)* > ром. *Montōna > *Montūna > истрором. *Montouna → сл. **Mq̄tovun* > чакавский (Бузет) *Motovun* [Tekavčić 1982: 271–272].

По типу венецианских диалектов итальянского языка колониального типа была изменена консонантная система истророманского: а) озвончение глухих шумных в звонком окружении (лат. *capu(t)* ‘голова’ > истрором. *cavo*, истр. итал. вен. *cavo* : итал. лит. *cápo*; лат. *focu(m)* ‘огонь’ > истрором. *fogo*, истр. итал. вен. *fogo* : итал. лит. *fuòco*); б) упрощение романских двойных согласных (лат. *terra(m)* ‘земля’ > истрором. Ровинь *tiera*, Бале *tèra*, истр. итал. вен. *tera* : итал. лит. *tèrra*; лат. *fossa(m)* ‘яма’ > истрором. Ровинь *fuosa*, Бале *fòsa*, истро. итал. вен. *fosa* : итал. лит. *fòssa*); в) передача романских заднеязычных в позиции перед передними гласными в начале слова (лат. *centu(m)* ‘сто’ > истрором. *seno*, истр. итал. вен. *seno* : итал. лит. *cèno*; лат. *gente(m)* ‘люди’ > истрором. *šeno*, истр. итал. вен. *šente* : итал. лит. *gènte*); г) ром. *lj > j (лат. *āliu(m)* ‘чеснок’ > истрором. *aio*, истр. итал. вен. *aio* : итал. лит. *àglio*).

1.3. Венецианские диалекты итальянского языка⁶

Венецианские диалекты итальянского языка относятся к северноитальянским (галлоитальянским) идиомам, которые подразделяются на несколько геолектов. Это континентальные венецианские диалекты (итал. *veneto continentale*), которые являются автохтонными в итальянском историческом регионе Венето (итал. *Veneto*), лагунные/венецианские диалекты (итал. *veneto lagunare* или *veneziano*), которые являются автохтонными в Венеции (итал. *Venezia*) и Венецианской лагуне, а также колониальные венецианские диалекты (итал. *veneto coloniale*). Последние по сравнению с континентальными и лагунными диалектами — аллохтонный геолект, это следствие венецианской колонизации, которая началась с XI века, в результате которой венецианский диалект с XIV века начал переноситься за пределы автохтонной территории распространения на территорию фриульского, истророманского и далматинского языков, а также на словенскую, чакавскую и штокавскую языковую территорию.⁷

Колониальные венецианские диалекты занимают континентальную часть первоначальной фриульской территории, на юго-западе Фриули на венецианско-фриульской языковой границе (в населенных пунктах Портогруаро, Латизана, Порденоне), а также в более крупных городах: Удине, Пальманова, Чивидале, после первой мировой войны — также Гориция, и на территории, которую венецианцы заняли в результате морской колонизации: лагуна Марано и лагуна Градо, а также нижняя часть Фриульской низменности (итал. *Bassa Friulana*), провинция

⁶ Zamboni 1988: 517–538; Ursini 1988: 538–550; Crevatin 1989b: 555–562.

⁷ Первые договоры о защите и верности между Венецией и городами в Истрии относятся к X веку (в 932 году Копер заключил соглашение с венецианским дожем об уплате налога в обмен за защиту от хорватов и сарацинов). С XI до XIII века отдельные города в Истрии заключали с Венецией договоры. Начало языковой венецизации Истрии (наряду с культурной), как правило, относят к XIV веку; в XIV и XV веках все источники на народном языке написаны на венецианском диалекте (литературный итальянский язык появляется с XVI века) (пересказано по Crevatin 1989a: 551–552; Darovec 2008: 62–64).

Бизиакария (итал. *Bisiacaria*), Триест, Муджа и по большей части — прибрежные города в Истрии, Кварнере и Далмации. В перечисленных местах аллохтонные венецианские диалекты делятся на: а) диалект Градо (итал. *gradese*) в лагуне Марано с центром в Марано Лагунаре и в лагуне Градо с центром в Градо; б) диалект бизиако (итал. *bisiaco*) в провинции Бизиакария (итал. *Bisiacaria*) в Монфальконе (итал. *Monfalcone*, фриул. *Monfalcon*, словен. *Tržič*) и его окраинах; в) триестинский диалект (итал. *triestino*) в Триесте и Муджи, который после первой мировой войны начал распространяться также в сторону Гориции, где формируется горицианский диалект (итал. *goriziano*); г) истрийский диалект (итал. *veneto istriano* или *istro-veneto*) в прибрежных населенных пунктах Истрии (Копер, Изола, Пирани, Умаг, Буе, Новиград, Врсар, Пула, Лабин, Опатия), а также в некоторых местах в долине реки Мирна и в ее окрестностях (Мотовун, Бузет, Роч); д) далматинский диалект (итал. *veneto* или *veneziano dalmata*) в Кварнере и Далмации от Риеки и острова Крк до Боки Которской.

Колониальные венецианские диалекты находятся в контакте со словенским языком в направлении с запада к (юго)востоку: а) диалект бизиако контактирует с крашким диалектом словенского языка; б) триестинский диалект граничит с крашким, нотраньским и истрийским диалектами; в) истрийский диалект (точнее, говоры в Копере, Изоле, Пиране) контактирует с истрийским диалектом словенского языка.⁸

1.4. Литературный итальянский язык

Литературный итальянский язык, чьей основой является флорентийский диалект тосканской группы (итал. *toscano fiorentino*), т. е. центрально-южноиталийский идиом, с XVI века начал замещать в области Фриули и в Истрии колониальные венецианские диалекты в качестве литературного языка [Crevatin 1989a: 552], окончательно возобладал с подчинением этой территории итальянскому государству в 1866 году [Skubic 1997: 13–14].

1.5. Методология определения пластов младших романизмов в словенском языке

Методология определения разных пластов младших романизмов в словенском языке учитывает следующие лингвистические критерии: 1) **словообразовательный критерий** (лексикографический критерий): для этого значения новороманские идиомы, находящиеся в контакте со словенским языком, демонстрируют первоначально (в корне или на уровне словообразования) различные лексемы

⁸ Обозначение венецианских диалектов и их говоров, а также их источник — следующие: В = Венеция (Boerio 1867), Тр = Триест (Doria 1987), К = Копер (Manzini — Rocchi 1995), И = Изола (Lusa 2004), П = Пирани (Sau 2009), М = Монфальконе, т. е. бизиако (Casasola 2007, Cuccarella 2013). Часто словари не приводят некоторых основных лексем, что не означает, что их нет (не было) в определенном говоре.

(словен. диал. *bek* ‘борода’ (ОЛА 1) из фриул. *bec* ‘борода’ (и не из итал. вен. *bàrba*, итал. лит. *bàrba*); 2) **семантический критерий**: первоначально одна и та же лексема в разных новороманских языках, находящихся в контакте со словенским языком, имеет разные значения (словен. диал. *trīšt* ‘ленивый’ (ОЛА 1) из фриул. *trist*, итал. вен. *tristo* ‘плохой, злой’ (vs. итал. *triste* ‘грустный’); 3) **фонетико-фонологический критерий**: первоначально одна и та же лексема имеет в разных новороманских языках, находящихся в контакте со словенским языком, разное фонетическое оформление, что является последствием разных дивергентных фонетических изменений их изначального общероманского фонетического облика (словен. диал. *kužin* (ОЛА 1, 2) ‘двоюродный брат’ из фриул. *cušin* ‘двоюродный брат’ (vs. итал. лит. *cugino*)).

2. Фонетико-фонологический критерий определения пластов младших романизмов в словенском языке

Фонетико-фонологический критерий из-за возможности применения на большинстве лингвистического материала представляет ядро методологии определения пластов младших романизмов в словенском языке (словообразовательный критерий не вызывает сомнений, тогда как семантический критерий можно применить только в редких случаях). Поскольку первоначально одна и та же лексема в упомянутых новороманских идиомах из-за дивергентного фонетического изменения в течение времени имеет очень разный фонетический облик, именно дифференциальные фонетические характеристики младших романизмов часто являются критерием определения их источника. Далее будет описано фонетическое разнообразие новороманских идиомов, которые находятся в территориальном контакте со словенским языком: в системе консонантизма и вокализма, а также релевантность этого разнообразия при определении пластов младших романизмов в словенском языке, причем учитываются только более характерные и более релевантные для языкового контакта со словенским языком характеристики новороманских языков.

2.1. Система консонантизма

2.1.1. Романские глухие шумные в звонком окружении

Романские глухие шумные *p*, *t*, *k* (общий символ для них *T*) в звонком окружении (т. е. в позиции между гласным / сонорным и гласным / сонорным) в тосканском диалекте итальянского языка (и последовательно в литературном языке), так же как в других частях юговосточных романских языков, передаются как глухие шумные, тогда как в венецианских диалектах и во фриульском языке, так же как первоначально в других частях северо-западных романских языков, передаются как звонкие шумные или их производные (произошло совпадение ставших звонкими изначально глухих шумных с первичными звонкими

шумными):⁹ а) ром. *p / +[V/R_V/R] > итал. лит. *p* : итал. вен. *v* (который в позиции при заднем гласном может исчезнуть), фриул. *v*, *-*v* > -*f* (лат. *sapōne(m)* ‘мыло’ > итал. лит. *sapōne* : итал. вен. В *saon*, Тр, К, И, П *savon*, М *savon*, *saon*, фриул. *savon*); б) ром. *t / +[V/R_V/R] > итал. лит. *t* : итал. вен. *d* > $\emptyset$ (при чем вторично появляется также *d*), фриул. *d*, *-*d* > -*t* (лат. *marītu(m)* ‘муж, супруг’ > итал. лит. *marīto* : итал. вен. В *mario*, *marido*, Тр, М, К, И *marì*, П *marido*, фриул. *marīt*); в) ром. *k / +[V/R_V/R] > итал. лит. *k* : итал. вен. *g*, фриул. *g* > $\emptyset$, *j*, *-*g* > -*k*/ $\emptyset$ (лат. *amīcu(m)* ‘друг’ > итал. лит. *amīco* : итал. вен. В, Тр, К, П, М *amigo*, фриул. *amì*).

На основе передачи романских глухих шумных в звонком окружении в словенском языке можно отделить заимствования из литературного итальянского языка от заимствований из венецианских диалектов и фриульского языка.

2.1.2. Романские согласные *k*, *g* в положении перед передними гласными в начале слова

Романские согласные *k*, *g* в положении перед передними гласными в начале слова в тосканском диалекте итальянского языка изменились в *č*, *ž*, в венецианских диалектах — в *c*, *z*, которые в некоторых говорах упростились в *s*, *z* (которые затем перешли в *θ*, *δ*), в фриульском — в *č*, *ž* (которые в некоторых говорах затем перешли в *c*, *z*, а затем могли упроститься в *s*, *z*) (ср. 1.2), причем *g* в положении перед передним согласным, за которым следовал носовой, изменился в *j* (который позднее слился со следующим *i*):¹⁰ а) ром. **k^E*- > итал. лит. *č*, итал. вен. *c* > *s* > $\emptyset$, фриул. *č* (лат. *cēna(m)* ‘ужин’ > итал. лит. *cēna*, итал. вен. В *senā*, Тр, М *zena*, К, И, П *senā*, фриул. *cene*); б) ром. **g^E*- > итал. лит. *ž*, итал. вен. *z* > *z* > δ , фриул. *ž*, *jN* (лат. *generu(m)* ‘зять’ > итал. лит. *gènero*, итал. вен. В *šenero*, Тр *ženero*, К, И *šenero*, П *šenero*, *šenero*, М *ženar*, фриул. *ginar*; лат. *gente(m)* ‘люди’ > итал. лит. *gènte*, итал. вен. В *šente*, Тр, М *žente*, К, И, П *šente*, фриул. *jint > *int*). Романский *j имеет такую же реализацию, как и романский **g^E*: лат. *iuvene(m)* ‘молодой’ > итал. лит. *giòvane*, итал. вен. В *zovene*, Тр, К *žovine*, И *šoveno*, П *šovene*, *šoveno*,¹¹ М *žovin*, фриул. *zovin* [žovin]. Романский **k^E* в звонком окружении в тосканском и венецианском диалектах реализуется так же, как и романский **g^E*, во фриульском появляется *z*, *-*z* > -*s*: лат. *tacēre* > итал. лит. *tacére* ‘молчать’, фриул. *tašé*, (лат. *tacere >) итал. вен. В *tašer*, Т, К, И *tašer*, П *taši*, М *tašar*.

Различная передача романских согласных *k*, *g* в положении перед передними гласными в начале слова в новороманских идиомах позволяет различать заимствования в словенском языке из фриульского и литературного итальянского языка, с одной стороны, и из венецианских диалектов, с другой.

⁹ Rohlfs 1966: 277–280, 271–277, 265–270; Benincà 1989: 570.

¹⁰ Rohlfs 1966: 200–203, 209–212; Zamboni 1988: 525–526; Ursini 1988: 547; Benincà 1989: 569.

¹¹ Более частыми являются младшие формы итал. вен. *giòvine*, которые заимствованы из литературного итальянского языка.

2.1.3. Романские сочетания согласных *kj, *gj

Романские сочетания согласных *kj, *gj в тосканском диалекте итальянского изменились в čč, žž, в венецианских (и шире в северных) диалектах итальянского языка — в c, z (которые позже в некоторых говорах упростились в s, z, которые затем в некоторых говорах перешли в θ, δ), в фриульском языке — č, ž:¹² а) (лат. ci, ce / +[_ V] >) ром. *kj > итал. лит. čč, итал. вен. c > s > θ, фриул. č (лат. *facia(m) ‘лицо’ > итал. лит. fàccia, итал. вен. В, Тр, М faza, К, И, П fasa, фриул. face); б) (лат. gi, ge / +[_ V] >) ром. *gj > итал. лит. žž, итал. вен. z > z > δ, фриул. ž, j (лат. fāgeu(m) ‘бук’ > итал. лит. fāggio, *fāgeāriu(m) > фриул. faiâr).

На основе разной передачи романских сочетаний согласных *kj, *gj в словенском языке можно различать заимствованную лексику из фриульского и литературного итальянского, с одной стороны, и из венецианских диалектов, с другой стороны.

2.1.4. Романские сочетания согласных *tj, *dj

Романские сочетания согласных *tj, *dj в тосканских диалектах итальянского языка передаются как cc/č, žž/zz, в венецианских диалектах — как c/z, z > z > δ, во фриульском языке — как č/z, ž/j:¹³ а) (лат. ti, te / +[_ V] >) ром. *tj > итал. лит. cc, итал. вен. c > s > θ, фриул. č в некоторых словах (лат. puteu(m) ‘колодец’ > итал. лит. pózzo, итал. вен. В, Тр pozò, К, И, П poso, М poz, фриул. роç), итал. лит. ž, итал. вен. z > z > δ, фриул. z в других словах (лат. ratiōne(m) ‘мысль, счет’ > итал. лит. ragiōne, итал. вен. В raşon, Тр raşon, raşon, К raşon, И, П raşon, М reşon, фриул. reşon); б) (лат. di, de / +[_ V] >) ром. *dj > итал. лит. žž/zz, итал. вен. z > z > δ, фриул. ž, j / +[_ V] (лат. radiu(m) ‘луч’ > итал. лит. ràggio, итал. вен. В raşo, М raşo (Тр raggio, что заимствовано из итал. лит.), фриул. rai; лат. mediu(m) ‘средний’ > итал. лит. mèzzo, итал. вен. В meşo, Тр, М mezo, К, И, П meşo, фриул. mieç, Nsg f mieze [mježe]).

Разная передача романских сочетаний согласных *tj позволяет различать в словенском языке заимствования из литературного итальянского и венецианских диалектов, с одной стороны, и из фриульского, с другой.

2.1.5. Романские сочетания ka, ga

Романские сочетания ka, ga в тосканском и венецианском диалектах итальянского языка в старейший период не подвергались изменениям (в тосканских диалектах итальянского языка k перешел в h — это явление т. н. gorgia toscana, которое в литературный язык не вошло), однако во фриульском (и шире — в альпийских романских языках, а также в галльских романских языках) подверглись

¹² Rohlfs 1966: 387–390, 395–396; Benincà 1989: 569.

¹³ Rohlfs 1966: 409–411, 390–395; Benincà 1989: 570.

палатализации в *ĉa*, *ẓ̌a*, которые в некоторых фриульских диалектах отвердели¹⁴: ром. *ka, *ga > итал. лит. ka, ga, итал. вен. ka, ga, фриул. *ĉa*, *ẓ̌a* > *ča*, *ža* (лат. *casa(m)* ‘дом’ > итал. лит. *càsa*, итал. вен. В, Тр, К, И, М *caša*, фриул. *cjaše*; лат. *gallu(m)* ‘петух’ > итал. лит. *gàllo*, итал. вен. В, Тр, И *galo*, М *gal*, фриул. *gjal*).

Присутствие/отсутствие палатализации романских сочетаний *ka*, *ga* в романизмах в словенском языке позволяет различать фурланизмы и итальянизмы.

2.1.6. Романские сочетания согласных *pl*, *bl*, *fl*, *kl*, *gl* в начале слова

Романские сочетания согласных губного/заднеязычного с *l* в начале слова в альпийских романских языках, как и в галльских романских языках, сохранились, тогда как *l* на большей части территории распространения итальянского языка (за исключением некоторых говоров в северном Абруццо, итал. *Abruzzo*) изменился в *j*, затем смычный и *j* могли изменяться дальше:¹⁵ а) ром. *pl-, *bl-, *fl- > фриул. *pl-*, *bl-*, *fl-*, итал. лит. *pj-*, *bj-*, *fj-*, итал. вен. *pj-*, *bj-*, *fj-* (лат. *placēre* ‘нравиться’ > фриул. *plašē*, итал. лит. *piacēre*, (*placere >) итал. вен. В, Тр, К, И *piàšer*, П *piàše*, М *piàšar*; герм. *blank* ‘белый’ → фриул. *blanc*, итал. лит. *biànc*, итал. вен. В, Тр, И *bianco*, М *bianc*; лат. *flamma(m)* ‘пламя’ > фриул. *flame*, итал. лит. *fiàmma*, итал. вен. В, М *fiam*; б) ром. *kl-, *gl- > фриул. *kl-*, *gl-*, итал. лит. *kj-*, *gj-*, итал. вен. *č-*, *ž-* (лат. *clamāre* ‘звать’ > фриул. *clamâ*, итал. лит. *chiamàre*, итал. вен. Тр, К, И, *ciamàr*, П *ciamâ*, М *ciamar* (В *chiamar*, что, вероятнее всего, заимствовано из итал. лит.); ср. лат. *glandula* ‘желез’ → фриул. *glandule*, итал. лит. *ghiàndola*, итал. вен. Тр, К, П *giandola*, М *giandula*).

Разная передача романских сочетаний согласных *pl-*, *bl-*, *fl-* в новороманских идиомах позволяет различать заимствования в словенском языке из фриульского языка, с одной стороны, и из литературного итальянского языка или венецианских диалектов, с другой.

2.1.7. Романское сочетание согласных *lj

Романское сочетание согласных *lj изменилось в тосканских диалектах в *ll̥*, в венецианских диалектах (и шире — в северных диалектах) в *j* (который в некоторых говорах в позиции между двумя гласными затем изменился в *ẓ̌*), во фриульском — в *j*:¹⁶ (лат. *li*, *le* / +[_V] >) ром. *lj > итал. лит. *ll̥*, итал. вен. *j* > *ẓ̌*, фриул. *j* (лат. *āliu(m)* ‘чеснок’ > итал. лит. *àglio*, итал. вен. В *agio*, Тр, К, И, П *aio*, М *ai*, фриул. *ai*).

На основе разной передачи романского сочетания согласных *lj мы можем различать в словенском языке заимствованную лексику из фриульского языка и венецианских диалектов, с одной стороны, а также литературного итальянского языка, с другой стороны.

¹⁴ Rohlfs 1966: 197–200, 207–209; Benincà 1989: 569–570.

¹⁵ Rohlfs 1966: 252–255, 241–242, 247–249, 243–245, 249–251; Benincà 1989: 570; Skubic 2002: 136, 67, 74.

¹⁶ Rohlfs 1966: 396–398; Benincà 1989: 571.

2.1.8. Романские *s, z*

(Северо-западные) романские свистящие *s, z*, а также венецианские и фриульские *s, z* разного происхождения (ср. 2.1.2, 2.1.3, 2.1.4), в венецианских диалектах и во фриульском языке произносятся как звуки между свистящими *s, z* и шипящими *š, ž*. Носители обоих геоектов последовательно произносят *s, z* в литературном итальянском языке при неформальном произношении подобным образом. В словенский язык итальянско-фриульские *s, z* заимствуются как *š, ž*: а) замена итал.-фриул. *s* → словен. *š*: словен. диал. *štupid* (ОЛЯ 1) из фриул. *stupit*, итал. *stupido* 'глупый'; б) замена итал.-фриул. *z* → словен. *ž*: *žvorbati* (ОЛЯ 1) из фриул. *svuarbâ* 'ослепить'. Замена (литературных) итальянских *s, z* словенскими *s, z* является следствием позднего заимствования из литературного итальянского языка.

Таблица 1

Передача наиболее характерных романских согласных, сочетаний согласных и сочетаний с согласными в литературном языке, венецианских диалектах и фриульском языке

ром.	итал. лит.	Венеция	Триест	Копер	Изола	Пираи	Монфальконе	фриул.
*VpV	p	v > 0	v	v	v	v	v	v
*VtV	t	0 (d)	0 (d)	0 (d)	0 (d)	0 (d)	0 (d)	d
*VkO	k	g	g	g	g	g	g	g > 0
*k ^f -	č	s	c	s	s	s	c	č
*g ^f -	ž	z	z	z	z	z	z	ž, jEN
*j	ž	z	z	z	z	z	z	ž
*kj	čč	c	c	s	s	s	c	č
*gj	žž	z	z	z	z	z	z	ž, j
*tj	cc, ž	c, z	c, z	s, z	s, z	s, z	c, z	č, z
*dj	žž, zž	z	z	z	z	z	z	ž, j
*ka	ka	ka	ka	ka	ka	ka	ka	ča
*ga	ga	ga	ga	ga	ga	ga	ga	ža
*pl-	pj-	pj-	pj-	pj-	pj-	pj-	pj-	pl-
*bl-	bj-	bj-	bj-	bj-	bj-	bj-	bj-	bl-
*fl-	fj-	fj-	fj-	fj-	fj-	fj-	fj-	fl-
*kl-	kj-	č-	č-	č-	č-	č-	č-	kl-
*gl-	gj-	ž-	ž-	ž-	ž-	ž-	ž-	gl-
*lj	ll	ž	j	j	j	j	j	j

2.2. Система вокализма

2.2.1. Романские *ɛ, *ɔ в закрытом слоге

Романские *ɛ, *ɔ в закрытом слоге, т.е. в позиции перед двумя согласными, в тосканском и венецианском диалектах сохранились как широкие ɛ, ɔ, тогда как во фриульском преобразовались в *je, we* (в позиции перед носовым согласным вокальный элемент дифтонга сузился в *i*), в позиции перед *r* они передаются

в некоторых говорах как *ja, wa*:¹⁷ а) (лат. *ě* / +[₋CC] >) ром. **ę*CC > итал. лит. *ę*, итал. вен. *ę* > *ę*, фриул. *je, *jiN* > *iN, jer/jar* (лат. *pelle(m)* ‘кожа’ > итал. лит. *pelle*, итал. вен. В, Тр, К, И, П *pele*, М *pela, pele*, фриул. *piel*; лат. *tempu(s)* ‘время, погода’ > итал. лит. *tèmpo*, итал. вен. В, Тр, И *tempo*, П *tenpo*, М *tenp*, фриул. *timp*; лат. *terra(m)* ‘земля’ > итал. лит. *tèrra*, итал. вен. В, Тр, К, И, М *tera*, фриул. *tiere*); б) (лат. *ō* / +[₋CC] >) ром. **o*CC > итал. лит. *o*, итал. вен. *o* > *o*, фриул. *we, wiN, war* (лат. *porta(m)* ‘дверь’ > итал. лит. *pòrta*, итал. вен. В, Тр, К, И, М *porta*, фриул. *puarte*; лат. *ponte(m)* > итал. лит. *pónte* ‘мост’, итал. вен. В, Тр, К, И, М *ponte*, фриул. *puint*).

Присутствие/отсутствие дифтонгизации романских *ę, *o в закрытом слоге в романизмах в словенском языке позволяет отличать заимствования из фриульского от заимствований из итальянского.

2.2.2. Романские *ę, *o в открытом слоге

Романские *ę, *o в открытом слоге, т. е. в позиции перед согласным и гласным в тосканском диалекте преобразовались в *je, wo* в предпоследнем слоге, и сохранились в предпредпоследнем слоге, в венецианских диалектах они сохранились, причем появляются примеры с дифтонгом в предпоследнем слоге, во фриульском языке они дифтонгизировались так же, как в последнем слоге, затем во фриульском в последнем слоге монофтонгизировались в *ī, ū*:¹⁸ а) (лат. *ě* / +[₋CV] >) ром. **ę*CV > итал. лит. *je*, итал. вен. *e/je*, фриул. *je, -ī* (лат. **seca(t)* ‘(он) сечет’ > фриул. *siee*; лат. **mele(m)* ‘мед’ > итал. лит. *mièle*, итал. вен. В, Тр, И *miel*, М *amiel*, фриул. *mīl*); б) (лат. *ō* / +[₋CV] >) ром. **o*CV > итал. лит. *wo*, итал. вен. *o/wo*, фриул. *wo, -ū* (лат. *rota(m)* ‘колесо’ > итал. лит. *ruòta*, итал. вен. В, К, И, П, М *roda*, Т *rioda*, фриул. *ruede*; лат. **core(m)* ‘сердце’ > итал. лит. *cuòre*, итал. вен. В, Тр *cuor*, К, И *cuor, cor*, М *cor*, фриул. *cūr*).

Присутствие/отсутствие дифтонга при передаче романских *ę, *o в открытом слоге в романизмах в словенском языке позволяет различать заимствования из фриульского и итальянского языков.

2.2.3. Романский *au*

Романский дифтонг *au* сохранился во фриульском языке (в некоторых примерах позже произошла монофтонгизация), тогда как в тосканском и венецианском диалектах итальянского языка монофтонгизировался в *o*:¹⁹ ром. *au > итал. лит. *o*, итал. вен. *o*, фриул. *au* (> *o*) (лат. *auru(m)* ‘золото’ > итал. лит. *òro*, итал. вен. В, Тр, К, П, М *oro*, фриул. *aur*), что позволяет различать заимствования из фриульского и итальянского языка в словенском.

¹⁷ Rohlf's 1966: 103–108, 123; Benincà 1989: 564–567.

¹⁸ Rohlf's 1966: 102–103, 117–119, 133, 145–147; Benincà 1989: 564–567.

¹⁹ Rohlf's 1966: 64–68; Benincà 1989: 567.

2.2.4. Романские гласные в конце слова

Романские гласные *-e, *-u в конце слова в тосканском и венецианском диалектах передаются как -e, -o, причем в венецианском диалекте в позиции за r, l и носовыми m, n часто исчезают (в бизиакко, как правило, исчезает каждый -o), тогда как во фриульском исчезает во всех позициях: ром. *-e, *-u > итал. лит. -e, -o, итал. вен. -e/-Rθ, -o/-Rθ, фриул. -θ (лат. *nive(m)* ‘снег’ > итал. лит. *néve*, итал. вен. В, Тр, М *neve*, фриул. *nêf*; лат. **mele(m)* ‘мед’ > итал. лит. *mièle*, итал. вен. В, Тр *miel*, М *amiel*, фриул. *mîl*; лат. *portu(m)* ‘порт’ > итал. лит. *pòrto*, итал. вен. В, Тр, М *porto*, фриул. *puart*; лат. *bellu(m)* ‘красивый’ > итал. лит. *bèllo*, итал. вен. В *belo*, Тр, К, И, П, М *bel*, фриул. *biel*), что позволяет отличать новейшие итальянизмы, которые не были адаптированы морфологически; речь идет прежде всего о существительных, которые в именительном падеже единственного числа оканчиваются на гласный.

Таблица 2

Передача самых характерных романских гласных и дифтонгов
в литературном языке и в венецианских диалектах, а также во фриульском

rom.	итал. лит.	Венеция	Триест	Копер	Изола	Пиран	Монфальконе	фриул.
*ɕCC	ɕ	e	e	E	e	e	e	je
*ɔCC	ɔ	o	o	O	o	o	o	we
*ɕCV	je	e (je)	e (je)	e (je)	e (je)	e (je)	e (je)	je, -ī
*ɔCV	wo	o (wo)	o (wo)	o (wo)	o (wo)	o (wo)	o (wo)	we, -ū
*au	ɔ	o	o	O	o	o	o	au (> o)
*-e	-e	-e/-Rθ	-e/-Rθ	-e/-Rθ	-e/-Rθ	-e/-Rθ	-e/-Rθ	-θ
*-u	-o	-o/-Rθ	-o/-Rθ	-o/-Rθ	-o/-Rθ	-o/-Rθ	-θ	-θ

3. Материал

Младшие романизмы появляются прежде всего в приморских диалектах словенского языка, т. е. в тех диалектах, которые были на протяжении истории в самом тесном контакте с романскими идиомами. В материалах ОЛА мы находим следующие говоры: ОЛА 1 Столвица (итал. *Stolvizza*, словен. *Solbica*), резьянский диалект; ОЛА 2 Ознетто (итал. *Osgnetto*, словен. *Ošnje*), надижский диалект; ОЛА 4 Шмартно, брдский диалект; ОЛА 3 Санта Кроче (итал. *Santa Croce*, словен. *Križ*) и ОЛА 5 Комен, крашский диалект; ОЛА 12 Хрушица, нотраньский диалект; ОЛА 11 Помьян, истрийский диалект. Резьянский диалект находится исторически в непосредственном географическом контакте с фелльским (восточноальпийским) диалектом фриульского языка, надижский диалект — с диалектом Чивидале, брдский диалект — с горицианским диалектом фриульского языка, крашский диалект — с горицианским диалектом фриульского языка и венецианскими диалектами итальянского языка, нотраньский диалект — с горицианским диалектом и венецианскими диалектами итальянского языка, истрийский диалект в прошлом находился в контакте с тергестинским и мулизанским диалектом фриульского языка, в прошлом и до сих пор — с венецианскими диалектами итальянского языка.

ОЛА 11

L 1806 /Npl/ ‘двое детей, одновременно родившихся у одной матери; близнецы, двойня’: *žumu'ljnə* (ОЛА 1) = *džumulini* из фриул. *zimulin* (vs. итал. лит. *gemellino*), что является деминутивом от фриул. *zimul* ‘близнецы, двойня’ (vs. итал. лит. *gemello*, итал. вен. М *zemel, šemel*, Тр *gemel, K šomel, šumel* < лат. *gemellu(m)*). В говоре Столвицы произошла ассимиляция гласного в предпредпоследнем слоге *džimulini ≥ *džumulini.

L 1831 ‘неродной отец; отчим’: *pad'riño* (ОЛА 1) = *padrinjo* из итал. лит. *patrigno* ‘отчим’ < лат. **patrignu(m)* (vs. фриул. *predreul, parilastri*), причем появление сочетания *dr* вместо *tr* может быть последствием влияния итальянского литературного *padre* ‘отец’ (vs. фриул. *pari* < лат. *patre(m)*), итал. вен. М *padregno*, Тр *padrigno* из-за территориальной удаленности менее вероятно как источник заимствования.

F 1833 ‘сирота’: *'orfano* (ОЛА 1) = *orfano* из итал. лит. *òrfano* ‘сирота’ (vs. фриул. *vuarfin*) (< лат. *orphanu(m)*).

L 1834 ‘сын от первого брака одного из супругов /для отчима или мачехи/; пасынок’: *fil'jastro* (ОЛА 1) = *filjastro* из итал. лит. *figliàstro* ‘пасынок’ (vs. итал. вен. *fiastro*, фриул. *fiastri*) (< лат. *filiastru(m)*).

L 1835 ‘дочь от первого брака одного из супругов /для отчима или мачехи/; падчерица’: *fil'jastra* (ОЛА 1) = *filjastra* из итал. лит. *figliàstra* ‘падчерица’ (vs. итал. вен. *fiastra*, фриул. *fiastre*) (< лат. *filiastra(m)*).

L 1836 ‘родители и их дети вместе; семья’: *fa'meja* (ОЛА 1) = *fameja* из фриул. *famee*, итал. вен. *famea* ‘семья’ (vs. итал. лит. *famiglia*) (< лат. *familia(m)*).

Sl 1837 ‘отец матери или отца; дед, дедушка’: *nò:no* (ОЛА 2), *'nono* (ОЛА 3), *nò:no* (ОЛА 4), *'nɔ:no* (ОЛА 5), *'nɔ:no* (ОЛА 11), *'nɔno* (r) (ОЛА 12) = *nono* из итал. лит. *nònno*, итал. вен. *nono* ‘дед, дедушка’ (vs. фриул. *nono, von*) (< лат. *nonnu(m)*). Появляются также производные *'nɔ:nič* (ОЛА 11) = *nonič* и *'nɔ:nək* (ОЛА 5) = *nonek* (Sl 1838° гипокористик /NV sg/ ‘дедушка, дедуся’ / ‘dedek’).

Sl 1842 ‘мать отца или матери; бабка, бабушка’: *nó:na* (ОЛА 2), *'nona* (ОЛА 3), *nò:na* (ОЛА 4), *'nɔ:na* (ОЛА 5), *'nɔ:na* (ОЛА 11) = *nona* из итал. лит. *nòpna* ‘бабка, бабушка’, итал. вен. *nono* (vs. фриул. *none, ave, vave*) (< лат. *nonna(m)*). Появляются также производные *'nɔ:nca* (ОЛА 11) = *nonica* и *'nɔ:nica* (ОЛА 5) = *nonica*; *'nɔ:nčka* (ОЛА 5) = *nonička* (Sl 1843° гипокористик /NV sg/ ‘бабуся’).

L 1858 ‘муж сестры; свояк’, L 1860 ‘брат мужа; деверь’, L 1866 ‘брат жены; шурин’: *ku'ňot* (ОЛА 1), *ku'ňà:t* (ОЛА 2) = *kunjad* из фриул. *cugnât* ‘свояк, деверь, шурин’ (vs. итал. лит. *cognàto*); *ko'ňà:t* (ОЛА 4) = *konjad* из фриул. *cognât*, итал. вен. *cognàdo* ‘свояк, деверь, шурин’; *ko'ňa:* (ОЛА 11) = *konja* из итал. вен. *cognà* ‘свояк, деверь, шурин’ (< лат. *cognātu(m)*).

L 1859 ‘жена брата; невестка’, L 1865 ‘сестра мужа; золовка’, L 1867 ‘сестра жены; свояченица’: *ku'ňoda* (ОЛА 1), *ku'ňà:da* (ОЛА 2) = *kunjada* из фриул. *cugnâde* ‘невестка, золовка, свояченица’ (vs. итал. лит. *cognàta*); *ko'ňada* (ОЛА 3), *ko'ňà:da* (ОЛА 4), *ko'ňa:da* (ОЛА 11) = *konjada* из итал. вен. *cognàda* ‘невестка, золовка, свояченица’ (< лат. *cognāta(m)*).

L 1868 ‘брат отца; дядя’ и LSI 1871 ‘брат матери; дядя’: *'ba:rba* (ОЛА 11) = *barba* из сев.-итал. *barba* ‘дядя’, фриул. *barbe* (< лат. *barba(m)*). Более вероятно, что в истрийском диалекте словенского языка это слово было заимствовано из венецианских диалектов, а не из фриульского языка.

L 1878 ‘сын брата; племянник’ и L 1880 ‘сын сестры; племянник’: *na'vɔlt* (ОЛА 1) = *nevold*; *navɔlt* (ОЛА 2), *nəvɔ:t* (ОЛА 4) = *navod* из фриул. *nevɔt*, итал. вен. *nevodo* ‘племянник’ (vs. итал. лит. *nipóte*) (< лат. *nepōte(m)*).

L 1879 ‘дочь брата; племянница’, L 1881 ‘дочь сестры; племянница’: *na'vɔlda* (ОЛА 1) = *nevolda*; *nəvɔ:da* (ОЛА 4) = *navoda*, фриул. *nevɔt*, итал. вен. *nevoda* ‘племянница’; *njěča* (ОЛА 2) = *nječa* из фриул. *njece* ‘племянница’.

L 1882 ‘сын дяди со стороны матери; двоюродный брат’ и L 1884 ‘сын дяди со стороны отца; двоюродный брат’: *ku'žin* (ОЛА 1), *kuži:n* (ОЛА 2) = *kužin* из фриул. *cužin* ‘двоюродный брат’ (vs. итал. лит. *cugino*, итал. вен. *cugin*), что заимствовано из старофранцузского *cosin*.

L 1883 ‘дочь дяди со стороны матери; двоюродная сестра’, L 1885 ‘дочь дяди со стороны отца; двоюродная сестра’: *ku'žina* (ОЛА 1), *kuži:na* (ОЛА 2) = *kužina* из фриул. *cusine* ‘двоюродная сестра’ (vs. итал. лит. *cugina*, итал. вен. *cugina*).

L 1886 ‘совокупность родственников; родня’: *parentat* (ОЛА 1) = *parentad* -i из фриул. *parintât* ‘родня’ (vs. итал. лит. *parentèla*), причем *en* вместо *in* возникает под влиянием итал. лит. *parènte* ‘родственник’ (vs. фриул. *parint*).

ОЛА 12

L 1900 ‘лысина на голове человека; лысина’: *'ɔla k'repa* ‘*gola glava*’ — лысая голова (ОЛА 1) = *gola krepa*, *krepa* је из фриул. *crepe* ‘череп, трещина’ (vs. итал. лит. *crèpa* ‘трещина’), на что указывает значение существительного во фриульском языке.

L 1901 ‘с вьющимися волосами; кудрявый’: *čafa'runest* (ОЛА 1) = *čafarunast*, весьма вероятно **čafarun* заимствовано из фриул. *cjavelon* ‘с длинными волосами’ (vs. итал. разг. *capellóne*), что происходит из фриул. *cjaveli*, итал. лит. *capèllo* ‘волос’ < лат. *capillus*, причем частичная фонетическая адаптация произошла в резьянском диалекте словенского языка **čavalun* ≥ **čafarun* (итал. лит. *ritratto*, фриул. *ritrat* ‘портрет, картина, облик’ → рез. словен. **ritrat* ≥ **litrat*); *'ricast* (ОЛА 3), *'ri:cast* (ОЛА 5), *'ri:cast* (ОЛА 12) = *ricast* < **(ric)-ast-ъ*, первая часть заимствована из итал. вен. *rìzo* ‘кудрявый’ (vs. итал. лит. *riccio*); *'ri:čast* (ОЛА 11) = *ričast* < **(rič)-ast-ъ*, первая часть заимствована из итал. лит. *riccio* ‘кудрявый’ (< лат. *ericius*); *ricó:tast* (ОЛА 2) = *ricotast* < **(ricot)-ast-ъ*, первая часть весьма вероятно из фриул. *riçot* ‘кудрявый’, учитывая то, что речь идет о надижском диалекте, вероятно заимствовано из диалекта Чивидале фриульско-го языка с переходом фриул. **č* > фриул. (Чивидале) *c*, фриул. (Чивидале) **rizot*).

L 1902 ‘рыжий /о волосах человека’: *bjò:ndast* (ОЛА 2) = *bjondast* < **(bjond)-ast-ъ*, первая часть из итал. лит. *bióndo*, фриул. *biont* ‘блондин, светлый’ (< лат. *blundu(m)*); *'roso* (ОЛА 3) = *roso* заимствовано из итал. лит. *rósso* ‘красный’ (vs. фриул. *ros* < лат. *russu(m)*).

F 1905 нѣмъ(-жъ) ‘немой’: *'mutəst* (ОЛА 3), *mù:təst* (ОЛА 4), *'mu:təst* (ОЛА 5), *'mutəst* (ОЛА 6), *mù:təst* (ОЛА 7), *mù:təst* (ОЛА 9), *'mu:təst* (ОЛА 10), *'mu:təst* (ОЛА 11), *'mu:təst* (ОЛА 12), *'mutəst* (ОЛА 13), *mù:təst* (ОЛА 14), *'mutəst* (ОЛА 15), *mò:təst* (ОЛА 16), *'mu:təst* (ОЛА 17), *'mo:utəst* (ОЛА 18), *'moutəst* (ОЛА 19), *'mutəsti* (ОЛА 20), *mù:təst* (ОЛА 146) = *mutəst* (ОЛА 3–7, 9–20, 146) < *(*mut*)-*ast*-ъ; *mut- заимствовано из итал. *mùto*, фриул. *mut* ‘немой’ (< лат. *mūtu(m)*)

F 1906 слѣръ(-жъ) ‘слепой’: *žwor'ben* (ОЛА 1) = *žvorban* < *(*žvorb*)-*a-n*-ъ, что является страдательным причастием прошедшего времени от глагола *žwor'bet* = *žvorbati*, заимствованного из фриул. *svuarbâ* ‘ослепить’, что происходит от фриул. *vuarp*, итал. лит. *òrbo* ‘слепой’ (< лат. *orbu(m)*). Появляется также субстантивированное прилагательное *žwor'bonə* (ОЛА 1) = *žvorbani* (SI 1907° ‘слепой человек; слепой’).

L 1912 ‘человек, который работает левой рукой; левша’: *čəmpà:r* (ОЛА 4) = *čampar* из фриул. *čampâr* ‘левша’, что происходит от фриул. *čamp* ‘левый’; *čəmparńák* (ОЛА 2) = *čəmpar-n-jak* < *(*čəmpar*)-*ь-n-j-ak*-ъ; *'ca:ŋker* (ОЛА 11) = *sankar* < *(*cank*)-*ar*-ъ ← итал. вен. *zanca* ‘левая рука’, *zanco* ‘левый’ из итал. *stanco* ‘уставший’.

F 1913 гърба || гърбъ ‘горб’: *'goba* (ОЛА 1), *hó:ba* (ОЛА 2), *hò:ba* (ОЛА 4), *'yu:ba* (r) (ОЛА 5), *'yu:ba* (ОЛА 6) = *goba*, заимствовано из фриул. *gobe*, итал. *gòbba* ‘горб’ (< лат. *gubba). Основа *gob*- появляется также в *'gobest* (ОЛА 1), *hó:bast* (ОЛА 2), *'yu:bast* (ОЛА 3), *hò:bast* (ОЛА 4), *'yu:bast* (r) (ОЛА 5), *'yò:best* (ОЛА 11) = *gobast* (SI 1914 ‘имеющий горб; горбатый’) *'gobec* (ОЛА 1) = *gobič* < *(*gob*)-*it*-ъ; *'yu:bac* (ОЛА 4) = *gobec* < *(*gob*)-*ьc*-ъ (SI 1915° ‘горбатый человек; горбун, горбач’).

L 1916 ‘хромой /о человеке/’: *čùtəst* (ОЛА 2), *'čùtəst* (ОЛА 3), *čùtəst* (ОЛА 4), *'čùtəst* (ОЛА 5), *'čò:təst* (ОЛА 11), *'čùtəst* (ОЛА 12) = *čotəst* < *(*čot*)-*ast*-ъ, первая часть заимствована из итал. *ciòtto* ‘хромой’.

SI 1925 ‘жилистый /о руке, мясе/’: *muško'lòzo* (ОЛА 1) = *muškolozo* позднее производное от итал. *muscolòso* ‘жилистый’ (vs. фриул. *muscolòs*), что происходит от итал. *mùscolo*, фриул. *muscul*, «ученое слово», заимствованное из лат. *musculus*.

SI 1927 ‘с большой бородой; бородатый’: *'bekest* (ОЛА 1) = *bekast* < *(*bek*)-*ast*-ъ, что происходит от словен. диал. *bek*, заимствованного из фриул. *bec* ‘борода’; *bar'bu:c* (r) ‘бородач’ (?) (ОЛА 5), *bər'bu:c* ‘небольшая борода’ (ОЛА 12) = *barbuč* из итал. вен. *barbuz* ‘подбородок (часть тела), козья бородка’ (vs. фриул. *barbuč* ‘подбородок (часть тела), козья бородка’), появляется также производное *bər'bučəst* (ОЛА 3) = *barbučəst* ‘бородатый’ < *(*barbuč*)-*ast*-ъ.

SI 1929 ‘с большими усами; уса́тый’: *muš'ketest* (ОЛА 1) = *mušket-ast* производное от *muš'kete* (ОЛА 1) = *mušket-e* ‘усы’, что заимствовано из фриул. *moschete* ‘ус’.

LSI 1935 ‘глупый человек; глупец, дурак’: *š'tùpet* (ОЛА 1) = *štupid* из фриул. *stupid*, итал. *stùpido* ‘глупый’ (< лат. *stupidus*); *mà:təst* (ОЛА 4) = *mat-ast* < *(*mat*)-*ast*-ъ, *mat- заимствовано из фриул. *mat*, итал. *màtto* ‘сумасшедший, глупый’ (лат. *mattus); *'š:ə:mpjo* (ОЛА 11) = *šempjo* из итал. *scémpio* ‘глупый, дурной’ (vs. фриул. *semplat*, *semplon* ← лат. *simplu(m)*).

LSI 1936° ‘глупость’: *štupi'dažine* (ОЛА 1) = *stupidadžine* из итал. *stupidàggine* ‘глупость’ (vs. фриул. *stupiditàt*, *stupiderie*, *stupideç*, *stupidade*).

L 1938 ‘чрезмерно бережливый; скупой’: *a'var* (ОЛА 1) = *avar* из фриул. *avâr*, итал. *avàro* ‘скупой’ (< лат. *avāru(m)*).

SI 1976° ‘человек, который любит хвалиться; хвастун’: *šū'perp* (ОЛА 1) = *šuperb* из итал. *supèrbo* ‘надменный; гордый’ (vs. фриул. *supierp*) (< лат. *superbu(m)*).

F 1983 *pravda* ‘правда’: *vara'tat* (ОЛА 1) = *varatad -i* из фриул. *veretât* ‘правда’ (vs. итал. *verità*) (< лат. *veritāte(m)*).

L 1988 ‘не любящий работать; ленивый’: *t'rešt* (ОЛА 1) = *trišt* из фриул. *trist*, итал. вен. *tristo* ‘злой’ (vs. итал. *triste* ‘грустный’) (< лат. *trīste(m)*).

4. Выводы

На основе фонетического разнообразия первоначально одних и тех же лексем в новороманских идиомах, которые находятся в территориальном контакте со словенским языком, можно в большей или меньшей мере идентифицировать идиом, из которого был заимствован романизм в словенском языке. Появляются следующие возможности фонетической дифференциации: 1) фриульский язык vs. колониальные венецианские диалекты vs. литературный итальянский язык (ром. **kl-*, **gl-* > фриул. *kl-*, *gl-* vs. итал. вен. *č-*, *ž-* vs. итал. лит. *kj-*, *gj-*); 2) фриульский язык vs. колониальные венецианские диалекты + литературный итальянский язык (ром. **pl-*, **bl-*, **fl-* > фриул. *pl-*, *bl-*, *fl-* vs. итал. вен., итал. лит. *pj-*, *bj-*, *fj-*; ром. **tj*, **dj* > фриул. *č*, *ž* vs. итал. вен., итал. лит. *c*, *z*; ром. **ka*, **ga* > фриул. *ča*, *ža* > *ca*, *za* vs. итал. вен., итал. лит. *ka*, *ga*; ром. **çCC*, **çCC* > фриул. *je*, *wa* vs. итал. вен., итал. лит. *ç*, *ç*; ром. **çCV*, **çCV* > фриул. *je*, *wa* (> *-ī*, *-ū*) vs. итал. вен., итал. лит. *je*, *wo*); 3) колониальные венецианские диалекты vs. фриульский язык + литературный итальянский язык (ром. **k^{E-}*, **g^{E-}* > фриул., итал. лит. *č*, *ž* (фриул. также *j*) vs. итал. вен. *c*, *z* > *s*, *z* > *θ*, *ð*; ром. **kj*, **gj* > фриул., итал. лит. *č*, *ž* vs. итал. вен. *c*, *z* > *s*, *z*); 4) литературный итальянский язык vs. фриульский язык + колониальные венецианские диалекты (ром. **VTV* > итал. лит. *VTV* vs. фриул., итал. вен. *VDV*; ром. **lj* > итал. лит. *lĭ* vs. фриул., итал. вен. *j*); 5) фриульский язык + колониальные венецианские диалекты + литературный итальянский язык.

References

D'Achille 2001 — Paolo D'Achille. *Breve grammatica storica dell'italiano*. Roma: Carocci, 2001.

Benincà 1989 — Paola Benincà. *Friaulisch: Interne Sprachgeschichte I: Grammatik*. Friulano: Evoluzione della grammatica. *Lexikon der romanistischen Linguistik III*. Tübingen: Max Niemayer Verlag, 1989, pp. 563–585.

Berruto, Cerruti 2011 — Gaetano Berruto, Massimo Cerruti. *La linguistica: un corso introduttivo*. Torino, UTET Università, 2011.

Boček 2009 — Vít Boček. Hláskové substitute v nejstarších romanismech ve slovanských jazycích. *Studia etymologica Brunensia* 6. 2009, pp. 59–65.

Boček 2010 — Vít Boček. Studie k nejstarším romanismům ve slovanských jazycích. *Studia etymologica Brunensia* 9. Praha: Lidové noviny, 2010.

Brecelj 2005 — Marijan Brecelj. *Furlansko-slovenski slovar*. Nova Gorica: Goriška knjižnica Franceta Bevka, 2005.

Buršič-Giudici 2009 — Barbara Buršič-Giudici. *La vita rustica di Sissano rispecchiata nel suo dialetto*. Pola: Società di Studi e Ricerca Pietas Iulia, 2009.

Cadorini 2011 — Giorgio Cadorini. Predbeneški govor Kopra in Pirana. *Narečna prepletanja*, ed. Goran Filipi, Koper: Univerzitetna založba Annales, 2011, pp. 61–71.

Cossutta 1998 — Rada Cossutta. Romanski vplivi v govorih slovenske Istre. *Slavistična revija* 46 (1998), št. 1–2, 73–81.

Cossutta 2010 — Rada Cossutta. *Romanizmi v poljedelskem in vinogradniškem izrazju slovenske Istre*. Koper: Univerzitetna založba Annales, 2010.

Cossutta 2011 — Rada Cossutta. *Slovenizmi v italijanskem tržaškem narečju*. Koper: Univerzitetna založba Annales, 2011.

Crevatin 1989a — Franco Crevatin. Istorromanisch: externe Sprachgeschichte. Istroromanzo: storia linguistica esterna. *Lexikon der romanistischen Linguistik III*. Tübingen: Max Niemayer Verlag, 1989, pp. 549–554.

Crevatin 1989b — Franco Crevatin. Sprachliche Stratigraphie Istriens. Stratigrafia linguistica dell'Istria. *Lexikon der romanistischen Linguistik III*. Tübingen: Max Niemayer Verlag, 1989, pp. 555–562.

Darovec 2008 — Darko Darovec. *Kratka zgodovina Istre*. Koper: Založba Annales, 2008.

Dizionario italiano-friulano, furlan-talian. Pordenone: Edizione Biblioteca dell'Immagine, 2011 (2002).

Erat 2006 — Janez Erat. *Furlanska slovnica. Gramatiche furlane*. Samozaložba, 2006.

Erat 2008 — Janez Erat. *Furlansko-slovenski slovar. Il dizionari furlan-sloven*. Samozaložba, 2008.

Filipi 1988–1989 — Goran Filipi. *Situazione linguistica istro-quarnerina, Quaderni* 9. Rovigno: Centro di ricerche storiche, 1988–1989, pp. 153–163.

Filipi 1993 — Goran Filipi. *Istriotski jezikovni otok v Istri, Annales: series Historia et Sociologia* 3 (1993), pp. 275–284.

Filipi 2011 — Goran Filipi. Mlinarska terminologija v zaselku Miši pri Dekanah. *Narečna prepletanja*, ed. Goran Filipi. Koper: Univerzitetna založba Annales, 2011, pp. 85–109.

Filipi — Buršič-Giudici 1998 — Goran Filipi, Barbara Buršič-Giudici. *Istriotski lingvistički atlas / Atlante linguistico istrioto*. Pula: Znanstvena zadruga Mediteran, 1998.

Finco — Cinausero — Dentesano 2004 — Franco Finco, Barbara Cinausero, Ermano Dentesano. *Nons furlans di lûc. Nomi friulani di luogo*. Udine: Società Filologica Friulana, 2004.

Finco 2009 — Franco Finco. I contatti linguistici slavo-romanzi in Friuli e la palatalizzazione di CA e GA. *Ce fāstu* 25 (2009), pp. 197–200.

Forlani 2002 — Flavio Forlani. *I nostri dialetti: progetto multimediale per il recupero e la salvaguardia dei dialetti di Rovigno, Dignano, Gallesano, Sissano e Pirano*. Koper/Capodistria: RTV Slovenija, Centro Regionale RTV Koper-Capodistria, Radio Capodistria, 2002.

Frau 1984 — Giovanni Frau. *I dialetti del Friuli*. Udine: Società Filologica Friulana, 1984.

Frau 1989 — Giovanni Frau. Friaulisch: Areallinguistik. Friulano: aree linguistiche. *Lexikon der romanistischen Linguistik* III. Tübingen: Max Niemayer Verlag, 1989, pp. 627–636.

Furlan 2002 — Metka Furlan. Predslovsanska substratna imena v slovenščini. *Jezikoslovni zapiski* 8 (2002), št. 2, pp. 29–35.

Giljanović 2011 — Suzana Giljanović. *Leksikološko-etimološka razčlemba izbranih romanizmov v šavrinjskih govorih: doktorska disertacija*. Koper, 2011.

Grad 1958 — Anton Grad. Contribution au problème de la sonorisation des consonnes intervocaliques latines. *Linguistica* 3 (1958), št. 2, pp. 33–40.

Madriz — Roseano 2003 — Anna Madriz, Paolo Roseano. *Scrivere in friulano*. Udine: Società Filologica Friulana, 2003.

Maniaco 2007 — Tito Maniaco. *Storia del Friuli*. Roma: New Compton editori, 2007.

Marchetti 1967 — Giuseppe Marchetti. *Grammatica friulana*. Udine: Società Filologica Friulana, 1967.

Merkù 2006 — Pavle Merkù. *Slovensko imenoslovje na slovenskem zahodu*, ed. Metka Furlan — Silvo Torkar. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2006.

Meyer-Lübke 1890 — Wilhelm Meyer-Lübke. *Grammatik der Romanischen Sprachen 1: Lautlehre*. Leipzig: Fues's Verlag (R. Reisland), 1890.

Pirona 1996 — Giulio Andrea Pirona et al. *Il nuovo Pirona: vocabolario friulano*, ur. Giovanni Frau, Udine: Società Filologica Friulana, ²1996 (¹1983).

Rohlf's 1966 — Gerhard Rohlf's. *Historische Grammatik der italienischen Sprache und ihrer Mundarten I: Lautlehre*. Bern: A. Francke AG, 1949. [In Italian: *Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti: fonetica*, translated by Salvatore Persichino. Torino: Piccola Biblioteca Einaudi, 1966.]

Ramovš 1936 — Fran Ramovš. *Kratka zgodovina slovenskega jezika* 1. Ljubljana: Akademsko založba, 1936 (Akademsko biblioteka 3).

Skubic 1997 — Mitja Skubic. *Romanske jezikovne prvine na zahodni slovenski meji*. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakulteta Univerze v Ljubljani, 1997.

Skubic 2002 — Mitja Skubic. *Romanski jeziki*. Ljubljana: Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani. Oddelek za romanske jezike in književnosti, ²2002 (¹1988).

Skubic 2006 — Mitja Skubic. *Slovenske jezikovne prvine v obsški furlanščini*. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakulteta Univerze v Ljubljani, 2006.

Skubic 2007 — Mitja Skubic. *Uvod v romansko jezikoslovje*. Ljubljana: Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani, Oddelek za romanske jezike in književnosti, ⁴2007 (¹1989).

SLA 1 — Jožica Škofic idr. *Slovenski lingvistični atlas 1: človek (telo, bolezni, družina)*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2011.

Snoj 2003 — Marko Snój. *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana: Modrijan, 2003 (1997).

Snoj 2009 — Marko Snój. *Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen*. Ljubljana: Modrijan, 2009.

Šega 1998 — Agata Šega. Contributo alla conoscenza dei latinismi e romanismi antichi in sloveno. *Linguistica* 38 (1998), št. 2, pp. 63–85.

Šega 2007 — Agata Šega. Nekaj ugotovitev o glasovnih značilnostih vulgarnolatinjskih predlog za starejše latinizme in romanizme v slovenščini. *Jezikoslovni zapiski* 13 (2007), št. 1–2, pp. 397–408.

Šega 2013 — Agata Šega. Quelques pistes pour l'investigation des traces des premiers contacts linguistique slavo-romans dans la toponymie slovène. *Linguistica* 53. 2013, št. 1, pp. 17–29.

Šekli 2009 — Matej Šekli. On Romance-Alpo-Slavic substitutional accentology: the case of the pre-Slavic masculine substrate place names in Slovene, In: Thomas Olander — Jenny Helena Larsson (eds.). *Stressing the past: papers on Baltic and Slavic accentology. Studies in Slavic and general linguistics* 35. Amsterdam, 2009, pp. 145–160.

Šekli 2012 — Matej Šekli. Notranja delitev neprevzetega in prevzetega besedja v praslavanščini. *Individualna in kolektivna dvojezičnost*. Eds. Petra Stankovska — Maria Wtorkowska — Jozef Pally. Ljubljana, 2012 (Zbirka Slavica Slovenica 1), pp. 369–381.

Šlenc 1997 — Sergij Šlenc. *Veliki italijansko-slovenski slovar*. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1997.

Šturm 1928 — Fran Šturm. Romanska lenizacija medvokalčnih konzonantov in njen pomen za presojo romanskega elementa v slovenščini. *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino* 7 (1928), pp. 21–46.

Tekavčić 1970 — Pavao Tekavčić. *Uvod u vulgarni latinitet*. Zagreb: Sveučilište u Zagrebu, 1970.

Tekavčić 1972 — Pavao Tekavčić. *Grammatica storica dell'italiano I: fonematica*. Bologna: Il Mulino, 1972.

Tekavčić 1976 — Pavao Tekavčić. O kriterijima stratifikacije i regionalne diferencijacije jugoslavenskog romanstva u svjetlu toponomastike. *Onomastica Jugoslava*. Zagreb, 1976.

Tekavčić 1982 — Pavao Tekavčić. L'importanza e l'interesse degli studi istroromanzi per la linguistica neolatina e generale. *Revue de Linguistique Romane* 46 (1982), pp. 271–298.

Todorović – Koštiál 2014 — Sazuna Todorović, Rožana Koštiál. *Narečno besedje piranskega podežolja: Nova vas nad Dragonjo, Padna, Sveti Peter*. Koper: Univerzitetna založba Annales, 2014.

Ursini 1988 — Flavia Ursini. Italienisch: Arealinguistik IV: b) Varietäten des Veneto in Friuli — Venezia Giulia. Italiano: Aree linguistiche IV: b) Varietà venete in Friuli — Venezia Giulia. *Lexikon der romanistischen Linguistik IV*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1988, pp. 538–550.

Ursini 1989 — Flavia Ursini. Istroromanisch: a) Interne Sprachgeschichte. Istroromanzo: Storia linguistica interna. *Lexikon der romanistischen Linguistik III*. Tübingen: Max Niemayer Verlag, 1989, pp. 537–548.

Wartburg 1950 — Walther von Wartburg. *Die Ausgliederung der romanischen Sprachräume*. Bern, 1950.

Zamboni 1988 — Alberto Zamboni. Italienisch: Arealinguistik IV: a) Venezien / Italiano: Aree linguistiche IV: a) Veneto. *Lexikon der romanistischen Linguistik IV*. Tübingen: Max Niemayer Verlag, 1988, pp. 517–538.

Zingarelli 2013 — Nicola Zingarelli. *Lo Zingarelli 2014: Vocabolario della lingua italiana*. Bologna: Zanichelli, 2013.

Zof 2008 — Fausto Zof. *Gramatiche de lenghe furlane/ Pasiàn di Prato*: Editrice Leonardo, 2008.

Zudini – Dorsi 1981 — Diomiro Zudini, Pierpaolo Dorsi. *Dizionario del dialetto mugliano*. Udine: Casamassima Editore, 1981.

Sources

Boerio 1867 — Giuseppe Boerio. *Dizionario del dialetto veneziano*. Venezia: Reale tipografia di Giovanni Cecchini edit., ³1867 (¹1856).

Buccarella 2013 — Aldo Buccarella. *Dizionario popolare (illustrato) Italiano-Bisiac*. Monfalcone, Gorizia: Associazione Gruppo Incontri Bisiachi, 2013.

Casasola 2007 — Mauro Casasola. *Dizionario essenziale italiano-bisiac*. San Pier d'Isonzo: Associazione Culturale Bisiaca, 2007.

Cernecca 1986 — Domenico Cernecca. *Dizionario del dialetto di Valle d'Istria*. Rovigno: Centro di ricerche storiche, 1986.

Doria 1987 — Mario Doria. *Grande dizionario del dialetto triestino*. Trieste: Edizioni «Meridiano», 1987.

Miceu 2008 — Adriana Miceu (ed.). *Miti, Fiabe e Leggende del Friuli storico 9: Friül gurizan, Bisiacaria, Goriška*. Udine: Istituto di Ricerca Achille Tellini, 2008.

Lusa 2004 — Ondina Lusa. *Le perle del nostro dialetto*. Con la collaborazione di Mario Bonifacio. Pirano: Comunità degli Italiani “Giuseppe Tartini”, 2004.

Manzini — Rocchi 1995 — Giulio Manzini, Luciano Rocchi. *Dizionario storico fra-seologico etimologico del dialetto del Capodistria*. Rovigno: Centro di ricerche storiche, 1995.

Rosamani 1990 — Enrico Rosamani. *Dizionario giuliano*. Trieste: Lint, 1990.

Sau 2009 — Silvano Sau. *Dizionario del dialetto Isolano*. Isola: Il Mandracchio, 2009.

Matej Šekli

*University of Ljubljana, Faculty of Arts, Department of Slavistics
Research Centre of the Slovenian Academy of Sciences
and Arts, Fran Ramovš Institute for the Slovenian Language
(Ljubljana, Slovenia)
matej.sekli@guest.arnes.si*

**YOUNGER ROMANISMS IN SLOVENE
(based on the material of the Slavic Linguistic Atlas, volumes 11 and 12)**

The article discusses the younger layer of Romanisms in Slovene (the corpus is based on the Slovene dialectal material as presented in the Slavic Linguistic Atlas, volumes 11 (reference questions 1729 –1857) and 12 (reference questions 1898 –1971)). Younger Romanisms in Slovene originate from one of the Young Romance idioms in contact with Slovene, i.e. Friulian, the Colonial Venetian dialects of Italian, and Standard Italian. Due to divergent phonetic developments a particular Romance lexeme shared by different Romance idioms can display an array of differing phonetic characteristics. These in turn provide the necessary methodology of differentiation between the different strata of Romanisms in Slovene.

Keywords: Slavic Linguistic Atlas, contact linguistics, Slovene, Romanisms, Friulian, Colonial Venetian dialects of Italian, Standard Italian.

Д. Ю. Ващенко, Т. В. Шалаева
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)
daranis@mail.ru, koulkuk@gmail.com

**СЛАВЯНО-ВЕНГЕРСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ
В ОБЛАСТИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ «ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
АТЛАСА» И «ВЕНГЕРСКОГО ДИАЛЕКТНОГО АТЛАСА»)**

Статья посвящена объединению данных «Общеславянского лингвистического атласа» и «Венгерского диалектного атласа» с целью нахождения изоглосс, образуемых славянскими заимствованиями в венгерском языке. Нанесение их на карту вместе со славянскими соответствиями позволяет увидеть, что венгерский язык во многих случаях сохраняет праславянскую лексику и, более того, содержит кальки с древних славянских наименований. Наличие и широкое распространение славянской по происхождению формы в венгерском языке, при ее ограниченной представленности в славянских диалектах, свидетельствует о ее возможной прежней большей частотности на территории Славии. Подобные сведения могут помочь при этимологизации древней славянской лексики. Так, в данном случае исследование проводится на материале сельскохозяйственной терминологии, и рекартографирование, а также анализ ареалов и мотивационных моделей славянской и венгерской лексики дает основания для пересмотра и конкретизации одной из этимологий праслав. *plugъ, возводящей его к и.-е. **plou-* ‘плавать, плыть’.

Ключевые слова: лингвистические атласы, лингвогеография, ареальная лингвистика, этимология, славянские языки, венгерский язык.

Данная статья представляет собой первый опыт сведения материалов «Общеславянского лингвистического атласа» и «Венгерского диалектного атласа» с целью проследить, что происходит с лексикой славянских диалектов в языках, которые с ними граничат. Как выясняется, они дают материал для реконструкции славянских языков в древности и для толкования их современного состояния.

Сложность объединения данных славянского и венгерского атласов состоит в несоотнесенности их вопросников, а именно в венгерском атласе (как

и в любом атласе отдельного языка) вопросов значительно больше и они более дробные, чем в «Общеславянском лингвистическом атласе». Тем не менее, материал для анализа обнаруживается, и ниже излагаются некоторые результаты наблюдения над ним.

Известно, что венгерская сельскохозяйственная терминология складывалась под сильным влиянием славянской. Особенно ярко это воздействие выражено в аграрной лексике, что связано с отсутствием земледелия среди традиционных занятий венгров. Этот факт констатируют сами венгерские исследователи, в частности, Л. Кишш, рассматривая ряд заимствований из области сельскохозяйственной терминологии, пишет о том, что, «как показывают языковые данные, плужное земледелие было заимствовано венграми у славян и турок» [Kiss 1973: 41]. Этот факт проявляется в большом количестве славянских заимствований в венгерском языке. Например, венг. *bob* ‘боб’, *rozsz* ‘рожь’, *parlag* ‘земля, которую не пахали много лет’, *barázda* ‘длинная канавка, образуемая плугом при вспашке земли; борозда’, *gerenda, gerendely* ‘оглобля в передней части плуга, которая крепилась к конской упряжи; дышло’. Представленные заимствования являются древними, поскольку в них отражается праславянская фонетика: ср. *barázda* из праслав. *borzda; *parlag* из праслав. *perlogъ; *gerenda* от праслав. *gręda; *gerendely* от праслав. *grędeljъ [ОЛА 4: 81, 99; Хелимский: 348; Моór: 135; Kiss 1973: 41]. Ср. о славизмах в венгерском также [Kniezsa 1955], [Золтан 2013] и др.

Географическое соотношение некоторых из приведенных лексем на славянской и венгерской территории представлено на картах-схемах №№ 1–4¹. На них можно видеть, что венгерская лексика является связующим звеном между южнославянскими языками, с одной стороны, и западно- и восточнославянскими — с другой. Таким образом, оказывается, что в целом ряде случаев венгерский язык не разделяет славянский языковой континуум, а, напротив, сохраняет свойственные ему древние явления.

Особенно важен этот факт в случаях, когда славянская лексема имеет несколько островных ареалов, находящихся на значительном расстоянии друг от друга (см. карту-схему № 4). И лексика других языков может помочь реконструировать этот когда-то монолитный ареал и доказывает, что современные разрозненные фиксации лексем — это не результат позднего параллельного развития отдельных языков, а свидетельство ее древнего, еще праславянского происхождения.

¹ В качестве приложения к статье даются карты-схемы, выполненные на основе карт [ОЛА 4] и [A Magyar nyelvjárások atlasza I]: карта-схема № 1 сделана по материалам карты № 37 по вопросу L 582 ‘рожь’ (Secale), автор — Б. Фалиньска [ОЛА 4: 106–107] и карты № 4 ‘rozsz’ по вопросу I/4 ‘Как называется зерновое растение, помимо пшеницы, из которого обычно пекли хлеб?»; карта-схема № 2 — по материалам карты № 24 по вопросу L 541 ‘земля, которую не пахали много лет’, автор — Д. Чупич [ОЛА 4: 80–81] и карты № 24 ‘parlag’ по вопросу I/19b ‘Как называется земля, которую давно не обрабатывали, не пахали или же никогда не обрабатывали?»; карты-схемы №№ 3, 4 — по материалам карты № 33 по вопросу L 565 ‘длинная часть плуга с крючком на конце’, автор — А. Кривицкий [ОЛА 4: 98–99] и карты № 124 ‘ekegerendely’ по вопросу II / 411.

Так обстоит дело с заимствованиями. Но материал атласов и словарей показывает, что в венгерском языке существуют исконные, незаимствованные слова, по своей внутренней форме идентичные славянским. Такое явление можно наблюдать в названиях двух других деталей плуга — лемеха и отвала. Лемех (в обобщенном виде) — это металлическая часть плуга, на которой он движется по дну борозды и которая разрезает землю острой передней частью. Отвал представляет собой деталь над лемехом в виде металлической пластины, откидывающей на бок поднятый им пласт земли. Будучи в конструкции плуга смежными, лемех и отвал часто называются одинаково или их обозначения контаминируются. Поэтому мы посчитали возможным при анализе объединить оба наименования, как это было сделано на карте «Общеславянского лингвистического атласа» [ОЛА 4: 95].

Речь идет о лексемах и словосочетаниях с внутренней формой «железо». В славянских языках это *želězo, *želězъko, *gvozdje и описательные конструкции с данными формами. В венгерском языке это сложные существительные с компонентом *vas* ‘железо’. Их территориальное распространение представлено на карте-схеме №5². Как можно видеть, в славянских языках данная модель номинации отмечается на юго-западе Польши, в Чехии, Словакии, на юго-западе Украины, в Словении, Хорватии, а также в словенском, хорватском, словацком и украинском языках на территории Австрии, Венгрии и Румынии. Подобная локализация, кажется, говорит о праславянской древности этой модели и о ее исконности в указанном регионе. В венгерском языке она представлена во всех диалектах.

Обозначенный на карте-схеме №5 ареал славянских форм, а именно их группировка исключительно вдоль венгерской границы, может дать повод для сомнения в исконности их семантики и навести на мысль об их возможном образовании под влиянием венгерского языка. Тем более что, безусловно, заимствования из него имеют место в славянских диалектах. Подобные соображения опровергаются, с одной стороны, высказанным выше тезисом о мощном влиянии славянской пахотной терминологии на венгерскую и о молодости венгерского земледелия по сравнению со славянским. С другой стороны, о собственно славянском происхождении описываемых форм говорит регулярный характер исконно славянских изоглосс на отмеченной на карте-схеме №5 территории. Так, Т. И. Вендина, по материалам «Общеславянского лингвистического атласа», приводит лексические соответствия между чешскими и словацкими говорами и южнославянскими языками [Вендина 2018]. Представленный в указанной работе перечень можно дополнить сельскохозяйственной терминологией и, более того, включить в него изоглоссы, имеющие более ограниченную локализацию — на юге западно- и восточнославянских и на севере южнославянских языков, как в случае с формами типа *želězo ‘лемех’, ‘отвал’. Можно привести следующие примеры: лексемы с корнем

² Карты-схемы №№5–9 сделаны по материалам следующих карт: №31 по вопросу L 563 ‘железная часть плуга, которая подрезает землю снизу’, автор — Ф. Климчук [ОЛА 4: 94–95]; №32 по вопросу L 564 ‘часть плуга, которая откладывает землю на бок’, авторы — Ф. Климчук, А. Кривицкий, П. Михайлов [ОЛА 4: 96–97]; №126 ‘*ekevas*’ по вопросу II/413; №127 ‘*eketalp*’ по вопросу II/413.

**lusk-* ‘стручок (например, гороха, фасоли)’ (карта-схема № 10³), распространенные в чешском, словацком языках, а также в словенских и сербских говорах в Венгрии; *sъlnьčьnica ‘подсолнух’ (карта-схема № 11⁴) — в чешском, словацком и словенском языках; *ръžьна ‘ржаная (например, солома)’ (карта-схема № 12⁵) — в чешском и словацком языках, в юго-западных говорах польского и северо-западных говорах сербского; *jaрьсь ‘ячмень’ (карта-схема № 13⁶) — в словацком языке, южных польских и юго-западных украинских говорах, а также в хорватских пунктах в Австрии и Венгрии.

Таким образом, мы считаем допустимым трактовать конструкции со значением ‘лемех’, ‘отвал’ и внутренней формой «железо» не как результат калькирования славянами венгерских наименований, а как собственно славянские образования.

Если рассматривать данную лексическую группу детально, то выделяются три типа конструкций, общих для славянских и венгерских диалектов — конструкции с внутренней формой «плужное железо», «широкое железо» и «деталь плуга, расположенная снизу». Конструкции типа *plužьno želězo, *plugovo želězo и *želězo oть pluga известны словацкому, словенскому и хорватскому языкам. В Венгрии лексема *szántóvas*, буквально «плужное железо», характерна для центра и северо-востока (см. карту-схему № 6). Таким образом, мы видим, что данная модель номинации свойственна южной части западнославянских и северной части южнославянских языков и распространяется на неславянскую территорию между ними. Тем самым, венгерский язык соединяет разобщенные географически славянские ареалы и доказывает, что наличие данной конструкции в удаленных друг от друга славянских языках — это не результат их параллельного развития, а древнее явление, возникшее во времена их единства.

Фиксаций славянской конструкции *široko želězo значительно меньше и они находятся значительно дальше друг от друга: она отмечена на юго-западе Украины и в хорватском пункте в Австрии (см. карту-схему № 7). Тем более здесь полезен и показателен венгерский материал (лексема *laposvas* «широкое железо»), который связывает разрозненные славянские фиксации, позволяет реконструировать распавшийся ареал этой конструкции и доказывает, что в древности данная модель была значительно более частотной, чем сейчас.

Конструкция *jьzpodьno želězo представлена в словацком и украинском языках, а кроме того, в южнорусских западных говорах зафиксирована лексема *jьzpodьькь ‘лемех’ (см. карту-схему № 8). Также в диалектных словарях славянских языков в том же значении имеются формы *peťa, *peťьka, *podьšьva [см., например,

³ Карта-схема сделана по материалам карты № 15 по вопросу L 508 ‘стручок’ (напр., гороха, фасоли), авторы — Й. Лисац, Л. Кралик [ОЛА 4: 62–63].

⁴ Карта-схема сделана по материалам карты № 21 по вопросу SI 521 ‘подсолнечник’ (*Helianthus annuus*), автор — А. Ференчикова [ОЛА 4: 74–75].

⁵ Карта-схема сделана по материалам карты № 40 по вопросу SI 587 ‘ржаная’ (напр., солома), автор — М. Муцова [ОЛА 4: 112–113].

⁶ Карта-схема сделана по материалам карты № 46 по вопросу L 595 ‘ячмень’ (*Hordeum*), авторы — Н. Марчук, Т. Токарь [ОЛА 4: 124–125].

Никончук 1985: 103–104]. В венгерском языке лексема *eketalp* «подошва плуга» локализуется в центральных и северо-западных говорах (см. карту-схему №8). Представляется, что, при широком распространении славянских названий лемеха и отвала с внутренней формой «расположенный снизу», допустимо говорить о калькировании славянского наименования в венгерском языке.

Таким образом, как и в случае с заимствованиями, небольшое количество славянских лексем с определенной внутренней формой может компенсироваться венгерским материалом, который содержит славянские кальки. В результате, можно предполагать прежнее более широкое распространение данной модели номинации и ее исконность в славянских языках, несмотря на современные малочисленные, разрозненные и удаленные друг от друга фиксации.

Еще одним аналогичным примером служат обозначения лемеха и отвала с внутренней формой «ползущий, скользящий» (см. карту-схему №9): в славянских языках это дериваты корня **polz-/ *pъz-* (**polъzъ*, **polъzъkъ*, **polъzъgacъ*, **pъzъnъ*), в венгерском это лексема *csúszó* «скользящий». Как показывает карта, на славянской территории эта модель имеет обширный, но дисперсный ареал, с фиксациями в России, Белоруссии, Боснии и Болгарии. Согласно данным словарей, она встречается и в других языках, а именно в украинском, чешском и словенском [Фасмер III: 314]. В венгерском языке она характерна почти для всех диалектов. Если следовать высказанной выше гипотезе о возможном калькировании венграми славянских наименований, этот факт, как и в других случаях, может говорить о значительной древности обозначения нижней части плуга как скользящей и о ее принадлежности большей части славянских диалектов.

Развивая данную мысль, можно обратиться к одной из этимологий праслав. **plugъ*, согласно которой эта лексема является исконно славянской, не германским заимствованием, и восходит к и.-е. **ploṷ-* ‘плыть’ [Machek 2011: 797–801, 835, 2115; Moszyński 1956: 3–6; Мартынов 1963: 31–32, 176–177; Трубачев 2003: 187]. Согласно ей, **plugъ* мог быть прямым производным глагольного корня **ploṷ-* с формантом *-g-*, аналогично образованию **struga* ‘течение, струя’ от и.-е. **sreu-* ‘течь’ [Трубачев 2003: 187]. Другие исследователи считают, что **plugъ* представляет собой дериват экспрессивного глагола **plugati*, в свою очередь, образованного от и.-е. **ploṷ-* (ср. чешск. *plouhati*, *ploužiti* ‘тащить по земле’, польск. диал. *phużyć* ‘таскаться, шататься’) [Machek 2011: 799–801; Мартынов 1963: 176]. Кажется, современный материал подтверждает первую версию, поскольку словари славянских языков фиксируют формы типа русск. диал. *плуги* ‘поплавки’ и блр. диал. *плуг*, *плуганнэ* ‘ветки, бревна, которые плывут по реке’ — они бесспорно являются продолжениями и.-е. **ploṷ-g-* ‘плыть’, и, если высказанная этимология верна, их допустимо считать гомогенными омонимами лексемы *плуг* ‘пахотное орудие’ [Шалаева 2016: 214, 218–219].

Что касается первичной мотивации, то согласно данной трактовке, плуг был назван «плывущим, плавно движущимся» по сравнению с сохой, более архаичным пахотным орудием, которая требовала больших усилий при использовании [Трубачев 2003: 187]. Интересно в этом отношении художественное сравнение плуга

и плывущего судна: ... *Катер уже взрыхлял лагуну, точно плуг — разбухшую почву, прогрызая в зеленой воде пенистый путь, и, как от плуга, плоть волны развалилась по обе стороны от винта* (Д. Рубина, Снег в Венеции). Однако, как показывает материал, эту версию можно уточнить и предложить более конкретную, хотя и менее поэтичную, мотивацию для *plugъ, на которую, в том числе, указывает венгерский материал. А именно наименование пахотного орудия могло быть образовано от корня **plōz-* в значении ‘ползти, скользить’, аналогично приведенным выше дериватам корней **plōz-*/**pъz-* (ср. русск. диал. *плавать* ‘ползать’, *плавók* ‘паук’, *плавун* ‘змея’, укр. диал. *плавók* ‘улитка’, ‘часть плуга, которой он касается дна борозды; лемех’) [Шалаева 2016: 216–218]. Таким образом, лемех плуга обозначался как плоская металлическая деталь подвижной конструкции, на которой она скользит по поверхности, аналогично другим дериватам корня **plōz-*: русск. *пóлоз* ‘нижняя часть саней в виде загнутых спереди и скользящих по снегу полос’, польск. *płoz* ‘то же’ [Фасмер III: 314].

Анализ названий плуга и его составляющих не может не подвести к размышлениям о том, что первоначально называлось словом *plugъ. В. Махек и О. Н. Трубачев полагали, что так именовался весь плуг целиком, плавное движение которого отличалось от движения сохи [Machek 2011: 799; Трубачев 2003: 187]. В. В. Мартынов считал, что оно должно было обозначать орудие, более примитивное, чем колесный плуг [Мартынов 1963: 177]. К. Мошинский, анализируя употребление Плинием лексемы *plaumoratum* ‘колесный плуг’, высказал идею о том, что ее изначальным значением, как и значением *plugъ, было ‘лемех’ [Moszyński 1956: 1–4]. Последнее предположение находит подтверждение в славянских языках: во-первых, в них имеются случаи переноса названия детали плуга на все орудие (ср. русск. диал. *ползун* ‘часть плуга, к которой крепится отвал и лемех’ и ‘однолемешный плуг’ [Шалаева 2016: 219]); во-вторых, по материалам «Общеславянского лингвистического атласа», из всех частей плуга продолжения праслав. *plugъ называют именно лемех (в македонских диалектах) [ОЛА 4: 94–95].

Литература и источники

Вендина 2018 — *Т. И. Вендина*. Праславянское слово на перекрестках времени и пространства // Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М., 2018. (в печати)

Золтан 2013 — *Золтан А.* Славянские диалекты Карпатского бассейна во время прихода венгров (IX в.) // *Studia Slavica Hung.*, 58, 2013. № 1. S. 209–218.

Мартынов 1963 — *Мартынов В. В.* Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963.

Никончук 1985 — *Никончук М. В.* Сільськогосподарська лексика правобережного Полісся. Київ, 1985.

ОЛА 4 — *Общеславянский лингвистический атлас*. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 4. Сельское хозяйство / Под ред. А. Ференчиковой и др. Братислава, 2012.

Трубачев 2003 — *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. Издание второе, дополненное. М., 2003.

Фасмер 2003 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Издание четвертое, стереотипное. М., 2003.

Хелимский 1988 — *Хелимский Е. А.* Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка Паннонии // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 347–68.

Шалаева 2016 — *Шалаева Т. В.* О возможных дериватах и.-е. **pleu-/*ploу-* в славянских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. 18. Актуальные аспекты изучения лексики славянских диалектов / Отв. ред. Л. Э. Калнынь. М., 2016. С. 214–221.

A Magyar nyelvjárások atlasza. I. rész. Térk. 1–192. Lekt. Benkő L. Szerk. Deme L., Imre S., Balogh L. et al. Budapest, 1970.

Kiss 1973 — *Kiss L.* Huszonhárom magyar szófejtés // Nyelvtudományi közlemények. 1973. V. 75, № 1, 1. S. 41–56.

Kniezsa 1955 — *Kniezsa I.* A magyar nyelv szláv jövevényszavai I/1–2. Budapest, 1955.

Machek 2011 — *Sebrané spisy Václava Machka.* Т. I–II. Praha, 2011.

Moór 1965 — *Moór E.* Malom és molnár // Nyelvtudományi közlemények. 1965. V. 67, № 1, 1. S. 130–138.

Moszyński 1956 — *Moszyński K.* O początkach i pochodzeniu wyrazów *plug* i *plużyca* // *Język polski.* R. 36. Nr. 1. 1956. S. 1–6.

Darya Vashchenko, Tatyana Shalayeva
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
daranis@mail.ru, koulkuk@gmail.com

**SLAVIC-HUNGARIAN LEXICAL RELATIONS
IN AGRICULTURAL TERMINOLOGY
(ON THE MATERIALS OF THE SLAVIC LINGUISTIC ATLAS
AND “HUNGARIAN DIALECT ATLAS”)**

The paper deals with the combination of The Slavic Linguistic Atlas and “Hungarian Dialect Atlas” materials. The research aim is to reveal isoglotic lines of the Slavic loan words in the Hungarian language. The mapping of them together with the Slavic cognates shows that Hungarian keeps the Proto-Slavic vocabulary and, moreover, contains calques of old Slavic words. The existence and the wide spreading of the Slavic form in the Hungarian language proves that it used to be quite frequent in Slavia despite its current

limited nature in the Slavic dialects. The data like these may help in etymological research of old Slavic lexicon. For instance, this research is carried out for agricultural terminology. Its remapping accompanied by the analysis of areas and motivation models of the Slavic and the Hungarian vocabulary gives evidences for revision and concretization of the etymology of Slav. *plugъ, the probable derivates from I.-E. **plou-* ‘swim, flow’.

Keywords: linguistic atlases, linguistic geography, areal linguistics, etymology, Slavic languages, Hungarian language.

References

A Magyar nyelvjárások atlasza. I. rész. Térk. 1–192. Lekt. Benkő L. Szerk. Deme L., Imre S., Balogh L. et al. Budapest, 1970.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovary russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. T. I–IV. Perevod s nemetskogo i dopolneniya O. N. Trubacheva. Izdaniye chetvertoye, stereotipnoye. M., 2003.

Khelimskiy E. A. *Vengerskiy yazyk kak istochnik dlya praslavyanskoy rekonstruktsii i rekonstruktsii slavyanskogo yazyka Pannonii* [Hungarian Language as the Source of Praslavonic Reconstruction and Slavonic Language Reconstruction in Pannonia]. *Slavyanskoye yazykoynaniye. X Mezhdunarodnyy syezd slavistov. Sofiya, sentyabry 1988 g. Doklady sovetskoy delegatsii* [Slavic Linguistics. X International Slavist Congress. Sophia, September 1988. Soviet Delegation Contributions]. M., 1988. S. 347–68.

Kiss L. *Huszonhárom magyar szófejtés. Nyelvtudományi közlemények. 1973. V. 75, No 1, I. P. 41–56.*

Kniezsa I. *A magyar nyelv szláv jövevényszavai I/1–2.* Budapest, 1955.

Martynov V. V. *Slavyano-germanskoye leksicheskoye vzaimodeystviye drevneyshyey pory* [Slavic-Germanic Lexical Relations of Ancient Times]. Minsk, 1963.

Moór E. *Malom és molnár. Nyelvtudományi közlemények. 1965. V. 67, No 1, I. P. 130–138.*

Moszyński K. *O początkach i pochodzeniu wyrazów plug i płużycza. Język polski. R. 36. No. 1. 1956. P. 1–6.*

Nikonchuk M. V. *Silyskogospodarsyka leskika pravoberezhnogo Polissya* [Agricultural Vocabulary of Right-bank Polesie]. Kyiv, 1985.

Obshch斯拉vianskiy lingvisticheskiy atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatelynaya. Vyp. 4. Selyskoye khozyaystvo [Slavic Linguistic Atlas. Lexical and Word-Formation Series. Vol. 4. Agriculture]. Eds. A. Ferencikova i dr. Bratislava, 2012.

Sebrané spisy Václava Machka. T. I–II. Praha, 2011.

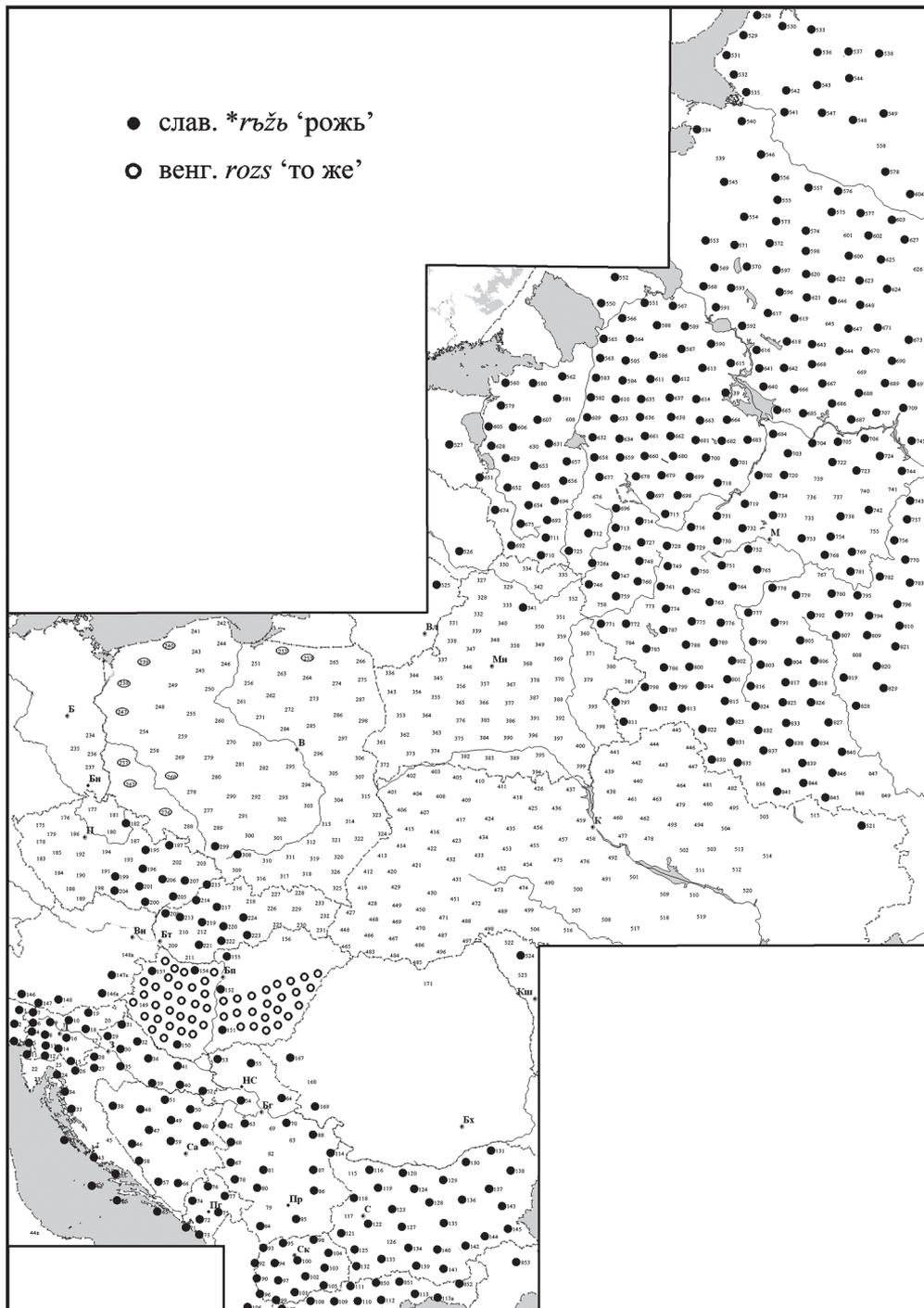
Shalayeva T. V. *O vozmozhnykh derivatakh i.-ye. *pleu-/*plou- v slavyanskikh dialektakh. Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii. 18. Aktualnyye aspekty izucheniya leksiki slavyanskikh dialektov* [On the Probable Derivates of I.-E. *pleu-/*plou- in the Slavic Dialects]. Ed. L. E. Kalnyn'. M., 2016. P. 214–221.

Trubachev O. N. *Etnogenez i kulytura drevneyshikh slavyan: Lingvisticheskiye issledovaniya* [Ethnogeny and Culture of Old Slavs: Linguistic Research]. Izdaniye vtoroye, dopolnennoye. M., 2003.

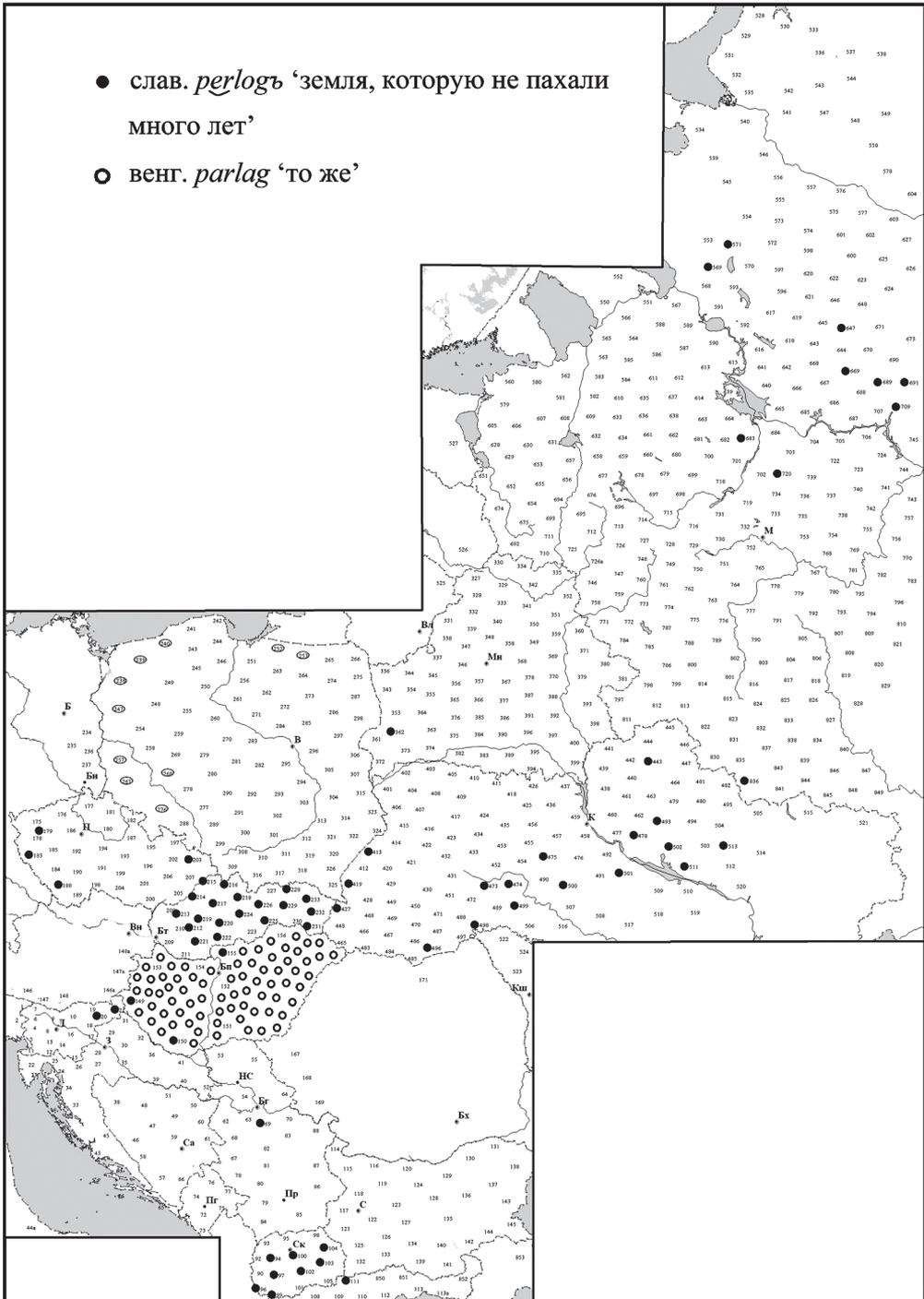
Vendina T. I. Praslavyanskoye slovo na perekrestkakh vremeni i prostranstva [Praslavonic Word on the cross of Time and Space]. *Mezhdunarodnyy syezd slavistov: Doklady rossiyskoy delegacii [International Slavist Congress: Russian Delegation Contributions]*. M., 2018. (in print)

Zoltan A. Slavyanskiye dialekty Karpatskogo basseyna vo vremya prikhoda vengrov (IX v.). [Slavic Dialects of the Carpethian Basin in the Times of the Hungarian Coming]. *Studia Slavica Hung.*, 58, No 1. 2013. P. 209–218.

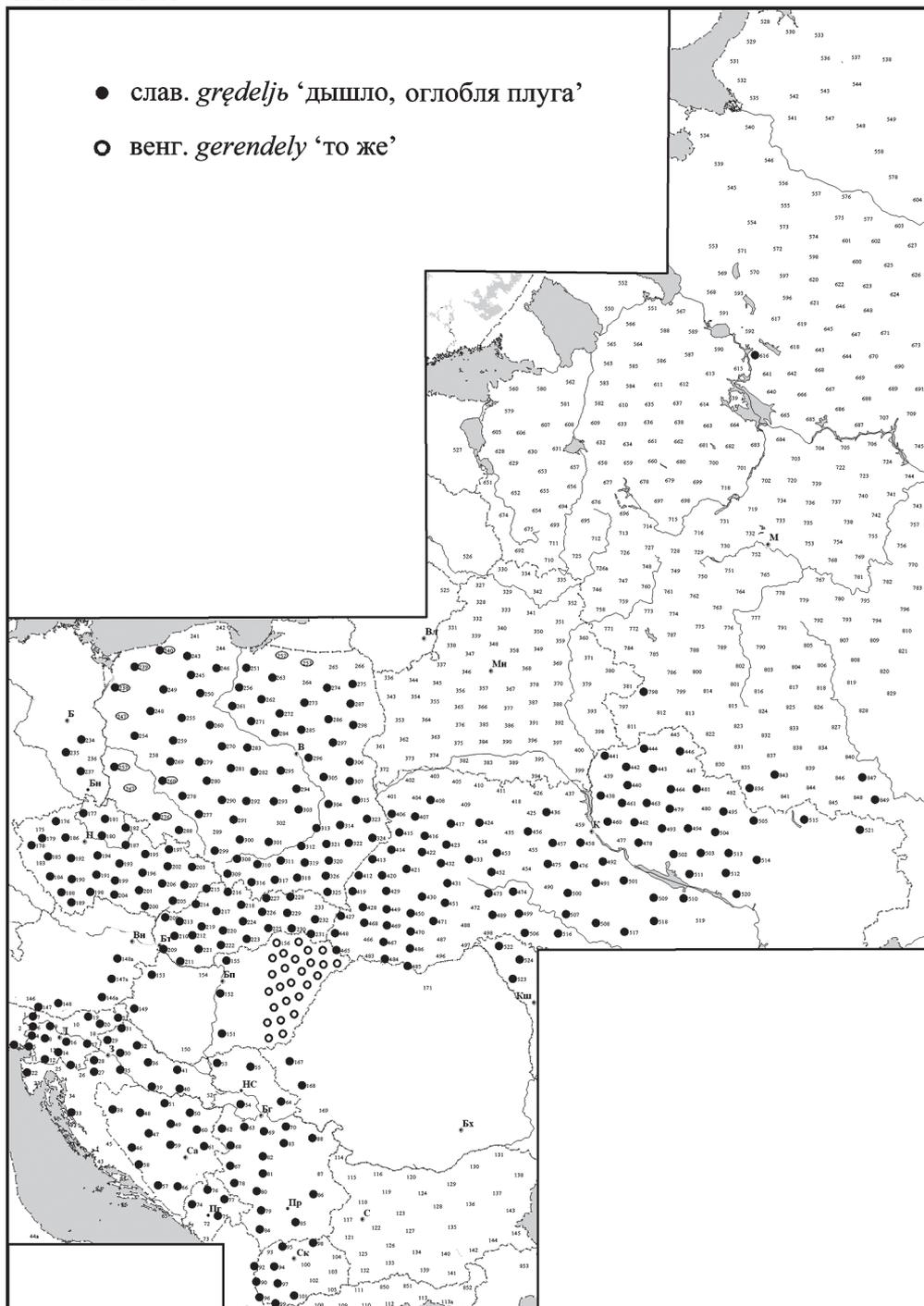
КАРТА-СХЕМА № 1

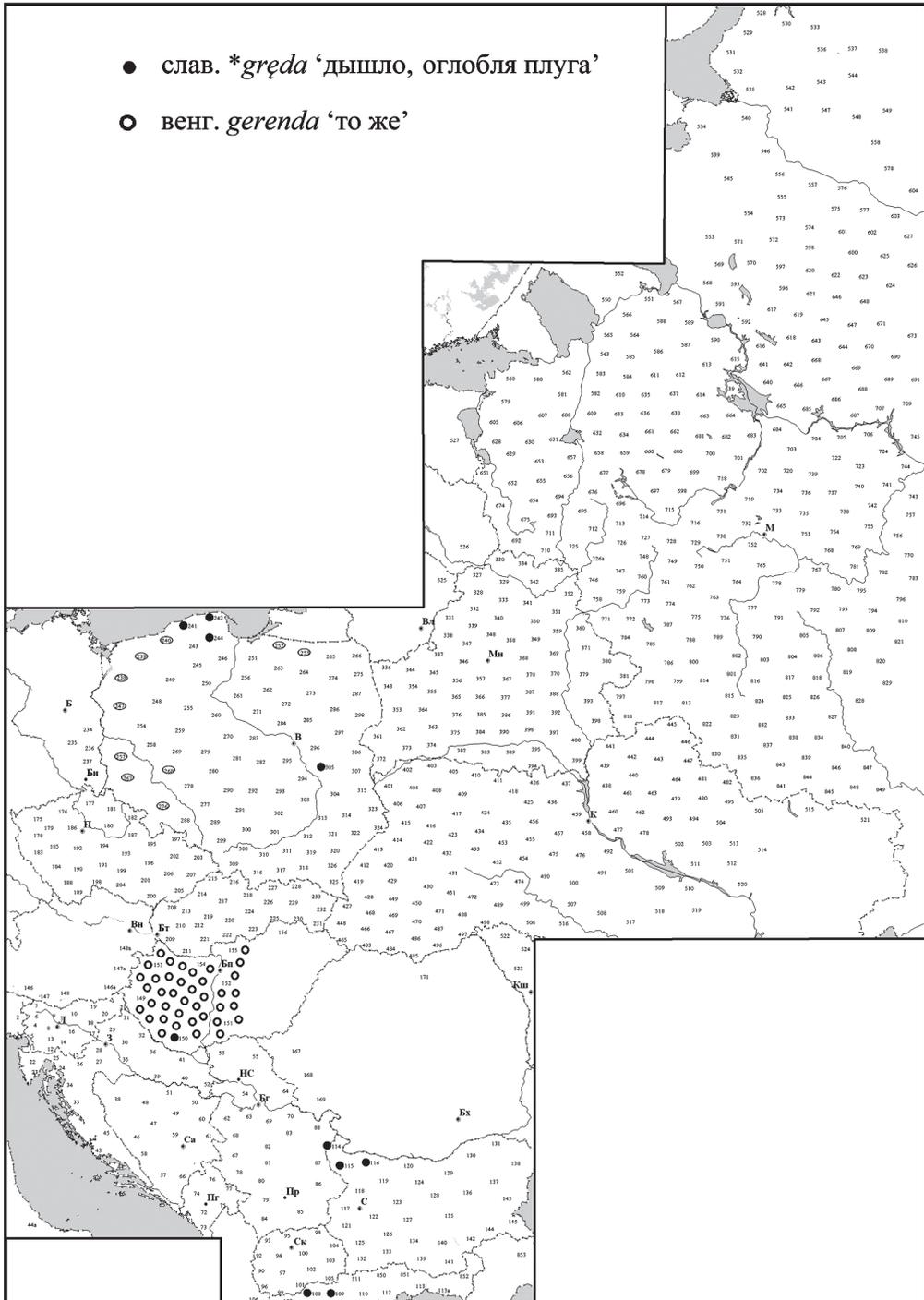
КАРТА-СХЕМА № 2

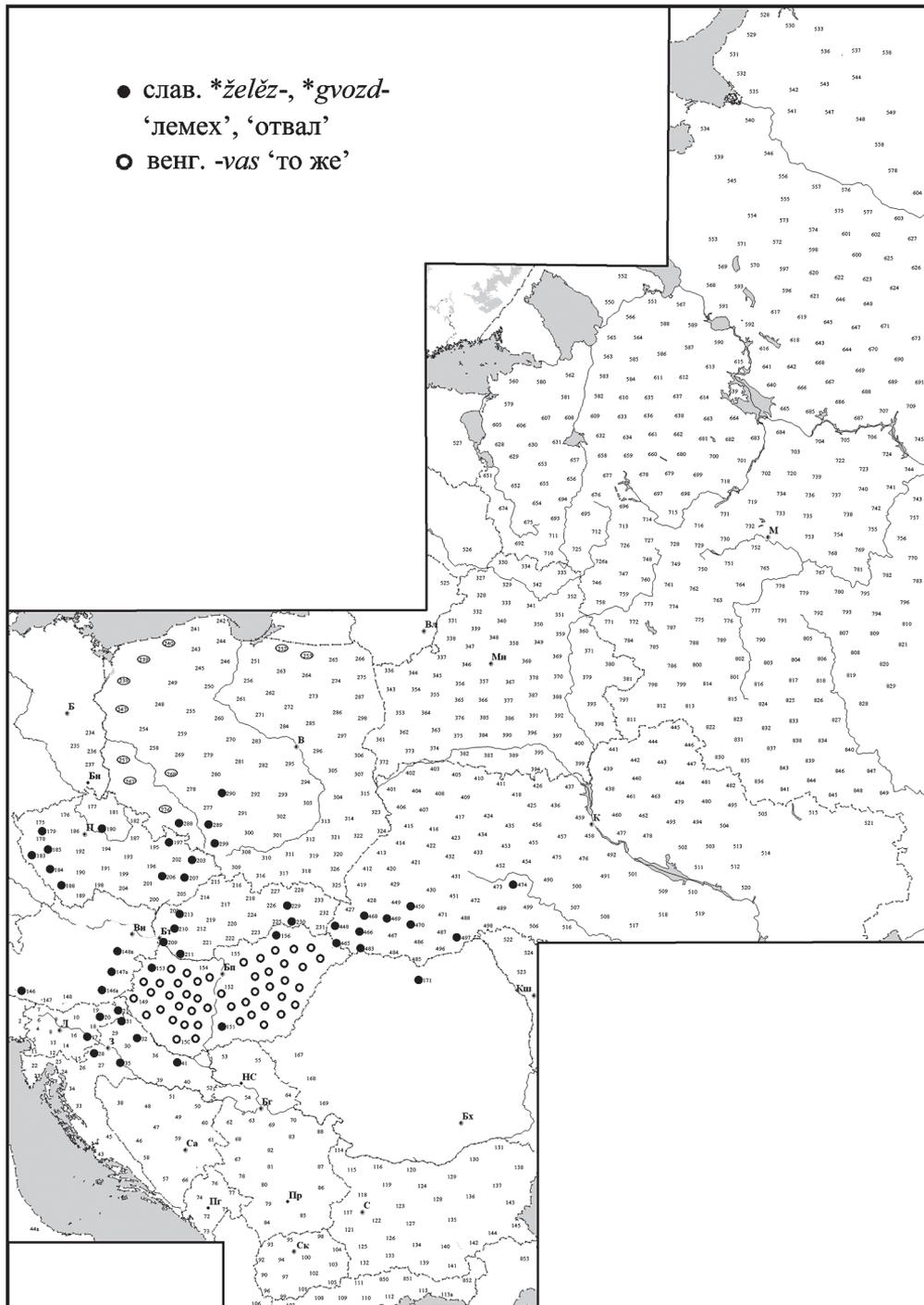
КАРТА-СХЕМА № 3

КАРТА-СХЕМА № 4

КАРТА-СХЕМА № 5

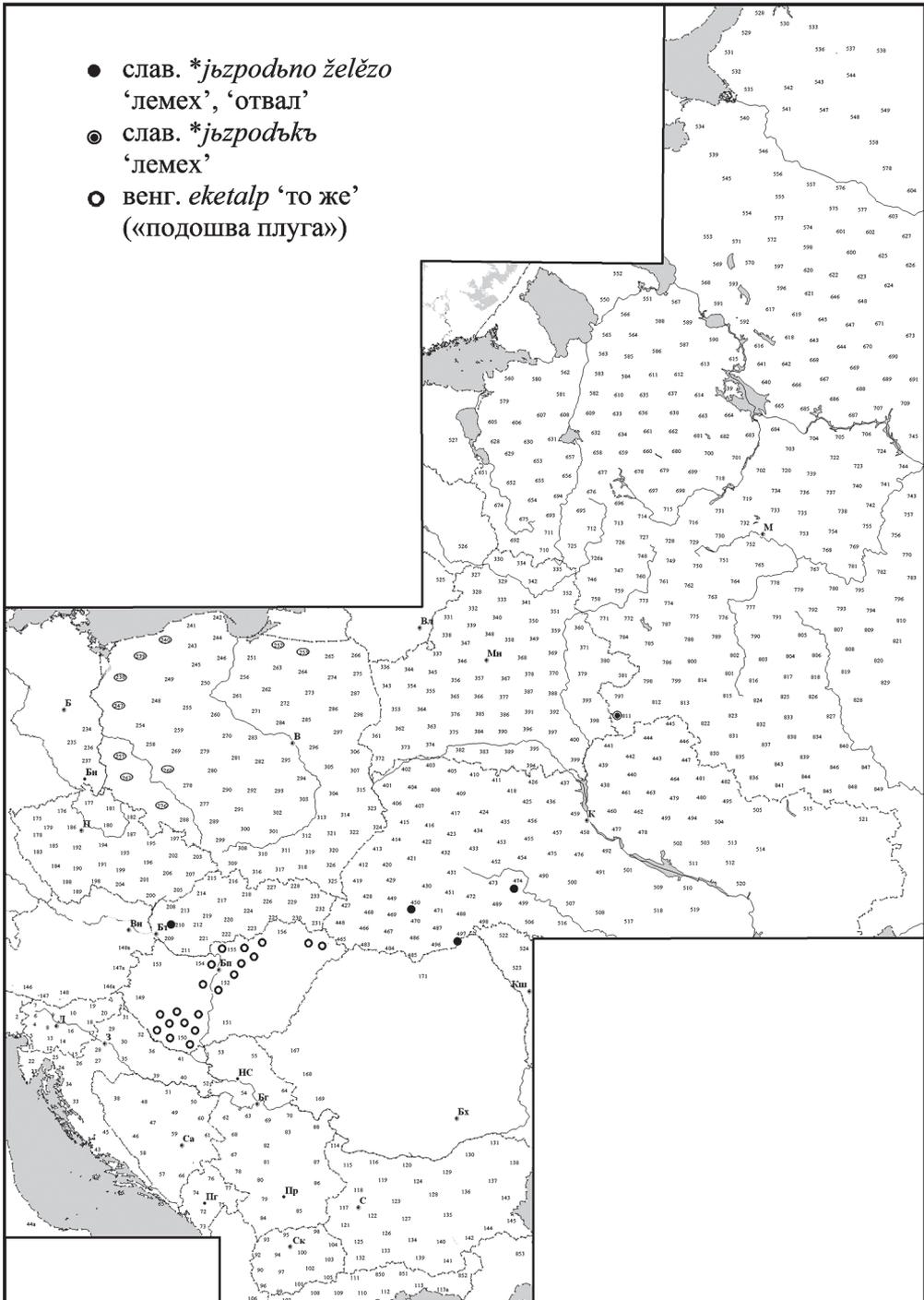

КАРТА-СХЕМА № 7

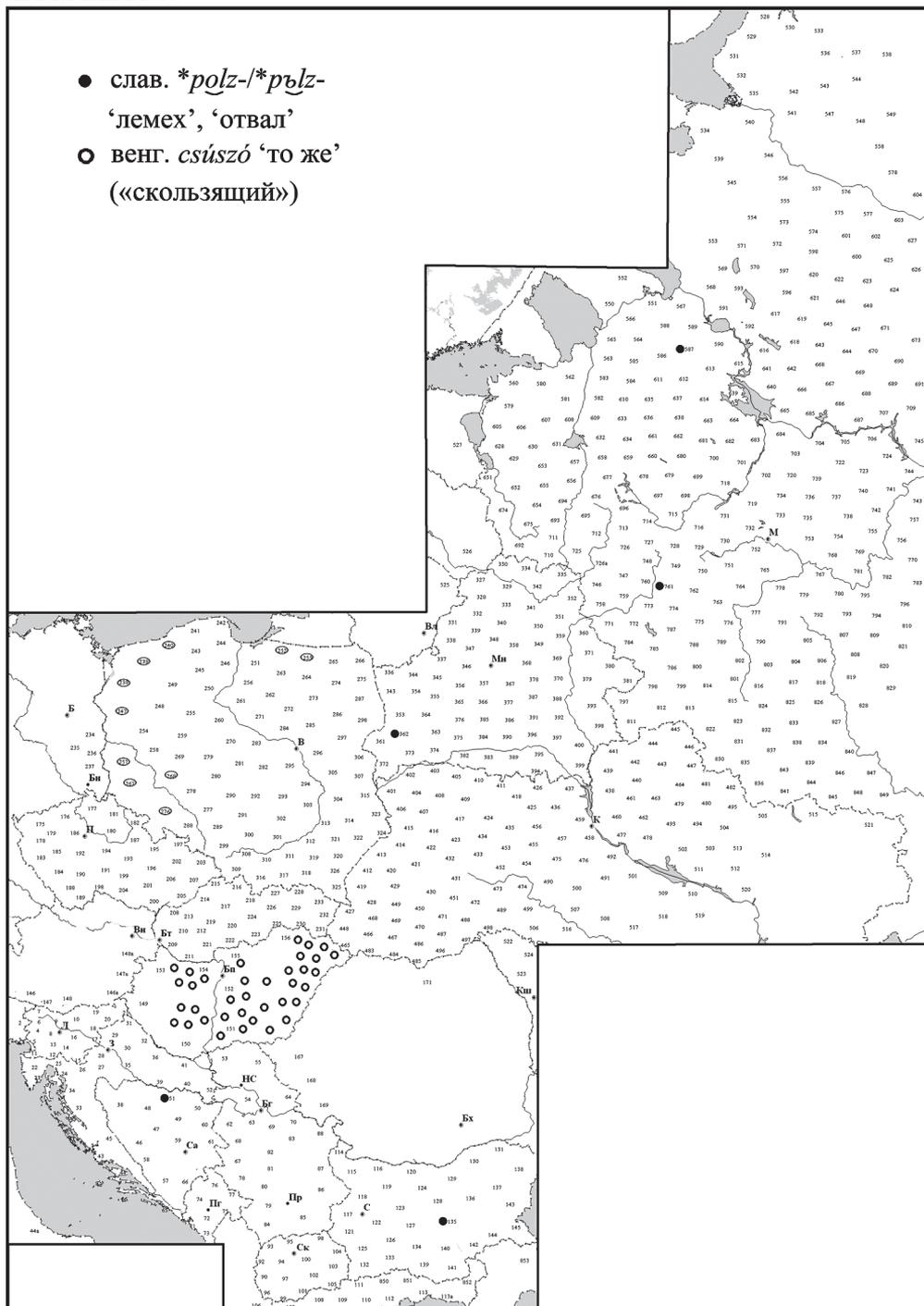

КАРТА-СХЕМА № 8

- слав. *ǰъzrodьno želězo
'лемех', 'отвал'
- ⊙ слав. *ǰъzrodькъ
'лемех'
- венг. *eketalp* 'то же'
(«ПОДОШВА ПЛУГА»)

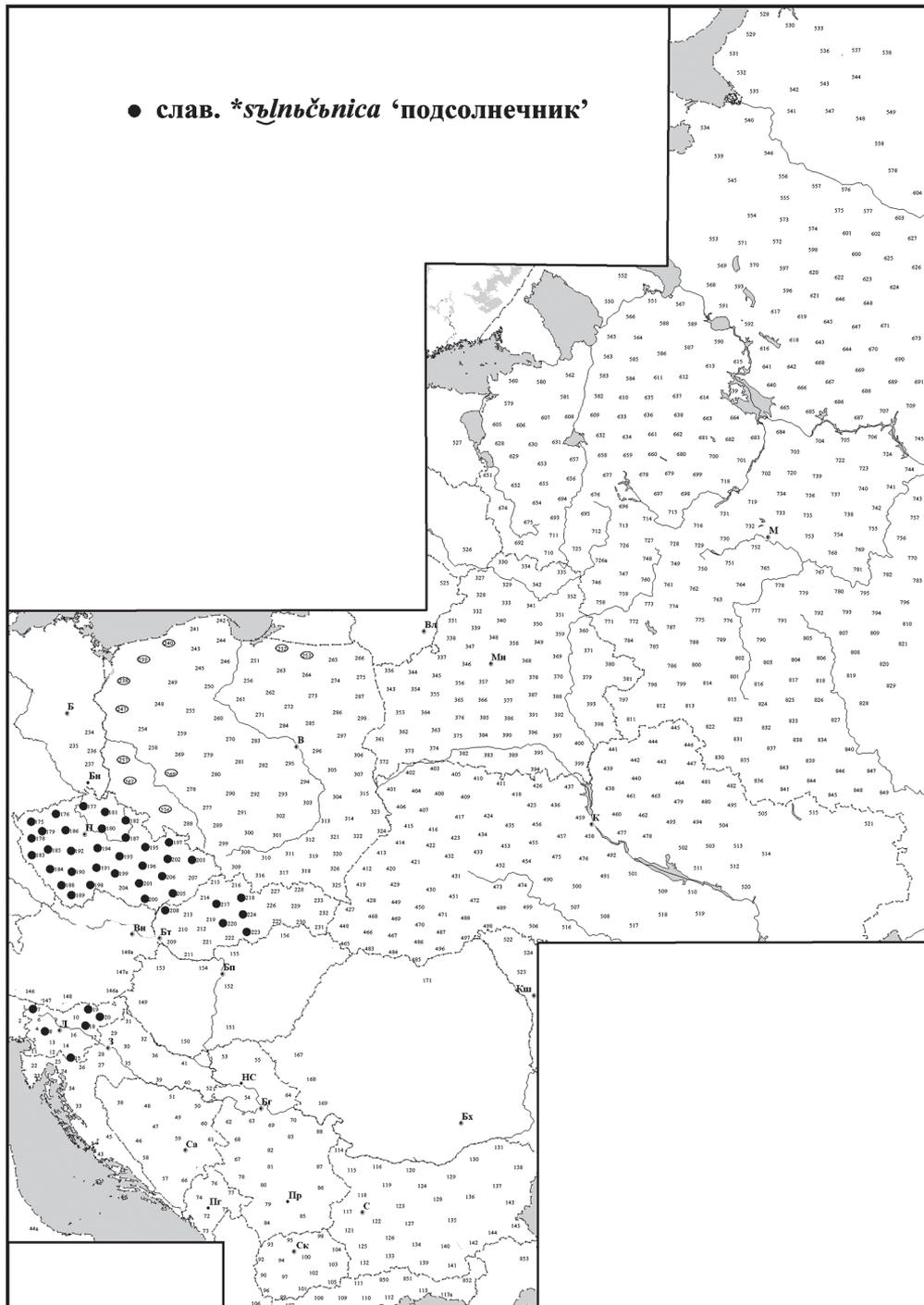

КАРТА-СХЕМА № 9

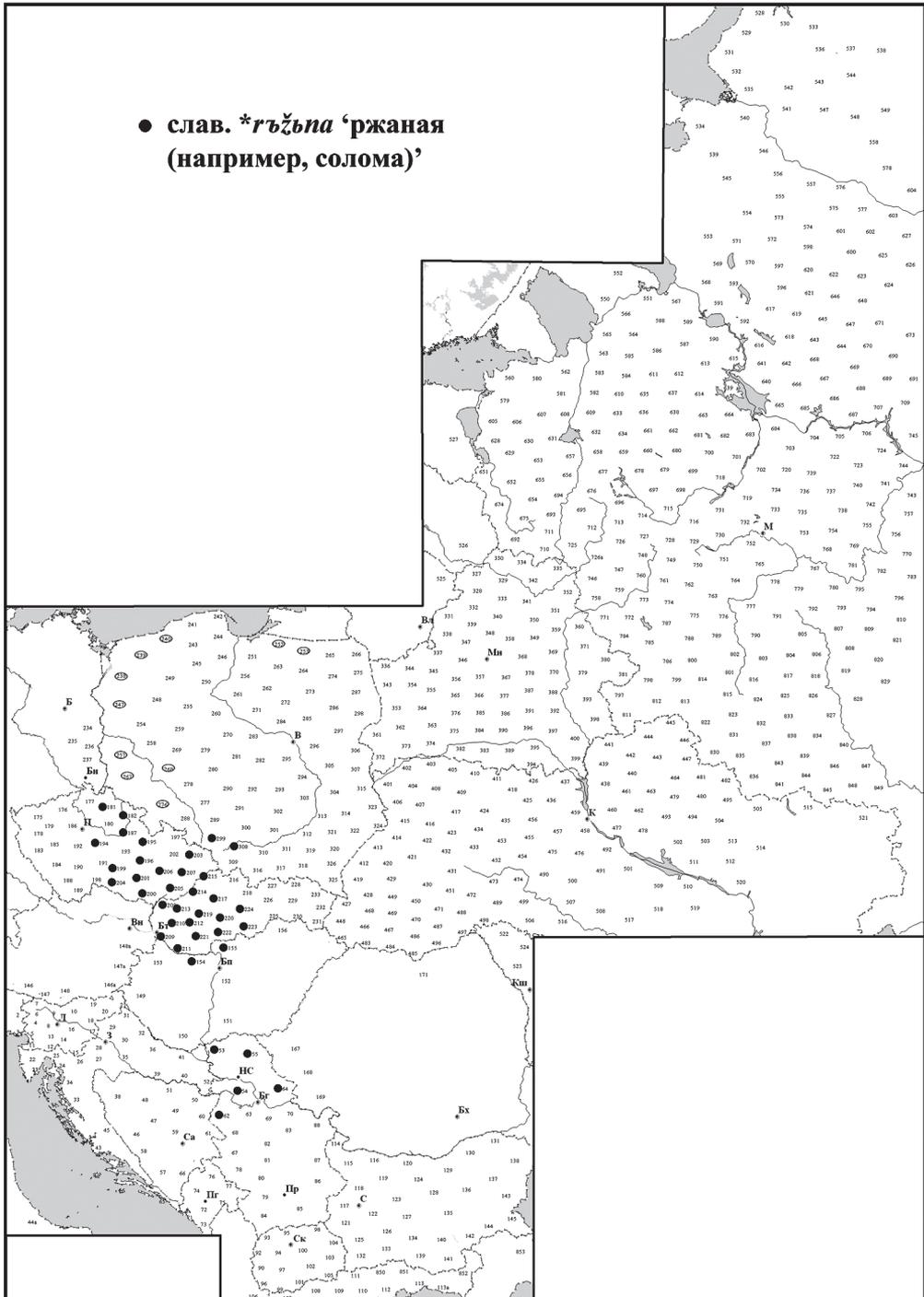

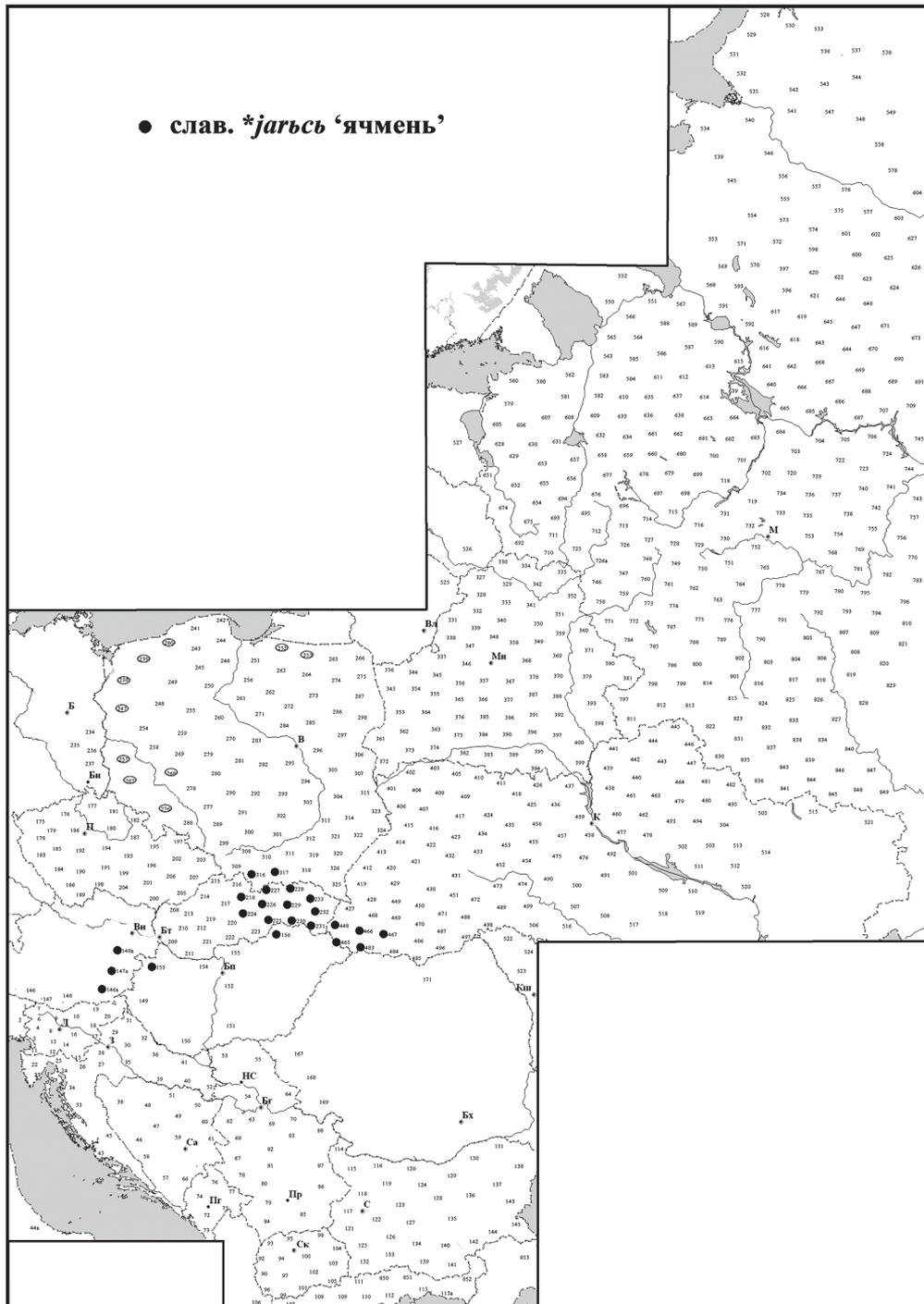
КАРТА-СХЕМА № 11

КАРТА-СХЕМА № 12

КАРТА-СХЕМА № 13

Ядвига Ванякова
Институт польского языка ПАН
(Краков, Польша)
jadwiga.waniakowa@ijp.pan.pl

СЛАВЯНСКАЯ ФИТОНИМИЯ: ЭКВИВАЛЕНТЫ И ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА

В настоящей статье автор обращается к важной проблеме идентификации растений в этимологических исследованиях в области славянских фитонимов. Верная идентификация видов растений позволяет адекватно интерпретировать семантическую мотивацию их наименований и таким образом способствует установлению их правдоподобной этимологии. Автор уделяет значительное внимание межъязыковым омонимам в области фитонимии и явлению ложных друзей переводчика. Как в славянских диалектах, так и в истории славянских языков одно и то же название может относиться к множеству видов растений, а с другой стороны, один и тот же вид растений может иметь несколько названий. Как следует из анализа, эти названия часто имеют формальное сходство в различных славянских языках. Автор приходит к выводу, что сравнительно-историческое исследование славянского фитонимического материала требует исключительно внимательного подхода, чтобы избежать ошибок в области идентификации растений. Формальное сходство в различных славянских языках отнюдь не гарантирует семантической идентичности. В сфере славянской фитонимии в ряде случаев мы имеем дело с явлением ложных друзей переводчика.

Ключевые слова: Общеславянский лингвистический атлас, ложные друзья переводчика, идентификация фитонимов, полисемия, омонимия.

Английский термин ‘false friends of translator’ (ложные друзья переводчика) чаще всего используется при обучении иностранным языкам, он является калькой с французского выражения *faux amis du traducteur*, которое было впервые использовано в лингвистике М. Кесслером и Ж. Дероккини в 1928 г. для обозначения слов или выражений из двух или большего количества языков, имеющих идентичную или сходную форму (звуковую или графическую), однако различающихся по значению [Kühnel 1974: 117]. Во многих языках возникли соответствующие выражения, ср. пол. *fałszywi przyjaciele tłumacza*, нем. *falsche Freunde*

des Übersetzers, чеш. falešní přátelé překladatele, рус. ложные друзья переводчика и мн. др. [Lipczuk 1992: 139, Kaleta 2008: 59–60, Kaźmierczak 1987: 319–329]. Данный термин подвергался критике за метафоричность и неточность. В то же самое время появлялись многочисленные и разнообразные определения самого явления, такие как англ. false cognates, misleading words, нем. irrenführende Fremdwörter, пол. zwodnicze słowa (букв. «обманчивые слова»), zdradliwe słowa (wyrazy) («предательские слова»), odpowiedniki pozorne («мнимые соответствия»), pozorna ekwiwalencja językowa («мнимые языковые эквиваленты») и т. п. [более подробно в Wilczyńska 1992: 161–168, Orłóś 2004, Kaleta 2008: 59–60]. Наиболее часто используется термин «межъязыковая омонимия», обязанный своим происхождением русской лингвистической традиции, он также употребляется, наряду с другими определениями, в трудах словацких лингвистов [Pančíková 2003a].

Проблема «ложных друзей» может пониматься по-разному в зависимости от специализации исследователей и их точки зрения. Это явление можно трактовать узко — как относящееся только к словам (выражениям) из двух языков, имеющим идентичную или сходную форму (графическую или / и фонетическую), но различающимся (или по крайней мере частично различающимся) по значению. Его также можно понимать более широко, выделяя в рамках данного явления несколько категорий [Lipczuk 1992: 139].

Различного рода обманчивые межъязыковые эквиваленты являются досадными, но вместе с тем они определенным образом воодушевляют на написание новых статей, носящих как практический, так и теоретический характер (кроме уже упомянутых работ можно привести десятки других). Этой проблемой с успехом занимаются и слависты. Изучаются «ложные друзья» и в абсолютно не родственных языках, таких, как, например, немецкий и венгерский [Emericzi 1980], французский и немецкий [Klein 1975], и в языках близких между собой, как, например, чешский, словацкий и польский [Pančíková 2003b, 2004].

Как было отмечено выше, с явлением «ложных друзей» сталкиваются в том числе и лингвисты, которые исследуют лексику в сравнительном аспекте. Межъязыковые соответствия оказываются чрезвычайно важными при сравнительно-историческом анализе славянских фитонимов. Как известно, в сфере названий растений, особенно диалектных названий, немаловажной проблемой является их идентификация, то есть отождествление тех или иных названий с соответствующим видом растений. В некоторых диалектных источниках материал представлен очень точно, например, в атласах и некоторых диалектных словарях, которые на самом деле его идентифицируют, однако существует определенное количество источников, особенно старых, в которых дефиниции неточны или просто ошибочны.

Следовательно, в сравнительно-исторических исследованиях фитонимов следует опираться на лингвистические атласы, так как они являются надежным источником для получения диалектного материала. Вместе с тем они относительно редко и в слабой степени привлекаются как в диалектологических, так и в сравнительно-исторических исследованиях. О подобном положении вещей можно лишь сожалеть, так как ценность лексических материалов, представленных в атласах,

несомненна с разных точек зрения. Основным достоинством этих материалов является то, что им дана точная дефиниция через заглавия карт и они точно локализованы географически. Другой, чрезвычайно важной информацией является указание на ареал распространения данной формы или данного языкового явления. Диалектная лексика, содержащаяся в атласах, имеет в связи с этим несомненное преимущество над материалами из картотек диалектных словарей, которые часто не обладают четкой дефиницией, а их географическая локализация точно не определена.

При исследовании славянских фитонимов неоценимым подспорьем является «Общеславянский лингвистический атлас» (ОЛА). Лексические ресурсы ОЛА в области славянской фитонимии содержатся главным образом в третьем томе Атласа «Растительный мир» [ОЛА 3, 2000] и четвертом томе Атласа «Сельское хозяйство» [ОЛА 4, 2012]¹. Чрезвычайно полезны для исследователя фитонимии сводные индексы всех обобщенных морфонологических записей, встречающихся на картах томов вместе с номерами соответствующих карт. В них легко можно вычлениить интересующие читателя названия растений и потом найти их на картах.

Как упоминалось выше, в говорах мы часто имеем дело с ситуацией, когда тот или иной источник не уточняет, о каком виде растения идет речь. Происходит это тогда, когда в качестве идентификационного названия приводится другое диалектное или разговорное название, которое может относиться, по крайней мере, к двум (или даже нескольким) типам или видам растений. В таких случаях приходится записывать данное название со знаком вопроса за несколькими видами растений [Waniakowa 2012: 38]. Однако обычно исследователь всеми возможными способами пытается установить, какое растение имеется в виду, и идентифицировать его, так как диалектные названия растений можно досконально анализировать только в том случае, когда известно, какими особенностями характеризуется данный вид растения. Поэтому, если диалектный материал определенного языка не дает достоверной информации относительно вида растения, исследователь вынужден искать возможные соответствия среди диалектных названий растений в других языках той же самой семьи. Следовательно, если, например, в польских говорах мы не уверены, к какому виду отнести то или иное название, мы обращаемся к своду названий и определений в других славянских языках. Часто в таких случаях название растения в каком-нибудь из славянских языков (а также в каком-либо из славянских диалектов) может подтвердить наши предположения, и мы можем с большей уверенностью идентифицировать название с соответствующим видом.

Однако, при исследованиях подобного рода следует соблюдать особую осторожность, потому что в них мы имеем дело или с эквивалентом фитонима, или же с явлением «false friends» (разумеется, исключаем здесь случаи абсолютного взаимного несовпадения фитонимов при сравнении славянского материала). Каждый раз нужно с большой осторожностью проводить сравнительный анализ славянского

---

¹ Примером исследования на тему славянских названий растений, который возник, в том числе, на базе одной из карт ОЛА, является статья Я. Ваняковой [Waniakowa 2011: 149–160].

материала, чтобы избежать возможных ошибок в идентификации. Стоит при этом упомянуть, что во всех славянских диалектах и в истории славянских языков мы сталкиваемся с ситуацией, что одно и то же название может относиться к нескольким видам растений, а один и тот же вид может иметь до нескольких десятков названий. При этом достаточно часто, как показывает анализ, эти названия являются сходными формально и семантически на значительных территориях славянского мира.

Приведем пример одного названия для множества видов (пример взят из истории и диалектов хорватского языка):

gorčica: 1) ‘горечавка желтая, *Gentiana lutea* L.’; 2) ‘*Aegilops geniculata* Roth (син.: *Aegilops neglecta* Req., *Aegilops ovata* L.)²’; 3) ‘золототысячник обыкновенный, *Centaureum erythraea* Raf. (син.: *Erythraea centaurium* Pers., *Centaureum umbellatum* Gilib.)’; 4) ‘*Exacum* L.’³; 5) ‘цикорий обыкновенный, *Cichorium intybus* L.’; 6) ‘*Osyris alba* L.’; 7) ‘вид коротконожки (который не встречается в Польше), *Brachypodium ramosum* (L.) Roem.et Schult.’ [Šugar HBI, Šulek 1879].

Один вид имеет много названий (пример из истории и диалектов русского языка):

марьянник дубравный, *Melampyrum nemorosum* L.: *брат и сестра, брат с сестрой, братики, браток, братовка, анютины глазки, братки, быковник, день и ночь, двуцветник, желтяница, желтушка, зиновія, золотушная трава, зубровая, зябрий, луговой звонец, иванец, иванова трава, иван да марья, іоаким и анна, адріан и марія, казюля, липняк, медунка, мёдянка, огнецвет, сухокрыла, скотскій корм, мёткая трава, трехцветная трава, черная пшевица, чмельник* [Annenkov 1878].

Следует подчеркнуть, что подобная ситуация имеет место в истории и диалектах любого языка. При этом часть названий в каждом из языков относится одновременно к двум или даже большему числу родов (не только видов), что еще сильнее усложняет картину. Например, процитированный выше автор [Annenkov 1878: 211] отмечает, что несколько названий марьянника дубравного, *Melampyrum nemorosum* L., а именно *анютины глазки, братки* и *иван да марья* относятся также к фиалке трехцветной, *Viola tricolor* L.

Таким образом, не может быть и речи о полном соответствии названий растений между любыми двумя славянскими языками. Можно говорить только о частичном соответствии. Это означает, что некоторая часть названий, относящихся к тому или иному виду в данном языке, может формально и семантически соответствовать определенной части названий этого же вида в другом славянском языке. При этом, очевидно, таких названий тем больше, чем ближе языки между собой. Даже ограниченная межъязыковая конвергенция в сфере названий растений дает нам возможность более точной идентификации названий в том языке, в котором мы располагаем недостоверным материалом, а идентификация сомнительна, ошибочна или вообще отсутствует, и названия невозможно верифицировать на основе

² Растение в Польше не встречается.

³ Растение в Польше не встречается.

данных внутри одного и того же языка (то есть сравнить с другими диалектными названиями или найти соответствующие названия в истории языка). Ниже приведем несколько примеров соответствий в названиях растений в славянских языках⁴:

пол. диал. *korzeń św. Piotra* (букв. „корень святого Петра”) ‘цикорий обыкновенный, *Cichorium intybus* L.’: n-tar⁵, n-tar Orawa; карт. SGP; чеш. диал. *koření sv. Petra* [Kosík 1941], словац. *koreň sv. Petra, korenie sv. Petra* [Buffa 1972], хорв. диал. *peter, petriš* [Šugar HBI], серб. диал. *nemep* [Šulek 1879, Simonović 1959]. Название цикория обыкновенного очень часто связывается со св. Петром, что обусловлено временем цветения данного растения [Waniakowa 2012: 104];

пол. диал. *jabłko cierniste* (букв. «колючее яблоко») ‘дурман обыкновенный, *Datura stramonium* L.’: Majewski SN; чеш. *jablko trnové* [Kosík 1941], чеш. *bodlavé jablko* (1596), словац. *ježkové jablko* [Machek 1954: 208], чеш. диал. *bodlavé jablko* [Kosík 1941], чеш. *bodlákové jablko* [Rystonová 2007], словац. *trnové jablko, bodlavé jablko* [Buffa 1972], рус. диал. *колюки-яблоки* [Annenkov 1878], словен. диал. *bodeča jabuka* [Karlin 1964], хорв. диал. *bodeča jabuka* [Lambl 1852, Šugar HBI], серб. диал. *bodeča jabuka, бодљива јабука* [Šulek 1879, Simonović 1959]; [Waniakowa 2012: 97–98]. Данные примеры ясно демонстрируют, что чем ближе родственные языки, тем больше формальное соответствие. Семантическое соответствие проявляется при каждом сравнении. Ту же самую семантику имеют также названия, встречающиеся в неславянских языках, ср., например, нем. *Stechapfel*, англ. *thorn-apple*. Плоды дурмана обыкновенного выглядят как колючие мешочки, похожие на плоды каштана, и напоминают маленькие яблоки с колючками, что и послужило причиной появления его переносных наименований.

пол. диал. *łapa niedźwiedzia* (букв. «медвежья лапа») ‘борщевик обыкновенный, *Heraclеum sphondylium* L.’: n-tar; карт. SGP; Majewski SN; SWil; Stanko 1472 отмечает название *niedźwiedzia noga* (букв. «медвежья нога») [Spółnik 1990: 10], см. также Symb. I 257; ст.-чеш. *nedvězie noha, nedvěňožka* [Machek 1954: 166, Wróbel 2004: 47], словац. *medvedi noha, nedvědinoga* [Buffa 1972], рус. диал. *медвежья лапа*⁶ [Annenkov 1878], см. также словен. диал. *medvedove tace, medvedova taca, medvedova dlan* [Barlè 1937, Simonović 1959, Karlin 1964], хорв. диал. *taca medvedova, medviđa šapa, medvjeđi dlan*, серб. диал. *медвеђи длан, мечја шапа* [Šugar HBI, Simonović 1959]. Другим на самом деле идентичным с точки зрения семантики является название борщевика обыкновенного, это пол. диал. *niedźwiedzia stopa*: n-tar; SGRT; рус. диал. *медвежья стопа* [Annenkov 1878], болг. диал. *мѣча стѣпка* [Achtarov 1939], хорв. диал. *stopa medviđa, stopa medvidnja*, серб. диал. *медвиња стопа, медвиња ступа, медвједња стопа, медџеђа стопа* и множество других форм [Šugar HBI, Šulek 1879, Simonović 1959]. Переносные названия борщевика мотивированы как формой, так и размером листьев растения, которые могут напоминать лапу медведя. Стоит также привести для сравнения названия борщевика

⁴ За отправную точку взято польское диалектное название.

⁵ Сокращения названий поветов и географических названий, принятые в SGP.

⁶ Написание было несколько изменено по причине отсутствия соответствующих значков.

в неславянских языках: ст.-в.-нем. *ber(e)nclawe* (XIII—XIV вв.), *berenclawe*, нем. *berncлаe* (1485) и множество других, ср. нем. *Bärenklau* [Marzell 2000 II: 820–821], ср. нем. *Bär* ‘медведь’, *klau* ‘коготь, шпора’, ср. также *Beerentatz* (отмеченное в 1613), (нем. *Tatze* ‘лапа’) и другие многочисленные формы, нем. диал. *Barfüße* с множественными вариантами, нем. *Bärentappe* (1805) с вариантами, (нем. *Tappe* ‘лапа’) и другие [Marzell 2000 I: 821–823]. Как славянские, так и немецкие названия скорее всего являются кальками с латинского языка, ср. ср.-лат. *branca ursina*, *branca ursi*, *branca uronia*, *braca urssi*, *ursibraca* [Symb. I 257, Marzell 2000 II: 820], ср. лат. *branca* ‘лапа (животного)’, *ursus* ‘медведь’, *ursinus* ‘медвежий’ [Waniakowa 2012: 180–181].

Примеры формально-семантических соответствий в названиях растений в славянских языках можно приводить бесконечно. Рассмотрим теперь названия, сопоставление которых является ошибочным, которые являются *faux amis* (ложными друзьями переводчика) в сравнительной работе исследователя. Например, в польском языке выступает разговорная форма *czyściec*. Она может относиться к роду *Stachys*, типичным представителем которого в Польше является *czyściec leśny* (чистец лесной), *Stachys silvatica* L., или диалектное название *czyściec*, которая, вероятно, относится к гравилату городскому, *Geum urbanum* L. (USK), или к сушенице, *Gnaphalium* (K). Форму *czyściec* приводит для гравилата Ростафинский из средневековых рукописей [Symb. I 195]. Попытаемся рассмотреть славянские соответствия, чтобы точнее определить, о каком виде растений идет речь. Итак:

чеш. диал. *čistec*: буквица лекарственная, *Betonica officinalis* L.; различные виды чистца *Stachys*; льнянка обыкновенная, *Linaria vulgaris* Mill.; вероника лекарственная, *Veronica officinalis* L.; кроме того в чешском языке выступает название *čistec* с различными прилагательными (например, *japonský*, *lékařský*, *okrasný*), которые относятся к различным видам буквицы, чистца и льнянки. Словосочетание *čistec lesní* относится как к чистцу, так и к пикульнику пушистому, *Galeopsis pubescens* Bess. [Rystonová 2007: 108].

словац. диал. *čistec* ‘чистец, *Stachys*’; ‘Syderis’ (растение не встречается в Польше); ‘вероника, *Veronica*’, особенно ‘вероника лекарственная, *Veronica officinalis* L.’ [Buffa 1972: 280];

рус. диал. *чистець* ‘чистотел большой, *Chelidonium maius* L.’ [Annenkov 1878: 95]; *чистець-трава* ‘гравилат городской, *Geum urbanum* L.’ [Annenkov 1878: 157]; *чистець* ‘льнянка обыкновенная, *Linaria vulgaris* Mill.’ [Annenkov 1878: 195]; *чистець* ‘марьянник луговой, *Melampyrum pratense* L.’ [Annenkov 1878: 211] и множество других видов;

укр. диал. *čysteć* ‘гравилат городской, *Geum urbanum* L.’ [Makowiecki 1936: 167]; *čysteć* ‘очиток едкий, *Sedum acre* L.’ [Makowiecki 1936: 338]; *čysteć* ‘чистец, *Stachys*’ [Makowiecki 1936: 338];

Полесье: *чистець* ‘копытень европейский, *Asarum europaeum* L.’ [Bejliņa 1968]; хорв. диал. *čistac* ‘чистец, *Stachys*’; ‘*Sideritis hirsuta*’ (растение не встречается в Польше) [Šugar НВИ, Šulek 1879];

словен. *čistec* ‘шалфей лекарственный, *Salvia officinalis*’ [Karlin 1964];

болг. диал. *чистецъ* ‘шандра чужеземная, *Marrubium peregrinum* L.’; ‘чистец, *Stachys*’ [Achtarov 1939].

Как видно, славянский материал настолько разнороден, что абсолютно не оказывает помощи в попытках идентификации польского диалектного названия. Большинство славянских наименований в данном случае представляют собой именно случаи «ложных друзей» для исследователя.

Приведем следующий пример: есть некоторые сомнения, что пол. диал. *kokoszka* (часто во множественном числе) это ‘маргаритка многолетняя, *Bellis perennis* L.’ (USK; SSSL), и тем более, что *kokoszka mala* — это ‘пижма девичья, *Tanacetum parthenium* (L.) Sch. Bip.’ n-tar (SGRT). Приведем славянские соответствия:

чеш. диал. *kokoška* ‘пастушья сумка обыкновенная, *Capsella bursa-pastoris* (L.) Medik.’; ‘лютик ядовитый, *Ranunculus sceleratus* L.’ [Rystonová 2007]; чеш. диал. *kokošku* ‘ярутка, *Thlaspi*’ [Rystonová 2007];

словац. диал. *kokoška* ‘пастушья сумка обыкновенная, *Capsella bursa-pastoris* (L.) Medik.’ [Buffa 1972: 306];

в.-луж. диал. *kokoški* ‘очиток, *Sedum*’ [Radyserb-Wjela 1909];

хорв. диал. *kokôška* ‘морозник черный, *Helleborus niger* L.’; ‘очиток, *Sedum*’; ‘*Sedum telephium* L., разновидность очитка, которая не встречается в Польше’ [Šugar HBI, Šulek 1879];

болг. диал. *кокошки* ‘хохлатка плотная, *Corydalis solida* (L.) Clairv.’; ‘хохлатка полая, *Corydalis cava* Schweigg. & Körte’; ‘водосбор обыкновенный, *Aquilegia vulgaris* L.’ [Achtarov 1939].

Этот пример, также как и предыдущий, демонстрирует, что в случае с польским диалектным названием *kokoszka* славянские формальные соответствия не дают помощи при его идентификации.

Следующий пример представляет собой попытку рассуждения, к каким родам и видам растений в отдельных польских языках относятся названия *lebioda* и *loboda*. Как видно из материала, существуют две возможности и они идентичны для обоих названий:

lebioda (*lebeda*) 1. ‘марь белая (лебеда), *Chenopodium album* L.’: łow, Ostródz, Wr, Mr; Dubisz; SSSL; FF 144; Pelcowa NR; Poprzęcki 1990; Majewski SN; K III 17; следует отметить, что Syreniusz 1613 отмечает словосочетание *lebeda dzika*, но относит его к мари красной, *Chenopodium rubrum* L. [Spólnik 1990: 25];

2. ‘душица обыкновенная, *Origanum vulgare* L.’: kroś; Kurek 2004; Gustawicz 1882; Majewski SN;

Приведем обзор славянского материала:

чеш. диал. *lebeda asijská* ‘лебеда садовая, *Atriplex hortensis* L.’ [Rystonová 2007];

чеш. диал. *lebeda červená* ‘душица обыкновенная, *Origanum vulgare* L.’ [Rystonová 2007];

чеш. диал. *lebeda rýžová* ‘киноа, *Chenopodium quinoa* L.’ [Rystonová 2007];

словац. диал. *bjla lebeda* ‘котовник, *Nepeta*’ [Buffa 1972: 319];

словац. диал. *červená lebeda* ‘душица, *Origanum*’ [Buffa 1972: 319];

словац. диал. *smrdutá lebeda* ‘марь, *Chenopodium*’ [Buffa 1972: 319]

укр. диал. *lebeda dyka, lebeda sobača* ‘марь, *Chenopodium*’ [Makowiecki 1936: 93];

укр. диал. *lebeda* ‘душица обыкновенная, *Origanum vulgare* L.’ [Makowiecki 1936: 250];

рус. диал. *дикая лебеда* ‘марь белая, *Chenopodium album* L.’ [Annenkov 1878];

словен. *leboda* ‘лебеда, *Atriplex*’ [Barlè 1968];

болг. диал. *лебеда* ‘лебеда садовая, *Atriplex hortensis* L.’ [Achtarov 1939].

В случае с марью белой, *Chenopodium album* L., листья этого вида растений покрывает снизу беловатый пушок и с этим цветом связано его название. Праслав. *elboda, со вторичной ассимиляцией гласных в первых слогах: *elbeda* // *olboda с предположительным первичным значением ‘растение с белыми листьями’⁷; дериват, скорее всего родственный на индоевропейском уровне с лат. *albus* ‘белый, седой, бледный, светлый’, ср. греч. *ἀλφός* ‘белый лишай на теле’ [Borys SEJP s.v. *lebioda*], см. также [Sławski SEJP IV 90] и [Spólnik 1990: 67].

Название *lebioda* в применении к душице обыкновенной, *Origanum vulgare* L. связано с марью белой, *Chenopodium album* L. благодаря сходству листьев [ESUM III 205].

loboda (*laboda, oboda*) 1. ‘марь белая (лебеда), *Chenopodium album* L.’: n-tar, opocz, Maz; SGP (s.v. *chrząstka*) карт. SGP; SSSL; Pelcowa NR; SGRT; Majewski SN; K III 73; форму *loboda* мы находим у Syreniusza 1613, но она относится к мари красной, *Chenopodium rubrum* L. [Spólnik 1990: 25]. Форма *loboda* является практически единичной (в отношении к форме *lebioda*) в источниках XVI—XVIII в. [Spólnik 1990: 67].

2. ‘душица обыкновенная, *Origanum vulgare* L.’: USK;

Приведем соответствующий славянский материал:

чеш. диал. *loboda* ‘*Artiplex patula* L.’ [Rystonová 2007];

словац. диал. *loboda* ‘*Artiplex*’; ‘*Chenopodium*’; ‘*Calamintha*’ [Buffa 1972: 322];

луж. *loboda* ‘*Artiplex*’ [Lajmert 1954, Radyserb-Wjela 1909];

укр. диал. *loboda, lubuda* ‘марь, *Chenopodium*’ [Makowiecki 1936: 93];

хорв. диал. *loboda* ‘марь белая, *Chenopodium album* L.’, ‘*Amaranthus retroflexus* L.’ [Šugar HBI, Šulek 1879];

хорв. диал. *loboda* ‘лебеда садовая, *Atriplex hortensis* L.’ [Lambl 1852, Šugar HBI, Šulek 1879];

хорв. диал. *divja loboda* ‘лебеда прибрежная, *Atriplex littoralis* L.’ [Lambl 1852];

хорв. диал. *smrdljiva loboda* (марь, *Chenopodium*) [Lambl 1852];

словен. *loboda* ‘лебеда, *Artiplex*’ [Barlè 1968];

болг. диал. *loboda* ‘лебеда садовая, *Artiplex hortensis* L.’ [Achtarov 1939];

болг. диал. *куча лобода* ‘марь, *Chenopodium*’ [Achtarov 1939];

⁷ Название *lebioda* (также в сочетаниях с прилагательными) относилась в прошлом (XV в.) ко множеству растений, ср.: *lebioda* ‘лебеда садовая, *Atriplex hortense* L.’, *biata lebioda* ‘пахучка обыкновенная, *Clinopodium vulgare*’, *glucha lebioda* ‘марь вонючая, *Chenopodium vulvaria*’. Форма *loboda* (от XV в.) определяла ‘лебеду садовую, *Atriplex hortense* L.’ [Borys SEJP s.v. *lebioda*].

Форма выводится из *olboda < праслав. *elboda. Что касается происхождения — см. выше *lebioda*.

Как видно из нескольких приведенных примеров, формальные эквиваленты польских диалектных фитонимов относятся ко множеству различных видов и родов. Следовательно, сравнение не может помочь при идентификации польских названий. Оно слишком часто приводило бы исследователя к ошибочным выводам. Можно задуматься над тем, чем же объясняется столь широкая палитра видов и родов, которые охватывают приведенные в качестве примера названия. Представляется, что в основе формальных сходжений лежит сходная семантическая мотивация, или, в сущности, сходные черты растений. Часто это внешний вид, но иногда речь может идти о сходных лечебных свойствах или сближениях в области коннотаций и ассоциаций.

Общий вывод, который можно сделать на основании вышеизложенного, следующий: необходимо с большой осторожностью сравнивать славянские фитонимы, особенно в тех случаях, когда мы имеем дело с идентификацией сомнительных названий. Формальное сходство не гарантирует соответствия содержания, или фактического значения, потому что при сравнении иногда имеет место полное соответствие названий и их десигнатов в некоторых славянских языках, а иногда мы имеем дело с «ложными друзьями переводчика». Кроме того, если учитывать, что исследуемый фитоним в славянском языке, который привлекается к сравнению, обычно относится с несколькими видами, и даже родами растений, на практике это редко может рассеять сомнения в верности идентификации.

Перевод с польского языка М. В. Ясинской

References

Achtarov 1939 — Achtarov B. (red.) *Materialy za bolgarsky botanichen rechnik*. Sofia, 1939. [In Bulgarian].

Annenkov 1878 — Annenkov N.I., *Botanichesky slovar'*. Saint-Petersburg, 1878. [In Russian].

Barlè 1937 — Barlè J. Prinosi slovenskim nazivima bilja, cz. 2. *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena, knjiga XXXI /1*. 1937, pp. 49–172.

Bejlina 1968 — Bejlina A. Materialy dlya polesskogo botanicheskogo slovarya. *Leksika Polesia. Materialy dlya polesskogo dialektного slovarya*. M., 1968, pp. 415–438. [In Russian].

Borys SEJP 2005 — Borys W. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków, 2005.

Buffa 1972 — Buffa F. Vznik a vyvin slovenskej botanickej nomenklatury. *K histórii slovenskeho odborného slovníka*. Bratislava, 1972.

Dubisz 1977 — Dubisz S. *Nazwy roślin w gwarach ostródzko-warminsko-mazurskich, Studia Warmińsko-Mazurskie, t. 11*. Ed. M. Szyczak. Wrocław, 1977.

Emericzy 1980 — Emericzy T. Faux amis in ungarisch-deutscher Relation, [w:] *Kontrastive Studien ungarisch-deutsch*. Ed. J. Juhasz, wyd. Kiado. Budapest, 1980, pp. 49–63.

Gustawicz 1882 — Gustawicz B. Podania, przesady, gadki i nazwy ludowe w dziedzinie przyrody, cz. 2: *Rośliny*, „Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej”, t. VI. Kraków, 1882, pp. 201–321.

Kaleta 2008 — Kaleta R. Białoruś i Polska — rzecz o mylących podobieństwach międzyjęzykowych, „Kwartalnik Polonicum”, *Centrum Języka Polskiego i Kultury Polskiej dla Cudzoziemców*. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa, 2008, pp. 58–62.

Karlin 1964 — Karlin M. *Slovenska imena naših zdravilnih rastlin*. Ljubljana, 1964.

Kaźmierczak 1987 — Kaźmierczak E. Die „falschen Freunde” als Fehlerquelle in der polnisch-deutschen Übersetzungspraxis, „Kwartalnik Neofilologiczny”, t. 3. 1987, pp. 319–329.

Klein 1975 — Klein H. W. Schwierigkeiten des deutsch-französischen Wortschatzes. *Germanismen — Faux Amis*. Stuttgart, 1975.

Kosík 1941 — Kosík V. *Slovník lidových názvů rostlin*. Praha, 1941.

Kühnel 1974 — Kühnel H. Die französischen „faux amis” im deutschen Wortschatz, „Deutsch als Fremdsprache. Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer”. zesz. 11.2, 1974. pp. 115–117.

Kurek 2004 — Językowo-kulturowy obraz wsi podkarpackiej wpisany w nazwy roślin, [w:] *Studia linguistica Danutae Wesolowska oblata*. Ed. H. Kurek i J. Labochy. Kraków, 2004, pp. 129–156.

Lajmert 1954 — Lajmert J. *Rostlinske mjena serbske, němske, laćanske radowane po prirodnom systemie*. Berlin, 1954.

Lambl 1852 — Lambl V. Nástin flory dalmatinské a seznam rostlin podlé jmen protonárodních, která lid slovanský po břehách adriatického moře uživa, „Časopis českého Museum” (Praha). 1852. ročn. 26, z. 1, pp. 98–115, ročn. 26, z. 2, pp. 41–64.

Lipczuk 1992 — Lipczuk R. Internacjonalizmy a „falszywi przyjaciele tłumacza”. *Język a kultura*, t. 7: *Kontakty języka polskiego z innymi językami na tle kontaktów kulturowych*. Eds. J. Maćkiewicz, J. Siatkowski. Wrocław, 1992, pp. 135–143.

Machek 1954 — Machek V. *Ceska a slovenska jmena rostlin*. Praha, 1954.

Majewski SN — E. Majewski. *Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich [...]*, t. I-II. Warszawa, 1889–1898.

Makowiecki 1936 — Makowiecki S. *Słownik botaniczny łacińsko-maloruski*. Kraków, 1936.

Marzell 2000 — Marzell H. Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen, t. I-V, *Lizenzausgabe Parkland Verlag, Fotomechanischer Nachdruck der Erstaussgabe 1943–1958*. Köln, 2000.

OLA 3 — *Obshcheshlavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatel'naya. Vypusk 3. Rastitelnyy mir*. Ed. A. I. Podluzhnyy. Minsk, 2000. [In Russian].

OLA 4 — *Obshcheshlavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatel'naya. Vypusk 4. Sel'skoje xozyajstvo*. Eds. A. Ferenčíková et al. Bratislava, 2012.

Orłoś 2004 — Orłoś T. Z. *Czesko-polska pozorna ekwiwalencja językowa*. Kraków, 2004.

Pančiková 2003a — Pančiková M. Niekoľko príkladov medzijazykovej homonymie — slovinčina, slovenčina, [w:] *Slovenski knjižni jezik — aktualna vprašanja in zgodovinske izkušnje. Ob 450-letnici izida prve slovenske knjige*. Ed. A. Vidovič-Muha, Center za slovenščino kot drugi /tuji jezik pri Oddelku za slovenistiko Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani. Ljubljana, pp. 495–501.

Pančiková 2003b — Pančiková M. Zradné slová v blízkých jazykoch, [w:] *České, polské a slovenské jazykové a literárni souvislosti. Sborník z mezinárodní konference uspořádané u příležitosti jubilea prof. Edvarda Lotka, 20. února 2002. AUPŮ, Facultas Philologica. Philologica, 78, Univerzita Palackého. Olomouc, 2003, pp. 27–31.*

Pančiková 2004 — Pančiková M., Pułapki dla tłumaczy, [w:] *Język. Polityka. Społeczność. Słownik pojęć politycznych i społecznych krajów Europy Środkowej i Wschodniej*. Eds. S. Dubisz, J. Porayski-Pomsta, E. Sękowska, Dom Wydawniczy Elipsa. Warszawa, 2004, pp. 53–59.

Pelcowa NR — H. Pelcowa. Nazwy roślin w świadomości językowej ludności wiejskiej, [w:] *Język a Kultura, t. 16: Świat roślin w języku i kulturze*. Ed. A. Dąbrowska i I. Kamińska-Szmaj. Wrocław, 2001, pp. 99–116.

Poprzęcki 1990 — Poprzęcki W. Ziołolecznictwo. Warszawa, 1990.

Radyserb-Wjela 1909 — Radyserb-Wjela J. Serbske rostlinske mjena w dwëmaj dźželomaj a sedmjoch stawach po abejcejskim rjedže. *Čestny pomnik za serbskeho prirodospytніка njeboh Michała Rostoka zestajał njeboh Jan Radyserb-Wjela*. Zrjadował a za čišće pripravował Matej Urban. Budyšin, 1909.

Rystonová 2007 — Rystonová I. *Průvodce lidovými názvy rostlin i jiných léčivých přírodnin a jejich produktů*. Praha, 2007.

Simonović 1959 — Simonović D. *Botanichni rechnik. Imena bil'aka*. Beograd, 1959. [In Serbian].

Spólnik 1990 — Spólnik A. Nazwy polskich roślin do XVIII wieku. *Prace Komisji Językoznawstwa PAN w Krakowie, nr 58*. Wrocław, 1990.

Stanko 1472 — Stanko J. *Antibolomenum Benedicti Parthi* [rękopis przechowywany w Bibliotece Krakowskiej Kapituły Katedralnej, nr Ms 225].

Syreniusz 1613 — Syreniusz Sz. *Zielnik herbarzem z języka łacińskiego zowią [...]*. Kraków, 1613.

Šulek 1879 — Šulek B. *Jugoslavenski imenik bilja*. Zagreb, 1879.

Waniakowa 2011 — Waniakowa J. O pewnych słowiańskich dialektalnych nazwach babki ‘Plantago’. *Rocznik Sławistyczny, 60*. Wrocław, pp. 149–160.

Waniakowa 2012 — Waniakowa J. *Polskie gwarowe nazwy dziko rosnących roślin zielnych na tle słowiańskim. Zagadnienia ogólne*. Kraków, 2012.

Wilczyńska 1992 — Wilczyńska W. «Faux amis» czy «amis infidèles» — definicja a praktyka. *Język a kultura, t. 7: Kontakty języka polskiego z innymi językami na tle kontaktów kulturowych*. Eds. J. Maćkiewicz, J. Siatkowski. Wrocław, 1992, pp. 161–168.

Wróbel 2004 — Wróbel H. Związki staroczesko-staropolskie w terminologii botanicznej, Kraków [przedruk z: *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Katowicach. Prace Katedry Języka Polskiego II*. Katowice 1962, 2004, pp. 105–137.

Sources

ESUM — *Etimologičnii slovník ukraïnskoï movi*, t. I–VI. Ed. O. S. Mel’nichuk, Kiev, 1982–2012. [In Ukrainian].

FF — *Flora i fitonimy na pograniczu polsko-ukraïnskim*. Ed. F. Czyżewski i D. Urban. Lublin, 2006.

K-J. Karłowicz. *Słownik gwar polskich*, t. I–VI. Kraków, 1900–1911.

kart. SGP — *kartoteka Słownika gwar polskich*, opr. przez Zakład Dialektologii Polskiej Instytutu Języka Polskiego PAN w Krakowie.

SGP — *Słownik gwar polskich*, opr. przez Zakład Dialektologii Polskiej Instytutu Języka Polskiego PAN w Krakowie, pod red. M. Karasia, od t. II pod red. J. Reichana, od t. VI pod red. J. Okoniowej. Wrocław — Kraków etc. 1977 i n.

SGRT — Radwańska-Paryska Z. *Słownik gwarowy góralskich nazw roślin z Tatr i Podtatrza*. Zakopane, 1992.

Sławski SEJP — Sławski F. *Słownik etymologiczny języka polskiego*, t. I–V (A–Ł). Kraków 1952–1982.

SSSL — *Indeks do Słownika stereotypów i symboli ludowych*, t. II. Rośliny (nieopublikowany wydruk udostępniony mi uprzejmie przez prof. Annę Tyrpę za zgodą prof. Jerzego Bartmińskiego).

Šugar HBI — Šugar I. *Hrvatski biljni imenoslov. Nomenclator botanicus croaticus*. Zagreb MMVIII [2008].

SWil — *Słownik języka polskiego*, wyd. M. Orgelbrand, t. I–II. Wilno, 1861 (tzw. Słownik wileński).

Symb. — Rostański J. *Symbola ad historiam naturalem medii aevi [...]*, t. I–II, Cracoviae MCM.

USK — Cz. Robotycki, (red.), *Układ słów kluczowych dla bazy danych o źródłach etnograficznych* (kultura ludowa Karpat polskich). Kraków, 1995.

Jadwiga Waniakowa

*Institute of the Polish Language of The Polish Academy of Sciences
(Kraków, Poland)*

jadwiga.waniakowa@ijp.pan.pl

THE SLAVIC PHYTONYMY: EQUIVALENTS AND TRANSLATOR’S FALSE FRIENDS

The article deals with the very important problem of plant identification in etymological research on Slavic phytomy. Proper identification of plants allows for the correct interpretation of the semantic motivation of their names and contributes to creating their credible etymology. The text treats also on interlingual similarities and the phenomenon of false friends in Slavic plant names. Across all Slavic dialects as well as in the history of Slavic languages it is observed that one name may refer to several species of plants,

and a given species may have dozens of names. As analyses show, it is not uncommon for these names to be formally and semantically convergent across large areas where Slavic languages are spoken. In the conclusion of the paper it is suggested that comparative studies of Slavic materials always require great caution to prevent possible mistakes in identification. Formal similarity does not guarantee the adequacy of the content, i.e. the true meaning, as in some cases we deal with complete convergence of the names and their designates in the given Slavic languages and sometimes the names constitute false friends.

Key words: The Slavic Linguistic Atlas, translator's false friends, the identification of phytonyms, polysemy, homonymy.

Славка Керемидчиева
Институт болгарского языка БАН
(София, Болгария)
slavka_ker@abv.bg

ДИАЛЕКТЫ И ДИАЛЕКТОЛОГИЯ В БОЛГАРИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В статье на материале личных наблюдений и исследований анализируется современная болгарская языковая ситуация, делается вывод о жизнеспособности и функциональности диалектов — основного средства коммуникации в локальных сообществах. Отмечается расширение функций диалектов и вторжение их на территорию литературного языка — их осязаемое присутствие в оригинальной художественной и переводной литературе, на интернет-сайтах и др. Предлагается краткий обзор достижений болгарской диалектологии и лингвистической географии с начала XXI в. до наших дней.

Ключевые слова: болгарская диалектология, лингвогеография, литературный язык, диалекты, язык как система.

Наблюдающееся и в XXI в. неуклонное развитие науки, изучающей диалекты, является убедительным доказательством того, что:

1. Язык является живой, устойчивой, самостоятельно развивающейся и саморегулирующейся системой, а поэтому
2. Любые категоричные прогнозы, относящиеся к развитию языка, следует отвергнуть.

Потому что (попытаюсь защитить свое утверждение) сегодня, во втором десятилетии XXI в., диалекты не только не вымерли или полностью исчезли, но как раз наоборот — расширили сферу своего употребления, проникнув даже на еще недавно закрытую для них территорию литературного языка. Интерес к диалектам возрастает и, по моему мнению, наука, изучающая их, — диалектология, — переживает сегодня своеобразный ренессанс.

Определение диалектов как явления, возникновение, функционирование и развитие которого зависит от определенных общественно-экономических и исторических условий (т. е. как исторической категории), связано с периодом от самого зарождения диалектологии вплоть до наших дней и с прогнозами, касающимися существования диалектов; подробнее о характере, происхождении и развитии

диалектов см., например: [Стойков 1993: 45–73]. Почти все прогнозы и заключения предсказывают постепенное отмирание и в конце концов полное исчезновение диалектов, которому будет предшествовать их выравнивание и объединение с целью приблизиться к литературному языку. В некоторых странах появление подобных прогнозов, возможно, оправданно, но даже там, где еще недавно считали, что в результате урбанизации и стремительного экономического и культурного развития диалекты исчезли (в Чехии, например), эти прогнозы не сбылись — поскольку чешские диалектологи, в начале второго десятилетия нового тысячелетия занявшись составлением Чешского диалектологического атласа, снова начали проводить полевые исследования с целью пополнить архивные запасы новым аутентичным материалом и, к счастью, без труда смогли это осуществить.

Радует тот факт, что уже появляются, хотя и всё еще весьма редко, публикации, в которых высказывается противоположное мнение: что витальность, консервативность, устойчивость и динамичность диалектов в современных условиях являются условием их в перспективе еще долгого существования, несмотря на бесспорные процессы нивелирования диалектов и влияние на них литературного языка. В фундаментальной статье Т. И. Вендиной — ведущего слависта и лингвогеографа, — включающей обширный аутентичный лексический материал всех славянских диалектов, которые картографируются в «Общеславянском лингвистическом атласе» (ОЛА), эта проблема рассматривается в социолингвистическом аспекте. Признавая факт, что этот материал собран около 60 лет назад, и отдавая себе отчет в том, что репрезентативность сетки ОЛА относительна, Т. И. Вендина для вящей убедительности подкрепляет свои оптимистичные выводы данными некоторых национальных лингвистических атласов (русского, словенского), которые используют значительно более густую лингвогеографическую сетку. Она отмечает большое число эксклюзивных лексем в каждом славянском диалекте, объясняя их дистрибуцию и частотность употребления как естественным сопротивлением любого языка при его контактах с другим языком, в том числе и с литературным, так и его способностью к саморегулированию и развитию. Причины существования устойчивых тенденций в диалектных лексических системах опытный диалектолог ищет в самой природе традиционной духовной культуры и посему делает заключение, что, пока она жива, «до тех пор будут существовать и диалекты» [Вендина 2016: 15].

Диалектная ситуация в современной Болгарии

Как обстоят дела на болгарской языковой территории и в болгарском обществе в начале XXI в.? Наши наблюдения личные и сделаны в процессе диалектологических экспедиций в различные районы Болгарии, предпринятых в последние годы (2006, 2010, 2013–2014, 2017 гг.), а также в результате изучения болгарской и иностранной художественной литературы и различных интернет-сайтов и форумов на них.

Первый и неожиданный вывод состоит в том, что носители диалектов уже не стесняются и не стыдятся говорить на своем диалекте, а напротив — открыто

гордятся этим. Типичным случаем в этом отношении является языковая ситуация в с. Эркеч (ныне Козичино), находящемся в Стара-Планине в районе г. Поморие, Бургасская область. Это село, несмотря на то что удалено и изолировано в географическом отношении, благодаря своей специфической духовной культуре более 100 лет являлось объектом многочисленных диалектологических, этнографических, фольклорных и археологических экспедиций, а в настоящее время — и оживленного экологического туризма. Короче говоря, эркечане не отрезаны от цивилизации во времени и пространстве. В то же время они до сегодняшнего дня бережно сохраняют свой исконный язык, обладающий неподражаемой архитектурной, ревностно соблюдают обряды и обычаи, осознавая, что являются наследниками многовековой уникальной богатой материальной и духовной культуры, которую они обязаны передать новым поколениям. Поэтому почти в каждом доме имеется музейное собрание предметов старого быта и орудий труда (ткацкие станы, гребни для чесания шерсти, плуги, традиционные болгарские приспособления для молотбы *дикани*¹ и др.), национальных костюмов, украшений и др., которые местное население с гордостью демонстрирует, подробно рассказывая, как они жили совсем недавно.

Всего лишь около 60 лет назад ситуация в этом селе была совершенно иной. Когда в 1950-е гг. выдающийся болгарский диалектолог Стойко Стойков исследовал эркечский говор (главным образом его фонетику), он пришел к выводу, который неоднократно подчеркивал, что отмечавшееся другими исследователями еще в начале XX в. постепенное исчезновение наиболее характерных особенностей местного диалекта (ударных долгот и широкого *e* (*ě*)) обусловлено не внутренним, собственно диалектным развитием, а стремлением эркечан сознательно избегать этих фонетических особенностей, чтобы не быть объектом насмешек со стороны носителей соседних диалектов [Стойков 1955]. В то время как в наши дни мы с удовлетворением отмечаем, что представители всех поколений эркечан (в том числе переселенцы из Эркеча, живущие много лет в близлежащем городе Поморие) довольно хорошо сохраняют свой родной говор. При разговоре с нами информанты всех поколений не переключали языковой код, а стремились говорить так, чтобы мы точно записали их говор, даже объясняя нам, как это сделать, и подчеркивали, что говорят не *тари́кашку* или *куко́нцу* (т. е. на литературном языке, современно), а *йерке́шки* (по-эркечски). Изучая диалектную систему говора, мы установили, что она сохраняет свою специфику и своеобразие не только в области фонетики и грамматики, но в открытой в наибольшей степени для изменений и инноваций части языка — в лексике. Необычайная сохранность говора в условиях несомненной и усугубляющейся диглоссии и интерференции с литературным языком является вызовом и грядущим исследованиям. Результаты нашего обследования

¹ В отличие от русского молотильного цепа *диканя* представляет собой соединенные поперечными перекладинами две плоские слегка изогнутые сверху наподобие полозьев саней доски, в которые вбиты шипы. *Диканя* крепится к дышлу; во время молотбы ее волочат животные по кругу (по гумну). — *Примеч. переводчика.*

показали, что более чем через 100 лет, прошедших с момента первых наблюдений над эркечским говором, устойчивые тенденции, которые характеризуют все уровни его системы на сегодняшний день, гарантируют ему еще долгую жизнь; подробнее о языке и культуре эркечан см., например: [Керемидчиева, Кочева и др. 2012].

Такие же наблюдения и выводы мы сделали в процессе изучения говоров других болгарских населенных пунктов в районе городов Белоградчик, Луковит, Тетевен, Троян, Казанлык и многих других, которое мы предприняли с коллегами в конце 2014 г. В сентябре 2017 г. я сделала видеозапись разговора с 72-летней мастерицей-ковроткачихой из г. Чипровцы, которая с гордостью перечисляла на своем родном диалекте части ткацкого стана, цвета окрашенной пряжи и виды орнаментов, а другие, еще более пожилые жители этого северо-западного городка, в том числе и мужчины, при встрече друг с другом на улице в большинстве случаев говорили между собой на своем родном чипровском диалекте (хотя часто можно было услышать и диалектную речь, подвергшуюся влиянию литературного языка).

Однако в других населенных пунктах, например в Копривштице, представители местного населения сохраняют свою речевую общность с сознанием, что они говорят на правильном литературном языке, так как знают, что их говор лег в основу литературного языка. Поэтому они не переключают кода, даже когда им приходится общаться за пределами своего родного города. (Подробнее о прежнем и современном состоянии копривштенского говора см.: Керемидчиева 2007). В то же время в наши дни представители копривштенской самодеятельности осуществляют театральные постановки пьес, созданных местными авторами и относящихся к жизни прежней, патриархальной Копривштицы; например, была поставлена пьеса «Помолвка отсутствующего *отходника* Николы Лютова в 1907 году» («Годеж на отсъстващия *масърлия* Никола Лютов през 1907 година»), в которой рассказывается о помолвке в отсутствие жениха, находившегося на заработках в *Масаре* (болг. *Мъсьр* или *Масър*, устар. 'Египет') в начале XX в. Во всех подобных пьесах авторы сознательно архаизируют речь персонажей, вставляя специфическую диалектную лексику, которая часто служит средством достижения комического эффекта. Постановки осуществляют представители местного населения, подход которых характеризует глубокая заинтересованность; спектакли сопровождаются доброжелательными комментариями, касающимися употребления слов и выражений старого и современного диалекта копривштенцев.

По нашему мнению, изменение отношения к диалектам обусловлено осознанием факта, что диалекты представляют собой не нечто постыдное, устаревшее и ненужное, а то, что нам завещано предками, то, что нас отличает от других, формирует нашу идентичность и потому должно быть сохранено и передано следующим поколениям. Эти утверждения подкрепляются выводами выдающегося социолингвиста А. Пачева (а также и выводами иностранных социолингвистов, которых он цитирует) о том, что языковые общности, диалекты которых в современных условиях европеизации и глобализации подвержены нивелированию и конвергенции, «не утрачивают свои языковые особенности и различия» [Пачев 2006: 149–150]. В другой своей работе А. Пачев, анализируя проблемы языков меньшинств

и диалектных общностей, приходит к важным теоретическим выводам, которые являются аргументом в поддержку утверждения о жизнеспособности диалектов: «Сегодня результаты исследований всё больше доказывают, что (быть может, немного неожиданно) в последнее время возрастает роль и усиливается влияние социальных диалектов как на социально-коммуникативный репертуар европейцев, так и на всю диалектную (языковую) ситуацию в Европе» [Пачев 2012: 55]. Этот и связанные с ним выводы являются поистине неожиданными на фоне многочисленных утверждений болгарских и иностранных ученых об исчезновении «малых» языков, а также территориальных и социальных диалектов и об утрате их коммуникативной функции внутри языковых общностей, которые они обслуживают.

Поэтому болгарские диалекты, несмотря на бесспорно протекающие процессы, ведущие к нивелированию диалектов, которым они подвержены под влиянием литературной нормы, продолжают и в наше время исполнять роль основного коммуникативного средства внутри локальных сообществ. Подтверждением этого являются многочисленные радио- и телепередачи, в которых можно услышать аутентичную диалектную речь (например, серия телепередач «Болгария от края до края» или же «БНТ²-такси»), различные уличные интервью и многое другое). Даже в школе, где детей учат избегать употребления диалектизмов на письме и в разговорной речи, их особым образом поощряют изучать и сохранять специфику своего родного говора — посредством записывания диалектных слов от односельчан, написания эссе на своем родном диалекте и др. [см. Отзвук 2015].

Подтверждением этого феномена являются и многочисленные интернет-сайты, на которых общение происходит исключительно на диалекте. Первым в длинной череде таких сайтов стоит появившийся в 2002 г. severozapad.org, на котором в 2008 г. был открыт форум. Первоначально созданный с мыслью вернуть к жизни исконную позабытую лексику северо-западных болгарских говоров и популяризовать ее посредством «перевода» на литературный язык, данный сайт в настоящий момент пользуется большой популярностью в Болгарии и за границей. Его отличительной чертой является то, что язык всех авторских рубрик, статей, форума и проч. является регионализированным языком. Сознательно называем его *регионализированным*, а не *региональным*, так как на практике он действительно представляет собой сознательно диалектизированный его пользователями литературный язык. Он не является ни урболоктом, ни интердиалектом, ни мезолоктом настолько, насколько последним термином принято называть «интердиалект урбанизированных бывших носителей диалектов, которые устранили наиболее контрастные маркеры своего родного говора» [Виденов 2013: 82], поскольку в нем, напротив, больше всего употребляются именно наиболее контрастные маркеры. Это своеобразный социолект, наддиалект, в основе которого лежат самые яркие и определяющие черты болгарских северо-западных говоров. Следует непременно подчеркнуть, что как авторы, так и аудитория сайта состоит из высокообразованных

---

² БНТ — *Българска национална телевизия* — Болгарское национальное телевидение; аббревиатура входит также в название телеканалов, принадлежащих БНТ. — *Примеч. переводчика.*

людей, которые определяются как *ора естете*³ (эстеты). Престижность диалектов (Керемидчиева 2015), сколь бы оксюморонно ни звучало это сочетание, уже возросла настолько, что, например, в виртуальном пространстве существует сайт, в котором живущие за границей родопцы из г. Златоград пишут исключительно на родопском диалекте и изгоняют всякого, кто не владеет им как родным (<https://www.facebook.com/groups/2057982477769768/>). Таким образом, диалекты в наше время, несомненно, превращаются в один из способов выразить идентичность онлайн; подробнее об этом [Мицова 2013]. Поэтому и подобное функционирование диалекта как средства виртуальной коммуникации уже становится объектом научных исследований [Симеонова 2015].

Диалекты в художественной литературе

Интерес представляет и еще один аспект многогранной проблемы «литературный язык — диалекты», к которому в последние годы исследователи не проявляют особенного интереса, но который находит яркое проявление в художественной болгарской и переводной (на болгарский язык) литературе. Это огромная тема, которая требует особого внимания и которая не может быть здесь исчерпана, а потому в этой статье она будет только обозначена.

После долгого затишья, наступившего после выхода «Ветвей граба» («Шумки от габър») и «Диких рассказов» («Диви разкази») Николая Хайтова, а также рассказов и повестей Йордана Радичкова, в которых диалектизмы присутствуют в речи героев и придают ей яркий колорит (см., например, об этом: [Китанова 2008]), начали появляться, особенно в последнее десятилетие, рассказы, повести и целые сборники стихов и романы, число которых неуклонно растет и в которых диалектные черты являются уже неотъемлемой частью как высказываний героев, так и авторского повествования; причем среди авторов не только региональные писатели. Всё чаще диалектные черты вторгаются в диалектный текст не как отдельный элемент художественного текста, который способствует созданию индивидуальной характеристики героев и языка произведения в целом, а как стройная система на всех языковых уровнях — фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом.

Не имея цели и не претендуя критически оценивать какое бы то ни было из этих художественных произведений, я хотела бы выделить одно из них, ставшее предметом национальной гордости, — роман Милена Рускова «Возвышение» [Русков 2011] («Възвишение»), который в 2014 г. был отмечен Европейской литературной премией. Для нашего исследования интерес представляет язык, на котором написан литературный текст, — стилизованный диалект эпохи Болгарского национального возрождения, основу которого составил язык Г. С. Раковского, а дополнением послужили элементы котленского и странджанского говора. Литературный критик

---

³ Соответствует в литературной записи выражению *хора естети*, однако само сочетание (букв. «люди-эстеты») нехарактерно для литературного языка; здесь налицо как фонетическая, так и лексико-синтаксическая имитация диалекта. — *Примеч. переводчика.*

В. Тонева определяет язык романа как «демиургический язык, в который все влюбляются». Он представляет своеобразный «болгарский атавизм». Оригинальный язык романа помогает автору достичь поставленных художественных целей, воссоздавая атмосферу Болгарии эпохи Болгарского национального возрождения, вызывает одобрение читателей, но при этом создает непреодолимые трудности переводчикам, несмотря на то что диалекты в книге выступают главным образом на фонетическом уровне:

А той като ма гледа, че мълча, пак ся разлюти — ни да мълчиш, брате, ни да говориш, — и вика:

— Какво мълчиш кат' пукал, бе? Ш'та утрепя, момченце! А вий прочия знайте ли, че пукал казват в Котел за човека мълчаливаго и намръщеннаго? «Що гледаш такъв като пукал?»

[А он, поглядевши на меня, что молчу, снова осерчал — ни молчать тебе, братец, нельзя, ни слова молвить — и говорит:

— Что молчишь, как пузырь⁴? Я тя укоюшу, парнишка! А вы все знаете ль, что пузырем в Котеле кличут человека молчаливого и смурного? «Что надулся, словно пузырь?»]

Оценивая язык произведения, М. Калинова, может быть, наиболее точно определяет как его сущность, так и его функцию в романе: «Старый новый язык романа снуёт между старыми и новыми значениями, между возрожденческим узусом и современной нормой, а расхождение между ними порождает комический эффект» [Калинова 2012]. Но именно специфика и оригинальность языка является причиной того, что роман всё еще не может дойти до европейского читателя, так как опыт перевода (согласно условиям конкурса) на диалект Центральной Англии оказался пока что неудовлетворительным для английского издателя, по признанию самого автора. Однако заслуженный успех «Возвышения» у читателей, познакомившихся с романом на языке автора, без сомнения, подтолкнули Милена Рускова написать на том же языке не только сценарий для одноименного фильма, но и следующее свое произведение — двухтомный роман «Чамкория⁵» [Русков 2017] — на городском софийском говоре начала XX в. с вкраплениями блатного жаргона. Этот роман также получил одобрение читателей и критиков и заслуженно был удостоен национальной литературной премии им. Элиаса Канетти за 2017 год.

Но если во всех перечисленных выше произведениях диалектные черты использовались только как отдельные элементы (фонетические или лексические

⁴ Или: «молчишь как чурбан», «молчишь, словно в рот воды набрал». Слово *пукал*, имеющее внутреннюю форму 'лопнувший', в диалектах может означать 'дикий мак' (и другие растения, плоды которых могут лопаться), 'хлопушка', 'филин', 'обжора', 'упитанный младенец', 'филин' (*пукал* < *бухал* 'филин') и др. [БЕР 5: 846–847] — *Примеч. переводчика*.

⁵ Топоним, ныне лыжный курорт Боровец (до 29 июня 1942 г. Чамкория), располагается на северных склонах Рилы в 68 км к югу от Софии на высоте 1350 м над уровнем моря. *Чамкория* (от тур.) — букв. 'бор', 'сосновый лес'. — *Примеч. переводчика*.

диалектизмы), то в последнее время появляются уже не только рассказы и стихотворения, но и альманахи, и толстые романы, целиком написанные на диалекте, т. е. диалект в них представляет стройную систему. Появление художественной литературы, созданной исключительно на субстандартном болгарском языке (в примере, который будет приведен, — на северо-западном диалекте), бросает многочисленные вызовы читателю, не знакомому с этой формой языка. Хотя авторам часто приходится снабжать свою книгу словарем, такие книги очень радуют специалистов, поскольку они еще раз доказывают жизнестойкость, функциональность и экзотичность родных диалектов авторов.

Маленький отрывок из одной из трех книг наделавшего много шума за последние пять лет «Северо-западного романа» Стояна Николова-Торлака, надеюсь, убедит в этом:

Коледарете бая време подминуваа къщи, дека ни светеа, ни циу се чуеше йозвътре. Нищо че преджапаа през маалата на две на три, коледарете се позавъртеа у къщите на бабичките и старците даже по-дълго от обикновено, пеха нги за родитба и здраве, нищо че знаеха, че времето на такива пожеланеа тука одавна е минало. Бабите и старците се умилеваа, черпеа ги с кво имаа, у простите нги глави се зараджаше мисъл, че мое па тва, че има повече ора таа годин, да земе да обръне късмето и некък да възроди селото. Ли коледуванъето баш магия, баш чудо си беше?

После ги изпращаа до праго кък си беа облечени само по вълнена жилетка, изглеждаа ги кък се отдалечеваа и чуеха кък песента нги постепенно отлабва и със слъзи на очи се чудеа дали ще дочекат коледаре и другята година или ще склопат кокаяци горе, на баиро, къде се вееше... «Еднъж да паднем да умрем, та да се родим» — си повтараа със стиснати чеюсти тиа очукани от сички стръни орица... [Николов 2014: 263–264].

[Колядовщики довольно долго огибали дома, где ни окна не светились, ни звука не доносилось изнутри. Даром что быстро прошли всю часть села, так еще и потолкались в домах стариков даже дольше обыкновенного, пели им о рождении и здоровье, даром что знали, что время таких пожеланий тут давно миновало. Старики и старухи умилялись, угощали их чем были богаты, в их неученых головах зарождалась мысль, что, может быть, оттого, что в этом году людей побольше, возьмет да и повернется к ним удача и как-то возродится село. Колядование разве не ворожкой, не чудом было?

Потом их провожали до порога в том, в чем были одеты, только в шерстяных кофтах, смотрели им вслед, как они удалялись, и слышали, как их песня постепенно затихала, и со слезами на глазах задумывались, дождутся ли колядовщиков в следующем году или, сомкнув очи, сложат свои кости на холме, где гуляет ветер... «Однажды пасть и умереть, чтобы родиться», — повторял про себя со стиснутыми челюстями этот забитый во всех отношениях народец⁶].

---

⁶ В переводе не отражены диалектные особенности оригинала. Чтобы показать контрастные диалектные маркеры, которые присущи северо-западному болгарскому говору, можно, например, переводить на русский, используя диалектные черты севернорусских говоров (грамматические

Диалекты и художественный перевод

И, наконец, подходим к обсуждению одной почти не замеченной и не исследованной проблемы многоаспектности диалектов — проблемы передачи на других языках диалектов, присутствие которых в оригинальном произведении с необходимостью должно отражаться в его переводе.

Как известно, перевод представляет собой двуязычный коммуникативный динамический процесс, затрагивающий язык оригинала и перевода. В этом творческом процессе важнейшая роль принадлежит переводчику, который должен адекватно и полноценно передать текст в единстве его формы и содержания (Легурска 2015: 156). Бесспорной предпосылкой успешного перевода является профессиональное владение двумя языками, но динамический характер перевода ставит перед переводчиками другие задачи (и лингвистические, и экстралингвистические), требуя от него не только таланта, так как «язык, на который переводят (обыкновенно родной язык переводчика), может выразить в нескольких вариантах плана выражения элемент плана содержания <...> и <...> переводчик может продемонстрировать свою личную творческую позицию, т. е. может выбирать (в рамках, поставленных оригиналом) между всеми возможными вариантами» [Иванова 1980: 157].

В каждом языке существуют слова, которые обозначают специфические элементы быта и культуры данного народа. Это так называемые реалии (географические, этнографические, общественно-политические, военные, исторические и относящиеся к современности и пр.), к переводу которых необходимо относиться с особым вниманием. По наблюдениям специалистов, существуют в основном два подхода к их переводу, которые зависят от того, к какому поколению принадлежит переводчик: переводчики старой школы придерживаются подхода адаптировать чуждые реалии к языку перевода, в то время как современная тенденция почти всегда предполагает транскрибирование слова, означающего ту или иную чуждую реалию [Вернигорова 2010: 128], цит. по [Легурска 2015: 158]. Возможна и более детальная передача реалий при переводе: например, помимо транскрипции графическими средствами языка перевода можно дать и описательный перевод, калькировать или создать новое слово, попытаться адаптировать слово к системе языка перевода [Васева 1980: 123–124], цит. по [Легурска 2015: 159].

и лексические): «Колядовщики-те обокаливали дома, откуль ни свет не светивши, ни звука было не слышать изнутри» и т. п. Подобная практика перевода не нова; в частности, первоначально так (стилизуя под язык севернорусских былин) пытались переводить болгарский юнацкий эпос, однако это вызвало справедливую критику филологов. Кроме того, чтобы переводить на тот или иной русский диалект, желательно быть его носителем, иначе можно достичь комического эффекта (ср. язык представителей так называемой деревенской прозы — Валентина Распутина, Федора Абрамова, Василия Белова и др., которые являются носителями диалектов, средства которых они используют). Болгарская культурная ситуация отличается от русской: в отличие от болгарских переводчиков, находящихся внутри диалектной ситуации, русские, как правило, не имеют глубоких диалектных знаний. См. о проблеме системного знания говора в статье далее, в следующем разделе «Диалекты и художественный перевод». — *Примеч. переводчика.*

В полной мере это касается и перевода диалектных слов или целых выражений, причем здесь требования к переводу еще больше ужесточаются. Необходимым условием успешного перевода является знание переводчиком не только стандартных, но и субстандартных форм исходного языка и языка перевода. Здесь, однако, я бы хотела обратить внимание на одну недавно еще не обсуждавшуюся переводческую проблему. Имеется в виду бесспорно трудная ситуация, когда диалектные элементы в тексте являются не отдельными реалиями (или их множеством), а системой выражения авторской речи или речи одного или более персонажей, поскольку если при переводе специфических слов и выражений переводчик может справиться, вооружившись соответствующими толковыми, этимологическими и диалектными словарями, словарями редких и устаревших слов и другими лексикографическими источниками, то для системного и правильного перевода связной диалектной речи ему потребуется и системное знание диалектов.

В качестве иллюстрации вышесказанного приведу пример удачного перевода диалектной речи из современной модной переводной литературы — книг Терри Пратчетта о Плоском мире и, точнее, серии книг о юной ведьме Тиффани Болен (романы «Вольный народец», 2003, «Шляпа, полная небес», 2004, «Зимних дел мастер», 2006, и «Оденуть в цвет ночи», 2010⁷). В этих романах выстроен целостный образ персонажа, говорящего на колоритном диалекте, который является его важнейшей языковой характеристикой. Это Нак-мак-Фигли, также называемые пиктсы, или пикеты, вольный народец — мелкие синекотье не особенно чистоплотные существа, изгнанные из страны фей из-за пьянства, хулиганства и мятежей. Этот забавный и гротескный персонаж во всех романах мастерски создан не только посредством авторского описания, но и посредством языка, на котором этот народ говорит. Как говорит один из героев романа «Оденуть в цвет ночи»,

— Та тя говори фигльски! — додаде жабокът. — И нямам предвид само онези кривунщини, те са си просто диалект. Имам предвид същинския старовремски говор на келдата... (Пратчет 2013: 100).

[Да она говорит по-фигльски! — добавил жабёныш. — И я имею в виду не только это коверканье — это ж просто диалект. Я имею в виду настоящий старый говор кельд...]

Для достижения комического эффекта, который производит фигльская речь, переводчик Катя Анчева выбрала систему западноболгарских диалектов, при этом в целом можно сказать, что в языке персонажей преобладают черты юго-западных говоров⁸. Не претендуя на исчерпывающий анализ, можно приблизительно

⁷ «The Wee Free Men», «A Hat Full of Sky», «Wintersmith», «I Shall Wear Midnight». Существует и пятый роман из этого цикла, «The Shepherd's Crown» («Пастушьа корова», 2015) — последний роман, написанный Терри Пратчеттом (1948–2015). — *Примеч. переводчика.*

⁸ На русский язык речь персонажей романов Терри Пратчетта, которая включает элементы или искаженные слова ирландского и шотландского (гэльского) языков, обычно передают,

определить, что чаще всего встречаются лексические диалектизмы из районов Кюстендила, Дупницы, Самокова: *И не му мисли за тоя мачок, дека гнети мъненките пилешарчета* [И ему не хотелось думать об этом кошке, который гонял малюсеньких цыпляточек]; <...> *огиная у студните ноце...* [<...> костерок в студёные ночи...].

Но есть лексемы, которые характерны и для других западных говоров, как, например, *мравинец* ‘муравей’ [БЕР 4: Перник, окрестности Софии]; *Ний само опуцихме тегобата* [Мы всего лишь сбросили ношу], *тегоба* ‘ноша, бремя, мѹка’ (БЕР 7: окрестности Годеча, Разлога, Софии, Ихтимана); *дечиня* ‘деткишки’ (БЕР 1: 348; юго-западноболг.); *да се мотлявиме* ‘вольнитѹся, болтатѹся, слонятѹся, мешать’ [БЕР 4: 260 — Радомир] и мн. др.

Достижением переводчика является достаточно системная передача диалектных черт на всех уровнях языка:

— фонетическом: произнесение [e] на месте этимологического ѣ (ѣ), редукции, исчезновение *x* в интервокальной позиции, рефлекс [a] на месте ѣ (ѣ) после рано отвердевшего *ц*: *Умори с цалувка властелино на зимата* [Прикончил поцелуем властелина зимы]; *Ама, га разбрааме, дека е твое, върнааме го зверчето обратно у къшлата* [Дак мы докумекали, что это твое, возвратили животину обратно в хлев];

— морфологическом: почти последовательное использование диалектных постпозитивных артиклей *-о* и *-от*: *На чернио жребец* [На вороном жеребчике]; *Ако некой сака да спори, че ми опита опинецо!* [Если кто вздумал спорить, тот узнает, чем пахнут мои тапки! (букв. «отведает мою тапку»); <...> *Пътъот към успехо* [<...> Путь-от к успеху]; *Те сеги вече зе да говориши на нашиот език* [Ты щас уж как пошѣл балакать на нашенском языке], однако часто встречается и характерная для литературного языка морфема *-а*: *Цуни ми опинеца* [Чмокни мою тапку] вм. *опинецо*; глагольные окончания с отвердевшими согласными: *Не мож върта клан, дека големецо му гасне* [Не может повернуть клан, когда его вождь обессилит]; *Дека се лепат по уфсети...* [Которые цепляются к овцам]; окончания глаголов наст. вр. *-м* в 1 л. ед. ч. и *-ме* в 3 л. мн. ч.: *Грабиме и дьокаме, и се тепаме* [Мы загибаем, и закладываем за воротник, и дубасимся]; частица для образования будущего времени *че*: *Че чекаме и че се надеваме* [Бум ждать и бум надеяться];

имитируя неграмотную речь (или просторечие, или речь иностранцев) и вставляя жаргонные, диалектные или просторечно- и диалектоподобные слова (например: *Э, да кто услыхнѣт-то, а?; Она зелѣн-бошку шандаракнула; Подѣ сюда, кошак мерзвяый! Вот те за всех мал-мал птах, ты, чучундра грязнорыла!* — из переводов Наталии Аллунан, «Маленький свободный народец», издательство «Эксмо», 2016 г.; *Могу я просишь вас выйти в большую палату, кельда?* — сказал он. — *Нам тут надо делать, вишь ты как...* — из переводов Ольги Владимировой, «Вольный народец»). Не обсуждая здесь, насколько удачны эти переводческие стратегии, в данном случае при переводе на русский язык болгарских диалектизмов, которые передают особый язык английских персонажей, используем разговорные и просторечные формы, а также некоторые маркеры севернорусских говоров. — *Примеч. переводчика.*

— лексическом и синтаксическом уровнях: *Оти, ако съм пил, ка че имам сичките тия пари, а?* [Потому как, ежели я пил, откедова у меня возьмутся все эти деньги, а?]; *Дорде пернатото се не спусне връз него* [Пока птаха не слезет на него]; *Ни му давай да те цуне, оти чушката ти че посинее и че се откине!* [Не давай ему тебя чмокать, а то носяра у тебя посинеет и отвалится].

Вот несколько примеров, иллюстрирующих сказанное выше, в связном тексте:

— Кривунци! Оно е много лесно да се ока «дири вещурята», ама що тебе да дириме, мож ли ми рече? Тия сите дългучи мене ми се чинат еднакви!

— Голема помощ, нема що! Они са сите великански момета!

— А бре, главанац с главанац! Секи знае дека вещурята носят остри капи.

— Епа начи, га спат, ни мож са вещуря, тъй ли? А, они са ошле у свето на живите... и неча след дълго да се вратят [Пратчет 2011: 55].

[— Разразивцы! То ж гораздо просто сказануть «ищи ведьмищей», а что надо искать, кто мне растолкует? Все эти долговизищи по мне так на одно лицо!

— Тоже мне помогли! Они все великански верзили!

— Да ну, умничщи с умничщами! Всяк знает, что ведьмищи носят остроугольные шляпы.

— Опаньки, а ежели они дрыхнут, значит, они уже не ведьмищи? А-а, они ушомши в мир-от живых... и еще долго не подумат вертаться]⁹.

В ряде случаев, однако, переводчица использует и средства восточноболгарских говоров (в основном это качественная редукция гласных заднего ряда, а также отдельные лексемы): *У таз одая има и криват* [В этой горнице есть и постеля]; *Ни мъ зпай така* [Не зыркай на меня так]; *zaga* ‘клюв’ [БДА. ОТ, карта Л 50], а нередко удачно создает и новые слова при помощи диалектных средств (например, увеличительных суффиксов: *кривунци*¹⁰ (ругательство от корня *крив-*), *главанац* ‘ум-

⁹ Ср. перевод Наталии Аллунан этого же отрывка:

« — Раскудрыть! Ото ж сказанула — вы пошли-нашли каргу! Кака-така собой этая карга, а? По мне так все верзуны на одно рыло, ыть!

— Мал-не-мал Джорджи, рыбарь, грил, карга — громазда девка!

— Вот уж сподмогнул, ыть! Да они тут все громазды девки!

— Цыть, вы, оба-два ни-вбей-мозгахрясь! Всяк знает: у карги чепунец как гора!

— Тады ой! Тады, раз она дрыхс — ужо не карга?» (Пратчетт Т. Маленький свободный народец / пер. с англ. Н. Аллунан. М.: Эксмо, 2016. Гл. 3). — Примеч. переводчика.

¹⁰ Этим словом болгарская переводчица передает стоящее в оригинале «шотландское восклицание “Crivens!”», которое Нак-мак-Фигли используют как выражение ужаса, негодования, удивления и прочих сильных эмоций, вполне безобидно: оно представляет собою искаженное “Christ’s Heaven!” (Небеса Господни!) или “Christ’s veins” (Кровь Господня!)» [комментарий Светланы Лихачёвой к переводу Наталии Аллунан, которая переводит *crivens* несуществующим ругательством *раскудрыть* (Пратчетт Т. Маленький свободный народец / пер. с англ. Н. Аллунан. М.: Эксмо, 2016. Примеч. к с. 224)]. Очевидно, что болгарская переводчица образовала слово *кривунци* по фонетическому созвучию с *crivens* и отразила восприятие *crivens* как формы мн. ч. Здесь в переводе с болгарского на русский в качестве безобидного ругательства используется

ники + увеличит. суфф., *вещуря* ‘ведмищи’, *роище* ‘роище’, *метлявина* ‘метлище’, *дъртофелно тъщище* ‘старая хрычовка тёщища’; *Крадливи вонещилници* ‘вороватые вонючищи’; *Онез мъненки бабалуоги дека се лепат по уфсети и се нальокват с кръвье, на подир се пускат* [Энти мелкие клещюки, что цепляются к овцам и смачивают глотку кровью, а потом отцепляются]. В речи этой фантастической мелюзги обнаруживаются и элементы жаргона (*скапаняк* ‘дрянной’, *дирнико*¹¹ ‘задница’; *И е гепила нашта си келда, дъртата му тегота!*... [И стырила нашу кельду, едрёна вошь (букв. «старая его ноша»!); *Ама големю въпрос за двамаца ви е: дъл не си шумульо и порта?* [Ну и большущий вопрос насчет вас двоих: уж не трусло ли ты и ты не предатель?]), разговорной речи (*дългучи* ‘верзила’; *Гаче ли сме тьпунгери!* [Будто бы мы балбесы!]; *дъртофелница* ‘старуха, старая хрычовка’; *Лопни си плювалнико, бре, баламурнико неден!* [Заткни фонтан, дубина стоеросовая!]; *Голем урунгел* [Страхолюдина!]) и даже тайныхговоров (*и верно сме измъдрили препържената бялка* [И правда мы изобрели гнать беленькую (букв. «придумали пережареную ракию»)]), *бялка* ‘ракия’¹²; а также и устаревшие слова (*Бехме заняти с лит’ратурни занимания!* [Мы были заняты литературными трудами!]; *Разумеват, дека са живи* [Соображают, пока живы]). То обстоятельство, что иногда в речи одного и того же героя в одном и том же предложении обнаруживаются и западно-, и восточноболгарские диалектные черты, не дает основания говорить о выдержанной до конца системе при использовании диалектов в этом переводе. Например: *Требе ни биче, а не уфсъ!* [Нам нужен бычок, а не овца]; *Айде, момци, фатайте по една нога!* [Давай, ребя, цап каждый по ноге!]. Другие же, мнимые, диалектизмы можно отнести к так называемым лжедиалектизмам, так как пока они не зафиксированы в Диалектном архиве Болгарского диалектного словаря или в других диалектных опубликованных и архивных источниках: *главанаци* ‘умничищи, головастые’; *дрънколевиши* ‘треплешься, балабонишь’; *гьопавник* ‘неуклюжий, недотёпа’; *ездник* ‘ездок, наездник’; *А що че ми речеш за грамаданската цивричка у белио сукман?* [А чё ты мне впариваешь насчет огромной хныкалки в белом сарафане?]; *Ни съ смърцафросвай!* [Не прикидывайся!]; *Щипундеро ти се дзвери ужасно у мене!* [Твоя щиплюндия ужасно тарашится на меня!], *щипундеро* ‘кусающее, шиплющее насекомое’; *вонещилници* ‘носки без пяток’; *А Големю Ян рече, че несака, га сте одили на лов, си остайл един лисунгер да ти се изшумугне, без да го сриташи едно убаво* [А Большой Ян сказал, что сёдни, када вы ходили на охоту, он дал одному лису смыгься, вместо того чтоб его как следует пнуть]; *Сакаш ли да ти дам от успокойките?* [Хошь дам тебе полечиться? (намек на крепкий напиток)].

Однако несмотря на всё это К. Анчева смогла выстроить стройную, хоть и разноранговую, «систему» филадельфийского диалекта во всех четырех романах и воплотила

также искусственно созданное слово «Разразивцы!» (от «Разрази меня (его и т. д.) гром!»). — Примеч. переводчика.

¹¹ Ср. рус. псков. *ды́ра* ‘то же’. — Примеч. переводчика.

¹² Ракия — фруктовая водка. Ср. рус. *беленькая* (разг.) ‘водка’. Зд. букв. «изобрели пережаренную ракию» (игра слов: в болгарском языке ракию *пекут*, т. е. гонят, т. е. ракия «печеная», а не «жареная»). — Примеч. переводчика.

в жизнь замысел автора, заключающийся в том, чтобы дать комичную, специфическую языковую характеристику этого забавного персонажа.

И если К. Анчева столкнулась с трудностью передать текст, созданный при помощи одного кода, средствами другого кода и потому позволила себе заимствовать различные языковые средства из разных диалектов и создавать новые слова, то можно привести примеры и из оригинальной болгарской художественной литературы, в которой наблюдаются достаточно неразборчивое использование диалектной лексики, взятой из различных диалектных систем. Например, в переизданном в 2014 г. романе Г. Божинова «Калуня-каля»¹³ [Божинов 2014] диалектные черты встречаются и в языке писателя, и в речи героев. Однако, поскольку писатель не знаком с системой диалектов, средства которых использует, он вставляет слова из своего родного ломского диалекта (северо-западного по типу), из юго-западного благоевградского говора (в среде которого он жил в зрелые годы) и из родопских (юго-восточных по типу) говоров, создавая даже и свои собственные слова, напоминающие диалектные: *брежлец* ‘бережочек’, *момче погонарче* ‘мальчик — погонщик овец’, *асль с айдушка жилка отунутре* [точно с гайдуцкой жилкой внутри]; *зе да се разбелява* ‘начало рассветать’; *порука кехаята* ‘позвал кехаю (старшего пастуха); *сопри* ‘стой’ и мн. др. Неудачи автора в этом плане многочисленны (например, придуманная им «родопская» форма ед. и мн. ч. *дечинка* ‘дитёнок, дитятки’, «тавтология» *гръмови храсти*¹⁴ ‘кустистые кусты’ и др.), но отзывы о романе по большей части положительные, даже восторженные, а некоторые читатели написали на интернет-форуме: «Какой прекрасный болгарский язык!» Несомненно, что произвольно использованные и придуманные автором диалектизмы создадут затруднения переводчикам романа.

Доказательством того, что использование диалектных средств при переводе требует хорошего знания родного языка во всех его формах и проявлениях, является недавно проведенная в Софийском университете дискуссия на тему «Перевод диалектов в художественной литературе», организованная Союзом переводчиков Болгарии при поддержке университетской программы «Переводчик — редактор». Дискуссия была инициирована публикацией неудачного перевода «Детских и домашних сказок» Братьев Grimm, осуществленного Слави Ганевым. Ведущие профессора, переводчики, диалектологи и другие профессионалы выразили свое несогласие с подобным переводом, сделанным на несуществующем диалекте.

В качестве обобщения можно отметить, что наше время бросает переводчику очередной вызов: он должен уметь адекватно передавать связный диалектный (или даже лжедиалектный) текст (речь). Это ставит перед переводчиком задачу владеть не только определенным стандартным (литературным) языком, но и его субстандарными формами на всех языковых уровнях.

¹³ Букв. «крепость, укрепление Калуни», название хутора (Калунё — имя главного героя романа); название безуспешно стилизовано под родопский диалект. Роман впервые издан в 1988 г. и остался незамеченным; вторую жизнь ему дал писатель Деян Энев, который поспособствовал переизданию романа, ставшему очень популярным. — *Примеч. переводчика.*

¹⁴ *Гръм* (диал.) ‘низкий развесистый куст’ (Каменица; окрестности Кюстендила; Странджа) [БЕР 1: 289]; *храст* (литерат.) — также ‘куст’. — *Примеч. переводчика.*

Достижения болгарской диалектологии и лингвистической географии с начала XXI века до наших дней

Из всего сказанного выше становится ясно, что диалектное поле не только не сузило свой периметр, но даже напротив — расширяет сферу действия и из средства коммуникации исключительно общностей, ограниченных территориально, превращается в средство, которое занимает пространства, еще недавно принадлежавшие только литературному языку. Именно многочисленные грани и проявления диалектного ставят новые задачи перед болгарскими диалектологами и выявляют новые объекты изучения. Поэтому и результаты диалектологических исследований в первые 17 лет XXI в. внушительны и разнообразны. На Международной юбилейной научной сессии, посвященной 75-летию Института болгарского языка Болгарской академии наук, прошедшей в мае 2017 г., Л. Василева и М. Котева представили новейшие направления и научные достижения болгарской лингвистической географии, которые стали результатом работы Секции болгарской диалектологии и лингвистической географии ИБЕ БАН [Василева, Котева 2017: 204–221]. Самым значительным достижением лингвистической географии, имеющим исключительное национальное значение, является завершение и публикация четырех томов фундаментального коллективного труда: «Български диалектен атлас. Обобщаващ том. 1–3. Фонетика. Акцентология. Лексика» (2001) и «Български диалектен атлас. Обобщаващ том. 4. Морфология» (2016). Многоплановое представление диалектных явлений со всей болгарской языковой территории на картах нового типа квалифицирует «Обобщающий том» как современный цветной атлас, ареальный по типу, издание которого ставит болгарскую лингвогеографию на передовое место среди других славянских стран, имеющих национальные диалектные атласы. Согласно концепции (БДА. ОТ), он должен завершиться томом изоглосс, но работа по нему еще не началась. Поэтому так радуется появление исследования Е. Ушевой «Вокально-консонантное взаимодействие в южной части ятевой изоглоссной зоны» (*Вокално-консонантното взаимодействие в южната част на ятовата изоглосна зона*, в печати), вторая часть которой представляет оригинальный цветной атлас изоглосс, состоящий из 74 карт. Несмотря на то что работа касается южной части ятевой области, на практике на каждой карте изоглоссы продолжают и на остальной языковой территории в северном направлении. Поэтому работа Е. Ушевой является наглядной проекцией достижений ареальной лингвистики в лингвистической географии.

После публикации томов атласа как следствие вышли из печати «Карта диалектного членения болгарского языка» (также ареальная, но основанная на ином принципе) (Карта 2016) и «Цифровая карта болгарских диалектов» (авторы Л. Антонова-Василева, Л. Василева, С. Керемидчиева, А. Кочева), представляющая визуальную и аудиоинформацию о болгарских говорах¹⁵. Созданная благодаря новейшим современным технологиям, «говорящая» карта вызвала огромный об-

¹⁵ См.: http://ibl.bas.bg/bulgarian_dialects.

щественный интерес, поэтому ее обогащение и актуализация еще предстоят, и их с нетерпением ждут не только в Болгарии.

В качестве ответа на общественные потребности и поставленные вопросы об «иной Болгарии» в 2016 г. была опубликована и «Карта болгарского языка на новом месте в мире» [Кочева 2016]. Эта первая в своем роде карта представляет распространение и частотность употребления болгарского языка вне болгарского языкового континуума в синхронии и диахронии. При картографировании учтены число и интенсивность волн эмиграции начиная с XVII в. (после Чипровского восстания 1688 г.) до наших дней, а также характеристики переселенческого населения, т. е. получило ли оно или нет статус национального меньшинства в соответствующей стране, имеет ли болгарский язык поколенческий характер и как неминуемо и постепенно он сдает позиции перед языком новой родины болгар.

Все три карты сопровождаются обширными статьями, представляющими новейшую классификацию болгарских диалектов или распространение болгарского языка по странам в цифрах.

В международном плане болгарские лингвогеографы работают исключительно плодотворно и интенсивно с целью заполнить лакуну — представить Болгарию после 25-летнего отсутствия данных из нее в трех международных атласах — Общекарпатском диалектологическом атласе, Общеславянском лингвистическом атласе и Европейском лингвистическом атласе. Опубликованные только за последние 10 лет труды воистину впечатляют своим объемом, содержанием и значимостью. В 2008 г. вышел из печати сборник «Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура», в котором в части «Болгарские полевые материалы для Общекарпатского диалектологического атласа» опубликованы все полевые материалы из 15 сел, собранные в 1980–1982 гг.

Издание совместными усилиями болгарской и русской национальных комиссий 10 томов «Общеславянского лингвистического атласа» с болгарскими лексико-словообразовательными [ОЛА 2013] и фонетическими [ОЛА 2015] материалами дает уникальную возможность рассматривать болгарские диалектные материалы в общеславянском языковом контексте с целью четко обозначить и визуализировать связи болгарского языка с языками всех трех групп славянской языковой семьи и с помощью ареальной типологии установить как болгарский пласт в славянском словарном богатстве, так и те собственно диалектные особенности, которые характеризуют его как самостоятельный язык. При анализе болгарского материала в славянском континууме становится очевидно, что различные лексико-словообразовательные средства, использовавшиеся при создании имен или заимствовывавшиеся из других языков, выявляют оригинальность и самобытность болгарских диалектов, которые, оставаясь типологически славянскими, имеют свое собственное развитие и исторический путь.

Болгарская национальная комиссия по Европейскому лингвистическому атласу ежегодно представляет сведения о болгарском материале на картах в атласе, создаваемых иностранными национальными комиссиями. В 9-м томе ЕЛА опубликована и первая созданная болгарскими учеными карта «Названия пастуха овец»,

сопровождающаяся обширным комментарием [ALE 2015]. В данный момент болгарская национальная комиссия трудится над второй болгарской картой — «Названия ржи». Согласно концепции ЕЛА, решенные в историко-сравнительном и синхронно-типологическом аспекте карты проясняют вопросы истоков языкового единства и последующего диалектного членения, так же как и вопросы контактов и влияний в области лексики между типологически различными европейскими языками.

Несмотря на то что национальный центр лингвогеографии находится в Институте болгарского языка Болгарской академии наук, за последние десять лет появились значимые языковедческие труды и коллег из Софийского университета, в которых находят отражение лингвогеографические принципы. Это теоретический труд «Введение в ареальную лингвистику» (*Увод в ареалната лингвистика*) В. Раевой (2001), диссертация В. Панайотова «Болгаро-словацкий лексический параллелизм в лингвогеографическом аспекте» (*Българо-словашкият лексикален паралелизъм в лингвогеографски аспект*, 2001), предлагающая новые подходы при интерпретации лингвогеографических данных теоретико-прикладная работа Д. Младеновой «От лингвистической географии к ареальной лингвистике. Теория и практика анализа поздних явлений в болгарском языке: названия помидора и баклажана» (*От лингвистична география към ареална лингвистика. Теория и практика на анализа на късни явления в българския език: названията на домата и патладжана*, 2016).

Опубликованные монографии и коллективные диалектологические труды ученых Секции болгарской диалектологии и лингвистической географии и университетских коллег в первые 17 лет XXI в. исчисляются десятками, и здесь я не смогу перечислить даже все заглавия. Они охватывают проблемы всех языковых уровней и представляют собой как целостные описания отдельных диалектов или диалектных областей¹⁶, так и исследования диалектных особенностей в области фонетики и фонологии¹⁷; в области морфологии¹⁸; лексикологии и лексико-

¹⁶ *Вачева-Хотева М., Керемидчиева Сл.* Говорът на село Зарово, Солунско. София, 2000; *Вакрелска-Чобанска Д.* Самоковският говор. София, 2002; *Христова Евд.* Говорът на село Връбник, Албания. Благоевград, 2003; *Пухалев Г., Керемидчиева Сл., Генов-Пухалева Ил.* Казано на каменски. Етнолингвистично изследване на кв. Каменица, Велинград. София, 2008; *Керемидчиева Сл., Кочева А., Василева Л., Първанов К., Сертова З., Гаравалова И., Чернева Р.* Еркеч — паметта на езика. Традиции и устойчиви тенденции в един архаичен български говор — говора на село Еркеч, Поморийско. София, 2012; *Колева Кр.* Шуменският говор: диссертация. Шумен, 2015; *Тончева Хр., Илиев Ив. Г.* Говорът на село Припек, Джебелско. Пловдив, 2016; *Антонова-Василева Л.* Диалектната система на с. Шишевец, Кукъска Гора — един говор на границите на българската граматика. София, 2017, и др.

¹⁷ *Жобов Вл.* Звуковете в българския език. София, 2004; *Кочев Ив.* Българска фонология. София, 2010; *Маринов Вл.* За фонологичния статус на меките съгласни във влашкия диалект в Северозападна България. Велико Търново, 2015.

¹⁸ *Антонова-Василева Л.* Видовите основи в българските диалекти (семантично и морфологично изследване (исследоване депонирано в Националния център информации и документации. Централна библиотека, № Нд 246 /2000); *Витанова М.* Наречия за време в българските говори (исследоване депонирано в НАЦИД, № Нд 78 /2000); *Каневска-Николова Ел.* Тройното

графии¹⁹; словообразования²⁰. Лексикографических трудов, представляющих диалектный материал, не считая словарей местных топонимов, более 20; например, только словарей трънскогo говора в настоящее время три — все они составлены непрофессиональными лексикографами, историками и краеведами²¹.

Появились как труды, сочетающие диалектологический и социолингвистический подходы²², так и социолингвистические исследования, предлагающие новую и целостную методику описания в теории и практике изучения билингвизма²³.

Неоспоримым фактом является то, что в наше время болгарские диалекты представляют собой больше, чем колоритный полевой материал или литературная экзотика, — они являются бесценной коллекцией опыта, мудрости и духа и отражают характерные черты болгар из разных концов болгарского языкового пространства. Они — ярчайший и наиболее отличительный знак болгарской идентичности и самоопределения. Вопреки прогнозам в них в настоящий момент протекают процессы своеобразного возвращения к коренному, исконному, дифференциальному, поэтому

членуване в родопските говори. Пловдив, 2006; *Първанов К.* Префиксната перфективация в историята на българския език. София, 2009; *Кочева А.* За народната основа на старобългарския език. София, 2012; *Гаравалова Ил.* Членуването на съществителните имена в българските говори. София, 2014; *Дейкова Хр.* Этимология и лингвистическая контактология (румынские глагольные заимствования в одном болгарском говоре). Saarbrücken, 2016; *Първанов К.* Исторически развой на старобългарските глаголи за движение. София, 2016, и др.

¹⁹ *Антонова-Василева Л., Керемидчиева Сл.* Кратък речник на диалектните думи. София, 2001; *Вакарелска-Чобанска Д.* Лексико-семантични особености на качествените прилагателни в българските диалекти. София, 2002; *Вакарелска-Чобанска Д.* Речник на самоковския говор. София, 2005; *Вакарелска-Чобанска Д.* Речник на говора на село Хърсово, Мелнишко. София, 2007; *Христова Евд.* Българска реч от Албания. Благоевград, 2008; *Каневска Ел.* При корена, от извора (антропонимично и лексикално-семантично изследване на говора на с. Момчилковци, Смолянско). Смолян, 2010; *Антонова-Василева Л., Митринов Г.* Речник на българските говори в Южните Родопи, Драмско и Сярско. София, 2011; *Кирилова Й.* Пастирската терминология в Софийско. Велико Търново, 2011; *Котева М.* Названия, свързани с храните и начините на тяхното приготвяне в българските диалекти (лексикосемантична характеристика) (работа депонирана в НАЦИД под № /датой: 000600 / 22.06.2015), и др.

²⁰ *Меракова Ел.* Умалителността в родопските говори. Смолян, 2002; *Василева Л.* Българско словно богатство. Словообразователни хетероними в българските говори. София, 2009; *Меракова Ел.* Умалителните думи в българския език. Смолян, 2009; *Кяева Ел.* Диалектно богатство. Названия за действия (nomina actionis) в българските диалекти. София, 2010; *Кяева Ел.* Диалектно богатство. 2. Имена за места в българските диалекти. Nomina loci. София, 2011; *Бояджиев Т., Жобов Вл., Колев Г., Младенов М. Сл., Младенова Д., Радева В.* Идеографски диалектен речник на българския език. Т. 1: А–Д. София, 2012; *Холиолчев Хр., Младенов М. Сл., Радева Л.* Българска семейно-родова лексика. Енциклопедичен речник. София, 2013, и др.

²¹ *Милов С., Ерулски Ив.* Речник на трънския говор. София, 2009; *Младенов А.* Трънските думи. Речник на регионалния говор с приказки и разкази, преразказани на трънски. 3-то, доп. издание. София, 2016; *Гусева-Николова П.* Речник на трънския диалект и други събрани материали за него. София, 2017.

²² *Каневска-Николова Ел.* Говорът на село Момчилковци — половин век по-късно. София, 2001; *Керемидчиева Сл.* Копривщица — история и език. София, 2007.

²³ *Маринов Вл.* Билингвална интерференция в крайния български северозапад. Велико Търново, 2008; *Кочева А.* Смесиеният език на виенските българи. София, 2017, и др.

и их исчезновение произойдет не столь скоро, как это утверждается априори, потому и в XXI в. наука о них — диалектология — переживает своеобразное возрождение и снова становится актуальной, потому и диалектологические исследования, использующие новейшие современные методы и технологии (например, такие, как создание интерактивных лингвистических карт типа упомянутой выше Карты диалектного членения болгарского языка), и вызывают интерес, и отвечают общественным нуждам.

Перевод с болгарского языка О. В. Трефиловой

Литература

БДА. ОТ — Български диалектен атлас. Обобщаващ том. I–III. Фонетика. Акцентология, Лексика. София: Труд, 2001; Български диалектен атлас. Обобщаващ том. IV. Морфология. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2016.

БЕР — Български етомологичен речник. Т. 1–8. София: Издателство на Българската академия на науките, 1971–2017.

Божинов 2014 — *Божинов Г.* Калуня-каля. София: Хермес, 2014.

Васева 1980 — *Васева И.* Теория и практика на превода. София: Наука и изкуство, 1980.

Василева, Котева 2017 — *Василева Л., Котева М.* Българската лингвистична география през XXI век // Международна юбилейна конференция. 15 и 16 май 2017 година. Доклади. София: Издателство на Българската академия на науките, 2017. С. 204–222.

Вендина 2016 — *Вендина Т. И.* Славянские диалекты в современной языковой ситуации: социокультурный аспект // Релацијата село > град на словенската територија денес (лингвистичко-социолошка анализа): материјали од научниот собир по повод одбележувањето на 15-те години од смртта на академик Божидар Видоески (1920–1998). Скопје: Македонска академијана науките и уметностите, 2016. С. 17–44.

Вернигорова 2010 — *Вернигорова В. А.* Осмысление реалии в подлиннике и переводе // Болгарская русистика. 2010. №4. С. 126–135.

Виденов 2013 — *Виденов М.* Терминологични проблеми при описание на езиковата ситуация. // Български език. 2013. №3. С. 102–109.

Иванова 1980 — *Иванова М.* Превод и книжовен език // Проблеми на езиковата култура. София: Наука и изкуство, 1980. С. 157–164.

Калинова 2012 — *Калинова М.* За възкресяването на езика // Литературен вестник. 2012.

Карта 2016 — Карта на диалектната делитба на българския език / Антонова-Василева Л., Василева Л., Керемидчиева Сл., Кочева-Лефеджиева А. 2-ро преработено и допълнено издание. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2016.

Керемидчиева 2007 — *Керемидчиева Сл.* Копривщица — история и език. София: Мултипринт, 2007.

Керемидчиева 2015 — *Керемидчиева Сл.* За престижността на диалектното // Проф. Иван Кочев — живот, отдаден на езикознанието: сб. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2016. С. 77–81.

Керемидчиева, Кочева и др. 2012 — *Керемидчиева Сл., Кочева А., Василева Л., Първанов К., Сертова З., Гаравалова И., Чернева Р.* Еркеч — паметга на езика. Традиции и устойчиви тенденции в един архаичен български говор — говора на село Еркеч (днес Козичино), Поморийско. София: Мултипринт, 2012.

Китанова 2008 — *Китанова М.* Стилистична функция на диалектизмите в съвременната художествена проза. София: ЕТО, 2008.

Кочева 2016 — *Кочев А.* Карта «Българският език на ново място по света». София: Институт за български език «Проф. Любомир Андрейчин»: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2016.

Легурска 2015 — *Легурска П.* Съпоставителни анализи и национална специфика на лексиката. София: ЕТО, 2015.

Мицова 2013 — *Мицова С.* «Ние сме ора естетете». Похвати за изразяване на идентичност онлайн // Български език. 2014. №3. С. 110–117.

Николов 2014 — *Николов-Торлака Ст.* Северозападен романъ. София: ДИВА₂₀₀₇, 2014.

ОЛА 2013 — Общеславянски лингвистически атлас. Серия Лексико-словообразователна. Болгарские материалы: Т. 1. Животный мир; Т. 2. Животноводство; Т. 3. Растительный мир; Т. 4. Профессии и общественная жизнь / Отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб.: Нестор-История, 2013.

ОЛА 2015 — Общеславянски лингвистически атлас. Серия Фонетико-грамматическа. Вып. 1. Рефлексы *ё; Вып. 2а. Рефлексы *е; Вып. 2б. Рефлексы *о; Вып. 3. Рефлексы *ьг, *ьг, *ьл, *ьл; Вып. 4а. Рефлексы *ь, *ь; Вып. 4б. Рефлексы *ь, *ь. Вторичные гласные / Отв. ред. Л. Э. Калнынь; ред. Л. Василева, Сл. Керемидчиева. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2015.

Отзвук 2015 — Читалището в Устово стартира надпревара за творби на родопски диалект // Отзвук (вестник). 2015.

Пачев 2006 — *Пачев А.* Езиковите общности в условията на европеизация и глобализация. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2006.

Пачев 2012 — *Пачев А.* Социолингвистичната структура на Европейския съюз. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2012.

Пратчет 2011 — *Пратчет Т.* Волният народец / прев. от англ.: Катя Анчева. София: Вузев, 2011.

Пратчет 2013 — *Пратчет Т.* В черно като полунощ / прев. от англ. Катя Анчева. София: Вузев, 2013.

Русков 2011 — *Русков М.* Възвишение. София: Жанет–45, 2011.

Русков 2017 — *Русков М.* Чамкория. Т. 1–2. София: Жанет–45, 2017.

Симеонова 2015 — *Симеонова М.* За употребата на златоградския диалект във Фейсбук: магистърска дипломна работа. Пловдив: Пловдивски университет «Паисий Хилендарски», 2015.

Стойков 1955 — *Стойков Ст.* Днешно състояние на еркечкия говор // Известия на Института за български език. 1955. №4. С. 339–367.

Стойков 1993 — *Стойков Ст.* Българска диалектология. София: Издателство на Българската академия на науките «Проф. Марин Дринов», 1993.

ALE 2015 — Atlas Linguarium Europae (ALE), Cartes Linguistiques Europeennes. București: Editura Universității din București, 2015. [11 maps]; Atlas Linguarum Europae (ALE). Commentaries. Vol. 1. 9. București: Editura Universității din București, 2015.

Slavka Keremidchieva

*Bulgarian Language Institute of the Bulgarian Academy of Sciences
(Sofia, Bulgaria)
slavka_ker@abv.bg*

DIALECTS AND BULGARIAN DIALECTOLOGY IN THE BEGINNING OF XXI CENTURY

On the basis of personal observations and researches the Bulgarian dialect situation today has been analyzed and the conclusion for vitality and functionality of the dialects has been laid — a basic mean of communication of the local communities. The expansion of the function for the dialect directing to the literary has been pointed out — and its notable presence in the original fiction and translation literature, on the Internet, etc. A survey of the achievements of the Bulgarian dialectology and linguistic geography since the beginning of the century until today has been done.

Keywords: Bulgarian dialectology, lingvogeography, dialects, literary language.

References

Atlas Linguarium Europae (ALE), Cartes Linguistiques Europeennes. Editura Universității din București 228 p.+ 11 maps. Atlas Linguarum Europae (ALE). Commentaries. Volume I. 9. Editura Universității din București, 2015.

Български диалектен атлас. Обобщителен том. I–III. Фonetika. Akcentologiya. Leksika. Sofia, 2001; IV. *Morfologiya.* Sofia, 2016.

Български етимологичен речник. Т. 1–8. Sofia, 1971–2017.

Bozhinov G. *Kalunya-kalya.* Sofia, 2014.

Vaseva I. *Teoriya i praktika na prevoda.* Sofia, 1980.

Vasileva L., Koteva M. *Българската линвистична география през XXI век. Sb. Mezhunarodna jubilejna konferenciya. 15 i 16 maj 2017 g. Dokladi.* Sofia, 2017.

Vendina T. I. *Slavyanskiye dialekty v sovremennoyazykovoy situatsii: sotsiokul'turnyy aspekt // Relatsiyata selo>grad na slovenskata teritorija denes (lingvistichko-sotsioloshka analiza): materijali od nauchniot sober po povod odbezhuvanjeteto na 15-te godini od smrtta na akademik Bozhidar Vidoyeski (1920–1998).* Skopje: Makedonska akademija na naukite i umetnostite, 2016. pp. 17–44.

Vernigorova V. A. *Osmyslenie realii v podlinnike i perevode.* Bolgarskaya rusistika, 2010, No 4, pp. 126–135.

Videnov M. *Terminologichni problemi pri opisane na ezikovata situaciya*. Български език, 2013, No 3, pp. 102–109.

Ivanova M. *Prevod i knizhoven ezik*. Problemi na ezikovata kultura. Sofia, 1980, s. 157–164.

Kalinova M. *Za възкресyavaneto na ezika*. Literaturen vestnik. 18. 01. 2012.

Karta na dialektnata delitba na българскиya ezik. Vtoro izdanie. Sofia, 2016. (L. Antonova-Vasileva, L. Vasileva, Sl. Keremidchieva, A. Kocheva-Lefedzhieva).

Keremidchieva Sl. *Koprivshtica — istoriya i ezik*. Sofia, 2007.

Keremidchieva Sl. *Za prestizhnostta na dialektnoto*. Sb. Prof. Ivan Kochev — zhivot, otdaden na ezikoznaniето. Sofia, 2016, pp. 77–81.

Keremidchieva Sl., A. Kocheva, L. Vasileva, K. Pyrvanov, Z. Sertova, I. Garavalova, R. Чернева. *Erkech — pametta na ezika. Tradicii i ustojchivi tendencii v edin arhaichen български govor — govora na selo Erkech (dnes Kozichino), Pomorijsko*. Sofia, 2012.

Kitanova M. *Stilistichna funkciya na dialektizmite v съvramennata hudozhestvena proza*. Sofia, 2008.

Kocheva A. *Karta. Bulgarskiyat ezik na novo myasto po sveta*. Sofia, 2016.

Legurska P. *Съpostavitelni analizi i nacionalna specifika na leksikata*. Sofia, 2015.

Micova S. „*Nie sme ora estete*“. *Pohvati za izrazyavane na identichnost onlajn*. Български език, 2014, No 3, pp. 110–117.

Nikolov-Torlaka St. *Severozapaden romanъ*. Sofia, 2014.

Obshtaslavyanskij lingvisticheskiy atlas. Seriya Leksiko-slovoobraovatelъnaya. Bolgarskie materialy. T. 1. Zhivotnyy mir. T. 2. Zhivotnovodstvo. T. 3. Rastitel'nyy mir. T. 4. Professii i obshtesvennaya zhiznъ. Moskva. Sankt-Peterburg, 2013.

Obshtaslavyanskij lingvisticheskiy atlas. Seriya Fonetiko-grammaticheskaya. Vypusk 1. Refleksy *ѣ. Vypusk 2a. Refleksy *ѣ. Vypusk 2b. Refleksy *q. Vypusk 3. Refleksy *br, *br, *bl, *bl. Vypusk 4a. Refleksy *b, *b. Vypusk 4b. Refleksy *b, *b. Vtorichnye glasnye. Sofia, 2015.

Chitalishteto v Ustovo startira nadprevara za tvorbi na rodopski dialect. Vestnik Otvuk, 29 /30 april, 2015.

Pachev A. *Ezikovite obshtnosti v usloviyata na evropeizaciya i globalizaciya*. Sofia, 2006.

Pachev A. *Sociolingvistichnata struktura na Evropejskiya съjuz*. Sofia, 2012.

Pratchet T. *Volniyat narodec*. Prev. ot angl.: Katya Ancheva. Sofia: Vuzev, 2011.

Pratchet T. *V cherno kato polunosht*. Prev. ot angl.: Katya Ancheva. Sofia: Vuzev, 2011.

Ruskov M. *Vazvishenie*. Sofia, 2011.

Ruskov M. *Chamkoriya. T. 1 i T. 2*. Sofia, 2017.

Simeonova M. *Za upotrebata na zlatogradskiya dialekt vav Feysbuk. Magistarska diplomna rabota*. Plovdiv, 2015.

Stojkov St. *Dneshno съstoyanie na erkechkiya govor*. Izvestiya na Inst. za българ. ezik, 1955, No 4, pp. 339–367.

Stojkov St. *Българска dialektologiya*. Sofia, 1993.

М. Котева

*Институт болгарского языка БАН
(София, Болгария)
kotinka_j@abv.bg*

**КУЛИНАРНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В БОЛГАРСКИХ ДИАЛЕКТАХ
И ЕЕ ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ
В «ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АТЛАСЕ»
(ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ)**

В статье анализируются ономаσιологические и словообразовательные модели кулинарной терминологии в болгарских диалектах. Болгарский диалектный материал исследуется и комментируется в общеславянской перспективе, с опорой на лингвистические карты томов ОЛА, а также монографию Т. И. Вендиной «Типология лексических ареалов Славии». Кулинарные имена в болгарских диалектах сравниваются с похожими именами других славянских языков, а также указывается место болгарских диалектов в славянской лингвистической семье.

Ключевые слова: Общеславянский лингвистический атлас, болгарские диалекты, кулинарная терминология, ономаσιология, словообразование.

В последнее время пища и питание как своеобразное отражение национальной культуры и как маркер национальной идентичности стали объектом самых различных культурных интерпретаций. В связи с этим особый интерес представляет изучение **кулинарной терминологии**¹ (кулинарный от лат. *culinarius*, производ. от *culina* ‘кухня’), которая включает названия разных видов продуктов и напитков, а также названия соответствующих кулинарных процессов и технологий в повседневной и обрядовой национальной кухне.

---

¹ По мнению С. М. Толстой, понятие терминология в языкознании неоднозначно: кроме узкого значения слова (то есть научной, технической, производственной терминологии), есть и такие разряды лексики как названия растений, природных явлений и т. д., что также именуется терминологией (народная, ботаническая, географическая, метеорологическая и т. д.). Терминологический характер придает лексике номенклатурность по отношению к определенному кругу однородных объектов, из чего следует семантическая, стилистическая и т. д. однотипность включенных в нее лексем [Толстая: 1989:216].

Повседневная кулинарная лексика болгарских диалектов подробно исследована в нашей докторской диссертации², в которой я комментировала и несколько карт ОЛА, связанных с этой тематикой.

В настоящей статье в самом общем плане представлены ономаσιологические и словообразовательные модели номинации названий из сферы кулинарной лексики в болгарских диалектах. Болгарский материал анализируется в общеславянском аспекте, при этом комментируются некоторые лингвогеографические данные ОЛА³, а также некоторые карты, идеи и рассуждения, связанные с данной темой, из монографии Т. И. Вендиной «Типология лексических ареалов Славии» [Вендина 2014].

Том 6 ОЛА «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», подготовленный российской национальной комиссией, замечателен тем, что в нем после 23 лет отсутствия Болгарии в ОЛА (по внеязыковым причинам) картографируются болгарские материалы, т. е. славянский диалектный ландшафт уже представлен во всей полноте [Керемидчиева 2017: 191].

Для большей полноты исследования приводятся данные и некоторых карт БДАОТ⁴, в который включены 108 лексических карт, из которых 26 связаны с номинацией пищи и способов питания (*сарми* ‘блюдо из рубленого мяса и риса, обернутых листьями капусты, листьями виноградной лозы или другими листьями’, *прясна пита* ‘свежая лепешка’, *пръжки* ‘поджарки’, *извара* ‘творог’, *зеле* ‘капуста’, *дия* ‘арбуз’, *боб* ‘бобы’, *качамак* ‘кукурузная каша’, *следобедна закуска* ‘послеобеденная закуска (полдник)’, *обяд* ‘обед’ и др.).

Будучи названиями конкретных предметов и явлений действительности, кулинарные названия принадлежат к т. наз. *конкретной лексике* [Фрумкина, Мостовая 1988: 53]. Эти названия, основная функция которых является номинативной, именуется Д. Н. Шмелевым *денотативами*. По его мнению, значение денотативов не включает собственно дифференциальные признаки, они опираются на совокупность признаков, находящихся вне лингвистических измерений. Значения многих терминов, относящихся к конкретной лексике, включают резко индивидуальные признаки и по этой причине в принципе несопоставимы друг с другом [Шмелев 1974: 150–152]. Признаки, являющиеся существенными и отличительными для данного объекта, закрепленные в его языковом образе, служат мотивационными семантическими признаками [Нефедова 1977: 58], которые могут быть явными или скрытыми. Ряд номинантов основных продуктов, напитков, кулинарных технологий, качеств и т. д. имеют непрозрачную или мало прозрачную семантическую структуру, поэтому их определяют как немотивированные, с точки зрения синхронии, то есть их мотивированность трансформировалась из синхронной

² Котева, М. Названия, свързани с храните и тяхното приготвяне в българските диалекти (лексикосемантична характеристика). Дисертация: 000600 / 22.06.2015. НАЦИД, София, 2015, с. 311.

³ ОЛА: Общеславянский лингвистический атлас. Серия Лексико-словообразовательная. Вып. 6. «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». М., 2007.

⁴ Български диалектен атлас. Обобщаващ том. Ч. I–III. Фонетика. Акцентология. Лексика (Отв. ред. Ив. Кочев, авторски колектив). София, 2001.

в диахроническую. С другой стороны, мотивированными чаще оказываются номинанты кулинарных понятий, в которых выражен конкретный отличительный признак объекта. Мотивационные семантические признаки лексем характеризуются структурной выраженностью или невыраженностью, а точнее структурной или ассоциативной (семантической) мотивированностью. При структурной мотивированности мотивационный признак выражен формально в языковой форме лексем, а при ассоциативной — не выражен формально, а присутствует в ней ассоциативно [Попова 1990: 135–136]. Первая связана в этом смысле с первичной номинацией слов, заключающейся в знакообразовании, а вторая — с вторичной номинацией, при которой используются существующие уже языковые средства для номинации других объектов [Попова 1912: 305–306].

I. Ономаσιологические модели

1. *Немотивированные номинанты.* Как указывалось выше, немотивированные номинанты в кулинарной лексике в своем большинстве являются родовыми или видовыми номинантами более общих понятий, относящихся к пище, напиткам, качествам пищевых продуктов, основных кулинарных технологий и т. д. Большая часть этих номинантов — это славянские названия (*яйце*; /*aj-ьc-e*, *брашно*; *borš-ьn-o*; *масло*; *masl-o*, *мякло*; *mejk-o*, *месо*; *mes-o*, *мас* ‘жир’; *mast-ь* (≤ *mazt-ь*), *реже* ‘режет’; *rež-e-tь*, *мльст* ‘жирный’; *tzst-ь*, *вода*; *vod-a* и др.). В эту группу входят и заимствования (*каймак* ‘густой жирный слой на свежем или кислом молоке’; (*kajmak*)-*ь* от тюрк. *камак*, *икиндия* ‘послеобеденная закуска, полдник’; (*ikindi*)-*j-a* от тур. *ikindi*, *цигариди* ‘поджарки’; (*cigarid*)-*y* от н.-грѣц. *τσιγαριζω*, *йогурт* ‘кислое молоко’; (*jogurt*)-*ь* от тур. *yoğurt* и др.). Обычно заимствования немотивированные и однозначные названия, поскольку они заимствуются в одном значении, хотя в том языке, из которого они заимствуются, они могут функционировать как мотивированные и полисемичные.

Плотный и компактный общеславянский ареал распространения в ОЛА обнаруживается у лексемы *vod-a* (во всех славянских диалектах) [к. 1]⁵, у лексемы *rež-e-tь* (в восточно- и южнославянских диалектах), исключая диалекты в Македонии, где фиксируется лексема *sěč-e-tь* [к. 123], у лексемы /*aj-ьc-e* (обширный ареал в южнославянских языках, чешских, западно- и средне-словацких говорах, украинских диалектах, острова в белорусских полесских и юго-западных говорах и отдельных пунктах в польских говорах — пп. 307, 308) [ОЛА 2007: к. 39]. Зафиксированное ранее распространение лексемы в русских и польских говорах и современное ее отсутствие (с небольшими исключениями) в этих славянских диалектах свидетельствует о разрушенном ареале этого праславянского диалектизма [Вендина 2014: 52]. Безусловным праславянским архаизмом является лексема *брашно*; *borš-ьn-o* ‘мука’. В словообразовательном аспекте лексема *borš-ьn-o*,

⁵ Далее таким образом в скобках цитируются некоторые карты-схемы из монографии Т. И. Вендиной «Типология лексических ареалов Славии». М.; СПб., 2014.

почти прозрачная, состоит из корня и форманта, и это свидетельствует о том, что эта словообразовательная модель относится к дославянскому периоду, поскольку факты, доказывающие самостоятельное существование корня *borъbno* в славянских языках, отсутствуют [ЭССЯ 2: 213]. Лексему характеризует разорванный ареал в южнославянских языках, она широко распространена в хорватских, сербских, болгарских диалектах и диалектах Македонии, но отсутствует в словенских диалектах, кроме того она образует островной ареал в юго-восточных, полесских и юго-западных украинских диалектах [к. 124]. Имеет основания утверждение, высказанное ранее учеными, что из восточнославянских диалектов чаще всего украинские, причем южноукраинские диалекты осуществляют связи славянского юга со славянским севером [Жеремидчиева 2015: 51]. С другой стороны, славянский юг связан и со славянским западом через лексему *тльст* ‘очень жирный (о мясе)’; *тльст-ъ*, которая распространена в польских, чешских и болгарских диалектах, островами в западно- и среднесловацких, юго-западных белорусских, украинских и в отдельных микроареалах хорватских — пп. 24, 44 и словенских диалектов — пп. 4, 6 [к. 73].

Эти славянские лексемы, называющие основные родовые и видовые понятия славянской кухни, относятся к праславянскому лексическому фонду. Несмотря на то, что большинство их ареалов постепенно разрушается за счет появившихся новых регионализмов, их существование в диалектах подтверждает наличие славянского языкового единства.

2. *Номинанты, мотивируемые способом и процессом приготовления пищи.* Это лексемы с deverбативными основами. Например, лексема *пръжки* ‘поджаренные кусочки сала, шварки’; *ръжъ-ьк-у*, происходит от глагола *пръжа* ‘жарить’ и распространена островами лишь в северозападных болгарских диалектах и в некоторых западных говорах в Македонии — пп. 96, 99 [ОЛА 2007: к. 30]. Процесс жарки мотивирует и другие номинанты блюд в болгарских диалектах: *запръжка* ‘поджаренный жир с луком, красным перцем и специями’, *пръженица* ‘блюдо с жареными яйцами’ (АБДР)⁶, *пръжоло* (новое) ‘кусочек мяса, приготовленное путем запекания или жарки’ (РБЕ)⁷ и др. В других славянских языках гетеронимы лексемы *ръжъ-ьк-у* являются производными от других основ (*žarušьky*, *žarenьky*, *vytopьky* — русские говоры, *sk /var-ьk-y*; // → ь (р.), *šVar-ьk-y*; V → ∅ (слц., п.) — русские, украинские, белорусские, чешские, словацкие, польские говоры, *č /var-ьk-y*; // → и (м.) — сербские, хорватские говоры и говоры в Македонии, *ob-cvir-ьk-y* — словенские говоры и т. д.). В БДАОТ собраны и картографируются свыше 20 гетеронимов лексемы *пръжки* (*дропки*, *жумерки*, *кацанки*, *чварки*, *чурупки*, *шушулки*, *джубри*, *цигариди*, *какърдак*, *цитори* и др.) [БДАОТ 2001: К № Л 24], большая часть которых не включена в ОЛА. В этом смысле особенно велико значение всех национальных атласов, данные которых дополняют

⁶ АБДР: Архив на българския диалектен речник в Секцията за българска диалектология и лингвистична география на Институт за български език «Проф. Л. Андрейчин», БАН.

⁷ РБЕ: Речник на българския език. Т. I.–XV. Изд. на БАН. София, 1977–2015.

лингвистическую информацию ОЛА богатым и специализированным языковым материалом.

3. *Номинанты, мотивируемые внешними признаками пищи (цвет, размер, величина)*. Эти номинанты служат производными от качественных прилагательных. Мотивированные цветом пищи являются лексемы *белтък* ‘белок яйца’; *běl-ъk-ъ* [к. сх. 39] и *жълтък* ‘желток яйца’; *žĭlt-ъk-ъ* [к. сх. 40], производные соответственно от прилагательного *бял* и прилагательного *жълт*. Они демонстрируют обширные ареалы в восточнославянских и в большинстве западнославянских диалектов, в то время как в южнославянских диалектах они распространены преимущественно в болгарских и некоторых диалектах в Македонии. Их можно отнести к праславянским новообразованиям, что подтверждается формой *běltъkъ* в болгарских диалектах, возникшей по аналогии с формой *žĭltъkъ* [ЭССЯ 2: 82]. С распространением лексемы *žĭltъkъ* в болгарских диалектах славянский юг обретает связь со славянским западом. В БДАОТ картографируются словообразовательные варианты лексемы *белтък* в болгарских диалектах (*бел-тък*, *бел-ка*, *бел-ило*, *бел-ина*, *бел-иш*, *бел-та*) [БДАОТ 2001: К № Л 103]. Часть этих лексем включена и в болгарскую диалектную сеть ОЛА, другая часть распространена в других славянских диалектах [ОЛА 2007: к. 42]. Эти лексемы с производными основами иллюстрируют воспроизводство распространенных словообразовательных моделей, актуальных для праславянского языка, а также они свидетельствуют о существовании древних диалектных отношений между славянскими языками, которые были нарушены в ходе их многовековой истории [Вендина 2014: 89].

4. *Номинанты, мотивированные растительным или животным составом пищи*. Такие номинанты представляют собой названия видов мяса в болгарских диалектах, которые картографируются в ОЛА по вопросам к. Sl 1111 ‘мясо свиньи’; к. LSl 1112 ‘мясо коровы или вола’; к. Sl 1113 ‘мясо теленка’; к. Sl 1114 ‘мясо барана’; к. Sl 1115 ‘мясо гуся’ [ОЛА 2007: т. 6]. Это производные от славянских названий животных, чье мясо используется (*свинско*, *говезждо*, *телешко*, *овнешко*, *агнешко*, *гъше* // *свинско месо*, *говезждо месо*, *телешко месо*, *овнешко месо*, *агнешко месо*, *гъше месо*). По мнению О. Н. Трубачева, эти славянские названия животных и птиц являются преимущественно индоевропейскими, поскольку вероятнее всего оформились в эпоху самой большой общности индоевропейских диалектов. [Трубачев 1960: 3]. Лексема *svinъskO* ‘свинина’ распространена преимущественно в болгарских диалектах, к тому же она образует микроареал в польских диалектах. То же можно сказать и о лексемах *teleťъskO* ‘телятина’, *ovъčъjE* ‘баранина’, *gъsъčъjE* / *patъkъčъjE* ‘гусятина’, распространенных только в чешских и болгарских диалектах, лексема *govъjE* ‘говядина’ распространена в чешских и болгарских диалектах. В болгарских диалектах эти однолексемные номинанты употребляются наравне с их двусоставными лексическими эквивалентами (см. выше), и это дает основание предполагать, что субстантивированные названия возникли вследствие семантической конденсации атрибутивных словосочетаний (*свинско месо* > *свинско*). В болгарских диалектах субстантивированные номинанты преобладают в центральных болгарских говорах, а двусоставные номинанты характерны

и крайних юго-западных говоров, в которых распространено название *сладка манджа*) [БДАОТ: 2001: К № Л 96].

6. *Номинанты, мотивированные временем суток приема пищи.* Большинство этих номинантов являются производными от наречий со значением времени (*обед, вечер, пладне, икиндия* и др.) и называют соответственно различные виды приема пищи во время суток (*закуска, обед, вечеря, икиндия, пладнина, ужина* и др.). В т. 6 ОЛА картографируются номинанты со значением ‘вечерний прием пищи’ и ‘послеобеденная еда’ в славянских диалектах [ОЛА 2007: к. 61, к. 62]. Например, лексема *вечеря* ‘ужин’; *večer-j-a* широко распространена в южнославянских и западнославянских диалектах, в украинских и белорусских диалектах, при этом ее ареал является латеральным для русских диалектов, поскольку она засвидетельствована только в южнорусских говорах [к. сх. 16]. Разнородные номинанты со значением ‘послеобеденная еда’ в болгарских диалектах связывают эти диалекты с тремя языковыми группами славянских диалектов (восточными, западными и южными): с лексемой *ужина*; *už-in-a* юго-восточные болгарские диалекты соотносятся с западнославянскими диалектами (малопольские диалекты) и южнославянскими диалектами (словенские, сербские, хорватские диалекты и диалекты в Македонии), лексема *пладнина*; *pol-dьn-in-a* распространена лишь в южно-болгарских диалектах и в говорах Эгейской Македонии (пп. 112, 113), в то время как ее словообразовательные варианты *пладне*; *pol-u-dьn-e, pol-ь-dьn-e* образует микроареал в западно-болгарских диалектах (п. 118) и островной ареал в южнорусских и западных группах среднерусских говоров (п. 726) [ОЛА 2007: к. 61]. Широко распространена только в болгарских диалектах и в диалектах Македонии (пп. 98, 113a) лексема *закуска*; *za-kьs-ьk-a* ‘завтрак’ [ОЛА 2007: к. 58], а лексема *икиндия*; *(ikindi)-j-a* ‘полдник’ засвидетельствована только в болгарских говорах [ОЛА 2007: к. 61].

7. *Номинанты, мотивируемые образом (метонимический или метафорический перенос).* У таких номинантов мотивационный признак выражен через сопоставление с другими предметами, имеющими сходные с ними качества или свойства. В ряде названий в результате образного сравнения определенный признак денотата не указывается, и они именуются через более общее логическое представление о нем или через общую оценку его качеств.

Таковыми номинантами являются например *кожа, кужичка* ‘сливки (на свежем молоке)’, которые фиксируются в некоторых пунктах болгарской диалектной карты (пп. 140, 141), в то время как в остальных диалектах болгарской сетки ОЛА картографируются лексемы *каймак* и *сметана*. Лексема *кожа*; *kož-a* ‘сливки (на свежем молоке)’ образует микроареал в северо-русских говорах (пп. 532, 535), кроме того, она широко распространена в западно- и среднесловацких диалектах. Микроареалы, образуемые данной лексемой, встречаются в некоторых хорватских говорах (пп. 40, 148a), а также в говорах сербских переселенцев в Румынии (п. 168) и в отдельных говорах в Македонии (п. 105) [ОЛА 2007: к. 31]. Метафорический характер значения лексемы *kož-a*, которая этимологически связана с посессивной семантикой ‘козья (кожа)’ (< *kozja), в соответствии с лингвогеографической теорией говорит о более позднем формировании ее ареала [ЭССЯ 12: 35, 36; Вендина 2014:

51]. Эта лексема развила и другое метафорическое значение ‘очистки картофеля, кожура’, благодаря чему ее можно включить в тематическую группу кулинарной лексики. В этом значении лексема известна в северо- и юго-восточных говорах, в некоторых чешских говорах, в виде островов она присутствует в южнорусских говорах и в некоторых чешских говорах, кроме того, она образует микроареал в хорватских говорах переселенцев в Венгрию (п. 150) [ОЛА 2007: к. 51]. О полисемии этой лексемы свидетельствует и ее распространение в значении ‘скорлупка (яйца)’ — островные ареалы в среднерусских говорах, а также в некоторых южнорусских говорах (п. 769), в сербских переселенческих говорах в Румынии (п. 168) и болгарских говорах (п. 141) [ОЛА 2007: к. 41].

Вторичное переносное значение номинантов со значением ‘первого отрезанного куска хлеба’: *gъrb-uš-ъk-a*, произв. от *gъrb* ‘задняя часть тела человека от загривка до поясницы’ (РБЕ). Лексема широко распространена в русских диалектах, островами представлена в северо-восточных, западно-полесских и средне-белорусских говорах и в украинских полесских, юго-западных и юго-восточных говорах [к. 155]; лексема *cěl-uš-ъk-a*, производная от прилагательного *цѣл* ‘целый, откуда ничего не взято, неначатое, неиспорченное’ (РБЕ), распространена в юго-западных украинских, некоторых полесских и юго-восточных диалектах, а также в польских говорах переселенцев; лексема *berg-ъ*, производное от *бръг* ‘узкая пограничная полоса реки, моря, озера и др.’ (РБЕ), распространена в польских говорах; лексема *pet-ъk-a*, производное от *пѣта* ‘задняя часть ступни’ (БЕР), с островным распространением в польских говорах и западных чешских говорах [ОЛА 2007: к. 18]. Эти лексемы именуются “эксклюзивными” в терминологии Т. И. Вендиной. Это более поздние новообразования, возникшие в эпоху самостоятельного развития славянских диалектов, что находит подтверждение и благодаря вторичному характеру их ономаσιологической структуры. Они свидетельствуют о богатой и неисчерпаемой диалектной образности, которая имеет глубокие связи с народными традициями, культурой и мировосприятием.

II. Словообразовательные модели

Ономасиологические модели находятся в прямой зависимости от словообразовательных моделей, поскольку мотивированность этих слов определяется их структурой. Словообразовательное значение слов не является индивидуальным значением конкретного слова. Оно присуще ряду производных слов и занимает срединное положение между лексическим и грамматическим значением [Бояджиев 2002: 37], то есть словообразовательное значение определяет лексическое значение слов, выражая их семантические связи и отношения с производящими основами.

1. *Морфологический способ словообразования.* Этот способ используется для присоединения различных аффиксов к производящей основе или для объединения основ в сложные слова, то есть охватывает аффиксацию и сложение. Здесь мы не рассматриваем подробно виды словообразовательных типов, используемых в кулинарных названиях, распространенных в болгарских диалектах, мы только

иллюстрируем это положение некоторыми аффиксами, при помощи которых образована часть этих названий, картографируемых в т. 6. «Домашнее хозяйство и приготовление пищи».

а) *Суффиксальное словообразование*. К суффиксально образованным номинантам относятся:

— номинанты мужского рода с суффиксами: **-ък** и его расширенные варианты (*руч-ък* ‘обед’, *слад-ък*, *жеж-ък* ‘горячий’, *бел-тък*, *жъл-тък*), **-ник** и его расширенные варианты (*край-щник* ‘первый отрезанный кусок хлеба’), **-ец** (*кра-ец*), **-ен** (*вкус-ен*, *ква-сен*), **-ав** (*хуб-ав*), **-лив** (*пар-лив*), **-ел** (*кис-ел*), **-ещ** (*гор-ещ*) и др. Эти суффиксы соединяются с основами существительных, прилагательных или глаголов и выражают некоторую особенность денотата, его конкретное качество или свойство;

— номинанты женского и среднего рода с суффиксами: **-ка** /а / и его расширенные варианты (*люп-ка* ‘картофельные очистки’, *шур-упка* ‘скорлупа яйца’), **-ина** /а / (*пладн-ина* ‘обед’, *уж-ина* ‘ужин, вечерняя еда’, *слан-ина*), **-но** /о / (*браш-но*), **-це** /е / и его расширенные варианты (*яй-це*, *яй-чице*, *и-ценце*). Эти суффиксы соединяются с основами существительных или глаголов и имеют функцию нарицательных. Суффикс **-це** /е / и его расширенные варианты продуктивен при образовании диминутивов. На обобщающей к. 66 в ОЛА картографируется распространение диминутивных суффиксов с консонантными элементами **-к**, **-с**, **-ѣ** в славянских диалектах. На ней вычленяются болгарские диалекты и диалекты в Македонии, в которых концентрация диминутивных названий очень сильна, при этом использованы три консонантных элемента, в то время как в диалектах на всем славянском севере (за исключением отдельных пунктов) преобладает преимущественно один консонантный элемент (элемент **-к**) [ОЛА 2007: к. 66].

— номинанты с нулевой суффиксацией: *блак* ‘вкусный’, *вод-* /а /, *прогим-* /а / ‘завтрак’, *люсп-* /а /, *икинди-* /я / ‘полдник’, *каймак*, *кож-* /а / ‘пенка (на молоке)’, *кор-* /а / ‘картофельная очистка’, *добър*, *мас*, *масл-* /о /, *мляк-* /о /, *тлъст*, *трох-* /и / и др. Эти номинанты образованы без присоединения суффиксов к основе и состоят только из основы или из основы и флексии.

б) *Префиксально-суффиксальное словообразование*. Номинанты, которые образованы префиксальным или префиксально-суффиксальным способом (путем конфискации) следующие:

— существительные: **за-** + N + **к-** /а / (*закуска*), **об-** + N + **к-** /а / (*обелка*), **с-** + N + **ан-** /а / (*сметана*), **об-** + N (*обед*), **за-** + N + **-** /а / (*забела* ‘топленый свиной жир’). Семантика приставок дополнительно присоединяется к семантике производящих основ;

— глаголы: **из-** + N + **а-** /м / (*изтичам*), **в-** + N + **ва** (*втасва*). Эти номинанты называют способы или процессы приготовления пищи. Общая семантика глаголов дополняется значением префиксов, как например, в глаголе *изтичам* приставка **из-** является носителем результативного значения, а в глаголе *втасва* приставка **в-** передает новое состояние или качество. Суффиксы со своей стороны дают информацию о виде или спряжении глагола [Атанасова 2008].

1.2. *Сложение*. С помощью этого способа образуются сложные слова (компози́ты). Номинантов, образованных с помощью сложения, в болгарской кулинарной лексике не так много, в большинстве своем это видовые специализированные названия. Композиты *самокваска* и *самокиши* (АБДР), которые называют ‘простоквашу’, образованы от опорных постпозиционных компонентов, мотивированных соответственно глаголами *квас-* /я / в значении ‘добавить закваску в сырое молоко’ и глаголом *кис-* /а / в значении ‘сделать кислым’, соединенных морфемой *-о-* и второстепенным компонентом, мотивированным местоимением *сам*. В ОЛА подобные композиты встречаются в русских и белорусских диалектах (*prost-O-kVaš-a*; O → vo; V → // (р.) [ОЛА 2007: к. 35].

2. *Морфологично-синтактический способ словообразования*. С помощью этого способа образуются двусоставные или полисоставные словосочетания, а также и субстантивированные названия.

— терминологические словосочетания (*кисело мляко, свинско месо, телешко месо, гъше месо*) и др.

— субстантивированные названия (*свинско* ‘свинина’, *говеждо* ‘говядина’, *овнешко* ‘баранина’, *телешко* ‘телятина’, *птиче* ‘мясо птицы’ и др.). Эти субстантивированные номинанты ‘мясо домашних животных и птиц’ распространены только в болгарских, чешских и островами в польских диалектах (*свинско, говеждо, овнешко, телешко, гъше* — болгарские диалекты, *veprevO, govejE, skopovO* — чешские диалекты, *veprevO, volovO* — польские диалекты). На обобщающей к. 67 в ОЛА видно, что только болгарские диалекты и острова в польских диалектах (пп. 264, 265, 295) фиксируют номинанты ‘мясо домашних животных и птиц’, которые образованы с праславянским суффиксом *-ьsk-* и его вариантами, в то время как остальные славянские диалекты предпочитают другие славянские суффиксы: *-in-a* и его расширенные варианты (русские, украинские, белорусские, словенские, сербские, хорватские диалекты), *-ov-* /*-ev-* (чешские диалекты и отдельные пункты в польских диалектах — пп. 265, 283, 319), *-j-* (восточночешские диалекты, болгарские, острова в польских диалектах и отдельные пункты на хорватской диалектной территории (п. 148а), словенские диалекты (п. 17) и говоры переселенцев в Румынии (п. 169) [ОЛА 2007: к. 67].

3. *Семантический способ словообразования*. Этот способ используется для лексико-семантической универбизации [Благоева 2003: 26–37]. В этих случаях также происходит переосмысление семантики исходного номинативного словосочетания, при этом опускается атрибутивный элемент, а у опорного существительного развивается новое лексическое значение, тождественное значению словосочетания [Мурдаров 1983: 187]. Это значение зависит от контекста употребления соответствующего названия. Этот тип универбов представлен в кулинарной лексике болгарских диалектов очень ограниченно и не нашел отражение в ОЛА. Например, родовые номинанты некоторых зерновых и бобовых растительных продуктов, таких как *леца* ‘чечевица’, *боб* ‘созревший фасоль’, *нахут* ‘турецкий горох’, *царевича* ‘кукуруза’ развили дополнительное значение и обозначают не только растительный продукт, но и блюдо, приготовленное из него: *леца* ‘каша из чечевицы’, *нахут* ‘блюдо из вареного турецкого гороха’ *боб* ‘блюдо из созревшей фасоли’, *царевича*

‘вареная кукуруза’ («*На обед си ѝадеме леца, наук’, ей таквизи работи. Вечер, к’во остане от ѝаденето на обед, ние бехме десет души...*») [на обед мы едим кашу из чечевицы, блюдо из вареного турецкого гороха, такие вещи. Вечером то, что осталось от обеда, нас было 10 человек...] — Костандово, Пазарджишко (АБДР). Этот способ образования приводит к созданию формально новой лексемы, но его не следует рассматривать в рамках словообразования. Субстантивация и лексико-семантическая универбизация служат проявлением принципа языковой экономии, они одновременно являются и способами обогащения языка новыми вариантами языковых образных средств.

Итак, на основе проделанного анализа можно сделать несколько общих заключений:

1. Болгарская кулинарная терминология является частью славянской кулинарной терминологии. Общеславянское происхождение отмечается для множества родовых названий продуктов, напитков, кулинарных технологий качеств и т. д., они принадлежат общеславянскому языковому фонду (*мяло, месо, масло, вода, реже, тлъст* и др.). Эти названия подтверждают связь болгарского языка и его диалектов со всем славянским языковым континуумом. С другой стороны, в болгарской кулинарной лексике активно представлены заимствования (в основном балканизмы), что является следствием межъязыковой интерференции и что свидетельствует об общем историческом прошлом балканских народов.

С происхождением и значением кулинарных терминов связана их мотивированность и немотивированность. Немало родовых кулинарных названий и заимствований с точки зрения синхронного среза не являются мотивированными (*мас, брашно, яйце, икндия, прогима, каймак* и др.), тогда как большинство видовых названий являются мотивированными (*свинско месо, говеждо месо, кисело мяло, пръжки, сладка манджа* и др.). В кулинарных названиях, картографируемых в ОЛА, доминируют противопоставленные диалектные различия. Противопоставленные диалектизмы образуют на макродиалектном уровне синонимические парадигмы (*ръџьку — џаренъку — выторъку — шкваръку — обсвиръку*). Интересными по своей мотивации являются и некоторые диалектизмы, образованные посредством вторичной номинации (*кожа, връх* ‘густой жирный слой на свежем или кислом молоке’; *чурупки, шушулки* ‘поджаренные кусочки сала’; *петичка* ‘первый отрезанный кусок хлеба’ (АБДР) и др.). Они принадлежат к эксклюзивной кулинарной терминологии и характеризуют болгарские диалекты именно как диалекты болгарского языка. Некоторые из них картографируются в БДАОТ.

2. При образовании кулинарных названий используются общеболгарские словообразовательные приемы и модели. Ярче всего представлено суффиксальное словообразование как основной способ словообразования в болгарских диалектах. Самыми разнообразными в формальном отношении являются конструктивные (деривационные)⁸ словообразовательные диалектизмы (*бел-тък, бел-ка, бел-ило, бел-ина, бел-ши, бел-та*), которые картографированы в БДАОТ и ОЛА. Более ограни-

⁸ Стойков Ст. Българска диалектология. Изд. на БАН.София, 1993, с. 279.

ченно представлен композиционный способ словообразования как в болгарских диалектах, так и в диалектах других славянских языков. Переосмысление семантики некоторых кулинарных терминов ведет к появлению их лексических эквивалентов благодаря субстантивации и лексико-семантической универбизации. Таковы способы обогащения лексической синонимии и расширения границ тематической группы кулинарной лексики.

Проекция болгарской кулинарной лексики в ОЛА способствует созданию целостной лексической картины славянских диалектов. Территориальное распространение этой терминологии дает представление о некоторых эволюционных процессах, которые имели место в лексической системе диалектов в ходе их исторического развития.

Выполняя биологическую функцию, пища служит важнейшим компонентом культуры этноса, обладает этномаркирующими свойствами [Сергеева 2001: 134]. В этом плане исследование кулинарной лексики является одновременно изучением и опыта культурного обмена в области питания, и исследованием эволюции традиционной народной культуры.

Перевод с болгарского языка И. А. Седаковой

Литература

АБДР — *Архив на българския диалектен речник* в Секцията за българска диалектология и лингвистична география на Институт за български език «Проф. Л. Андрейчин», БАН.

Атанасова 2008 — *Атанасова Ат.* Представки и представкови комплекси в състава на полипрефигираните глаголи в съвременния български книжовен език // *Български език*, кн. 4. София, 2008.

БДАОТ — *Български диалектен атлас. Обобщаващ том. Ч. I–III.* Фонетика. Акцентология. Лексика (Отг. ред. Ив. Кочев, авторски колектив). София, 2001.

БЕР — *Български етимологичен речник. Т. I.–VIII.* София, 1971–2017.

Благоева 2003 — *Благоева Д.* Неологизми универбати в българския и чешкия език // *Dynamika a inovace v češtině a bulharštině (90. léta 20. století). Sborník příspěvků z pracovního setkání v Sofii 7. 10. 2002. Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky. Praha, 2003.*

Бояджиев 2002 — *Бояджиев Т.* Българска лексикология. София, 2002.

Вендина 2014 — *Вендина Т. И.* Типология лексических ареалов Славии. М., СПб., 2014.

Керемидчиева 2015 — *Керемидчиева Сл.* Българските диалекти в лингвогеографски аспект в Общославянския лингвистичен атлас // *Лингвистиката: история, предизвикателства, перспективи. Сборник в чест на 80-годишнината на проф. д-р Иван Кочев.* УИ «Неофит Рилски». Благоевград, 2015.

Керемидчиева 2017 — *Керемидчиева Сл.* Българският принос в Общославянския лингвистичен атлас // *Доклади от Международната юбилейна конференция на Института за български език «Проф. Л. Андрейчин» (София, 15–16 май*

2017 г.). Част 1, 2017 http://ibl.bas.bg/wp-content/uploads/2017/05/SBORNIK_IBE_15-16May2017.pdf

Мурдаров 1983 — *Мурдаров Вл.* Съвременни словообразователни процеси. София, 1983.

Нефедова 1977 — *Нефедова Е. А.* Об описании значений слов конкретной лексики // Вестник московского государственного университета. Серия филология, №3. М., 1977.

ОЛА — *Общеславянский лингвистический атлас.* Серия Лексико-словообразовательная. Вып. 6. «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» / Отв. ред. Т. И. Вендина. М., 2007.

Попова 1990 — *Попова М.* Езиковата мотивираност на термините и нейните видове // Български език, кн. 2. София, 1990.

Попова 2012 — *Попова М.* Теория на терминологията. Изд. «Знак '94». Велико Търново, 2012.

РБЕ — *Речник на българския език.* Т. I.–XV. Изд. на БАН. София, 1977–2015.

Сергеева 2001 — *Сергеева Г. А.* Традиционная пища народов Северного Кавказа и Дагистана в XX в. // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001.

Толстая 1989 — *Толстая С. М.* Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней духовной культуры: источники и методы. М., 1989.

Трубачев 1960 — *Трубачев О. Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках // Этимологические исследования. М., 1960.

Фрумкина, Мостовая 1988 — *Фрумкина Р. М., Мостовая А. Д.* Об описании отношений между именами конкретной лексики // Известия академии наук. Серия литературы и языка, т. 47, № 1. М., 1988.

Шмелев 1974 — *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1974.

ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков.* М.: Наука. 1974 –. Т. 1–.

Margarita Koteva

Bulgarian Language Institute of The Bulgarian Academy of Sciences

(Sofia, Bulgaria)

kotinka_j@abv.bg

CULINARY TERMINOLOGY IN BULGARIAN DIALECTS AND ITS LINGUOGEOGRAPHIC PROJECTION IN OLA (ONOMASIOLOGICAL AND WORD-FORMING MODELS)

This article presents the onomasiological and word-forming models of the names nomination in the culinary terminology in Bulgarian dialects. The Bulgarian material is

analyzed in a Slavonic perspective, some maps of the OLA, a few maps, reflections and the data from Tatiana Vendina's monograph „Typology of the Slavic Lexical Areas“ (2014) are commented. The culinary names in Bulgarian dialects are compared with similar names from other Slavic languages, and the place of Bulgarian dialects in the Slavic linguistic family is also indicated.

Keywords: Slavic Linguistic Atlas, bulgarian dialects, culinary terminology, onomasiology, word formation.

References

Arhiv na bulgarskija dialekten rechnik v Sekcijata za bulgarska dialektologija i lingvistichna geografija na Institut za bulgarski ezik „Prof. L. Andrejchin“, BAN. [In Bulgarian].

Atanasova At. Predstavki i predstavkovi kompleksi v sostava na poliprefigiranite glagoli v sovremennija bulgarski knizhoven ezik. *Bulgarski ezik, kn. 4*. Sofija, 2008. [In Bulgarian].

Bulgarski dialekten atlas. Obobschavasch tom. Ch. I-III. Fonetika. Akcentologija. Leksika Ed. Iv. Kochev, avtorski kolektiv. Sofija, 2001. [In Bulgarian].

Bulgarski etimologichen rechnik. T. I.–VIII. Sofija, 1971–2017. [In Bulgarian].

Blagoeva D. Neologizmi univerbati v bulgarskija i cheshkija ezik. Dynamika a inovace v češtině a bulharštině (90. léta 20. století). *Sbornik příspěvků z pracovního setkání v Sofii 7. 10. 2002. Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky*. Praha, 2003. [In Bulgarian].

Bojadzhiev T. *Bulgarska leksikologija*. Sofija, 2002. [In Bulgarian].

Vendina T. I. *Tipologija leksicheskikh arealov Slavii*. M., SPb., 2014. [In Russian].

Keremidchieva Sl. Bulgarskite dialekti v lingvogeografski aspekt v Obshhoslavjanskija lingvistichen atlas. Lingvistikata: istorija, predizvikelstva, perspektivi. *Sbornik v chest na 80-godishninata na prof. d-r Ivan Kochev. UI „Neofit Rilski“*. Blagoevgrad, 2015. [In Bulgarian].

Keremidchieva Sl. Bulgarskijat prinos v Obshhoslavjanskija lingvistichen atlas. *Dokladi ot Mezhdunarodnata jubilejna konferencija na Instituta za bulgarski ezik „Prof. L. Andrejchin“* (Sofija, 15–16 maj 2017 g.). Chast 1, 2017. [In Bulgarian]. http://ibl.bas.bg/wp-content/uploads/2017/05/SBORNIK_IBE_15-16May2017.pdf

Murdarov Vl. *Sovremenni slovoobrazovatelni procesi*. Sofija, 1983. [In Bulgarian].

Nefedova E. A. Ob opisaniij znachenij slov konkretnoj leksike. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija filologija*, No 3. M., 1977. [In Russian].

Obschoslavjanskij lingvisticheskij atlas. Serija leksiko-slovoobrazovatel'naja. Vyp. 6. „Domashnee hozyajstvo i prigotovlenie pishi“. /Ed. T. I. Vendina. M., 2007. [In Russian].

Popova M. Ezikovata motiviranost na terminite i nejnite vidove. *Bulgarski ezik, kn. 2*. Sofija, 1990. [In Bulgarian].

Popova M. *Teorija na terminologijata*. Izd. „Znak '94“. Veliko Tyrnovo, 2012. [In Bulgarian].

Rechnik na bulgarskija ezik. T.I.–XV. Izd. na BAN. Sofija, 1977–2015. [In Bulgarian].

Sergeeva G. A. Tradicionnaja pishha narodov Severnogo Kavkaza i Dagistana v XX v. *Tradicionnaja pischa kak vyrazhenie etnicheskogo samosoznanija.* M.: Nauka, 2001. [In Russian].

Tolstaja S. M. Terminologija obrjadov i verovanij kak istochnik rekonstrukcii drevnej duhovnoj kul'tury. *Slavjanskij i balkanskij fol'klor. Rekonstrukcija drevnej duhovnoj kul'tury: istochniki i metody.* M., 1989. [In Russian].

Trubachev O. N. *Proishozhdenie nazvanij domashnih zivotnyh v slavjanskih jazykah. Etimologicheskie issledovanija.* M., 1960. [In Russian].

Frumkina R. M., Mostovaja A. D. Ob opisanii otnoshenij mezhdou imenami konkretnoj leksiki. *Izvestija akademii nauk. Serija literatury i jazyka, t. 47, No 1.* M., 1988. [In Russian].

Shmelev D. N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki.* M., 1974. [In Russian].

ESSJA — *Etimologicheskij slovar' slavjanskih jazykov.* M., Nauka. 1974—. T. 1–40—.

Г. С. Кобирина
Институт украинского языка НАНУ
(Киев, Украина)
kobyrynka2008@ukr.net

СОВРЕМЕННЫЕ АКЦЕНТНЫЕ ТИПЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ГОВОРАХ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ ЗОНЫ КАК РЕФЛЕКСЫ ПРАСЛАВЯНСКИХ АКЦЕНТНЫХ ПАРАДИГМ

Всякий наблюдаемый говор — это мгновение в динамике диалекта, остановленное исследователем в момент наблюдения, и это мгновение может исчезнуть безвозвратно.

(П. Ю. Гриценко)

В предлагаемой статье рассматриваются наиболее характерные типы, тенденции ударения прилагательных в говорах Чернобыльской зоны. Современные акцентные типы сопоставлены с реконструируемыми праславянскими акцентными парадигмами. Анализ акцентуации прилагательных в редуktивном ареале показал, что ударение является яркой чертой, которая интегрирует и одновременно дифференцирует, выделяет эти говоры в общеукраинском контексте. Особенностью акцентной системы прилагательных является сохранение древнего ударения начального слога слова (*ж'і'в'і'*, *с'машина*); перенос ударения на суффиксальный гласный (*ду'бови'*, *салам'йани'йе*); связь ударения (его места) у соответствующих существительных, прилагательных и производных от них прилагательных.

Ключевые слова: диалектология, лингвогеография, украинские диалекты, праславянские акцентные парадигмы.

Исследование языкового портрета говоров Чернобыльской зоны как части среднепопесского диалекта северного наречия представляет особую ценность для осмысления истории украинского народа и его языка, ведь это одна из архаических зон Славии. Сегодня это редуktивный ареал, который продолжает подвергаться трансформации: после переселения в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 г. большая часть сел перестала составлять культурно-языковое единство. В результате разнодиалектного и разнокультурного взаимодействия

полешуки вместе с жителями тех сел, куда их переселили, создают новое культурно-языковое образование, что может приводить к исчезновению самобытных языковых и культурных особенностей контактирующих микросоциумов [Подробнее см.: Гриценко 1996: 3]. Эти обстоятельства делают актуальным исследование говоров Чернобыльской зоны на всех структурных уровнях языка.

Несмотря на внимание лингвистов к этому ареалу¹, в украинской диалектологии существует немало пробелов в изучении языка региона. В том числе, недостаточно исследована до сих пор акцентная система этих говоров², хотя особенности ударения являются одним из факторов диалектного членения украинского языка.

Мы поставили себе целью определить наиболее характерные типы, тенденции ударения прилагательных в говорах Чернобыльской зоны³ и сопоставить их с реконструируемыми праславянскими акцентными парадигмами.

Источником исследования послужили данные диалектологов нескольких поколений, в том числе лингвогеографические работы, в которых отражено пространственное варьирование: *Атлас української мови* (АУМ), *Лексичний атлас Правобережного Полісся* М. Никончука (ЛАПП), *Лінгвістичний атлас Нижньої Прип'яті* Т. В. Назаровой, в котором представлены также карты, посвященные ударению, — кк. №41–43 (ЛАНП). Несмотря на безусловную информативность атласов, объем информации по ударению в них ограничен, поскольку они не отражают акцентных особенностей живой речи. Этот пробел компенсируют диалектные тексты. Именно поэтому основным источником акцентуационного анализа послужили текстографические работы — *Говори української мови (збірник текстів)* (К., 1977), *Говірки Чорнобильської зони. Тексти* (К., 1996), *Говірка села Машеве Чорнобильського району* (К., 2003), а также собственные записи говора с. Сукачи Иванковского р-на Киевской обл. и записи, собранные вместе с М. М.Ткачук⁴ от жителей бывшего с. Корогод Чернобыльского р-на Киевской обл.⁵

¹ Исследователи изучали это языковое пространство в лингвогеографическом, дескриптивном и текстографическом аспектах (в том числе это отражено в работах Т. В. Назаровой, Ф. Т. Жилко, Н. И. Толстого, А. Н. Залеского, Н. В. Никончука, П. Е. Гриценко, О. А. Малаховской, Л. В. Дикой, Ю. И. Бедношеи, Л. А. Москаленко, Л. Г. Паламар, М. М. Ткачук и др.). Говоры Чернобыльской зоны представлены в общеукраинском (*Атлас української мови. Т. 1. Полісся, Середня Наддніпрянина і суміжні землі*) и общеславянском контекстах (*Общеславянский лингвистический атлас*).

² На некоторые особенности ударения в полесских говорах в фонетическом и морфологическом аспектах исследователи обращали определенное внимание [Ганцов 1923: 8; Жилко 1955; Бевзенко 1980: 149; Матвіяс 1990: 44–54; Варченко 1971: 46–59; Власенко 1983: 128–129; Кобирина 2007: 112–115], однако этой информации недостаточно, чтобы объективно оценить пространственное распределение тенденций и закономерностей ударения в структурах говоров, смоделировать процессы, их обусловившие.

³ Ударение в существительных и местоимениях говоров Чернобыльской зоны уже становилось предметом нашего исследования [Подробнее см. Кобирина 2017; Кобирина 2015: 166–175].

⁴ Выражаем благодарность М. М. Ткачук за предоставленные для анализа затранскрибированные данные говора с. Новый Корогод Бородянского р-на Киевской обл.

⁵ После Чернобыльской катастрофы жителей села эвакуировали и компактно переселили в Бородянский р-н Киевской обл., где построили для переселенцев новый населенный пункт — с. Новый Корогод.

Для сопоставления современных типов ударения в прилагательных, выявленных в говорах Чернобыльской зоны, с реконструируемыми праславянскими акцентными парадигмами использованы исследования по исторической акцентологии, в том числе работы Л. А. Булаховского⁶, В. Г. Складенко, В. М. Иллича-Свитыча, В. В. Колесова, А. А. Зализняка.

Отметим, что в структурах прилагательных в украинских диалектах исследователи выявляли общие и специфические, узколокальные черты, которые проявляются в различении твердой и мягкой разновидностей (эта черта сохранилась с давних пор), а также в образовании падежных форм. Исследуемые говоры различают твердую и мягкую разновидность; в говорах распространены членные нестяженные формы прилагательных жен. и ср. р., а для прилагательных муж. р. на *-и*, *-і* существуют варианты формы: стяженные, иначе говоря усеченные, возникшие в результате редукции и утраты конечного [й], и нестяженные [Подробнее см.: Бевзенко 1980: 107–116; Прилипка 1971: 221–233].

Вариативность окончаний прилагательных в украинских диалектах, по мнению С. П. Бевзенко, может быть обусловлена действием различных факторов, один из которых — тип акцентуационной системы говоров. В частности, в полесских говорах ударение — это одна из дифференциальных черт для следующих форм прилагательных: а) стяженных / нестяженных форм прилагательных: ударение на окончании в прилагательных членной нестяженной формы (*моло'даїа*), на основе — членных стяженных форм (*'сиза*); б) окончание прилагательных жен. р. в форме Р. п. ед. ч.: *-ейі* — как правило в ударной позиции (*но'вейі*), *-ийі* — в безударной позиции (*'добрийі*); в) окончание прилагательных муж. и ср. р. в форме П. п. ед. ч.: *-ом* — в безударной позиции (*на 'син'ом*), *-уом*, *-ум* — в ударной (*на моло'дуом*); г) окончание прилагательных жен. р. в форме Д., П. п. ед. ч.: *-ої* — в безударной позиции (*на 'доброї*), *-уої*, *-уей*, *-уий*, *-уй* — в безударной (*на моло'дуої*) [Бевзенко 1980: 109–115]. Полагаем, что вопрос взаимодействия структуры прилагательных и их ударения, а также акцентная дифференциация нечленных форм в зависимости от их синтаксической функции по-прежнему нуждается в более пристальном изучении⁷.

Ударение прилагательных является одной из языковых черт, которая дифференцирует украинское диалектное пространство. На картах АУМ отражено ударение следующих типов прилагательных: качественных *вуз'киї*, *вох'киї*, *т'іс'ниї* — *'вуз'киї*, *'вохкиї*, *'т'існий* [АУМ, т. 2, к. 131], *р'ас'ниї* — *'р'асниї* [АУМ, т. 1, к. 154]; относительных *канус'т'аній* — *ка'нус'т'аній* [АУМ, т. 1, к. 111]; качественных

⁶ Особенности ударения прилагательных в русском языке в связи с системой праславянских интонаций описываются в работе О. И. Белича «Акцентатске студије» [Белич 1914]. Наблюдения и выводы О. И. Белича дополнил и уточнил Л. А. Булаховский, однако, как отмечал сам исследователь, он ограничился данными из *Словника української мови* под ред. Б. Гринченко без привлечения диалектного материала, поскольку такой материал представлялся недостаточно полным [Булаховський П 1977: 366–436].

⁷ На акцентную дифференциацию нечленных форм в зависимости от их синтаксической функции на материале русского языка обратил внимание А. А. Зализняк [Зализняк 1985: 290–316].

с суф. с -еньк: б'їлен'кїй, то'нен'кїй, ле'ген'кїй — б'їлен'кїй, 'тонен'кїй, 'леген'кїй [АУМ, т. 1, к. 155, 355].

Общие и различные черты в системе ударения прилагательных в славянских диалектах планируется отразить на картах *Общеславянского лингвистического атласа*. *Вопросник Общеславянского лингвистического атласа* свидетельствует, что просодия как один из структурных уровней языка входит в круг тех языковых явлений, которые должны быть отражены на картах атласа [Вопросник 1965: 34–43]. Несмотря на то, что в настоящее время не существует отдельного тома, посвященного акцентологической проблематике, некоторые черты словесного ударения отражены в опубликованных выпусках лексико-словообразовательной и фонетико-грамматической серии, поскольку лексемы приводятся с обозначением ударения.

В говорах Чернобыльской зоны непроеизводные прилагательные разделяются на два акцентных типа: а) с ударением на корне ('жоўтїй, 'малиїй); б) с ударением на флексии (бол'шайа, гл'ухїй); производные прилагательные – на три акцентных типа: а) с ударением на корне (м'їакен'ке, же'л'езнїйе); б) с ударением на суффиксе (д'ер'еў'їанїй, чу'мац'ка); в) с ударением на флексии (торхв'ане).

В исследуемых говорах зафиксированы следующие акцентные типы прилагательных:

Качественные прилагательные

1. Ударение на корне. Этот акцентный тип образуют непроеизводные и суффиксально производные прилагательные с одно- и двусложной основой⁸.

1.1. Ударение на первом слоге от начала слова: а) непроеизводные и производные прилагательные на -н (їй), -к (їй) с односложной основой: б'їели [ЛАПП, к. 28], 'босї' [К, С], 'важке [ГЧЗ, 75, 348], 'гарнїе [Говори, 114], 'голи [К; С], г'рубї' [К; С], 'даўн'е [Говори, 114], 'д'їк'ї [Н, к. 20; К; С], 'дл'їни [ГЧЗ, 140], 'добри [К; С], 'доўги [К; С], др'убнї' [ГЧЗ, 346], 'жївї'ї [Машеве 1, 22], 'жї'в'ї'їе [Машеве 1, 26], 'їаснї [К; С], 'к'їсли [К; С], 'кос'ї [Машеве 2, 26], к'руглї [К; С], 'лїсїї [ЛАПП, к. 34; К; С], 'малїм [ГЧЗ, 337], м'їака [ГЧЗ, 87], 'мокри [К; С], 'мудри [К; С], 'н'їзка [ГЧЗ, 86], 'нова [ГЧЗ, 24], 'остри [ЛАПП, к. 38; К; С], п'лоскї [К; С], п'рудк'е 'тверде (про жито)' [ГЧЗ, 353], 'раба [Ткачук, 41], 'радї [К; С], 'р'аснїї [ЛАПП, к. 35], 'р'уднї [ГЧЗ, 77], с'в'ежи [К; С], с'в'етлї [К; С], 'с'ери [К; С], 'сирїї [К; С], 'с'їв'ї [К; С], 'с'їн'ї [К; С], с'кори [К; С], с'лабї [К; С], с'машина [ГЧЗ, 83], с'м'ели [К; С], с'таре [ГЧЗ, 140], с'таре [К; С], с'тар'ї'їе [ГЧЗ, 140, 335; Машеве 2, 16], т'верда [ГЧЗ, 80], т'верде [К; С], т'їх'ї [ЛАПП, к. 20; К; С], 'х'їтри' [К; С], 'ч'їстї [К; С], 'чорнї [К; С], ш'чодрїй [ЛАПП, к. 14; К; С]; б) прилагательные с суф. -еньк, образованные от прилагательных с односложной основой с ударением на первом слоге:

⁸ Мы осознаем, что слоги и морфемы — единицы двух различных уровней внутренней структуры слова, но, как отмечает Н. Ф. Клименко, «в этом случае важно учитывать словесное ударение и устанавливать позицию морфемы относительно него. Разделение на слоги каждого прилагательного — первый шаг в определении места акцентуации морфемы» [Морфемна 1979: 87].

'б'їлиі — 'б'їлен'кїй [АУМ, т. 1: к. 155, 355], 'тонкиі — 'тонен'кїй [АУМ, т. 1: к. 155, 355], 'лехкиі — 'леген'кїй [АУМ, т. 1: к. 155, 355], 'жоўтиі — 'жоўтен'ка [ГЧЗ, 83; К; С], 'ладниі — 'ладн'ен'ку [ГЧЗ, 84; К; С], 'л'огк'їі — 'л'ог'ен'к'їі [ГЧЗ, 82; К; С], 'м'ен'шиі — 'м'ен'шен'ку [ГЧЗ, 86; К; С], 'роўниі — 'роўн'ен'кїй [ГЧЗ, 87; К; С]; в) прилагательные с суф. -ш, с помощью которого образована сравнительная степень: 'м'їака — 'м'їакшиі [ГЧЗ, 87].

Постановка ударения на первом слоге качественных прилагательных выделяет исследуемое пространство в общеукраинском контексте, в частности это ударение в таких прилагательных: 'важке [ГЧЗ, 75, 348], 'др'убниі [ГЧЗ, 346], 'жи'в'їіе [Машеве 1, 22], 'жи'в'їіе [Машеве 1, 26], 'малим [ГЧЗ, 337], 'м'їака [ГЧЗ, 87], 'н'їзка [ГЧЗ, 86], 'нова [ГЧЗ, 24], 'н'лоски [К; С], 'н'рудк'е 'тверде (про жито)' [ГЧЗ, 353], 'раба [Ткачук, 41], 'р'асниі [ЛАПП, к. 35], 'с'машина [ГЧЗ, 83], 'с'тари [ГЧЗ, 140], 'с'таре [К; С], 'с'тар'їіе [ГЧЗ, 140, 335; Машеве 2, 16], 'т'верда [ГЧЗ, 80], 'т'верде [К; С]; в других украинских говорах эти прилагательные имеют флективное ударение, а прилагательным 'нова [ГЧЗ, 24], 'с'таре [К; С] присуще вариантное ударение.

Ударение на корне таких членных форм прилагательных, которые образованы от нечленных, имеет давнее происхождение [Митрополит Іларіон 1952: 159; Веселовська 1970: 80–86; Булаховський ІІ 1977: 367–368]. Большинство из них, как показывают исследования по исторической акцентологии, содержащие реконструкцию позднеславянской акцентной системы, принадлежали к баритонированной акцентной парадигме [Скляренко 1998: 136–143; Иллич-Свитыч 1963: 154; Дыбо 1981: 107, 23, 107, 188; Колесов 1972: 205, 206, 209; Зализняк 1985: 133].

В то же время к этому типу относятся прилагательные, которые в позднеславянский период принадлежали к окситонированной акцентной парадигме: 'бо'сиі, 'г'руб'їі, 'кос'їі, 'с'в'єтли, 'т'верди [Булаховський ІІ 1977: 369–371; Колесов 1978: 102, 105, 109; Скляренко 1998: 303–304]; а также те, которые в позднеславянском языке демонстрировали окситонированную акцентную парадигму как краткие прилагательные, и баритонированную — как полные, в частности: 'б'їели, 'голи, 'добри, 'к'ругли, 'мокри, 'мудри, 'остри, 'н'лоски, 'с'в'єжи, 'с'кори, 'чорни [Булаховський ІІ 1977: 369–371, 418; Скляренко 1998: 140, 297, 303; Иллич-Свитыч 1963: 141–143; Дыбо 1981: 108, 123, 21; Колесов 1978: 92–98, 209–210, 220; Зализняк 1985: 136]. Как отмечает Л. А. Булаховский, «при праславянском ударении на конце в нечленной форме членная получала ударение на корне с новоаккутовой интонацией. В этом отношении славянские языки дают достаточно единообразную картину» [Булаховський ІІ 1977: 370].

1.2. Ударение на втором слоге от начала слова. Такое ударение зафиксировано в качественных прилагательных с двусложной основой: ба'гатиі [К; С], ви'сели [К; С], го'тови [К; С], здо'рови [К; С].

Как показывают исследования по исторической акцентологии, в позднеславянском языке указанным прилагательным, кроме ви'сели, которое реконструировано с окситонированной акцентной парадигмой, была свойственна баритонированная акцентная парадигма [Булаховський ІІ 1977: 367, 418; Колесов 1978: 5, 11; Скляренко 1998: 302].

2. Ударение на суффиксе. Этот акцентный тип присущ следующим качественным прилагательным: а) с суф. *-ик*: *вел'ик'ийе* [ГЧЗ, 25], *-оч*: *д'евоча* [Машеве 2, 26], *-л'ив*: *прозор'ли'ви* [Машеве 1, 26], *-ист*: *гор'исте* [Машеве 2, 14]; б) с суф. *-еньк*, образованным от прилагательных с односложной основой с ударением на флексии: *л'ихий* — *л'ихен'к'ий* 'плохонький' [ГЧЗ, 352], *ма'ла* — *ма'лен'ка* [ГЧЗ, 122; Говори, 114], *ма'л'ен'к'ийе* [ГЧЗ, 82], *од'на* — *од'нен'ка* [ГЧЗ, 280], *са'ма* — *са'мен'ка* [ГЧЗ, 280–281]; и от прилагательных с двусложной основой с ударением на втором слоге: *па'ганий* — *пага'н'ен'к'ийе* [ГЧЗ, 82]; б) прилагательным в простой форме сравнительной степени, образованной с помощью суф. *-иш* (*'еш*, *'иш*): *бед'н'и'ши'м* [ГЧЗ, 134], *добр'и'ши'* [С], *м'ел'че'и'шу* [ГЧЗ, 86], *моло'ди'ш'е* [К], *но'в'и'ши'* [С], *шчасли'ви'ш'е* [С]; в) прилагательным в простой форме превосходной степени, которые сохраняют ударение формы сравнительной степени: *добр'и'ши'* — *най'добр'и'ши'*; *но'в'и'ши'* — *най'нов'и'ши'*.

Смещение ударения на гласный суффикса в формах сравнительной и превосходной степеней сравнения прилагательных зафиксировано и в восточноукраинских памятниках, его фиксируют тексты конца XVI — нач. XVII в. [Митрополит Лпаріон 1952: 164; Веселовська 1970: 90–91]. Стоит отметить также мнение С. В. Бромлей, изучавшей историю ударения в формах сравнительной степени прилагательных на материале русского языка, о том, что перенос ударения на суффикс может объясняться влиянием односложных основ [Бромлей 1955: 35].

Отметим, что в прилагательных суффиксального акцентного типа ударение словно помогает слову сохранить равновесие. По мнению Л. Л. Васильева, в многосложных словах ударение, «как бы боясь нарушить равновесие слова, чуждается конечных слогов и стремится занять срединный слог» [Васильев 1929: 143–144]. Характеристику ударения как центра равновесия слова подтверждают работы по исторической акцентологии [Скляренко 1969: 102], современном украинском литературном языке [Винницький 2002: 25; Морфемна 1979: 66–153], а также исследования, посвященные месту словесного ударения с привлечением статистических методов [Коптілов 1962: 74].

3. Ударение на флексии. Этот акцентный тип зафиксирован в качественных прилагательных с односложной основой: *глу'ху'* [К; С], *гус'ту'* [К; С]; и в полногласных формах: *доро'гу'* [К; С], *моло'ди'* [К; С].

В позднепраславянский период указанные прилагательные как полные формы также имели ударение на окончании и принадлежали к окситонированной акцентной парадигме [Булаховський II 1977: 368, 418; Колесов 1978: 101–103, 106–107; Скляренко 1998: 304].

Относительные прилагательные

1. Ударение на корне. Эта особенность прослеживается: а) в прилагательных с суф. *-ов* (*-ав*), образованных от существительных с неподвижным ударением: *б'ере'за* — *б'ере'зов'и* [ГЧЗ, 24; ОЛА, вып. 3, к. 31], *бук* — *'бук'ови'* [С; ОЛА, вып. 3, к. 29], *к'л'ен* — *к'л'ена'ваго* [ГЧЗ, 83]; б) в прилагательных с суф. *-ськ*, образованных от существительных с подвижным ударением: *се'ло* — *'с'іл'с'ка* [ГЧЗ, 280].

2. Ударение на суффиксе. Этот акцентный тип присущ: а) прилагательным с суф. *-ов*, образованным от существительных с подвижным ударением: ед. ч. *дуб* — мн. ч. *ду'би* — *ду'бови'* [ГЧЗ, 137], ед. ч. *сос'на* — мн. ч. *'сосни* — *сос'нову* [ГЧЗ, 87], *sos'nov'íl'ys* [ОЛА, вып. 3, к. 18]; *цар* — мн. ч. *ца'р'и* — *ца'рова* [Говори, 115]; б) прилагательным с суф. *-ан*, *-ян*: *вес'н'ана* [ГЧЗ, 87], *д'ер'еу'йанийе* [ГЧЗ, 81], *п'еш'чан'и'йе* [ГЧЗ, 24], *салам'йанийе* [ГЧЗ, 76].

Перенос ударения на суффиксальный гласный — явление древнее, его фиксируют украинские памятники XVI — нач. XVII веков; например, в прилагательных с суф. *-ян*, *-ов* зафиксировано три акцентных типа: с ударением на корне, суффиксе и окончании, но большинство прилагательных имело ударение на суффиксальном гласном [Веселовська 1970: 86–87, 89].

Как показывают карты *Общеславянского лингвистического атласа*, прилагательные с суф. *-ов* в восточнославянском контексте также в основном представлены с ударением на суффиксе: *sos'nov'í l'ys⁹*, *p'ix'tov'í l'ys*, *du'bovyj* — почти во всех украинских, русских, белорусских говорах [ОЛА, вып. 3 2000: к. 18, 23, 27].

3. Ударение на флексии зафиксировано в прилагательном с суф. *-ян*: *торхв'ане* [Машеве 2, 16].

В то же время отметим, что в исследуемых говорах прослеживается и вариантное ударение прилагательных, которое можно объяснить сосуществованием двух акцентных типов: древнего — с ударением на первом слоге от начала слова и новейшего — на флексии: *'дус'кий* ‘человеческий, гражданский’ [ГЧЗ, 351] и *л'удз'ке* [ГЧЗ, 76], *'низ'кий* и *низ'кий* [ЛАПП, к. 6], *'нову* [ГЧЗ, 24] и *но'ву* [Говори, 114], *с'тарий*, *с'таре* [ГЧЗ, 82], *с'тарийе* [ГЧЗ, 24, 335] и *ста'ру* [Говори, 114], *сто'рийе* [ГЧЗ, 26, 124; 335], *ста'р'и'м* [ГЧЗ, 335]; *т'верди* и *твер'ди* [ЛАПП, к. 43].

В говорах Чернобыльской зоны них прослеживаются следующие тенденции:

1. Сохранять ударение формы Им. п. ед. ч. в падежной парадигме¹⁰. Эта тенденция зафиксирована в качественных и относительных прилагательных: а) с односложной основой в форме Им. п. ед. ч.: *'добри'* — *'доброго*, *'доброї (е)* *'добре* (Р. п. ед. ч., стяженная форма) [ЛАПП, к. 59, 60, 61]; *'жоўтий* [Ткачук, 41] — *'жоўтой* [ЛАПП, к. 62], *'жоўтом* [ЛАПП, к. 62]; *'мали'* — *'мали'йе* [ГЧЗ, 125], *'малим* [ГЧЗ, 337]; *'нови'* — *'нова* [ГЧЗ, 352], *'нове* [ГЧЗ, 14], *'нову* [ГЧЗ, 24], *'нового* [ЛАПП, к. 59, 60; Машеве 1, 34], *'нов'и'йе'* [ГЧЗ, 24]; *с'тарий'* — *с'тарого* [К; С]; *с'трашнi'* — *с'трашиного* [ГЧЗ, 79]; *'чорни'* — у *'чорном (у)* [ЛАПП, к. 62] — *(на) 'чорной* [ЛАПП, к. 62]; б) с двусложной основой в форме Им. п. ед. ч.: *вел'ик'и'* — *вел'ик'им*, *вел'ик'и'йе* [ГЧЗ, 25]; *жес'л'езни'* — *жес'л'езнийе*, *жес'л'езни'х*, *жес'л'езним'и* [ГЧЗ, 81, 137]; в) с трехсложной основой в форме Им. п. ед. ч.: *д'ер'еу'йаний'* — *д'ер'еу'йаного*, *д'ер'еу'йаним'и* [ГЧЗ, 81].

⁹ Приводим только один из вариантов фонетической транскрипции, в основном из говора с. Полесское Полесского р-на Киевской обл.

¹⁰ Отметим, что в монологической речи могут быть представлены не все падежные формы, поэтому приводим только те, которые зафиксированы в проанализированных источниках.

2. Сохранять ударение производящего слова. Эта тенденция присуща следующим качественным и относительным прилагательным: а) качественным прилагательным с суфф. *-еньк*: *'б'елиї* — *'б'елен'ка* [Ткачук, 41], *'жоўтиї* — *'жоўт'ін'ка* [Ткачук, 41], *м'яка* [ГЧЗ, 87] — *м'якен'ке* [ГЧЗ, 350], *'нова* [ГЧЗ, 24] — *'новен'ке* [Машеве 1, 30], *'т'іх'ї* [ЛАПП, к. 20] — *'тіхен'кої* [ГЧЗ, 140], *'тонка* [К; С] — *'тонен'ка* [Говори, 116], *'чорненії* — *'чорнен'ка* [Ткачук, 41]; б) с суфф. *-и*, с помощью которого образуется сравнительная степень: *м'яка* — *м'якишії* [ГЧЗ, 87]; в) с преф. *най-* и суфф. *-и*, с помощью которых образована превосходная степень сравнения: *м'яки* — *м'якишії* — *най'мякишії*; г) относительным прилагательным, образованным от существительных с неподвижным ударением с помощью суфф. *-ов (-ав), -н, -ен*: *б'ереза* — *б'ерезов'ї* [ГЧЗ, 24], *к'л'ен* — *к'л'енаваго* [ГЧЗ, 83]; *жес'л'езо* — *жес'л'езниїе*, *жес'л'езніх*, *жес'л'езнім'ї* [ГЧЗ, 81, 137]; *'рана* — *'ран'ениї* [ГЧЗ, 134; К]; г) относительным прилагательным, образованным с помощью суфф. *-ськ* от имен собственных: *М'їхайло* — *м'їхайлоўск'їе* [ГЧЗ, 75] и от существительных, обозначающих род деятельности, родство, своячество: *при'мак* — *при'мац'ка* [Машеве 2, 26], *чу'мак* — *чу'мац'ка* [Машеве 2, 26]; г) притяжательным прилагательным с суфф. *-ин*, образованным от существительных с ударением на основе: *ж'інка* — *ж'інчину* [Машеве 2, 26].

3. Ставить ударение на начальном слоге. Эта тенденция в исследуемых говорах является продуктивной, она охватила непродуцированные: *др'убниї* [ГЧЗ, 346], *'р'асниї* [ЛАПП, к. 35] и производные прилагательные, а именно: а) качественные прилагательные с суфф. *-еньк*, образованные от прилагательных с ударением на начальном слоге: *м'яка* [ГЧЗ, 87] — *м'якен'ке* [ГЧЗ, 350]; б) относительные прилагательные с суфф. *-ськ*: *сел'о* — *'с'їл'с'ка* [ГЧЗ, 280].

Таким образом, анализ акцентуации прилагательных в говорах Чернобыльской зоны показал, что ударение является яркой чертой, которая интегрирует и одновременно дифференцирует, выделяет эти говоры в общеукраинском контексте. Особенностью акцентной системы прилагательных является сохранение древнего ударения начального слога слова (*'ж'ив'її*, *с'машина*); перенос ударения на суффиксальный гласный (*ду'бовиї*, *салам'їаниїе*); связь ударения (места ударения) у соответствующих существительных, прилагательных и производных от них прилагательных (*к'л'ен* — *к'л'енаваго*, *'б'елиї* — *'б'елен'ка*).

Безусловно, ошибкой было бы утверждать, что сегодняшнее состояние системы ударения полностью объясняется древней акцентуацией. В исследуемых говорах функционируют и акцентуационные новообразования, которые возникли в разное время и при разных условиях.

Литература

- Бевзенко 1980 — Бевзенко С. П. Українська діалектологія. К., 1980.
 Белиї 1914 — Белиї А. Акцентатске студије. Београд, 1914.
 Бромлей 1955 — Бромлей С. В. К истории места ударения в формах сравнительной степени в русском языке // Доклады и сообщения. Институт языкознания АН СССР. VIII. М., 1955.

Булаховський 1977 — *Булаховський Л. А.* Вибрані твори в п'яти томах. Т. 2. Українська мова. К., 1977.

Варченко 1971 — *Варченко І. О.* Міжмовні акцентуаційні контакти і лінгвогеографія // Праці XII республіканської діалектологічної наради. К., 1971.

Васильєв 1929 — *Васильєв Л. Л.* О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков: К вопросу о произношении звука *o* в великорусском наречии. Л., 1929.

Власенко 1983 — *Власенко В. В.* Акцентні особливості дієслівних форм (на матеріалі говірок середнього Полісся // XV Республіканська діалектологічна нарада. Тези доповідей і повідомлень. Житомир, 1983.

Веселовська 1970 — *Веселовська З. М.* Наголос у східнослов'янських мовах початкової доби формування російської, української та білоруської націй (кінець XVII — початку XVIII століть). Харків, 1970.

Винницький 2002 — *Винницький В. М.* Українська акцентна система: становлення, розвиток. Львів, 2002.

Ганцов 1923 — *Ганцов В. М.* Діалектологічна класифікація українських говорів // Записки Історико-філологічного відділу ВУАН. Кн. 4. К., 1923.

Гриценко 1996 — *Гриценко П. Ю.* Передмова // Говірки Чорнобильської зони. Тексти. К., 1996.

Дыбо 1981 — *Дыбо В. А.* Славянская акцентология: опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.

Жилко 1955 — *Жилко Ф. Т.* Нариси з діалектології української мови. К., 1955.

Зализняк 1985 — *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. К., 1985.

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском: Сульба акцентуационных парадигм. М., 1963.

Кобиринка 2017 — *Кобиринка Г. С.* Акцентна система говірок Чорнобильської зони: наголошення іменників // Діалекти в синхронії та діахронії. Книга 3. Трансформація діалектного континууму і проблеми лінгвоекотології. К. 2017 [у друкові].

Кобиринка 2015 — *Кобиринка Г. С.* Діалектний текст як джерело дослідження наголошення особових займенників // Діалекти в синхронії та діахронії: текст як джерело лінгвістичних досліджень. К. 2015.

Кобиринка 2007 — *Кобиринка Г. С.* Спроба зіставного аналізу наголошування в західнополіських говірках // Волинь-Житомирщина. Вип. 17. Житомир, 2007.

Колесов 1972 — *Колесов В. В.* История русского ударения: Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972.

Колесов 1978 — *Колесов В. В.* Очерки по русской исторической акцентологии. Szeged, 1978.

Коптилов 1962 — *Коптилов В. В.* О статистическом описании места словесного ударения // Прикладная лингвистика и машинный перевод. К., 1962.

ЛАНП — *Назарова Т. В.* Лінгвістичний атлас Нижньої Прип'яті. К., 1985.

ЛАПП — *Никончук М.* Лексичний атлас Правобережного Полісся. К., Житомир, 1994.

- Матвіяс 1990 — *Матвіяс І. Г.* Українська мова і її говори. К., 1990.
Митрополит Іларіон 1952 — *Митрополит Іларіон.* Український літературний наголос. Вінніпег, 1952.
Морфемна 1979 — *Морфемна* структура слова. К., 1979.
Прилипка 1971 — *Прилипка Н. П.* Називний відмінок однини прикметників чоловічого роду в говорах української мови // Праці XII республіканської діалектологічної наради. К., 1971.
Склярєнко 1969 — *Склярєнко В. Г.* Історія акцентуації іменників а-основ української мови. К., 1969.
Склярєнко 1998 — *Склярєнко В. Г.* Праслов'янська акцентологія. К., 1998.
Ткачук 2016 — *Ткачук М. М.* Ботанічна лексика говірок Чорнобильської зони: реконструкція редукованого ареалу. К., 2016.

Источники

- АУМ — *Атлас української мови*: в 3 т. Т. 1–3. К. 1984–2001.
Вопросник — *Вопросник Общеславянского лингвистического атласа.* М., 1965.
Говори — *Говори української мови (Збірник текстів)* / За ред. Т.В. Назарової. К., 1977.
ГЧЗ — *Говірки Чорнобильської зони. Тексти* / За ред. П.Ю. Гриценка. К., 1996.
К — *Рукописні матеріали* М. М. Ткачук із говірки с. Корогод Чорнобильського р-ну Київської обл.
Машеве 1 — *Говірка села Машеве Чорнобильського району.* Ч. 1. К., 2003.
Машеве 2 — *Говірка села Машеве Чорнобильського району.* Ч. 2. К., 2003.
ОЛА — *Общеславянский лингвистический атлас. Выпуск 3. Растительный мир.* Минск, 2000.
С — *Рукописні матеріали* Г. С. Кобиринок з говірки с. Сукачі Іванківського р-ну Київської обл.

Galina Kobyrnka
Ukrainian Language Institute
of The National Academy of Sciences of Ukraine
(Kiev, Ukraine)
kobyrnka2008@ukr.net

MODERN ACCENT TYPES OF ADJECTIVE IN THE CHORNOBYL ZONE DIALECTS AS REFLEXES OF PROTO-SLAVIC ACCENTUAL PARADIGMS

The article deals with the most characteristic types and tendencies of adjectives accentuation in the Chornobyl zone dialects. Modern accentual types are compared with the reconstructed pre-Slavic accent paradigms. An analysis of adjectives accentuation in the

reductive area shows that stress is a bright feature that integrates and simultaneously differentiates and separates these dialects in the general Ukrainian context. A special feature of adjectives accent system is the preservation of ancient stress of word initial syllable (*жѣ'ви'*, *с'машина*); the transfer of stress on the suffixal vowel (*дѣ'бови'*, *салам'їани'їе*); the connection of the stress (stress point) in the corresponding nouns and adjectives derived from them.

Key words: dialectology, lingvogeography, Ukrainian dialects, proto-slavic accentual paradigms.

References

- Bevzenko S. P. *Ukrajins'ka dialektologija*. Kiev, 1980. [In Ukrainian].
- Beliš A. *Akcentatske studije*. Beograd, 1914. [In Serbian].
- Bromlej S. V. K istorii mesta udarenija v formah sravnitel'noj stepeni v ruskom jazyke. *Doklady i soobshhenija. Institut jazykoznanija AN SSSR. VIII. M., 1955*. [In Russian]
- Bulahovs'kij L. A. *Vibrani tvoriv p'jati tomah. T. 2. Ukrajins'ka mova*. Kiev, 1977. [In Ukrainian].
- Varchenko I. O. Mizhmovni akcentuacijni kontakti i lingvogeografija. *Praci XII respublikans'koji dialektologichnoji naradi*. Kiev, 1971. [In Ukrainian].
- Vasil'ev L. L. O znachenii kamory v nekotoryh drevnerusskikh pamjatnikah XVI–XVII vekov. *K voprosu o proiznoshenii zvuka o v velikoruskom narechii*. L., 1929. [In Russian].
- Vlasenko V. V. Akcentni osoblivosti dieslivnih form (na materialii govirok seredn'ogo Polissja. *XV Respublikans'ka dialektologichna narada. Tezi dopovidej i povidomlen'*. Zhitomir, 1983. [In Ukrainian].
- Veselovs'ka Z. M. *Nagolos u shidnoslov'jans'kih movah pochatkovoji dobi formuvannja rosij's'koji, ukrajins'koji ta bilorus'koji nacij (kinec' XVII — pochatku XVIII stolit')*. Kharkiv, 1970. [In Ukrainian].
- Vinnic'kij V. M. *Ukrajins'ka akcentna sistema: stanovlennja, rozvitok*. L'viv, 2002. [In Ukrainian].
- Gancov V. M. Dijalektologichna klasifikacija ukrains'kih govovoriv. *Zapiski Istoriko-filologichnogo viddilu VUAN. Kn. 4*. Kiev, 1923. [In Ukrainian].
- Gricenko P. Ju. *Peredmovna. Govirki Chornobil's'koji zony. Teksty*. Kiev, 1996. [In Ukrainian].
- Dybo V. A. *Slavjanskaja akcentologija: opyt rekonstrukcii sistemy akcentnyh paradigm v praslavjanskom*. M., 1981. [In Russian].
- Zhilko F. T. *Narisi z dialektologij ukrajins'koji movi*. Kiev, 1955. [In Ukrainian].
- Zaloznjak A. A. *Ot praslavjanskoj akcentuacii k ruskoj*. Kiev, 1985. [In Russian].
- Illich-Svitych V. M. *Imennaja akcentuacija v baltijskom i slavjanskom: Sul'ba akcentuacionnyh paradigm*. M., 1963. [In Russian]
- Kobirinka G. S. Akcentna sistema govirok Chornobil's'koji zony: nagoloshennja imennikiv. *Dialekti v sinhronii ta diahronii. Kniga 3. Transformacija dialektного kontinuumu i problemi lingvoekologiji*. Kiev, 2017 [in print].

Kobirinka G. S. Dialektnij tekst jak dzhereło doslidzhennja nagoloshennja osobovih zajmennikiv. *Dialekti v sinhroniji ta diahroniji: tekst jak dzhereło lingvistichnih doslidzhen'*. Kiev, 2015. [In Ukrainian].

Kobirinka G. S. Sproba zistavnogo analizu nagoloshuvannja v zahidnopolis'kih govirkah. *Volin'-Zhitomirschina. Vip. 17*. Zhitomir, 2007. [In Ukrainian].

Kolesov V. V. *Istorija russkogo udarenija: Imennaja akcentuacija v drevnerusskom jazyke*. L., 1972. [In Russian].

Kolesov V. V. *Očerki po russkoj istoricheskoj akcentologiji*. Szeged, 1978. [In Russian].

Koptilov V. V. O statisticheskom opisani mesta slovesnogo udarenija. *Prikladnaja lingvistika i mashinnyj perevod*. Kiev, 1962. [In Russian].

Matvijas I. G. *Ukraïns'ka mova i jii govory*. Kiev, 1990. [In Ukrainian].

Mitropolit Ilarion. *Ukraïns'kij literaturnyj nagolos*. Vinnipeg, 1952. [In Ukrainian].
Morfemna struktura slova. Kiev, 1979. [In Russian].

Nazarova T. V. *Lingvistichnij atlas Nizhn'oj Prip'jati*. Kiev, 1985.

Nikonchuk M. *Leksichnij atlas Pravoberezhnogo Polissja*. Kiev, Zhitomir, 1994.

Prilipko N. P. Nazivnij vidminok odnini prikmetnikiv cholovichogo rodu v govoraх ukraïns'koï movi. *Praci XII respublikans'koj dialektologichnoj naradi*. Kiev, 1971. [In Ukrainian].

Skljarenko V. G. *Istorija akcentuacij imennikiv a-osnov ukraïjn'koj movy*. Kiev, 1969. [In Ukrainian].

Skljarenko V. G. *Praslov'jans'ka akcentologija*. Kiev, 1998. [In Ukrainian].

Tkachuk M. M. *Botanichna leksika govirok Chornobil's'koj zony: rekonstrukcija reduktivnogo arealu*. Kiev, 2016. [In Ukrainian].

Sources

Atlas ukraïns'koj movi: v 3 t. T. 1–3. Kiev, 1984–2001.

Voprosnik Obscheslavjanskogo lingvisticheskogo atlasa. M., 1965.

Govori ukraïns'koj movi (Zbirnik tekstiv). Ed. T. V. Nazarova. Kiev, 1977.

Govirki Chornobil's'koj zoni. Teksty. Ed. P. Ju. Gricenko. Kiev, 1996.

Rukopisni materialy M. M. Tkachuk iz govirki s. Korogod Chornobil's'kogo r-nu Kievs'koj obl.

Govirka sela Masheve Chornobil's'kogo rajonu. Ch. 1–2. Kiev, 2003.

Obscheslavjanskij lingvisticheskij atlas. Vyp. 3. Rastitel'nyj mir. Ed. A. Podlizhny. Minsk, 2000.

Rukopisni materialy G. Kobirinki z govirki s. Sukachi Ivankivs'kogo r-nu Kievs'koj obl.

Ж. Ж. Варбот

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

zhannavarbot@yandex.ru

ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ ГЛАГОЛА *VELKTI В ТЕРМИНОЛОГИИ СЛАВЯНСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА*

Этапы, составляющие славянский погребальный обряд, объединены идеей движения умершего (его души) снизу вверх, в гору. Поэтому более вероятной первичной мотивацией для русск. диал. *волок* ‘кладбище’ является не ‘лес’, а ‘(возвышенное) место для доставки умерших’. Погребальная терминология различных славянских языков свидетельствует о сближении терминов, связанных с различными этапами (использование слова *grobъ для обозначения гроба, могилы и кладбища). Подобным случаем представляется возможность возведения к глаголу *velkti ‘тащить’ не только русск. диал. *волок* ‘кладбище’, но и польск. диал. *velk* ‘гроб’.

Ключевые слова: славянский погребальный обряд, терминология, семантика, мотивация, этимология.

Славянский погребальный обряд генетически восходит к индоевропейскому обряду, хотя и претерпел у разных славянских народов влияние со стороны соответствующих обрядов других этносов. Терминология погребального обряда, очевидно, отражает принципиально важные составляющие обряда, его этапы. В индоевропейском погребальном обряде выделяют следующие этапы-составляющие: «1. Приготовление трупа к захоронению. Начало оплакивания и траура. 2. Доставка трупа на повозке к месту захоронения. 3. Предание трупа вместе с жертвенными животными, а иногда и людьми, огню в основном варианте обряда, земле и воде в других его вариантах. 4. Создание (из костей мертвого) изображения покойного — его ритуального двойника. 5. Сооружение временного обиталища для образа (изображения) покойника. 6. Захоронение урны с костями» [Иванов 1990: 5]. Славянский погребальный обряд, насколько его история прослеживается археологами

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-04-00013 «Личные черты человека в славянских диалектах. Лингвогеографический аспект»

и историками, изменялся от трупосожжения и захоронения погребальных урн с прахом в ямах к захоронению результатов трупосожжения в курганах и далее к трупоположению [Седов 1990: 170–180]. В погребальном обряде, как он сложился в целом у восточных и южных славян, О. А. Седакова выделяет следующие этапы: «1. Обрядовые акты в доме. 2. Путь от дома до кладбища. 3. Обрядовые акты, совершаемые и в доме, и на могиле, хождение на могилу и возвращение домой», так что обряд характеризуется как движение, реализующее «модель пути» души умершего [Седакова 2004: 77], с преобладанием направления снизу вверх (лестница — гора) [Седакова 2004: 54–55].

В приведенных характеристиках славянского обряда следует отметить объединение всего обряда идеей движения, что делает вероятным сближение терминологических обозначений отдельных его этапов. Начнем с движения вверх и горы как воплощения этого пути. Прямым следствием этих представлений является обычай расположения кладбищ на возвышенных местах [Седакова 2004: 208–209] и соответствующие обозначения их: см. блр. диал. *гарышча* ‘кладбище, погост’ [Вицеб. 1: 148], арханг., волог. *bújevo* ‘кладбище’ [ОЛА 10: 199, карта 46, вопрос L 2344]. В связи с этой мотивационной моделью представляет интерес русск. диал. *волок* ‘кладбище’ [НОС 1: 133]. О. А. Теуш связала это слово с арханг., волог. *волок* ‘лес, лесной массив между двумя населенными пунктами, реками и т. п.’ и объединила *волок* ‘кладбище’ по мотивационному коду с волог., арханг. *бор* ‘кладбище’, исходя из расположения кладбищ в лесу [Теуш 2015: 258]. Однако это самый верхний, внешний уровень мотивационной реконструкции. При этом толковании не учтена связь в семантике слав. **borъ* обозначений сосны и соснового леса с обозначением сухих, песчаных возвышенных мест, холмов [ЭССЯ 2: 217], а именно такие места в лесу выбираются для кладбищ [Даль, I: 118, *бор*], так что сопоставимой с *бор* составляющей в первичной семантике *волок* ‘кладбище’ может быть не ‘лес’, а ‘возвышение, холм’, см. русск. диал. ряз. *волок* ‘небольшая пологая гора, плоская возвышенность; откос. склон’ [СРНГ 5: 50]. Этимологически *волок* совершенно прозрачно: это праслав. **volkъ*, производное от глагола **velkti* > русск. *волочь* ‘тащить, перемещать по земле’. Многочисленные употребления слова в русских говорах для обозначения дорог, межей, мест, удобных для перемещения по суше между водными пространствами [СРНГ 5: 49], свидетельствуют о первичной мотивации слова *волок* как ‘место, где /куда тащат’, что при значительной заболоченности славянской территории и множестве водных преград близко к представлению о возвышенных участках суши. Эта синкретическая семантика и может быть основой для развития значения ‘кладбище’: ср. приведенные выше витеб. *гарышча*, арханг., волог. *bújevo* и особенно вятск. *повоз* ‘кладбище’ [Седакова 2004: 226]. Таким образом, для названия кладбища оказывается возможной мотивационная связь с процессом перемещения, доставки умершего. Именно такая мотивация наиболее вероятна для русск. диал. (коми) *сутяга* ‘кладбище на горе’ — от *стянуть* ‘стащить вместе’ (О. А. Теуш предполагает исходное значение ‘протяженное пространство’ [Теуш 2015: 270], что при наличии префикса *су-* структурно не обосновано). Косвенным подтверждением вероятности гипотезы о мотивационной связи

обозначения кладбища (как конечного пункта похорон) с процессом перемещения является обозначение похорон глаголами с семантикой перемещения и непосредственно волочения: см. русск. диал. *носить* ‘хоронить’ [Седакова 2004: 225] и арханг. *свезти* (*сволочить*) на бор ‘хоронить’ [АОС 2: 73].

Другое мотивационное пересечение в погребальной терминологии представлено в обозначениях кладбища и гроба: ср. слав. **grobъ*, **grobišče* как обозначение гроба [ОЛА 10: 191, карта 44, вопрос L 2342] и **grobъ*, **grobъky*, **grobъje*, **grobišče* ‘кладбище’ [ОЛА 10: 199, карта 46, вопрос L 2344], очевидно, при посредстве (и первичности) **grob* ‘могила’ [ОЛА 10: 195, карта 45, вопрос L 2343]. На фоне этого последнего сближения и рассмотренного выше *волок* ‘кладбище’, производного от **velkti* > *волочь*, представляется возможным возведение к этому глаголу также польск. диал. (село Дубровка в районе Олштина) *velk* ‘гроб’ [ОЛА 10: 190, материалы к вопросу L 2342]. При таком толковании первичной мотивацией могло быть ‘то, в чем перемещают, тащат умершего’, а первичной формой — **vьlкъ*. Огласовка корня в ступени редукции была первичной для основы настоящего времени, соотносительной с инфинитивом **velkti*, и обобщена также для формы инфинитива в сербохорв. *вучи*, *вуче* [Vaillant III: 164]. В отношении предложенной реконструкции первичной мотивации *velk* ‘гроб’ по процессу перемещения существенно широкое употребление производных от **velkti* в славянских языках как обозначений примитивных повозок-волокуш, см. русский диалектный материал в [СРНГ 5: 50–52, 54: *волок*, *волока*, *волокуша*].

Предложенные толкования обнаруживают мотивационную связь обозначений предметных воплощений первого этапа славянского погребального обряда (гроб) и последнего (кладбище) со средним этапом — перемещением умершего — в образованиях от глагола **velkti*.

Литература

Vaillant III — *Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. III. Le verbe.* Paris, 1966.

АОС — Архангельский областной словарь. Вып. 1–. М., 1980—.

Вицеб. — *Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны.* Рэд. Л. І. Злобін і інш. Віцебск, 2012—.

Даль — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., 1955.

Иванов 1990 — Реконструкция структуры, символики и семантики индоевропейского погребального обряда // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов, Л. Г. Невская. М., 1990. С. 5–11.

ОЛА 10 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 10. Народные обычаи. М., СПб.: Нестор-История. 2015.

Седакова 2004 — *Седакова О. А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.

Седов 1990 — Седов В. В. Погребальный обряд славян в начале средневековья // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов, Л. Г. Невская. М., 1990. С. 170–182.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. (Ленинград=) Санкт-Петербург, М.: «Наука», Вып. 1–. 1965—

Теуш 2015 — Теуш О. А. Севернорусские наименования мест захоронения // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы III Международной научной конференции. Отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург, 2015. С. 268–271.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Отв. ред. О. Н. Трубачев (Вып. 1–31), О. Н. Трубачев, А. Ф. Журавлев (Вып. 32–39), Ж. Ж. Варбот (Вып. 40–). М.: «Наука», 1974—.

Zhanna Varbot

*V. V. Vinogradov Russian Language Institute
of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
zhannavarbot@yandex.ru*

**DERIVATIVES OF THE VERB *VELKTI IN THE TERMINOLOGY
OF SLAVIC FUNERAL CEREMONY**

Stages of the Slavic funeral ceremony are united by the idea of movement of the deceased (his / her soul) from below uphill. Thus a more probable motivation for Russ. dial. *волок* ‘cemetery’, rather than ‘wood / forest’, is ‘(elevated) site, location to where the deceased is brought’. Funeral terminology of many Slavic languages serves as evidence for convergence of terms related to different stages of the ceremony (such as use of the word *groby to refer to either ‘coffin’, ‘grave’, or ‘cemetery’). It therefore seems possible to propose a derivation of Pol. dial. *velk* ‘coffin’, beside Russ. dial. *волок* ‘cemetery’, from the verb *velkti ‘draw’.

Key words: Slavic funeral ceremony, terminology, semantics, motivation, etymology.

References

- Arhangel'skij oblastnoj slovar'*. Vyp. 1–. М., 1980—.
- Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. T. I–IV*. М., 1955.
- Etimologicheskij slovar' slavyanskih yazykov. Praslavyanskij leksicheskij fond*. Eds. O. N. Trubachev (Vyp. 1–31), O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev (Vyp. 32–39), Zh. Zh. Varbot (Vyp. 40–). М., Nauka, 1974—.
- Obshchесlavjanskij lingvisticheskij atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatel'naya. Vyp. 10. Narodnye obychai*. М., SPb.: Nestor-Istoriya. 2015.
- Rehgijyanal'ny slovník Vicebshchyny*. Red. L. I. Zlobin i insh. Vicebsk, 2012—.

Rekonstrukciya struktury, simboliki i semantiki indoevropskogo pogrebal'nogo obryada. *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoj duhovnoj kul'tury. Pogrebal'nyj obryad*. Eds. Vyach. Vs. Ivanov, L. G. Nevskaya. M., 1990. pp. 5–11.

Sedakova O. A. *Poetika obryada. Pogrebal'naya obryadnost' vostochnyh i yuzhnyh slavyan*. M., 2004.

Sedov V. V. Pogrebal'nyj obryad slavyan v nachale srednevekovja. *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoj duhovnoj kul'tury. Pogrebal'nyj obryad*. Eds. Vyach. Vs. Ivanov, L. G. Nevskaya. M., 1990, pp. 170–182.

Slovar' russkih narodnyh govorov. Vyp. 1–. Eds. F. P. Filin, F. P. Sorokoletov. (Leningrad=) Sankt-Peterburg, M., Nauka, 1965—.

Teush O. A. Severnorusskie naimenovaniya mest zahoroneniya. *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Ed. E. L. Berezovich. Ekaterinburg, 2015, pp. 268–271.

Vaillant A. *Grammaire comparée des langues slaves. T. III. Le verbe*. Paris, 1966.

А. К. Шапошников
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
possidima@gmail.com

МАТЕРИАЛЫ К ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ СЛАВЯНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ГРЕЦИИ. III

Статья продолжает обзор этимологии славянских языковых реликтов греческого языкового ареала. Славянские языковые реликты всех видов (ономастических и апеллятивных) описаны в алфавитном порядке (ЭССЯ) на отрезке словника U–Ž (136 словарных статей). Автор уточняет реконструируемые праформы, рассматривает предложенные этимологические толкования и выбирает наиболее достоверные трактовки, иногда предлагая альтернативные решения.

Ключевые слова: местное название, гидроним, имя собственное, антропоним, глосса, термин, апеллятив, заимствование, реконструкция, архетип, этимология.

Эта статья продолжает публикацию материалов к этимологическому словарю славянских языковых древностей Греции, предпринятую несколько лет тому назад (буквы P–R, S–T) [Шапошников 2011: 210–223; Он же 2016: 175–191]. Ниже расписан в алфавитном порядке отрезок словника U–Ž.

*upada: мн Гоўпанѣта, Ноўпанѣтѣ (Мессения) — из юж.-слав. *upada [без различения форм Budziszewska 1991: 18]

*upado: греч. диал. оўпато ‘большое углубление’ (Икария), простореч. γοўпато ‘глубокое понижение; яма’, ещё ‘дно’ (Яннина) — из юж.-слав. *upadъ, -o [не-точно Budziszewska 1991: 18, 92]

*vaga: рум. *vlagă* ‘сила, тяжесть’ — из юж.-слав. *vaga, в болг. нет [Budziszewska 1991: 11, 92]

*vajunitji или *bajunitji: этноним Βαϊουνίται (Эпир, Акарнания, Этолия) (СДПИОС II, 124, 192), т. е. *ваюничи?* — из юж.-слав. *bajunitji, производного с *ethnikon*-суф. -*itji* от имени родоначальника *Vajunъ.

*valmi: мн Βάλμι (Морея, Элида, Элейск. окр.) — толкуется малоубедительно в связи с др.-русск. ойконимом *Воломь*, до *Усть Воломи*, *Усть Волма*, *Усть-Волма* (НГ 302; НПК III, 327), реконструируется архетип *volъ, род. п. -*i*,

образованный в гнезде с базовым и.-е. **uel-* ‘поворачивать, вертеть’ (не герм. ли *well* ‘колодец’?), и далее связывается с луж. *velm* ‘ручей’, ст.-польск. *welm* ‘ручей’ (это лучше), ст.-луж. мн *Wellmitz*, *Wjelmice* (1300, 1333), *Welmenicz* [Іліаді 2008: 122; Илиади 2010: 169–170], см. след.

*válmō или **вѣл(ь)тъ*, **вѣл(ь)тъ*: мн *Βάλμι* (Морея, Элида, Элейск. окр.), алб. ис *Pali Valmi* (Luarisi), мн *Valmi* (Скадарск., XV в.) — если это не форма на *-ion* от н.-греч. *βαλμιάς* ‘барышник’, ‘владелец конюшни, сдающий лошадей и ослов внаём’, зоол. ‘сыч’ или не цельнолексемное заимствование из болг. диал. *валмо*, *вѣлмо*, мн. ч. *валма* ‘пасмо, ком, шар’, то, м. б., из юж.-слав. формы мн. ч. от *вѣлтъ или *вѣлтъь ‘ильм, вяз’, ср. мн в Саксонии *Wulm* (1219), в Глахау *Wulm* (Šmilauer 1964, 177) [ЭССЯ 8: 222–223; не слишком убедительно Іліаді 2008: 47–48; Илиади 2010: 169]

*vāmpirǫ: греч. простореч. *βόμπιρας* ‘низкий человек, карлик’, диал. *βόμπιρας* [произносится *vómpiras*] ‘детское непослушание, шалость’ (Янина), *βόμπιρας* ‘вампир’, прозвище (Катафиги), арум. *vombir* ‘вампир, очень злой, непослушный ребёнок’, мегл. *vampiru* — из серб. *vàmpīr* ‘упырь, вурдалак’ — из юж.-слав. *vapirǫ*, рефлекса праслав. *opuryǫ [указан неверный источник заимствования Budziszewska 1991: 12, 92]

*vāñsko или *вѣпъцько: мн *Βαντζικόν*, *Βαντζικό* (Македония) — если это не юж.-слав. *вѣпъцько, производное с суф. *-ьк-* от *вѣпъка, ср. болг. *вѣнка* нареч. ‘вон, вне’, ‘во дворе’, ‘на улице’, то можно было бы толковать на базе серб. прилаг. *ваñскѣ*, *ваñскѣ*, *ваñскѣ* ‘внешний, -яя, -ее, наружный, -ая, -ое’ (ср. неверную трактовку Фасмера)

*varova или *върова: мн *Βαρλόβα* (Эпир) — скорее всего, производное с суф. *-ov-* от ис *Varpa* [неубедительно Іліаді 2008: 91–92]

*vastavéci: мн *Βασταβέτσι* (Эпир) — не имеет убедительного толкования [сомнительно Іліаді 2008: 21]

**vě(r)véga*: греч. диал. *βερβέρα* ‘белка’ (Румелия), *βέρβιρα* ‘плакса’, ‘болтушка’ (Македония) — из юж.-слав. рефлекса праслав. *věvera [не различив формы Budziszewska 1991: 10–11, 92]

**vě(r)veríca*: греч. диал. *βερβερίτσα* ‘белочка’ (Македония, Фракия, Арта, Лариса, Кардица, Ламия, Беотия, Самос, Крит), *βιρβιρίτσα* (Македония, Эпир), перен. ‘маленькая юркая девочка’, арум. *virviriṭṭa*, рум. *veveriṭṭa* — из юж.-слав. рефлекса праслав. *věverica [Budziszewska 1991: 11, 92]

*vedъra из *vedro: сред.-греч. *βεδούριον* ‘ведро’ (Porf. Soph. 304), н.-греч. *ή βεδούρα*, *τὸ βεδούρι* ‘небольшая кадка для заквашивания молока’, ‘деревянная мера для измерения зерновых, сыпучих тел’, диал. *βέδρα* ‘ведро’ (Килкис), *βεδούρα* ‘деревянная мера для сыпучих тел 10 или 12 кг’ (Кардица), ‘мера пшеницы, кукурузы’, ‘деревянное ведро для воды или молока’ (Ламия), ‘деревянное ведро для молока’ (Крит), *βυδούρα* ‘ведро из дубового пня для закваски молока’ (Ev. I 90), *βυδούρι* ‘вид металлического сосуда, мера зерна’ (Румелия) — из юж.-слав. *vedъra, рефлекса праслав. *vedro, ср. болг. *ведро*, мн. ч. *ведра*, и словен. *vědra*, *vedro*, *vědro* [Budziszewska 1991: 10, 92]

- *vějica: мн Веїтца — из юж.-слав. производного с суф. *-ica* от *věja, ср. чеш. *vějice* ‘прутик, палочка, намазанные клеем для ловли птиц’ [Trávníček 1952: 1641], серб. *véja* ‘вежа на воде’ и болг. нагнетание суф. *вейка* ‘ветка’, *вейчица* ‘веточка’ [неубедительно Гліаді 2008: 48–49]
- **vel’úxъ*: греч. βελούχι ‘обильный водой, никогда не высыхающий источник’, ‘хата на берегу реки или не пересыхающего источника’, ороним Βελούχι, название горы, с которой течёт источник реки Сперхей (Эвритания) — из юж.-слав. *veljuxъ [Budziszewska 1991: 10, 92]
- *velásъ: мн *Velas* (Фракия), Βελάς (Дардания, близ Скупы VI в. н. э.) — не является ли юж.-слав. топоним однокоренным вышеупомянутого [вопреки Гліаді 2008: 124].
- *veléčikъ: мн Βελέτσικον (Фессалия, Ларисса) — если не юж.-слав. суф. переоформление субстратного (фрак.) βελε-, βηλα-, βελι-, βιλι- [Detschew 1976: 48–49], то, возможно, юж.-слав. производное с суф. *-ikъ* от основы прилаг. *velikъ* или гл. *vlěkъ [неубедительно Гліаді 2008: 125–126]
- *velegezitji: этноним Βελεγεζίτες, βελεγεζίται, βελεγεζήται (Фессалия, Фокида), *велегезичи* — юж.-слав. производное с суф. *-itjъ* от перс. царского имени *Vologez*.
- *velesá: мн *Velesa castro* (Эпир, 1254 г.), Βελεσσά, Βελεσσός (Македония) — этимологизируется в связи с русск. вн. *Velеса* (Смоленск., Псковск., Тверск. обл.) [Гліаді 2008: 50]
- *velési: мн Βελέσι (Фессалия), *Veles* (Албания) — юж.-слав. производное от праслав. теонима *Velesъ [Гліаді 2008: 124]
- *velestino: мн Βελεστίνον, Βελεστίνου (Магнесия, Фессалия, 1274 г. н. э.) — юж.-слав. производное с суф. *-in-* от не вполне ясного этнонима или антропонима **Velest-*, ср. серб. *Velestivo*, *Velestovo* [Гліаді 2008: 50], серб. вн. *Velesztica*.
- *veligostjъ: мн Βελιγώστης, Βελιγοστη [Аркадия] — скорее всего, юж.-слав. притяжательная форма двусоставного имени с императивной формой гл. *velěti в первой части (**veli-*) и именной основой *gostъ — во второй (Wielgoszcz) [Васильев 2012: 159], едва ли тождественно праслав. *bělogostъ [неверно Гліаді 2008: 126]
- *věra: греч. диал. βέρα ‘примирение’, ‘временное согласие’, ‘соединение’ — из праслав. диал. *věra [Budziszewska 1991: 10, 92]
- *věsterъ: греч. диал. βιστηριά ‘страдание, болезнь, вызванные влиянием колдовства’ (Крит) — из южно-слав. *věsterъ, лежащего в основе макед. диал. *вещерица* ‘вид болезненного прыща на языке, который приписывают злым духам’ (Велес, Куманово), производного с суф. *-ica* от праслав. *věstjerъ, образования с суф. *-er-* от **věst’ь* ‘вещий, peritus’ [с напрасными сомнениями Budziszewska 1991: 11, 92]
- *vetēruга из *otruga: греч. диал. βεντερούγα ‘искривление, рахит, английская болезнь’, βεντερουγοχόρταρο бот. ‘подорожник *Plantago psyllium*’, этим растением лечат искривление (Кефалиния) (Heldr. 222) — юж.-слав. *vetruga, рефлекс праслав. *otruga [неверно трактует Budziszewska 1991: 10, 92].
- *větrъnica: греч. мн Βιτρινίτσα (Фокида, Дорида) — редукция безударных гласных по болг. типу, но ср. болг. диал. *вятръница*, серб. вн. *Ветерница*, *Ветреница*, хорв. мн *Veternica*.

- *vétša или *véža: греч. мн Βέτζα, Βέτζας (VI в.), *Vetza* (Фракия) — из серб. *véhe* ‘вече, совет’ или из юж.-слав. *veža ‘шатёр, кибитка, жилия повозка’, производного с суф. *-ja* от праслав. гл. *vezti, vezq* ‘везти, везу’, или из юж.-слав. *vetьša, производного с суф. *-ja* от прилаг. *vetьхъ, ср. «городъ ветшаныи» — Владимир на Клязьме [все неубедительно: Дринов 1873: 177; Іліаді 2008]
- *vetuma: греч. мн Βητουμά (Фессалия) — если это не субстратное МН (ср. иллирийск. *Bithus, Bithua* [Mayer 1957 I, 88] и фракийск. *Bithena, Bitho, Bithus*, Βιθυ- [Detschew 1976: 62–66]), то м. б., юж.-слав. производное с суф. *-ma* от корня *vetьхъ, ср. ст.-слав. **ВЕТЬХЪ**, болг. диал. *ветьх, вехът*, серб. *вѐт, вѐтах* [неубедительно все: Vasmer 1991: 87, Топоров 2005: 29, 112, Іліаді 2008: 50]
- *vezá: греч. диал. βεζά ‘деревянная оправа сита’ (Мессения) — из болг. *веза* ‘завязка торбы, мешка’, глаг. *веза* ‘вязать, вышивать’ [Budziszewska 1991: 10, 92]
- *vežica: мн Βεζήτζα, Βεζίτσα, ср. мн *Визуца* в Страндже — из юж.-слав. *vežica, производного с суф. *-ica* от праслав. *veža ‘шатёр, кибитка, жилия повозка’ по гл. *vezti, vezq* ‘везти, везу’ [Іліаді 2008: 88], см. ниже
- *vica: ороним Βίτσι (Лариса), мн Βίτσα, ороним *Vič* ‘горы в южной Македонии’ — то ли из болг., макед. *бук, bik* ‘бык’, то ли из *viťсь [неубедительно Budziszewska 1991: 11 и Іліаді 2008: 48]
- *vila: греч. диал. βίλα ‘вилы’ (леринск., Катерини, Козани, Фессалоники), мегл.-рум., арум. *vilă* ‘вилы’ — из болг. *вила* ‘вилы для сена’ < праслав. *vidlo [Budziszewska 1991: 11, 92]
- *viťь, *vira, *viro: греч. диал. βίρος ‘глубокая яма с водой, полынья, когда воды малой речки убывают’ (Македония), ‘водоворот’ (Катерини, Фессалоники, Гревена), ‘углубление в потоке’ (Яннина), βίρος ‘водоворот’ (Фессалоники, Катерини, Арта), βίρό ‘водопад, спадающий с горы’ (Козани), ‘стояча водв’ (Эпир), βίρα ‘яма в воде’ (Эпир), ουβίρα, οβίρα ‘дол, образованный сходом воды буйного потока’ (Зап. Эпир), сюда же, вероятно, мн *Vira* (близ села Tusi, Скадарск. обл., XV в.), βίρέ ‘небольшая лужа’ (Цако-ния), арум. *viró* ‘вир’, ‘глубь’ — из макед., болг. *vir, virp* < праслав. *virь [Budziszewska 1991: 11, 92; без учета апеллятивной лексики и с излишними гипотетическими этимологиями Іліаді 2008: 50–51, 122], ср. болг. вн *Vur*, серб. вн *Vur*, хорв. *Vir*.
- *višань: мн Βύσανη (Флорина) — из серб. *вишань* ‘дикая вишня’ или арум. *višan* [неудачно Vasmer 1941: 48, 178–179, 191, 277]
- *višаньcik: мн Βύσαντσικον (Флорина) — то ли гибридное производное с турецким уменьшительным суф. *-cik* от основы арум. *višan* (см.), или слав. диал. производное с суф. *-сь* + *-икъ* от основы арум. *višan* [совершенно неудачно Vasmer 1941: 48]
- *višъnja: греч. диал. βιδνιά, βισνιά ‘дерево вишня’ (фессалийск.), рум. *vişin* арум. *višan, vişnă*, алб. *vishnje* — в данном случае то ли из алб., то ли из серб. *вишња* ‘вишня (дерево и плод)’ [неточно Budziszewska 1991: 11]
- *vládo или *vlánьdo: мн Βλάνδο (Эпир, Арта) — если мы читаем правильно — из серб. *влада* ‘господство, владычество’ (с греч. излишней назализацией) или из юж.-слав. *volьnda ‘кудрявость’, производного с суф. *-ьda* от праслав. *volьnъ ‘кудрявый, волос’.

- *vлага: греч. диал. βλάγα ‘влажность’ (Македония, костурск.), βλάγκα (Эпир), алб. *vlag*, арум. *vlagă* ‘влажность’, рум. *vlagă* ‘соки’ — из юж.-слав. *vлага, рефлекс праслав. *volga [Budziszewska 1991: 11, 92]
- *влакъ: алб. *vlak* ‘невод’, греч. диал. βάλκός ‘сеть, в которую ловятся ослабленные угри’ (Эпир), βολκός ‘сеть для ловли угрей’ — из макед., болг. *vlak* ‘разновидность большой рыбацкой сети’, восходящих к праслав. *vālkъ [Budziszewska 1991: 10, 92]. Едва ли справедливо говорить о сохранении в данном случае «дометатезной стадии» праслав, скорее, речь идёт о различных формах адаптации (метатез) в греч. диал.
- *vласать: греч. диал. βλασάτον ср. р. ‘прямая, длинная шерсть овцы’, βλασάτα проβάτα ‘овцы с прямой, длинной шерстью’, βλασάτα мн. ч. ‘овцы или другие животные, которые имеют длинный волос’ (Козани), ‘овцы’ (Фессалоники, Катерини) — из болг. *власат* ‘покрытый длинным волосом’ (Пирдопско) [Budziszewska 1991: 11–12, 92]
- *влахъ: сред.-греч. Βλάχοι наименование вост.-романских племен — из юж.-слав. *vлахъ, регулярного продолжения праслав. *volxъ. Вопреки общепринятому мнению, *влахи*, *волохи* (праслав. *volxъ) едва ли являются заимствованием герм. формы **walh-* ‘инородец, чужеземец’ (ср. англо-сакс. *wealth* ‘a foreigner, a Celt’, *wælh-reow* ‘cruel, barbarous, bloodthirsty’, *wealth-stod* ‘interpreter; medium’!), в свою очередь, якобы, адаптации кельт. этнонима *Volcae* (в Нарбонской Галлии, в окрестностях современных Тулузы и Нима!). Это тупиковое направление реконструкции: праслав. этноним для вост.-романского этноса усвоен из германских диалектов, в которых он к тому же являлся не столько этнонимом, сколько социальным термином, в свою очередь отвлеченным от локального кельтского этнонима! Скорее всего, праслав. *volxъ ‘вообще романец, говорящий на романском языке’ может являться закономерным рефлексом прототипа **volsku-*, восходящего к лат. этнониму *Volsci*, *Volscus gens* ‘оскское племя в Лации, издавна романизированное’. Т. е. этноним *влах* / *волох* исконно обозначал латинский этнос, а никакой ни кельтский. Латинский этноним мог быть усвоен еще предками славян от латинских колонистов муниципиев римской Дакии (100–270 гг. н. э.).
- **vлахъ-ерне-*: мн Βλαχέρνες Влахернский квартал Константинополя — греч. гибридное двусоставное слово, в первой части — усвоенное из юж.-слав. наименование вост.-романцев βλάχος ‘влах-пастух’, во второй — греч. ἔρνος, -εος перен. ‘дитя, потомок’, ‘отрасль, отпрыск, отросток’.
- *vльк-о-вуја: мн Βλικοβία [Мессения] — юж.-слав. словосложение с соединительным *-о-* сущ. *vлькъ ‘волк’ и сущ. *вуја ‘вой’ [Malingoudis 1981: 118], ср. серб. вн. *Вуковица*, хорв. *Vukovica*, *Wolcouize* (1347 г.).
- *voda: мн Γιάννου βόντα (Янинна) < гибридный гидроним из греч. ИС Γιάννης и слав. диал. *voda*, *voda* [Vasmer 1941: 27, 80, 180], ср. макед. вн *Водама*.
- *vodena: мн Βοδηνά (Македония) — из юж.-слав. *vodenъ ‘водянистый, водный’.
- **vog(ъ)гъ*: греч. диал. βουγγουρας ‘шмель’, βουγγούργια ‘червяки на шее коз’ (Македония, Фессалоники, Катерини), βόγγρος ‘небольшие нарывы с червячком

- в середине' (Фессалия) — из юж.-слав. **vog(ь)ръ*, ср. ст.-болг. *въгъръ* 'рана на коже скотины, оставленная укусом одним из видов овода *Oestrus bovis*', 'нарывы на коже скота', *въгърец* 'овод' < праслав. *ogръ [Budziszewska 1991: 12, 92; БЕР I, 201]
- *vojъnikъ: греч. диал. *βοϊνίκον* 'замена воинской службы денежной платой у холопов' (Эпир), рум. устар. *voinic* тж. — из болг., макед. *войник* 'солдат, боец, воин' [Budziszewska 1991: 12, 92]
- *vojъvoda: сред.-греч. *βοέβοδος* 'титул военного вождя венгерских племен' (Конст. Багрян. Об управ. имп. 38 гл.), греч. устар. *βοϊβόντας* 'капитан полицейской стражи' (Somavera 68) — из юж.-слав. *vojъvoda, позднее продублировано из болг. *войвода*.
- *vólganъ: мн *Ὀλγανος* — если это вообще юж.-слав., то предложена весьма сомнительная этимология архетипа *volganъ в связи с ст.-русск. ИС *Волганъ* 1530 г. [Глиади 2008: 122]
- *vordó, *vrodó, *vъrdó (?): мн *Вордó* (Эпир, Превеза), *Βροντόν* (Эпир), алб. *Virdu* — если это не пережиток др.-греч. диал. топонимии (именно подобный вид имели диал. формы греч. *ῥόδον* < *Φρόδον* 'роза, роза', дигамма в анлауте), то допустимо толкование из уникального юж.-слав. *vrodo ~ *vordo 'вырост', соотносительного с и.-е. гл. **uerdh-* 'расти', ср. др.-русск. *вередъ* 'рана, нарыв' [Глиади 2008: 92]. Ср., впрочем, и перс. *varda* 'роза, шиповник'. В данном случае едва ли правомерно говорить о сохранении в юж.-слав. «дометатезных» форм, вернее — о греч. и алб. порче слав. слова.
- **vordon'a*: мн *Ворδονία* (Морея, Лакония, Лакедемонский округ) — если только это не пережиток др.-греч. диал. топонимии (уж больно походит на *ῥοδωνία* < *Φροδωνία* 'розовый сад', 'розовый шпалерник', 'розовый куст'), то можно допустить и толкование как юж.-слав. производное с суф. *-on'a* от вышеупомянутого *vrodo < *vordo 'вырост' [Глиади 2008: 92]
- *voštka: греч. диал. *βόσκα* 'дерево со съедобными цветами' (Самос), *vošt'e* (костурск. XVI в.) — из болг. диал. *вошка* 'плодовое дерево' (Родопы), производного с суф. *-ька* от *vošce < праслав *obvostje 'плоды, овощи' [Budziszewska 1991: 12]
- *vozikejika: мн *Воζικέϊκα* (Юж. Мессения) — если это не тюркизм типа *бѣзикѣй*, то можно допустить позднее переоформление суф. *-ка* юж.-слав. *vozikъ [малоубедительно Глиади 2008: 49]
- *vrana: ис *Вρανῶς* — из болг. *врана* «ворона» < праслав. *vorna, ср. серб. вн *Врана*, хорв. *Vrana, Wrana* (1300 г.), настораживает просодия греч. формы.
- *vrezъ: греч. диал. *βρέζι* 'куст' (Гревена), *βρέζια* мн. ч. бот. 'тамариск, вечнозелёный кустарник или дерево' (Македония), арум. *vreaje* 'мелкие ветки', рум. *vrej* 'плеть бахчевых растений, дыни' — из болг. диал. *врез, врезе* 'плеть ползучего растения, дыни, тыквы, арбуза и т. п.' [Budziszewska 1991: 14, 92].
- *vъrbjana и *vъrbjane: мн *Βουρβιανά* (Акарнания, Этолия), *Βούρβιανη, Βούρβιανή* (Эпир, Яннина) — если перед нами не вульг. греч. образование с суф. *-ιανή, -ιανά* от *βουρβός* 'луковица', то можно предложить толкование

- из юж.-слав. **vr̥bjana*, **vr̥bjane* [неточно Vasmer 1941: 68, Іліаді 2008: 118], ближе всего к болг. диал. вариантам *вр̥бяна*, *вр̥бене*.
- *vr̥gšina*, **vr̥gšina*: мн Вρούσινα, Βουρσίνα, Βουρσίνα (Эпир, Яннина) — из болг. диал. *вр̥шина*, *вр̥шина* ‘прут, срубленная ветвь дерева’, ‘хворост’ или необычное производное от гл. *вр̥шея* ‘молотить’ [неточно Vasmer 1941: 25, Іліаді 2008: 117, 118].
- *vr̥torь*: мн Вротόπι (Эпир, Арта) — из юж.-слав. **vr̥torь*, ср. болг. диал. *вр̥тон*, *вр̥тон* ‘вир, омут’ [Vasmer 1941: 57], см. ниже
- *vr̥bica*: мн Βρῦπίτσα (Мессения) — из юж.-слав. **vr̥bica*, ср. макед. вн *Вр̥бица*, болг. вн *Вр̥бица*, серб. вн *Вр̥бица*, *Vrbica* [Іліаді 2008: 118].
- *v̥dra*: греч. диал. βύδρα ‘выдра’ (Македония, костурск., Козани, Фессалоники, Катерини, Гревена, Фракия, Эпир), алб. *vidër*, арум., рум. *vidră* — из юж.-слав. **v̥dra*, ср. болг. *видра* [Budziszewska 1991: 14, 92]
- *vutina* или **vitina*: мн Βυτίνα (Морея, Аркадия, Гортина) — если перед нами не банальный поздний латинизм *βυτίνα*, *βυτίνη* ‘глиняный сосуд для хранения масла, молока и т. п.’, то из юж.-слав. **vutina*, производного с суф. *-ina* от **vut-* < и.-е. **ūt-* (см. **vutomo*, **vutoma*) или от праслав. **vitina* [не слишком убедительно Іліаді 2008: 38–39].
- *vutomo*, **vutoma*: мн Βούταμον, Βούταμα (Лакония) — из юж.-слав. **vutomь*, *-a*, *-o*, производного с суф. *-om-* от **vut-* < и.-е. **ūt-* [неубедительно Іліаді 2008: 50]
- *vuzica* или **byzica*: мн Βυζίτσα (Фессалия, Магнесия), болг. мн *Визица* (Странджа = Румелия) — если это не переоформление слав. суф. *-ica* н.-греч. βυζί, βυζίον ‘женская грудь, сосок груди, вымя’ (ср. разнообразные производные βυζάκι, βυζάρα, βύζαρος, βυζαρού, βυζού, βυζούδι, βύζουνας, βυζούνι, форманты которых встречаются и при оформлении славянских адстратных слов), то, возможно, юж.-слав. производное с суф. суф. *-ica* от некоего корня **vuz-* (< **ūz-* ‘?’) или **byz-* ‘название дня 13 июня’, ср. болг. *бъз* ‘бузина’ [не слишком убедительно Іліаді 2008: 49]
- *v̥kolakь*: сред.-греч. βουλκόλακ ‘вампир’ (Du Cange 216, 217), βουρκόλακο ‘вурдалак’ (Цакония), ‘упырь, вельмак’ (Эпир, Румелия, Беотия), ‘мертвец, тело которого не разложилось, встает из гроба и пьёт кровь’ (Самос, Крит), βουρκόλακας, βρουκόλακας ‘вампир, ведьмак’ (Македония), ‘вампир’ (леринск., Гревена, Афины), ‘злой дух’ (леринск.), ‘душа мертвеца, который указывает-ся’ (костурск.), ‘чёртик, которым пугают детей’ (Карагуна, Патры), ‘ведьмак’ (Эпир), φύγει στον βρουκόλακα! ‘иди к чёрту!’ (Кардица), βροκόλακο ‘вампир’ (Лесбос), βрукόλακας ‘вурдалак’ (саракачанск.), алб. *vurvolak* ‘вурдалак, вампир’, арум. *vurcolac* ‘вампир, змий’, *vircolac* ‘вурдалак’, рум. *vâlcolác* — из болг. *в̥лколак*, при возможном влиянии на форму со стороны макед. *вр̥колак*, *vr̥kolak* ‘вампир’ < юж.-слав. рефлекс праслав. **v̥lkodlakь*, заимствования разного времени и из разных болгаро-макед. диалектов [Budziszewska 1991: 13, 14, 92]
- *v̥gla*, -о, -ъ: греч. диал. βούρλα ‘бешеный (о звере)’, βουρλό πρόβατο ‘овца, большая вертячкой’ (Фессалоники, Катерини, Фракия), βουρλός ‘ненормальный’ (Зап. Эпир), арум. *vîrlu* ‘вертлявый, бешеный’ — из болг. диал. *вр̥л*, *-а*, *-о* ‘острый’,

- ‘лютый, злой (о мачехе)’, ‘бешеный’, восходящего к праслав. **vьrlь*, *-a*, *-o* [Budziszewska 1991: 13, 92]
- *vьrlaka: греч. диал. βουρλάκαν ‘взбесившаяся, вертящаяся овца’ (Македония) — переоформление предыдущего
- *vьrlatъ: греч. диал. βούρλατικάν ‘бешенство’ (Фессалия) — греч. переоформление суф. *-ika-* юж.-слав. **vьrlatъ*, вокализм болгарского типа [Budziszewska 1991: 13]
- *vьrtopъ или *vьrtopъ: греч. диал. βορτόπι, βορτόπια (Яннина), βορτάλες, βουρτάλες ‘малое гладкое ровное место’ (Эпир), местность Μέγα βορτόπι ‘ущелье между двумя горами’ (Дримадес, Яннина), рум. *vîrtop*, *hîrtop* ‘дыра, углубление, промытое водой’ — из болг. *въртом* ‘вир, углубление’, ‘горная теснина’.
- *vьtamo, *vьtama: мн Βούταμον, Βούταμα (Лакония) [неубедительно Iliadi 2008: 50]
- *vьxъ из *vqxъ: греч. диал. βόχα ‘спёртый запах непроветриваемой комнаты’ (Фессалоники, Катерини, Гревена), ‘смад в помещении’ (Фракия), ‘вонь на скотном дворе, в овчарне’ (Фессалия, Беотия), μλόχα — тж. (Румелия, Македония, Зап. Эпир) — из болг. *въх* ‘запах’, восходящего к праслав. **vqxъ* [Budziszewska 1991: 13–14, 92]
- *vьjuró или *vьrúg: мн Βυρόν (Иония) — скорее из юж.-слав. **vьjuro*, производного с суф. *-ur-* от гл. *viti*, *vьjъ* ‘вить(ся)’, нежели сродни этимологически неясному русск. диал. *вырь*, *бырь* ‘водоворот’ (кашинск.) [Vasmer³ I, 370], см также **virъ*.
- *vьrbica: мн Βερβίτσα (Акарнания, Этолия) — из юж.-слав. **vьrbica* [Vasmer 1941: 66, 67–68, 68–69]
- *vьrdica: мн Βερδίτσα (Акарнания, Этолия), *Berdiza* (Скадар XV в.) — из юж.-слав. **vьrdica* ‘?’ [неубедительно Vasmer 1941, Iliadi 2008]
- *vьrgovica: мн Βεργουβίτσα (Морея, Элида, Калавратский окр.), Βεργοβίτσα (Ахея) — юж.-слав. производное с суф. *-ica* от **vьrgova*, **vьrgъ* (см), редукция предударного болг. типа, никакой дOMETATEЗНОЙ стадии нет [ошибочно Iliadi 2008: 44–45, 132]
- *vьrgъ: мн Βέργος (Янинна, Эпир) — из праслав. **vьrgъ* [ЭССЯ 2: 167] с неправильными фонетическими выводами о дOMETATEЗНОЙ стадии праслав. **bergъ* ‘берег’ [Vasmer 1941: 23; см. ЭССЯ 1: 191–192]
- *vьgzany: мн Βερζιανή (Серрес) < если перед нами не вульг.-греч. образование с суф. *-ιανή*, то можно предложить толкование из юж.-слав. **vьrzaná*, аналога болг. *вързана* ‘связанная, завязанная’ (?) [неубедительно Vasmer 1941: 214]
- *vьrziťji: сред.-греч. этноним Βερζίται, Βερζήται (Албания, озера и долина Чёрного Дрина) (СДПИОС II, 124, 193) — юж.-слав. производное с суф. *-itji* от **vьrza*.
- *vьseslovo: мн Σέσλοβον (Македония, Халкидики, Салоники) — возможный вариант реконструкции юж.-слав. архетипа [Iliadi 2008: 113]
- *vьtьlica(?): мн Βετολίστα — из юж.-слав. производного с суф. *-ica* от **vьtьla* [не слишком убедительно Iliadi 2008: 122]
- *vьtьlište: мн Βετολίστα (Эллада, Этолия, Лепантыйск. окр.), макед. мн *Витолуште* < производное с суф. *-isko* /*-išče* от праслав. **vьtьla* ‘ветла’, если перед нами

- не греко-латинский гибрид, ср. греч. суф. -ιστος, -ιστη, -ιστον и лат. *bētula* ‘берёза’ [вопреки Іліаді 2008: 42]
- *vьtьlь или *betula: мн Βετούλι (Фокида) — из юж.-слав. *vьtьla ‘ветла’, если перед нами не лат. *bētula* ‘берёза’ [неубедительно Іліаді 2008: 92]
- *zábuty: мн Ζάμπουτη (Эпир, янинск. окр.) — из юж.-слав. приставочного производного *za-buta, соотносительного с гл. *za-butiti*, ср. болг. *забутам* ‘запихать, засунуть’, ‘затолкать’, словен. *bútiti* ‘сильно ударять’, русск. *бут* ‘мелкий камень, щебень, идущий на заполнение пустот стен и строительство полотна шоссе с сейной дороги’ [неубедительно Іліаді 2008: 56–57, 123]
- *záděľь: мн Ζάδελος — из юж.-слав. *za-děľь или позднее именное производное от серб. гл. *zadeľati*, *-ľem* ‘заострить’ [Malingoudis 1981: 32, 122]
- *zadúxavъ: греч. диал. ζαδούχαβος ‘больной, хворый, тот, кто любит оставаться у очага, в тепле’ (костурск.), ‘слабый, хворый’ (Яннина) — регулярное болг. прилаг. на *-av-* от *задух* [не разделяя форм Budziszewska 1991: 20, 93], см. след.
- *zadúxъ: греч. диал. ζαδούχας ‘больной, хворый, тот, кто любит оставаться у очага, в тепле’ (костурск.), арум. *zaduh* ‘спёртый воздух, духота’, рум. *zăduf* тж. — из болг. *задух* ‘одышка, удушье’, ‘астма’ [Budziszewska 1991: 20, 93], настораживает греч. просодия.
- *zagóra, *zagóгъje: мн Ζαγόριον (Эпир, Загорион), Ζαγόρα, Ζαγόρια (Фракия) — из юж.-слав. приставочно-суффиксального образования *za-gor-a, *za-gor-ъje ‘местность, расположенная за горой’.
- *zaxlъma: гидроним Ζαχλοῦμα — р. Неретва, верхнее течение (DAI). На северо-востоке горная цепь отделяла архонтию захлумов от Сербии. Отсюда и происходит название «за холмом» — из юж.-слав. *Za-xlъm-a, рефлекса приставочно-суффиксального производного от праслав. *xъlмъ. См. Хлум
- *zaxlъmъ: этноним Ζαχλοῦμοι — племя жупы Захлумие (DAI) — из юж.-слав. производного этнонима от *Za-xlъm-a /-ъje см. пред. и след.
- *zaxlъmъje: хороним Ζαχλουμία — архонтия захлумов простиралась на побережье от Дубровника до р. Неретвы, верхнее течение которой было, вероятно, северной ее границей (DAI). Т. о., Захлумия занимала ю.-в. часть современной Герцеговины, примыкая в этом направлении к Тарвунии (на побережье от г. Стон до сред. теч. Неретвы граничила с Паганией), а на северо-востоке горная цепь отделяла архонтию захлумов от Сербии. Отсюда и происходит название «за холмом» — из юж.-слав. *Za-xlъm-ъje, рефлекса приставочно-суффиксального производного от праслав. *xъlмъ. См. Хлум
- *zajъmy: мн Ζαίμι (Эллада, Эввия), Ζαίμη (Морея, Аркадия, Мегалополюск. окр.) — из юж.-слав. *zajъmъ, *zajъma ‘заимка, хутор’ [Іліаді 2008: 56, 123]
- *zákopъ, *zákoni: сред.-греч. ζάκανον ‘право, обычай’ (Porph. Soph. 554), греч. диал. ζακόνι ‘обычай’ (костурск., леринск., Гревена, Фракия, Эпир, Лесбос, Румелия), ‘обычное право’ (Фессалия), ‘право’ (Лесбос), ‘уложение, устав’ (Румелия), ‘профессия, специальность’ (Козани, Лариса, Пелопоннес, Корсика), ζακόν ‘обычай, привычка’ (Македония), ‘обычай, манер’ (сракачанск.), καθέ χωρίο καὶ ζακόνη, καθέ μαχαλάς καὶ τάξι — в каждой местности свой обычай,

- в каждом квартале — свой собственный лад (Лариса, Гревена, Фракия, Ламия), алб. *zakon* ‘обычай’, арум. *zǎcon* ‘право’, *zǎcone* мн. ч. ‘обычай’ — из болг. диал. *закон, закон* ‘обычай’, ‘право’, ‘правило, регламент’ < юж.-слав. приставочное *zakonь [Budziszewska 1991: 20, 93]
- *zalóga: греч. диал. ζαλόκα ‘хворост, переносимый на плечах’ (костурск.), рум. *zalog* ‘преграда; залог, заклад имущества’ — из болг. *залог* ‘заклад, обеспечение займа’, диал. *залога* ‘одна охапка, один укус’ (Странджа), *залог* ‘последняя деревяшка, которую кладут в огонь, чтобы поддержать огонь’ (Родопы) [Budziszewska 1991: 20]
- *zálogъ: греч. простореч. ζάλογγο ‘лес’, ζάλογγα мн. ч. ‘густой лес’ (Эпир), мн *Záλογγον* (Эпир), *Ζαλόγγο* (Месолунгион) — из юж.-слав. *zalogъ ‘лука, пространство, покрытое растительностью’ [Budziszewska 1991: 20, 93]
- *zaltínova ~ *zlatinova: мн Σαλτίνοβα, Σολτίνοβα — из юж.-слав. производного с суф. -ова от ис болгарского вида *Златина* ср., едва ли правомерно говорить о «дометатезной стадии», скорее просто греч. порча [Vasmer 1941: 287–289]
- *zapóza: греч. диал. ζανόζα ‘предохранительная палочка, которая притормаживает утók во время ткания’ (Македония) — из юж.-слав. *zanoza ‘часть ткацкого станка’ [неточно реконструирует Budziszewska 1991: 20, 93]
- *zariti: греч. диал. ζαρίζει форма 3 л. ед. ч. наст. вр. ‘светит в ночи (рабочее освещение)’ (леринск.), ‘глядит в ночи’ (Козани), ‘светает’ (Лариса, Трикала), ζαρίζει ó ή λιος καί τσιντιρίζει ‘солнце светит и греет’ (Эпир), ζαρίζου ‘выглядывать через щель’ — из юж.-слав. **o(b)zariti*, ср. макед. *озару* ‘озарить, осветлить’, болг. *озаря* ‘озарить, ярко осветить, залить светом’ [Budziszewska 1991: 21, 41; ЭССЯ 31: 175–176]
- *zastana < *zastanoti: греч. диал. ζαστανώνω ‘загнать, затравить зверя (о гончих псах)’, ‘поставить в твёрдое положение’ — из болг. *застана* сврш. ‘стать, подняться на ноги’, ‘вытянуться перед кем-л.’, ‘остановиться, застояться’ < юж.-слав. *zastanoti [неточная реконструкция Budziszewska 1991: 21, 93]
- *zastanъ: ороним Ζάστανη ‘высокое нагорье в Аттике’ (Аттика), греч. диал. Ζαστάνη — часто в названиях ущелий (Эпир), алб. *zastan, zestan* ‘крутизна, обрыв’ — если это не турецк. иранизм *zestan*, то возможно толкование из юж.-слав. *zastanъ, см. предыдущее [неточная реконструкция Budziszewska 1991: 21, 93]
- *zavica: мн Ζάβιτσα, Ζάιτσα — малоубедительное толкование в связи с польск. ойконимом *Zawiciec* [Іліаді 2008]. См. жаба, жабица.
- **zavlěk(ati)*: греч. диал. ζαβλακώνω ‘угнетать, подчинять своей воле’, ‘оглуплять, одурять, отуплять’ (Македония), ‘терять сознание’ (Яннина) — из болг. *завлека* ‘завлечь, начать волочить’, ‘затащить, затянуть’, ‘применять силу’, ‘унести’ [неточно Budziszewska 1991: 19, 93]
- *zavlěкъ: греч. диал. ζαβλιάκος ‘большой осьминог, которого море выбросило мёртвым на берег’ (Эпир), мн *Ζαβλιάκος* (Эпир) — из болг. отглагол. имени сущ. по гл. *завлека* ‘завлечь’, ‘затащить, затянуть’, ‘унести (водой)’, продолжения юж.-слав. *zavlěкъ, восходящего к праслав. *zavelkъ, *zavolkъ [неточно реконструирует Budziszewska 1991: 19, 93]

- *zavogъ: алб. диал. *zavor* ‘запор’, рум. *zavor* ‘засов, ригель’ — из болг. устар. *zavor* ‘запор в двери’ [не отделив формы Budziszewska 1991: 20]
- *zavogъse или *zavogъсь: греч. диал. ζαβόρτσα ‘калитка, сплетенная из веток, для закрытия входа в ограду для овец в горах’ (Македония), ‘калитка’ (Гревена, Сетомата) — из юж.-слав. *zavorъсь, производного с суф. -*сь* от *zavorъ [неточно Budziszewska 1991: 19, 93]
- *zelenъ: ζελενιά ‘вечнозеленое дерево’, ‘дерево, подобное грабу’ (костурск.), ‘подобное сливы’ (Эпир) — греч. переоформление на -*ia* юж.-слав. *zelenъ, ср. ст.-болг. *зелень* ‘незрелый виноград’, болг. и макед. *зеленика* — названия разных вечнозеленых растений, лавровишни, буксосо [неточно Budziszewska 1991: 21, 93]
- *zemjanъ(jъ): мн Ζεμιανή (Фессалия, Фтиотида) — если перед нами не вульг. греч. производное с суф. -*ιανη* от ζημία ‘ущерб, убыток, урон, потеря, вред, повреждение, порча’, то можно предложить толкование из юж.-слав. *zemjane, регулярного производного имени обитателей по месту жительства с суф. -*jane* от сущ. *zemja, см. след. неточно толкуют [Vasmer 1941: 62, 105, 295; Іліаді 2008: 112]
- *zeml’a: мн Ζέμελια (Эпир, Превеза) — из юж.-слав. **zeml’a*, диал. рефлекса праслав. *zemja, следует указать на явную греч. фонетическую адаптацию [Vasmer 1941: 62, 105, 295; Іліаді 2008: 112]
- *zigovište или *jъgovišče: греч. мн Ζυγοβίστι, Ζυγοβίστιον, Ζυγοβίστι — очень гармоничный греко-слав. гибрид, осознанная полукалька (греч. ζυγό, ζυγόν, ζυγός ‘иго, ярмо’, ‘горный хребет’) праслав. диал. *jъgovišče, видимо со знач. лат. *jugerum* ‘мера земельной площади в 2519 м²’, ср. аналогичные топонимические древности Северного Причерноморья: Ζυγέρη = *Zygere* [Plin.] ‘упряжка быков’ (?) — один из городков скифов-пахарей между Бугом и Днестром; Ζυγός ‘гребень горы, хребет’ возможно из сред.-греч. ὁ ζυγός ‘гребень горы, хребет’ — ныне мыс *Зюк* [неверное толкование Іліаді 2008: 43]
- *zituni: мн Ζητούνι, Ζητούνιω (Фессалия) — если перед нами не вульг. греч. образование с суф. -*ουνι* от гл. ζητῶ ‘искать, разыскивать’, ‘просить, спрашивать’, ‘быть нищим попрошайкой’, то можно толковать как некое юж.-слав. суф. производное *Zytuni [неубедительно Іліаді 2008: 58, 123]
- *zorista(ja): мн Ζόριστα (Эпир, Янинск. округ) — скорее всего, юж.-слав. производное с суф. -*ist-* от **zor’a*, см. **o(b)zariti*.
- *zqbrъ: сред.-греч. ζόμβρος ‘фантастичное животное козёл-олень’, άγρια ζούμπαρα ‘дикие звери’ (Наксос), ζούμπτερα ‘звери’ (Эвбея), ζούμπτερο ‘любое мелкое животное, к примеру, мышь’ (южная Греция), ‘дикие звери, к примеру, лиса, кот’ (Икария) — из южно-слав. *zqbrъ, ст.-болг. зоубръ [Budziszewska 1991: 23, 93]. Праслав. *zqbrъ не представляется ясным в этимологическом смысле. Скорее всего, это производное с суф. -*ръ* (ср. *хутръ, *bystrъ, *pъstrъ) от корня **zqb-*, по мнению одних, тождественного праслав. *zqбъ ‘зуб’, по мнению других — иного происхождения (др.-инд. *jabh-* / *jambh-* ‘opening the jaws wide, snapping at; широко открывать пасть’). Я бы обратил внимание этимологов на палеобалканские данные: прежде всего, фрак. глоссу ζόμβρος ‘бизон’ и фрак. ИС Ζόβρα,

Zubra, и скиф. ИС *Zoβη, Zoβεις* (Ольвия, Пантикапей). Этимомом этого корня предлагалось видеть и.-е. корень **gheubh-* / **ghubh-* ‘сгибать(ся), изгибать(ся), гнуть(ся)’. Если предположить, что перед нами инодиалектная рефлексия и.-е. корня (**zeub-*, назализация вторична, факультативна, ареально ограничена), то заимствование в праславянском имело значение ‘рогатый, с витыми, изогнутыми рогами’. Что выглядит предпочтительным по сравнению с предлагавшейся первичной семантикой ‘зубастый зверь’. Наконец, никто не обратил внимания на возможность звукоподражательной природы наименования зубра. В основе может быть корень, соответствующий др.-инд. *hum-* ‘трубный звук, издаваемый слонем, громкое мычание быка’ [Monier-Williams 1301]. В последнем случае, при словообразовании посредством суф. *-rъ* появился паразитический согласный *-b-* между ним и корнем **zum-* / **zoum-* / **zom-*.

- *zylě-ustъje: мн Ζηλεούστη (Эпир, Арта) — из юж.-слав. двусоставного **zylě-ustъje*, первая часть которого, видимо, является гидронимом *Зьла* (?) типа ст.-болг. **ЗЪЛАЪ, ЗЪЛА, ЗЪЛАЕ-** в словосложениях; сопоставляли и с польск. мн *Zelgoszcz* [не слишком убедительно Іліаді 2008: 58, 123]
- *zъpnovica: мн Ζερνοβίτσα (Драма) — юж.-слав. производное с суф. *-ov-ica* от праслав. **zъrno* [Budziszewska 1991: 21]
- *zъrno: греч. ζέρνα бот. ‘cyboria округлая Cyperus’, рум. *zîrnă* ‘пшанка Solanum nigrum’ — из праслав. **zъrno* и его болг. диал. производных *птиче зърно* бот. Solanum nigrum’ [Budziszewska 1991: 21, 93]
- *zъгъсь: мн Ζερέτσι (Эпир, Авлона, Преметский округ), Ζερέτσι (Эпир, Арта) — не ясно, из юж.-слав. **zъгъсь*? [неубедительно Іліаді 2008: 57–58, 123] или отражение ст.-болг. *жъръць* [СтБР I, 506]?
- *žaba: сред.-греч. ζάμπα ‘жаба’ (Du Cange), греч. диал. ζ’άβα ‘большая жаба’ (костурск., Козани, Гревена), ‘жаба’ (Фессалия, Пиндос, Погони), ζ’άβα (Эпир), *džaba* (Трапезунд), ζ’άμπα (Македония), н.-греч. ζ’άμπα ‘жаба’, алб. *zabe*, мегл.-рум. *jaba* ‘жаба’ — из болг., макед. *жаба* [Budziszewska 1991: 21–22, 93]
- *žabica или *žabište: мн Ζάβιτσα (Акарнания, воник.), ороним Ζάβιτσα (Аркадия) — из болг. *жабица* или *жабище*, восходящие к юж.-слав. рефлекса праслав. < **žabišče* [Budziszewska 1991: 21–22, 93; неубедительно Іліаді 2008: 87–88, 123]
- *žabl’ákъ: греч. диал. ζαμπλάκια бот. ‘калужница *Caltha palustris*’ (Эпир), ζαμπλακιά ‘вид болезни’ (Фессалоники), ‘болезнь обжорства’ (Кардица) — из юж.-слав. **žabl’akъ* (< **žabjakъ*) с позднейшими греч. переоформлением и переосмыслением, ср. болг. диал. *жабяк* бот. *verbena*, *жабешко цвете* бот. ‘калужница’, река *Жабляк* (Ловешко) [с необоснованным разделением форм Budziszewska 1991: 20–21, 93]
- *žabo-xeλο-: греч. диал. ζαμπόχελο ‘маленький морской угорь’ (Эпир) — гибридное словообразование из юж.-слав. **žabo-* и греч. χέλι ‘угорь’ [Budziszewska 1991: 21]
- *žabъn’ákъ: греч. диал. ζιαμνάκ ‘болотце, в котором жабы обычно откладывают икру’ (Македония), ζ’αβνάκ ‘зелёная ряска, которая образуется на поверхности стоячей воды’ (костурск.), ζ’ιαμνάκια мн. ч. ‘зелёные водоросли на стоячей воде

- и на камнях' (Фракия), ζαμπνόκια 'вид водорослей и ряска на воде' (Лемна), мегл.-рум. *jibinac* 'водная ряска' — из макед. диал. *жабняк* 'икра жабы', болг. *жабуняк* 'водная ряска', 'калужница', 'стоячая вода, покрытая водорослями' [Budziszewska 1991: 22, 93], ср. словен. вн *Žabnica, Žabņica*.
- *žalb: греч. диал. ζάλη 'жаль' (Эпир) — из макед., болг. *жал* ж. р. 'жаль, жалость, грусть, тоска' [Budziszewska 1991: 20, 93]
- *žaravína: мн *Zaravína* (Эпир, Янинский окр.) — скорее всего, производное с суф. *-ína* от болг. *жарава* 'жар, раскалённые уголья', ср. цельнолексемное болг. *жаравина* 'жаркое место, солнцепёк' [BER 1: 524] излишни гипотетические сопоставления [Ліаді 2008: 29], в том числе с русск. диал. *жаравина* 'журавлиная' (олонецк., псковск., вологодск., архангельск., ярославск., смоленск.: СРНГ 9: 72, 129)
- *žarg и *žaga: греч. диал. ζιάρ 'пылающие угли, горящая зола' (Македония), ζιάρ 'жар' (леринск.), ζιára (костурск., Серрес, Фракия, Кардица, Пинд), ζιára (Ревена, Лариса), ζιári 'раскалённые древесные угли' (Александрополис), ζιáρος 'избыток тепла' (арабан.), алб. *zar* 'жара, зной', 'раскалённые угли', арум., рум. *jar* 'жар' — из макед., болг. *жар* 'пылающий уголь', 'жар, зной', диал. *жара* 'жар от огня' (Банат) — из юж.-слав. *žargь, *žara [Budziszewska 1991: 22, 93], ср. макед. вн *Жарница*.
- *želǵostjь: мн в Греции Ζηλεούστη — притяжательная форма ИС *Желѣгость*, праслав. *želǵostь [Rospond 1984: 154; HW 445; Vasmer 1941b: 39; Заимов 1973: 108; Górniewicz 1985b: 167–168; Васильев 2012: 164]
- *želixovo, -a: мн *Zelíxovon* (Акарнания, Этолия), *Zelíxova* (1309 г.), *Zelíxóβη* (1326 г.), *Zelíáxova* (1345 г.) (Македония, Серрес) — юж.-слав. производное с суф. *-ov-* от имени собственного *Želixъ*, ср. чеш. *Želichov*, польск. *Żelichów* [Vasmer 1941: 217, удачнее Ліаді 2008: 123]
- *želoxovište: мн *Zeloxóβιστα* (Эпир, Янина, 1319 г.) — юж.-слав. производное с суф. *-ište* от *želixovъ, *-o*, *-a* толкуется не столь однозначно, как предыдущее [Ліаді 2008: 123]
- **ž(e)rěljьe*: греч. диал. ζιρέλι 'ожерелье', 'местность, поросшая очеретом', мн *Zeréli* (Эпир, Превеза), *Ziréli* (Север. Греция), *Ziréliα* (Эвритания, Фокида) — греч. фонетическая адаптация юж.-слав. *žrěljьe, сродни русск. *ожерелье* [Vasmer 1941: 63, 82, 116; Ліаді 2008: 114]
- *žudavъ: греч. диал. ζιούνταβου 'невесёлое, понурое (о новорожденном животном, козлёнке)' (Македония) — из макед. *жудав* 'слабый (о зерне), неплодородный (о земле)' или из болг. диал. производного от болг. гл. *жудя* 'не спать, мучиться' [Budziszewska 1991: 22, 93]
- *žulavъ ~ *žilavъ: греч. диал. ζούλιαβος 'перезрелый плод' — из болг. *жилав* 'гибкий, упругий', 'липкий, вязкий', 'выносливый, стойкий' [Budziszewska 1991: 22], лабиализация шипящего по юж.-болг. типа *шипка* = *шупка*, *живее* = *жуве*
- *žuliti: греч. диал. ζουλιζω, ζουλώ 'сжимать, сдавливать; обнимать; стискивать, гнесть, угнетать (о плодах, вареве)', арум. *julesc* 'соскабливать' — из макед. *жули* 'натискивать', болг. *жуля* 'сбивать плоды с деревьев прутом или камнями', 'бить, колотить', 'трясти' [Budziszewska 1991: 23, 93]

- *žulo, -a: греч. диал. ζούλο ‘мягкая грушка’ (Гревена, Кардица), ζούλα мн. ч. ‘перезрелый плод’ (костурск., Фессалоники, Катерини), ζούλια мн. ч. (Кардица), ζιούλα мн. ч. ‘перезрелый плод, яблоко, груши’ (Македония), ‘быстро созревший плод шелковицы, смоквы’ (Александрополис), ‘мягкие плоды’ (Кардица, Зап. Эпир, Пинд), арум. *jul’iu* ‘прозрачный (о груше)’ — из болг. диал. *жуло*, однокоренное прилаг. *жулав*, см. [неверно реконструирует Budziszewska 1991: 22, 93]
- *župa: греч. диал. *župa* ‘кожура съедобного каштана’, также в составе топонима *Župaхoria* (Македония) — из болг. диал. *жуна* ‘стручки зелёных бобов, гороха’, ‘кожура зелёных орехов’ [БЕР 1: 559; Budziszewska 1991: 23, 93]
- *župarъ: сред.-греч. ζουράνος ‘раннефеодальный знатный правитель области’ (DAI), ст.-рум. ζοαράν — из юж.-слав. иранизма **f̥su-pan-* ‘пастырь овец’
- *župarъje: сред.-греч. ζουπανία ‘одна из 11 административных областей Хорватии’ [DAI] — из юж.-слав. *župarъje (?)
- *žužjolo: греч. диал. ζούζουλον ‘жук’ (Фракия), ‘мелкий зверёк’ (Эпир), ζούζουла мн. ч. ‘оводы’ (леринск. окр.), ‘муравьи’ (Гревена), ‘мелкие дикие зверушки, мыши’ (Килькис, Румелия), ‘божьи коровки’ (Кардицы), ‘мелкие докучливые оводы’, ‘духи, дьяволы’ (Фракия, Пинд), *žužel* (костурск.), м. б. сюда же ζουζούνι ‘многоножка’ (Амальяс, Пелопоннес; греч. суф. переоформление), арум. *jujul* ‘звери, твари’ — из юж.-слав. *žužjolo < праслав. *žuželъ [Budziszewska 1991: 23, 93], ср. макед. вн *Жужеля*.
- *žužjolъka < *zuzelъka: греч. диал. ζουζουλκά ‘дикие звери, волк, лис, шакал’, ‘невидимка’ (Македония), ζουζουλικό ‘подлый, грязный, нечистый’, ‘ведьма, привидение’ (Эпир), алб. *žužinkë* ‘жук’ — юж.-слав. производное с суф. -*ьka* от *žužjolo, *žužjolvъ [Budziszewska 1991: 23], ср. макед. вн *Жужелица*, серб. вн *Жужалица* [Ліади 2008: 330]
- *žьgupa: греч. диал. ζέγουνα бот. ‘молочай обыкновенный *Sonchus oleraceus*’ (Керкира, Пиерия), ‘молочай кольчатый *Sonchus asper*’ (Керкира), ζέγουνα ‘некое растение’ (Эпир), ζέγουνας, σεγκός ‘*Sonchus asper*’ (о-в Скирос) — из юж.-слав. *žьgupa, *žьgupъ [Budziszewska 1991: 21, 93]

В этой публикации материалов к этимологическому словарю славянских языков реликтов Греции вновь отчетливо заметны три слав. источника заимствований в греческие диалекты: болгаро-македонская диалектная группа, сербская диалектная группа и древняя южнославянская диалектная группа.

Характерной особенностью юж.-слав. диалекта греческого ареала является рефлекс этимологического **tj-* в виде **č-*, что отличает его от болгаро-македонской диалектной группы, в которой **tj-* отражается в виде **št-*. При этом, именно такой юж.-слав. рефлекс представлен в старых заимствованиях болгарского и македонского языков из славянского субстрата: болг. диал. *кращун* < *kratjun, *чубрица* < *tjumbra, болг. *циглари* серб. *цигланѝ* < **igl’anī*, два последних примера — балканские латинизмы *thymbra*, *tēgula*.

Другая примечательная особенность древнего юж.-слав. диалекта — отражение праслав. *e по «северному типу»: юж.-слав. *žužjolo *žužjolъka ~ праслав. *žuželo, ср. *šjopotъ ~ *šepotъ. По «северному» типу огласованы и заимствования типа *sālōma.

Литература

Babik, Zbigniew. Najstarsza warstwa nazewnictwa na ziemiach polskich w granicach wczesnośredniowiecznej słowiańszczyzny. Kraków, 2001.

Budziszewska, Wanda. Zapożyczenia słowiańskie w dialektach nowogreckich. Warszawa, SOW & OP, 1991 [Prace Slawistyczne 94].

Detschew D. Die Thrakischen Sprachreste 2 Auflage mit Bibliographie 1955–1974. Von Živka Velkova. Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1976.

Holder A. Altceltischer Sprachschatz. T. I–II. Graz, 1961–1962.

Malingoudis Ph. Studien zu den slavischen Orstnamen Griechenlands, I. Slavische Flurnamen aus der messenischen Mani / Ph. Malingoudis. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1981.

Malingoudis Ph. Zur slavischen Mikrohydronymie der S.W. Peloponnes / Ph. Malingoudis // Geografia nazewnictwa; materiały z VII konf. Komisji Onomastyki Słowiańskiej przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów i II posiedzenia Komisji Onomastycznej Komitetu Językoznawstwa PAN (Mogilany, 23–25 IX 1980 r.) Pod red. K. Rymuta. Wrocław etc.: Wyd-wo Pan, 1983, pp. 71–82.

Mayer, Anton. Die Sprache der alten Illyrier. Bd I–II. Wien, 1957–1959.

Mülenbach–Endzelins = *K. Mülenbach.* Latviešu valodas vārdnīca, red. J. Endzelins. Rīgā, 1923 и след.

Skok = *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Bd. I–IV. Zagreb, 1971–1974.

SP — Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław etc., 1974–2003–. T. 1–8–.

Vasmer M. Beiträge zur slavischen Altertumskunde. XIV. Germanisches und Ungermanisches bei den Südslaven / M. Vasmer // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1936. Bd XIII, pp. 329–337.

Vasmer M. Die Slaven in Griechenland / M. Vasmer. Berlin: VAW, 1941.

Берберова-Колева, Денка. Речник на диалектни и турски думи // Веднъж българско да стане. Исторически роман. Второ допълнено издание. Сливен, ИК «Жажда», 2001. 656 с. илл. С. 627–634.

Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. Ретроспективная формальная характеристика. М.: Наука, 1969.

Геровъ Н. Рѣчникъ на българскій языкъ, I–V. Пловдив, 1895–1904.

Дринов М. С. Заселение Балканского полуострова славянами. М., 1873.

Ліаді О. І. Словянські мовні релікти в топонімії Балкан: Монографія. — К.; Кіровоград: «Код», 2008.

Конески Б. Историска фонологија на македонскиот јазик. Скопје: Макед. Академија на науките и уметностите, 2001. 130 с.

Макушев В. Исторические разыскания о славянах в Албании в Средние века. Варшава, 1871.

Поп-Аянов, Георги. Етнографски бележки. а. Говоръ // Георги п. Аянов. Малко Търново и неговата покрайнина. Бургасъ, 1939. С. 105–112.

Селищев А. М. Славянское население в Албания. Фототипно издание, София, 1981.

Славянское языкознание / А. М. Селищев. М.: Учпедгиз, 1941. Т. 1: Западно-славянские языки.

Старославянский язык / А. М. Селищев. М.: Учпедгиз, 1952. Ч. II. Тексты. Словарь. Очерк морфологии.

Топоров В. Н. Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент **mir-*) // Исследования по этимологии и семантике. М.: Языки славян. культуры, 2006. Т. 2, кн. 2.

Трубачев О. Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси / О. Н. Трубачев. 3-е изд., доп. М.: Наука, 2005.

Чукалов С. К. Болгарско-русский словарь. Изд. 2. София, Изд-во на БАН, 1957.

Шапошников А. К. Материалы к этимологическому словарю славянских языковых древностей Греции. // Общеславянский лингвистический атлас. 2009–2011: Сб. научных трудов. — М., 2011. С. 210–223.

Шапошников А. К. Материалы к этимологическому словарю славянских древностей Греции II // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 8. — М., 2016. С. 175–191.

Шапошников А. К. Речник на коктебелския говор. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009.

Шапошников А. К. Сарматские и туранские языковые реликты Северного Причерноморья // Этимология 2003–2005. Отв. ред. Ж. Ж. Варбот. М.: Наука, 2007. С. 255–322.

Alexandr Shaposhnikov

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

possidima@gmail.com

MATERIALS FOR THE ETYMOLOGICAL DICTIONARY OF SLAVIC ANTIQUITIES OF GREECE III

The article continues the etymology review of the Slavic language relics of the Greek language area. The Slavic language relics of all kinds (including place & proper names and appellatives) are described in alphabetic order for letters U–Ž (136 entries). The author specifies reconstructed archetypes, examines the offered etymological interpretations and chooses the most authentic treatments, sometimes offering alternative decisions.

Key words: etymology, place name, river name proper name, gloss, term, appellative, borrowings, reconstruction, archetype.

References

Babik Z. *Najstarsza warstwa nazewnicza na ziemiach polskich w granicach wczesnośredniowiecznej słowiańszczyzny*. Kraków, 2001. [In Polish].

Berberova-Koleva D. Rechnik na dialektni i turski dumi. *Vednāzh bālgarsko da stane. Istoricheski roman. Vtoro dopālneno izdanie*. Sliven, IK «Zhazhda», 2001. 656 p. ill., pp. 627–634. [In Bulgarian].

Budziszewska W. *Zapozyczenia slowianskie w dialektach nowogreckich*. Warszawa, SOW & OP, 1991 [Prace Slawistyczne 94]. [In Polish].

Chukalov S. K. *Bolgarsko-russkiy slovar'*. Izd. 2. Sophia, Izd-vo na BAN, 1957. [In Bulgarian].

Detschew D. *Die Thrakischen Sprachreste 2 Auflage mit Bibliographie 1955–1974. Von Živka Velkova. Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*. Wien, 1976. [In German].

Drinov M. S. *Zaselenie Balkanskogo poluoostrova slav'anami*. M., 1873 [in Russian].

Gerov N. *Rechnik na bālgarskiy yazyk, I–V*. Plovdiv, 1895–1904. [In Bulgarian].

Holder A. *Altceltischer Sprachschatz [Old-Celtic Lexicon]. T. I–II*. Graz, 1961–1962. [In German].

Iliadi O. I. *Slovyans'ki movni relikty v toponimii Balkan: Monographia*. Kyiv; Kirovograd: «Kod», 2008. [In Ukrainian].

Koneski B. *Istoriska phonologia na makedonskiot yazyk*. Skopje: Maked. Akademia na naukite i umetnostite. 2001. [In Macedonian].

Makushev V. *Istoricheskie razyskaniya o slavyanakh v Albanii v Srednie veka*. Varshava, 1871. [In Russian].

Malingoudis Ph. *Studien zu den slavischen Orstnamen Griechenlands, I. Slavische Flurnamen aus der messenischen Mani*. Ph. Malingoudis. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1981. [In German].

Malingoudis Ph. Zur slavischen Mikrohydronymie der S. W. Peloponnes. Ph. Malingoudis. *Geografia nazewnicza; materialy z VII konf. Komisji Onomastyki Slowianskiej przy Miedzynarodowym Komitecie Slawistow i II posiedzenia Komisji Onomastycznej Komitetu Jezykoznawstwa PAN (Mogilany, 23–25 IX 1980 r.)*. Ed. K. Rymuta. Wrocław etc. Wyd-wo Pan, 1983, pp. 71–82. [In German].

Mayer A. *Die Sprache der alten Illyrier. Bd I–II*. Wien, 1957–1959. [In German].

Mūlenbach–Endzelīns = K. Mūlenbach. *Latviešu valodas vārdnīca*, red. J. Endzelīns. Rīgā, 1923 seq. [In German].

Pop Ayanov G. Ethnographski belezhki. a. Govor. *Malko Tārnovo i negovata pokraynina. Burgas*, 1939, pp. 105–112. [In Bulgarian].

Selishchev A. M. *Slavyanskoye naselenie v Albanii. Phototypno izdanie*. Sophia, 1981. [In Russian].

Shaposhnikov A. K. Materialy k etymologicheskomu slovaryu slavyanskikh yazykovykh drevnostey Grecii. *Obshcheslavyanskiy lingvisticheckiy atlas. 2009–2011: Sb. nauchnykh trudov*. M., 2011, pp. 210–223. [In Russian].

Shaposhnikov A. K. *Rechnik na koktebelskiya govor*. Sympheropol: Business-Inform, 2009. [In Bulgarian].

Shaposhnikov A. K. Sarmatskie i turanske yazykovyye relikty Severnogo Prichernomorja. *Etymologia 2003–2005*. Ed. Zh. Zh. Varbot. M.: Nauka, 2007, pp. 255–322. [In Russian].

Skok = Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Bd. I–IV*. Zagreb, 1971–1974. [In Serbo-Croatian].

Slavyanskoe yazykoznanie. T. 1. Zapadnoslavyanskije yazyki. Ed. A. M. Selishchev. M.: Uchpedgiz, 1941. [In Russian].

SP — *Słownik prasłowiański*. Ed. F. Sławski. Wrocław etc., 1974–2003–. T. 1–8–. [In Polish].

Staroslavyanskiy yazyk. Ch. II. Texty. Slovar'. Oчерk morfologii. Ed. A. M. Selishchev. M.: Uchpedgiz, 1952. [In Russian].

Toporov V. N. Praslavyanskaya kul'tura v zerkale sobstvennykh imyon (element *mir-). *Issledovaniya po etymologii i semantike. T. 2, kn. 2*. M.: Yazyki slavyan. kul'tury, 2006. [In Russian].

Trubachev O. N. *V poiskakh yedinstva: vzglyad philologa na problemu istokov Rusi*. 3-e izd., dop. M.: Nauka, 2005. [In Russian].

Varbot Zh. Zh. *Drevnerusskoe imennoe slovoobrazovanie. Retrospektivnaya formal'naya kharakteristika*. M.: Nauka, 1969. [In Russian].

Vasmer M. Beiträge zur slavischen Altertumskunde. XIV. Germanisches und Ungermanisches bei den Südslaven. *Zeitschrift für Slavische Philologie. Bd XIII*. 1936, pp. 329–337. [In German].

Vasmer M. *Die Slaven in Griechenland*. Berlin: VAW, 1941. [In German].

О. М. Сергеева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
etymol@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ НАЧАЛЬНОГО СОГЛАСНОГО СЛАВ. *GNĚZDO

Рассматривается возможность связать между собой фонологически не мотивированные отклонения начала слова в славянских и балтийских словах для ‘гнезда’, опираясь на возможность диссимиляции **gn...n > *gl...n*, которая отчасти подтверждается на засвидетельствованном лексическом материале.

Ключевые слова: славянские языки, балтийские языки, индоевропейские языки, этимология, диссимиляция.

Одной из широко известных проблем индоевропейской этимологии, не поддающихся убедительному решению, являются так называемые «подвижные» согласные — известное *s mobile* и иные, более редкие, случаи нестабильного присутствия / отсутствия согласного в начале явно генетически тождественных корневых морфем. Мало внимания при этом уделяется нерегулярным чередованиям (менам) согласных в анлауте, как напр. в лит. *namas* ‘дом’, *debesis* ‘облако’ : и.-е. **dom-*, **nebhes-*, которые также могут быть причислены к проявлениям «подвижности».

В настоящей статье мы бы хотели обратить внимание на частный случай такого чередования, наблюдаемый на балто-славянском материале. Речь идёт о слав. **gnězdo* (лат. *nīdus*, др.-инд. *nīda-*, арм. *nist*, др.-верх.-нем. *nest* < и.-е. **nisd-*), этимологически проблемном как в части начального **g-*, так и в части корневой огласовки. Традиционно в **g-*, как правило, видели исключительно славянскую аберрацию, объясняя её появление *ad hoc* как след древнейшего префикса, результат действия народной этимологии и т. п.; у М. Фасмера [Фасмер I: 420] суммируется и скептически оценивается ряд предшествующих этимологий, в т. ч. попыток объяснить появление *g-* влиянием **gnesti* либо **gnojь*. В [ЭССЯ 6: 172–173] идея контаминации с ‘гной’ тем не менее отстаивается на том основании, что «загаженность птичьего гнезда... — довольно броский признак», однако, за исключением нем. ИС *Scharnhorst*, не приводится примеров в поддержку такой мотивации. Новейший источник, затрагивающий проблему слав. **gnězdo* [РЭС 11: 42], содержит

наиболее полный обзор попыток объяснить наблюдаемое отклонение, не отдавая предпочтения какой-либо из них и по существу констатируя отсутствие решения.

Вместе с тем, проблемное начало слова не является в данной серии соответствий исключительной чертой славянского когната: в балтийских языках имеем лит. *lizdas*, латыш. *li(g)zds*, *li(g)zda*, также не имеющее прямого фонологического объяснения и гадательно относимое на счёт контаминаций, ср. [Fraenkel 1962: 383]. На первый взгляд балт. лексемы напоминают о хетт. *laman* вм. ожидаемого *naman ‘имя’, *le* вм. *ne ‘не’ — нерегулярном замещении и.-е. *n на *l* (так у [Иванов 1986: 56], где обсуждается тох. В *lesto* ‘гнездо’, на взгляд автора прямое формальное соответствие балтийским формам, с тем же начальным *l*; но [Adams 2013: 609] сравнивает *lesto* с прусс. *lasto* ‘постель’, с сомнением указывая на возможность производить их от и.-е. *leg’*h*- ‘лежать’). Однако от этой напрашивающейся параллели кажется верным отступить ввиду производного сербохорв. диал. *ylāznò* < *gnězdьno [ЭССЯ 6: 173], которое, как представляется, указывает на диссимилятивное происхождение *l* (*n...n* > *l...n*). Точно такую же диссимиляцию наблюдаем в некоторых и.-е. словах для ‘гниды’ (праслав. *gnida): лит. *glinda* < *gninda, лат. *lens*, мн. ч. *lendes* < *(*g*)*nind*- ‘тж.’ [ЭССЯ 6: 173–174]. Сопоставление *gnězdo : *lizdas* с этим случаем даёт возможность допустить, что наблюдаемая балтийская форма аналогичным путём пришла на смену более раннему *gnizdas. Слабым местом этого допущения, безусловно, является отсутствие непосредственных условий для такой диссимиляции в рассматриваемой форме, вынуждающее дополнительно предполагать аналогическое распространение *l* из производных, подобных слав. *gnězd-no: ср. лит. *lizdinis*). Тем не менее, если бы это допущение оказалось верным, из него, в свою очередь, следовало бы, что начальное *g*- не является сугубо славянским, но по меньшей мере общим для балтийских и славянских языков.

Литература

Иванов 1986 — Иванов Вяч. Вс. Балто-славяно-тохарские изоголоссы // Балто-славянские исследования 1986. М.: Наука, 1988. С. 42–60.

РЭС 11 — Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 11 (*глюки* — *грайка*). Новосибирск, М., СПб.: Нестор-История, 2017.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в четырёх томах. Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачёва. 4-е изд., стер. М.: Астрель : АСТ, 2009.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. Вып. 1–40. М.: Наука, 1972–2016–.

Adams 2013 — Adams D. Q. A Dictionary of Tocharian B. Revised and Greatly Enlarged. Amsterdam / New York: Rodopi, 2013.

Fraenkel 1962 — Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. — Heidelberg: Carl Winter : Universitätsverlag — Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1962.

Olga Sergeeva

*Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
etymol@mail.ru*

A REMARK ON THE WORD-INITIAL CONSONANT IN SLAVIC *GNĚZDO

The article considers a possibility of linking together the seemingly disparate word-initial aberrations in Slavic and Baltic words for ‘nest’, Proto-Slavic *gnězdo and Lithuanian *lizdas*, Latvian *li(g)zds*, *li(g)zda* respectively. The tentative explanation is based on a probable change *gn...n > *gl...n, corroborated to some extent by attested lexical evidence.

Keywords: Slavic languages, Baltic languages, Indo-European languages, etymology, dissimilation.

References

Adams D. Q. *A Dictionary of Tocharian B. Revised and Greatly Enlarged*. Amsterdam / New York: Rodopi, 2013.

Etimologičeskij slovar' slavjanskih jazykov. Praslavjanskij leksičeskij fond. [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock.] Iss. 1–40. M.: Nauka Publ., 1972–2017–.

Vasmer M. *Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka v četyrjoh tomah*. [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Rev. and augm. by acad. O. N. Trubachev. 4th ed., ster. M.: Astrel' : AST Publ., 2009.

Fraenkel E. *Litauisches etymologisches Wörterbuch* [Lithuanian Etymological Dictionary] — Heidelberg: Carl Winter : Universitätsverlag — Göttingen: Vanderhoeck und Ruprecht, 1962.

Ivanov Vyach. Vs. Balto-slavjano-toharskie izogolossy. [Baltic-Slavic-Tocharian Lexical Isoglosses]. *Balto-slavjanskije issledovanija 1986*. M.: Nauka Publ., 1988, pp. 42–60.

Anikin A. E. *Russkij jetimologičeskij slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Issue 11 (*gljuki — grajka*). Novosibirsk, M., SPb.: Nestor-Istorija Publ., 2017.

И. А. Горбушина
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
irgor84@yandex.ru

О РАЗВИТИИ СЕМАНТИКИ ПРАСЛАВЯНСКОГО ГЛАГОЛА *SĚDTI / *SADITI В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Предметом исследования является одна из ветвей семантики праславянского глагола *sědti/*saditi ‘овладевать кем, охватывать, подчинять кого’. Анализ лексем с этим корнем в славянских языках позволяет сделать вывод, что эта семантика достаточно продуктивна, и таким образом, словацкий глагол *posadnúť* ‘овладеть, подчинить своей власти’ не является гапаксом, а представляет собой развитие этого значения.

Ключевые слова: праславянский язык, славянские языки, семантика, лексика, реконструкция.

Одно из направлений развития семантики праславянского глагола *sědti/*saditi связано с представлением о более высоком социальном положении сидящего человека по сравнению со стоящим. Прежде всего эта семантика есть у русского глагола *сесть* (*садиться*) в значении ‘занимать какую-либо должность, обычно главенствующую’ (*сесть на царство, на должность*), отсюда существительное *посаженик* (старин.) ‘возведенный кем-л. на достоинство’ («Твой посаженикь Олегъ князь Рязанский много тя молить» Ник. Лет. 2. 4. САР 5: 319); ср. возможность соответствующего этимологического толкования слова *sqđb ‘jus’ как производного от *sede- [Варбот 1983: 47].

Соответственно глагол *sědti/*saditi развивает семантику принуждения, насилия. Ср. *наседеть* (*наседать*) на кого (перен.) «приступить к кому-л. с настойчивыми просьбами, требованиями и т. п. {Кукушкина:} А вот погоди, мы на него насядем обе, так авось податся. [МАС II: 422–423]; *сажать* (кого) в оковы ‘заключать в оковы, в темницу’ [САР 5: 307], *осадить* (город).

Как продолжение этого значения, у корня **sěd-* развилась семантика причинения кому-либо вреда. См. в плане эмоционально-интеллектуального воздействия слова *досада, досадить* — то есть причинять кому неудовольствие, сердить [САР 5: 302]. Но особенно ярко проявляется это направление

в обозначениях провоцирования или насылания болезней, как душевных, так и физических.

Например, см. чеш. *posednouti koho (o pyše; touze, myšlence)* 'охватить кого, найти на кого'; откуда *posedlost* 'бешенство, одержимость', *posedly (d'ablem)* 'бешеный, одержимый, бесноватый' [CRS: 542]. В чешском языке есть и бесприставочный глагол *sednouti* со сходным значением: 'напасть, найти (на кого)': *co to na neho sedlo?* 'что на него нашло?' [там же, 753]. См. также словацк. *posadnúť* «овладеть, подчинить своей власти (в соответствии со старым поверьем о чёрте, дьяволе, злых духах и т. п.); 'поймать, схватить, завладеть кем'», а также (в переносном смысле) 'охватить, обуять'; *posadnutý* 'одержимый, помешанный', *posadlý* 'одержимый' [PSRS: 267], *ako posadnutý* «как одержимый» [VSRS: 348].

Известна эта семантика и в украинском яз.: *насадити болячок* — заподіяти лихо кому-небудь. *Насадив людям болячок, болячками и відповість!* [СУМ 5: 182].

Подобное развитие семантики *sěditi/*saditi широко представлено также в русском языке. Иногда это глаголы с прямыми дополнениями (названиями болезней или болезненных состояний):

Садить килу (килы): в суеверных представлениях — напускать на кого-л. колдовством, наговором болезнь в виде опухоли. *Наши же, деревенские, килы садят.*

Садить икоты: в суеверных представлениях — напускать на кого-л. икоту. *Пинежские икотники, пинежана икоты умеют садить, дак вот и икотники* [СРНГ 36: 26].

Реже, но встречаются глаголы с этим корнем и без дополнений:

Насаживать (в суеверных представлениях) — насылать, напускать порчу, икоту; заражать какой-либо болезнью (особенно венерической). Получать какую-либо болезнь, заражаться [СРНГ 20: 150].

Посадить: наслать на кого-л. болезнь, порчу и т. п. [СРНГ 30: 134].

Садиться (неперех.) — оказывать отрицательное воздействие, плохо влиять (на здоровье). *Крепкий чай на сердце садится, я не пью его-то* [СРНГ 36: 28].

Название болезни может выступать как субъект при глаголах *сесть / садить*: ср. *герпес обычно садится на губы*; у И. А. Крылова о подагре: «К Превосходительству седому села в ногу» [Крылов: 120]. Отсюда и существительные с тем же корнем, обозначающие болезнь или какую-либо иную неприятность, горе:

Садель — неприятность, огорчение; *садель принять* — огорчиться, расстроиться. *Какую садель мы от сына приняли.* Боль, горе. *Не дай Бог ещё кому такую садель* [СРНГ 36: 22].

Садесть — в заговоре: «*На златом престоле сидит бабушка Соломония, Христа повивала, щепоты, ломоты унимала, садести и болезни, порезы и посеки*» [СРНГ 36: 22].

Садуха — злость, бешенство (Пск., Твер. 1855) [СРНГ 36: 36].

Сажка — болезнь хлебных злаков, спорынья: «*На пшеницу, бывало, сажка нападёт, вот горюшко!*» (Краснояр.) [СРНГ 36: 38].

Сажка — болезнь злаковых растений, головня (Кубан., 1911) [СРНГ 36: 42].

Наседка: наговор, клевета. Уральск., 1930 [СРНГ 20: 156].

Итак, анализ лексем с корнем **sad-* в славянских языках дает представление о том, что этому корню свойственно также значение 'захватывать, подчинять, овладевать' (о чувстве, страсти, обычно негативной) а позже, как следствие этого 'портить, напускать болезнь'.

Литература

Варбот 1983 — *Варбот Ж. Ж.* Место основ настоящего времени в системе отглагольного словообразования праславянского языка // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Киев, 1983. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1983. С. 60–76.

Крылов 1953 — *Крылов И. А.* Басни. М.: Московский рабочий, 1953.

МАС — Словарь русского языка: В 4-х т. Под ред. А. П. Евгеньевой — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981–1984.

САР — Словарь Академии Российской: В 6-и томах. СПб., Императорская Академия Наукъ, 1789–1794.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л.: «Наука», 1970–2011.

СУМ — Словник української мови. Київ: «Наукова Думка», 1978.

CRS — *Česko ruský slovník*. Praha, Statní pedagogické nakladatelství, 1958.

PSRS — *Průručný slovník rusko-slovenský*. Bratislava, Slovenská académiá vied a umení, 1952.

VSRS — *Vel'ký slovensko-ruský slovník*. Bratislava, VEDA, 1986.

Irina Gorbushina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

irgor84@yandex.ru

THE EVOLUTION OF SEMANTICS OF PROTOSLAVIC VERB *SĚDTI / *SADITI IN SLAVIC LANGUAGES

The article deals with the semantics of the protoslavlic *sědti/*saditi 'to master someone, to cover, to subordinate someone'. Analysis of the lexemes with this root in slavic languages allows to come to the conclusion that it's semantics is rather productive. Thus, the slovak verb *posadnúť* 'to master, to subordinate the power' is not a hapax but represents the development of this meaning.

Key words: proto-slavic language, slavic languages, semantics, lexical reconstruction.

References

Varbot Zh Zh. Mesto osnov nastoyashchego vremeni v sisteme otglagol'nogo slovoobrazovaniya praslavyanskogo yazyka. *Slavyanskoe yazykoznanie. IX Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov. Kiev, 1983. Doklady sovetskoj delegacii.* M.: Nauka Publ., 1983. P. 60–76. [In Russian].

Krylov I. A. *Basni.* M.: Moskovskij rabochij, 1953. [In Russian].

Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. Ed. A. P. Evgen'eva, 2-e izd., ispr. i dop. M.: Russkij yazyk, 1981–1984. [In Russian].

Slovar' Akademii Rossijskoj: V 6- tomah. SPb., Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1789–1794. [In Russian].

Slovar' russkih narodnyh govorov. L.: Nauka Publ., 1970–2011. [In Russian].

Slovník ukrajinš'koj movi. Kiev: Naukova Dumka Publ., 1978. [In Ukrainian].

Česko ruský slovník. Praha, Statni pedagogicke nakladatelstvi, 1958.

Priručný slovník rusko-slovenský. Bratislava, Slovenská académiya vied a umeni, 1952.

Vel'ký slovensko-ruský slovník. Bratislava, VEDA, 1986.

В. Л. Васильев

*Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
vihnn@mail.ru*

К ТИПОЛОГИИ КОРРЕЛЯЦИЙ МЕЖДУ ЛАНДШАФТНЫМ ТЕРМИНОМ И ГЕОГРАФИЧЕСКИМ НАЗВАНИЕМ

Задачей статьи является оценка возможностей изучения региональной истории ландшафтных терминов с учетом показаний региональных топонимических коррелятов. Выделены и охарактеризованы четыре главных типа соотношений омонимичных ландшафтных терминов и топонимов в Новгородском регионе. Первый тип составляют употребительные многозначные термины, которые коррелируют с многочисленной региональной топонимией (*бор* ‘хвойный лес; открытое возвышенное место’, *нива* ‘пашня; пустошь’ и др.); второй тип представлен редкой в регионе терминологией с редкой же коррелятивной топонимией (*багно* ‘болото’, *суходон* ‘сухое место’ и др.); третий тип — это употребительные многозначные термины с редкой коррелятивной топонимией (*лиман* ‘залив; зарастающее болото; глубокое место’, *курган* ‘возвышение’); четвертый тип включает единичные в регионе (или даже отсутствующие в регионе) термины с многочисленными соответствиями в региональной топонимии (*дуброва* ‘лес’, ‘поле’, ‘покос’, *дор* ‘местность, покрытая лесом’).

Ключевые слова: ландшафтные термины, топонимы, коррелятивный тип, говоры Новгородского региона

Народные термины физико-географического ландшафта (рельеф, растительность, водоемы, почвенный покров), особенно те, которые выступают обозначениями заметных и значимых для хозяйственно-прагматической деятельности человека форм ландшафта, теснейшим образом связаны с географическими названиями, в первую очередь микротопонимией. Близость обоих классов слов обусловлена тем, что они указывают на одни и те же типы топографических объектов — участков местности, которые ландшафтные термины, будучи *nomina appellativa*, обозначают, а географические названия, как *nomina propria*, называют¹. Тождество

---

¹ Впрочем, на уровне диалектной моносистемы отдельно взятого конкретного говора, отчетливая оппозиция «собственное» — «нарицательное» может нарушаться. В отдельном говоре

референтов среди объектов топографии ведет к вовлечению многих ландшафтных терминов в процесс топонимизации, существенно более активный, нежели среди иных лексико-семантических групп. Складывается мощный слой микропонимов и топонимов, которые соотносятся (коррелируют) с ландшафтными лексикой, выступают локально закрепленным «отпечатком» ландшафтной лексики и дополнительным источником информации о ней. Возможность привлечения топонимических коррелятов углубляет уровень и расширяет горизонт исследования ландшафтных терминов прежде всего в плане диахронии. Надо полагать, этими преимуществами объясняется тот длительный всплеск интереса к вопросам взаимосвязей топонимии и народной терминологии ландшафта (местной географической терминологии), который наблюдался в отечественной науке после выхода этапной книги Н. И. Толстого [Толстой 1969] — в 1970-е, 1980-е, отчасти и в 1990-е гг.²

Основной задачей настоящей статьи является оценка возможностей изучения региональной истории ландшафтных терминов с учетом показаний региональных топонимических коррелятов. В целом функциональная активность ландшафтного термина в диалектном континууме какого-либо региона проявляется: 1) множественностью фиксаций в лексикографических источниках, 2) развитием семантической филиации, 3) появлением словообразовательных дериватов, 4) включенностью в процессы топонимобразования. Хотя вектор производности обыкновенно направлен от термина к топониму, коррелятивная связь между ними показательна двусторонне. Наличие живого ландшафтного термина в регионе закономерно позволяет надеяться, что в этом же регионе обнаружатся восходящие к данному термину географические имена. Обратное тоже верно, хотя корреляция тогда будет иметь более общий и менее убедительный характер: наличие региональной топонимии, обусловленной каким-либо ландшафтным термином, подсказывает, что в регионе существовал и /или существует до сих пор исходный термин-мотиватор (но, разумеется, за вычетом, далеко не всегда очевидным, тех отапеллятивных, оттерминологических географических имен, которые были перенесены в регион в готовом виде).

Обращусь далее к рассмотрению типологии термино-топонимных корреляций на примерах из континуума новгородских говоров, покрывающих преимущественно бассейн оз. Ильмень и его притоков. Наилучшую возможность для такого рода наблюдений предоставляет Новгородский областной словарь (далее — НОС).

равноправно сосуществуют в качестве микропонимов не только названия, отражающие историческую память местного населения, не находящие очевидных пересечений с наличной апеллятивной лексикой говора (законченные, «ортодоксальные» *potina prorgia*), но и повсеместно известные ландшафтные термины, выполняющие в условиях конкретного говора топонимическую функцию: *Сосняг, Полой, Лука, Роца, Гарь, Гонобольняг, Ручей* и т. п. Такие микропонимы выполняют и функцию идентификации, и функцию характеристики топографического объекта, одинаково важные для носителей говора.

² Помимо многочисленных статей и монографий, в эти годы были опубликованы целые сборники, посвященные главным образом данной проблематике [ВГ-81; ВГ-94; ВГ-110; РОиВАЛ; РТиГТ; МГТТ].

НОС выгодно отличается от других крупных диалектных словарей Русского Северо-Запада (ПОС, СРГК, Селигер, СВГ), во-первых, максимальной детализацией географии и семантического спектра ландшафтной терминологии и, во-вторых, включением соотносительной оттерминологической микропонимии. Во многом эти качества словаря объясняются пристальным интересом В. П. Строговой, главного организатора работы по сбору картотеки и ответственного редактора НОС, именно к новгородской ландшафтной лексике, отдельное собрание которой представлено также в научно-популярной книге автора «Как говорят в Новгородском крае» [Строгова 1991]. Микропонимия была включена в НОС с относительной полнотой: составители по понятным причинам не ставили перед собой задачи по максимуму собрать и отразить в словаре областной лексики все коррелирующие с ландшафтной терминологией географические имена. Впрочем, топонимическую лакунарность областного словаря отчасти позволяют закрыть имеющиеся в моем распоряжении топонимические материалы Новгородского региона, собранные по современным письменным справочникам, картам и полевым записям XX–XXI вв. Не менее важен учет новгородской исторической топонимии, сохраняемой летописями, деловыми актами, писцовыми и переписными книгами.

Предварительно намечаются четыре главных типа соотношений омонимичных ландшафтных терминов и топонимов в Новгородском регионе. Оцениваю их как предельно обобщенные термино-топонимные коррелятивные типы, опуская промежуточные, переходные случаи (подтипы).

I. Активно функционирующие в регионе ландшафтные термины + многочисленные региональные топонимы-корреляты;

II. Редкие в регионе ландшафтные термины + редкие региональные топонимы-корреляты;

III. Активно функционирующие в регионе ландшафтные термины + редкие региональные топонимы-корреляты (либо их отсутствие);

IV. Единично отмеченные / не отмеченные в регионе ландшафтные термины + многочисленные региональные топонимы-корреляты.

К **коррелятивному типу I** принадлежат многие новгородские термины ландшафта, характеризующиеся как правило полисемантической, непроизводностью и пространственными ареалами, выходящими за пределы региона. Таковы повсеместно известные новг. *бор*, *гора*, *нива*, *мох*, *веретье* (*веретьё*), *вир*, *грива*, *кряж*, *круча*, *лука*, *нос* (в значении ‘мыс’), *рель*, *рёлка*, *сópка*, *грива*, *болото*, *берёзник*, *рамень*, *пóжня* и др. Например, термин *бор*, развивший в новгородских говорах более десятка взаимопереходных ландшафтных семем [см. Васильев 2001: 79–94], не менее активно проявил себя в местной микропонимии (названия пашен и земельных участков *Стрелецкой Бор*, *Ржаной Бор*, *Белый Бор*, *Бор*, *Боры*, *Костин Бор*, *Паленый Бор*, *Горский Бор*, *Под Бором* и др.) и в ойконимии — названиях новгородских селений и пустошей (дд. *Бор*, повторяющиеся более двух десятков раз в пределах Новгородской области, дд. *Висючий Бор*, *Трубников Бор*, *Мясной Бор*, *Большие Боры*, *Подборье* и др., большинство из которых зафиксированы еще писцовыми документами XV–XVI вв.). Новг. *нива* со спектром значений, связанных с пашней

и ее зарастанием (помимо общерус. 'засеянное поле, пашня', в НОС даны 'вырубленное и выжженное под пашню место в лесу, рощисть', 'поляна в лесу', 'запущенный участок пашни, заросший травой, лесом', 'пастбище', 'луг; покосное место', 'луг, удаленный от деревни', 'участок леса'), показывает огромное множество (микро)топонимических продолжений: *Алёшина Нива, Барская Нива, Бестолкова Нива, Васькина Нива, Волчья Нива, Пьяная Нива, Порточны Нивы, Дубнинские Нивы, Журовы Нивы, Коровьи Нивы, Под Парамоновой Нивой, Нивага, Нивица, Нивки, Нивушки, Нивская* и др. (согласно НОС; КНОС) и десятки средневековых и современных названий селений *Нива, Нивка, Нивы, Нивки, Нивище* и др. [Указ. к НПК: 172]. Пространственная дистрибуция *бор, нива* характеризуется надрегиональной широтой, но иногда к рассматриваемому типу принадлежат узкоареальные термины. Термин *вельга*, хотя и занимает незначительный ареал на востоке Новгородской и на западе Вологодской областей, тем не менее, развил ряд топонимических семем ('низкое, сырое место', 'заросший травой участок озера', 'заливной луг', 'кочка на болоте', 'болотная трава') и образовал топонимы *Арбузовы Вельги, Вёльга, Вельги* [НОС 2010: 96], гидронимы *Велеговка* и, возможно, *Вельгия* (= *Велгея*, по материалам XVI в. [НПК, VI: 922, 925]).

Данный тип термино-топонимной корреляции — употребительные ландшафтные термины со значительной топонимической поддержкой — предполагает давнюю и устойчивую традицию функционирования. Такие термины издревле характеризуют говоры региона, их активность в местном речевом узусе не снижалась на протяжении многих столетий, судя по присутствию не только коррелятивной микротопонимии, но и собственно топонимии с длительной письменной историей. Большинство таких терминов были занесены в Новгородский регион ранними славянами-переселенцами, а некоторые суть ранние приобретения самих новгородских говоров в виде местных субстратных включений (таково, похоже, рассмотренное *вельга*) или местных лексико-семантических инноваций; к последним я отношу, в частности, *рель* — обозначение невысоких продолговатых возвышений среди низменностей³.

Коррелятивный тип I заметно обесценивает некоторые сформулированные ранее закономерности, подчеркивающие размежевание ландшафтной терминологии и соотносительной с ней топонимии на общей территории или в одной местности. В частности, не согласуется с мыслью о том, что «топонимы отапельлятивного

³ В сферу ландшафта *рель* явно перенесено из строительной терминологии [Фасм. ЭСРЯ, III: 467], где оно обыкновенно служит обозначением шестов, жердей, строительных лесов, опорных столбов; см. [Даль ТСЖВЯ, 4: 91; СРНГ, 35: 50]. Ландшафтная специализация термина состоялась, по всей видимости, как раз в окрестностях оз. Ильмень, где плотно сосредоточены практически все его древнерусские (с XII в.) фиксации, где отмечен его дериват в ранней суффиксальной форме *релька* (впоследствии в повсеместной форме *рёлка*, с отвердевшим *л'*) и где сохраняются самые древние топонимы *Рель* [Срезн. МСДРЯ, III: 216; СлРЯ XI–XVII, 22: 141]. Древненовгородское происхождение термина *рель*, очень рано рассеявшегося по всему Восточно-Европейскому Северу, дополнительно свидетельствуется почти полным отсутствием его в говорах Центра, в частности во владимирско-поволжских.

происхождения отмечаются как правило на периферии основной зоны распространения омонимичных апеллятивов или за ее пределами» [Азарх 1979: 240], или с другим утверждением этого же автора: «Омонимия нарицательных и собственных имен обычно возможна при малой частотности апеллятивов и употребления их в ономастике на ограниченной территории» [Там же]. Как явствует из приведенных выше иллюстраций, лексемы *бор*, *нива* безусловно не вписываются в такого рода дистрибутивные схемы⁴. Более того, к данному типу не приложим и так называемый закон «относительной негативности» топонимов, сформулированный В. А. Никоновым, смысл которого в том, что географическое название дается не по характерному признаку местности, а по признаку редкому, выделяющему называемый объект из окружающей среды. По Никонову [1965: 42], «в сплошной болотистой местности не возникает названия Болото, если сравнение идет только в малом масштабе, внутрирайонном, но оно непременно возникает в этой местности, как только сравнение перешагнет ее границы». Однако очевидно, что для *бор*, *нива* (равно как и для *болото*) и во «внутрирайонном масштабе» (иными словами, на уровне микротопонимии), и в более широком масштабе (т. е. на уровне региональной топонимии) изложенное правило не работает, поскольку микротопонимы и топонимы свободно перемежаются с соотносительной терминологией во всем ареале новгородских говоров (см. похожую критику закона «относительной негативности» также в статьях В. М. Мокиенко [1971] и А. К. Матвеева [1974: 17–18]).

Вместе с тем активная топонимизация народной ландшафтной терминологии безусловно отражается на семасиологической стороне слов. На смысловое наполнение оказывает заметное влияние изменчивость объектов географической среды. Но влияние это происходит опосредованно — через коррелятивные топонимы, выступающие медиатором отношений между ландшафтным термином и географическим ландшафтом. Если некий термин топонимически закрепляется за конкретным объектом на местности, то с ним начинают ассоциироваться дополнительные признаки данного конкретного объекта, в том числе и те, которые описывают смену ландшафтной приуроченности. Скажем, термин *бор*, ставший микроназванием *Бор* для некоторого участка соснового леса, постепенно окажется закрепленным за иным ландшафтным объектом, если сосновый лес на участке со временем заместится смешанным лесом, либо лиственным лесом, либо заболотится (т. е. станет лесом на болоте), либо исчезнет, превратившись в открытое место. Термин *нива* первоначально указывает и обозначает распаханый участок земли, но по прошествии времени пашня часто забрасывается, зарастает травой или лесом, делается пастбищем или покосом, хотя и продолжает именоваться *Нивой*. Изменения, претерпеваемые поименованными географическими объектами, интерпретируются в качестве их денотативных (resp. «топонимических») признаков, которые

⁴ Стоит, впрочем, заметить, что *бор*, *нива* и другие лексемы коррелятивного типа I имеют старые, издревле сложившиеся и устойчивые ареалы, тогда как применительно к молодым, формирующимся лексическим ареалам изложенные суждения Ю. С. Азарх могут оказаться вполне справедливыми.

затем из коррелятивной топонимии транслируются в смежную сферу терминологии, где иногда становятся признаками лексических значений. Следовательно, повышенная склонность ландшафтного термина к топонимизации способствует обогащению семасиологического спектра. Именно поэтому в переходности значений полисемантических терминов, подвергающихся регулярной топонимизации, часто прослеживается привычная типология смены ландшафтов, а в семасиологической структуре терминов порой наблюдаются самые общие, «предельно опустошенные», семемы (ср. *бор*, обозначающее, среди прочего, ‘любой лес’ или новг. *веретье* ‘участок вообще’).

Коррелятивный тип II (редко встречаемая терминология при раритетности топонимов-коррелятов) представлен в Новгородском регионе диал. *бёрдо* ‘возвышенность’, *бара*, *багно* ‘болото; топкое вязкое место’, *болонь* (*болонье*) ‘отмель’, ‘заливной луг, обычно около реки’, *волмина* ‘ивовый кустарник’, *кишка* ‘узкое и длинное повышение среди болот’, *колмище* ‘гористое место’, *корма* ‘кочковатое заболоченное место’, *струга* ‘ручей’, *солото* (*солотина*, *солотовка*) ‘заболоченный участок’, *сутюки* ‘место слияния двух рек, ручьев’, *суходон* ‘высокое сухое место’, *талец* ‘поросшее травой, труднопроходимое болото’, *хиб* (*хибина*) ‘возвышенное место’, ‘залив, рукав’ и др. Региональные лексикографические издания (НОС; КНОС; СРГК; Строгова 1991) включают сравнительно немногочисленные фиксации таких терминов, при том, что коррелятивные топонимические факты, извлеченные из различных источников, оказываются столь же или — чаще — еще более скудными. Так, для обозначений болотистых мест *багно*, *бара*, *болонье*, *солотина* в Новгородском регионе найдено лишь по одному топонимному корреляту, причем три из них указаны еще средневековой письменностью: *Багно* — место у д. Савино под Новгородом [НОС, 1: 21], *Барца* д. в погосте Рождественском на Усть-Северы, 1539 г. (НПК, IV: 286), Васильевской в *Болонье* погост, впервые под 1581–1583 гг. [Неволин 1853: 309 прил.] (= совр. *Болонье* д., там же *Болонье* оз. близ города Боровичи), *Солоткая* д. в погосте Бельском около 1495 г. [НПК, II: 412] (= совр. *Солодка* д. при руч. *Салатинский* и на р. Мста ниже Боровичей). Более заметна топонимическая поддержка для редких терминов *бёрдо* (*бёдро*), *бердуха*, *бердянка* ‘небольшой холм, возвышение’, *бёрдо* ‘отмель’ (в НОС 2010 даны *Бердуха*, *Первое Бёрдо*, *Второе Бёрдо*, *Заднее Бёрдо*, *В Бёрденицу*, и менее десятка названий обнаружено по средневековой письменности).

Случаи такой корреляции подразумевают либо изначально ограниченную, невысокую употребительность ландшафтного термина в регионе, либо, скорее, говорят о нисходящей употребительности и постепенном забвении на протяжении последних столетий термина, некогда имевшего более активное и широкое функционирование. В конечном итоге такие термины окончательно выходят из живого употребления в регионе, а немногочисленные региональные топонимические следы их былого присутствия находят апеллятивную поддержку в лексике говоров за пределами региона и /или в исторической, древне- и старорусской, документации. Например, новгородские названия деревень и урочищ *Волынь*, *Волыни* и *Водоси*, *Водосье*, *Водос*, *Водосы* объяснимы через *волынь* ‘высокий холм’,

единично отмеченное на юге Псковской области, через волог. *вѣдосы* ‘низменные пожни’ и *водось* ‘пойма, заливаемое место’ в отдаленных вятских говорах; новгородские топонимы и гидронимы *Вяжищи*, *Зеремо*, *Перегино*, *Прость* трактуются по др.-рус. *вяжище*, *зерем*, *зерема* ‘место обитания бобров’), *перегыня* ‘труднопроходимая лесистая и гористая местность’, *прость* ‘протока; прямой, ближний путь’; подр. см. [Васильев 2012: 365–369; 359–361, 379–381, 399–400, 461–462, 485–487, 662–663 + карта на с. 738]. Такого рода региональные названия, не поверяемые лексико-словообразовательно-фонетическим материалом смежных местных живых говоров, мною ранее были отнесены к категории топонимов-архаизмов (иначе — архаических топонимов).

Коррелятивный тип III (употребительная в регионе ландшафтная терминология при выразительной скудости либо отсутствии региональных топонимов-коррелятов) иллюстрируют, в частности, новг. *лимán*, *ляга*, *бочаг*, *бучило*, *лоток*, обозначающие объекты отрицательного рельефа, *косогор*, *курган* как обозначения возвышенностей и др. Объяснение данной ситуации кроется либо в диалектной истории слова, либо в его семантическом наполнении. В ряде случаев дефицит топонимических коррелятов у активно функционирующих ландшафтных терминов обусловлен поздним усвоением последних местными говорами. Выше приведены сравнительно молодые термины в Новгородском регионе, ареалы которых сложились недавно, поэтому они не успели еще полноценно подключиться к процессам топонимизации, на них еще не распространились или распространились ограниченно модели топонимообразования. Часть этих терминов явно закрепились в новгородских говорах благодаря нормам литературного языка, формировавшимся в последние столетия. Например, термин *лимán* содержит в НОС почти полтора десятка дефиниций пересекающихся значений, включая оттенки: ‘речной или озерный залив, пересыхающий летом, с большим количеством болотной травы’, ‘часть озера, отделенная косой из намывтого песка’, ‘спокойное, небольшое озеро’, ‘водоем без стока воды, заросший по берегам камышом или кустарником’, ‘место близ рек, озер, затопляемое водой во время разлива’, ‘заросшие камышом низкие места у озера’, ‘заросль в воде’, ‘зарастающее мхом болото’, ‘не заросшая травой часть болота, наполненная водой’, ‘обмелевший ручей или речушка с рыбой’, ‘впадина, заполненная водой; яма с водой’, ‘затопленная часть местности в городе’, ‘глубокое место в реке, озере; яма’, ‘вязкое место в реке, озере’. Однако, несмотря на хорошо развитую полисемию и множество записей в разных районах Новгородской области, данная лексема не встречена ни в одном старо- или древненовгородском документе, не выявлено ни одного микропонима или топонима от *лимán* в письменных источниках, современных и средневековых, изобилующих географическими именами. Гидрографический термин *лимán*, по происхождению грецизм, был усвоен новгородскими говорами, похоже, не ранее XVIII в. (в эпоху формирования общерусских литературных норм) и хотя за короткое время своей новгородской истории развил ряд специфических диалектных значений, не успел стать топонимообразующим. Иная судьба была у еще более активного в новгородской диалектной речи слова *ляга* — повсеместного севернорусского обозначения

различных низменных, сырых, топких и водных мест. Только в НОС дано не менее двух десятков семем для *ляга* (не считая дериватов *лягина*, *ляжина*, *ляговина*), хотя топонимическая оснастка апеллятива сравнительно невелика: *Ляга*, *Блуденска Ляга*, *Горецкая Ляга*, *Городская Ляга*, *Долгая Ляга*, *Зеленская Ляга*, *Кушечова Ляга*. Все микротопонимические отражения, судя по КНОС, кучно сосредоточены на побережье оз. Ильмень, а именно на западной периферии новгородского ареала *ляга*. Еще более показательны, что топонимы от *ляга* не присутствуют в новгородских средневековых памятниках письменности, в том числе в писцовых книгах XV–XVII вв. Проведенный ранее подробный ареально-семасиологический анализ показал, что лексема *ляга*, интенсивно функционирующая в восточных регионах Европейской части России (где она преимущественно встречается на севере, хотя в широтном направлении доходит до Казахстана), словно бы «вторгается» с северо-востока в ближние окрестности оз. Ильмень: ее четко очерченная изоглосса идет с севера на юг параллельно течению р. Волхов, но немного западнее Волхова, далее огибает оз. Ильмень с запада и с юга и уходит на восток в сторону Вышнего Волочка и Ярославля; см. [Васильев 2001: 202 + карта на с. 253]. Само по себе «клинообразное вторжение» подразумевает оформление *ляга* как термина гидрографии где-то северо-восточнее Новгородского региона и диффузию его из севернорусского очага в центральные новгородские говоры в достаточно позднюю эпоху.

Кроме того, встречаются хорошо известные и активно употребительные в регионе ландшафтные термины, у которых отчетливый дефицит или отсутствие коррелятивной топонимии вызваны не поздним проникновением в диалект, а особенностями лексической семантики, не благоприятствующей переходу в географические *nomina propria*. Таких терминов, надо полагать, найдется немало, хотя надежные обстоятельные критерии их выделения отсутствуют. Судя по предварительным наблюдениям, ограниченный потенциал топонимизации имеют обозначения малоприметных, точечных, повторяющихся микрообъектов на местности, которые нередко воспринимаются типовыми составными элементами более крупных объектов ландшафта, например *клоч* ‘болотная кочка’, *куберь* ‘пень или поваленное дерево, заросшее мхом’, *гремок* ‘куст’, ‘группа деревьев, растущих из одного корня’, *вязель*, *зыбун* ‘топкое место на болоте’, *окно*, *окнище* ‘не заросший мхом, травой участок водоема, болота’.

Коррелятивный тип IV (единично проявившиеся либо вовсе не обнаруженные в регионе ландшафтные термины, с которыми коррелирует многочисленная региональная топонимия) отмечается редко. Отдельные случаи такого рода корреляции объяснимы функционально-семантическим преобразованием ландшафтных терминов, издревле существовавших в регионе. Термины, некогда активно употребительные и склонные к топонимизации, со временем не только сократили употребительность, но и утратили прежние значения, служившие хорошей мотивационной основой для возникновения многих соотносительных географических имен. Ниже подробно остановлюсь на трех примерах, иллюстрирующих данную терминологию, хотя их можно собрать и больше. Со всеми приведенными ниже

апеллятивами коррелируют не молодые микротопонимы, а как правило старые топонимы, массово присутствующие в современных материалах, но особенно в средневековой письменности. Это обстоятельство подсказывает, что изменения, пережитые апеллятивами, происходили в достаточно ранние эпохи.

В Новгородском регионе множество селений, урочищ и водоемов носят названия с основой *Дубров-*. Только на территории Новгородской области имеется более 20 жилых деревень, именуемых *Дубровка, Дуброво, Дубровы, Дуброви, Дубровочка*. Среди современных новгородско-псковских водоемов (в бассейнах оз. Ильмень и оз. Чудско-Псковского) гидронимов *Дубровка, Дубровно, Дубровня, Дубровенский, Дубровенец*, по моим подсчетам, тоже насчитывается до двух десятков. Еще более выразительное количество дают новгородские писцовые книги XV–XVI вв., в которых число повторяющихся названий *Дуброва, Дубровец, Дубровица, Дубровицы, Дубровичи, Дубровка, Дубровки, Дубровы, Дубровно* и т. п. явно переваливает за полторы сотни, см. [Указ. к НПК: 129–130]. Приведенные топонимические факты приравниваются к древнему вост.-слав. *дуброва*, преимущественно известному по разным диалектам в качестве обозначения участков, поросших лиственным лесом или травой; ср. др.-рус. *дуброва* и уменьш. *дубровка* ‘лес’, ‘дубрава, роща; лес из деревьев одной породы, преимущественно лиственный’, ‘лиственный лес, выросший на выпашанной и заброшенной рощистости; также, вероятно, всякое повторно расчищаемое поле в лесу’, *дуброва пашенная* ‘лиственный лес, вырастающий на выпашанной рощистости’, *лѣс дубровный* ‘вторичный лиственный лес (на заброшенной пашне)’ [СлРЯ XI–XVII, 4: 370–371]. В современных говорах Новгородской области термин *дуброва* не обнаружен. Похоже, здесь он преобразовался в формально сходное общерус. *дубрава*, известное обозначение дубового леса (в НОС дано только единичное *дубра́вка* ‘дубовая роща’), хотя в соседних Псковской, Вологодской областях и Карелии спорадические следы прежнего слова все же имеются: пск. *дубро́ва* ‘хвойный лес’, *дубро́вка* ‘поле’ [ПОС, 10: 34; СРНГ, 8: 241], пск., волог. ‘густой лес из деревьев разных пород’ [СВГ, 1985: 63], ‘лужайка, на которой скошена трава’, ‘нераспаханное поле’ в рус. говорах Карелии [СРГК, 1: 8–9], дополнительные сведения даны в [СГРС, 3: 282; СРНГ, 8, 240–241; Толстой 1969, 44–47]. Разнообразие смысла исходных апеллятивов (‘лес’, ‘покос’, ‘поле’) затрудняет уточнение конкретных мотивировок топонимии на *Дубров-*, но чаще всего такие названия маркировали обустройство новых селений возле перелесков и рощиц лиственного леса, выросших на местах бывших пашен и рощистей, или возле покосов на местах бывших пашен.

К коррелятивному типу IV безусловно относится термин *дор*, в пережиточном состоянии сохраняющийся в отдельных говорах северного наречия, записанный в том числе и на восточной периферии Новгородского региона: *дор* ‘слегка возвышенная местность, поросшая строевым лесом в виде отдельных рощ’ Черепов. [СРНГ, 8: 129]. В смысловом наполнении этого угасающего слова сегодня мало что напоминает о прежнем «подсечном» значении (*дор* — ‘рощисть из-под леса под пашню’), но об активном функционировании земельного термина в прошлом свидетельствуют многочисленные современные, но особенно средневековые новгородские названия *Дор, Дорок, Дора, Дорки, Дорка, Дорицы, Дорища, Дорищо*

и т. п. (в пятинах Великого Новгорода таких названий насчитывается более сотни, см. [Указ. к НПК: 128]).

В новгородских и сопредельных с ними говорах Русского Северо-Запада диал. *дуплё, дупля, дупелька* и т. п. сегодня распространены в качестве обозначений дупла дерева, или самого дуплистого дерева, или емкостей из дерева [НОС 2010: 238; СРГК, 2: 10; СРНГ, 8: 258–262]. Им соответствует удивительно многочисленная новгородская гидронимия и топонимия от *Дупл' - /Дупел'-*: повторяющиеся имена водоемов *Дупелька, Дупле, Дупля, Дупельское, Дуплеватое, Дуплевский*, но особенно средневековых селений *Дупле, Дупля, Дуплево, Дуплевец, Дуплецо, Дупелца* и др. (таких селений более тридцати, они больше тяготеют к южным и юго-восточным пятинам исторической Новгородской земли, судя по [Указ. к НПК: 130]). Столь высокая топонимическая активность *дуплё, дупля* в далеком прошлом не случайна: похоже, эти лексемы в древненовгородском диалекте, помимо обозначений деревянных полостей, выступали обозначениями глубоких оврагов, впадин, понижений между холмами. Ср. др.-рус. церк.-слав. *дуль* ‘расселина, углубление; пещера’, XII в. [СлРЯ XI–XVII, 4: 376], а также подобную древненовгородской ситуацию в западнославянском пространстве (словен., сербохорв.), где географические имена от праслав. **dup(ь)l'a*, **dup(ь)l'e* тоже встречаются часто, а апеллятивы сочетают значение ‘дупло’ с ландшафтным ‘пещера, грот’, свойственным горной местности; см. [BezI. SVI, I: 161; ЭССЯ, 5: 159–160]. Со временем новг. *дуплё, дупля* утратили значения ландшафтного термина, а соотносительная с ними топонимия постепенно «выветривается», сохраняясь лишь по традиции.

Наконец термино-топонимная корреляция по типу IV приложима к еще одной категории лексем, семантика которых predeterminedена внешней, структурно-словообразовательной моделью и поэтому стабильна, в существенной степени безразлична к историческим изменениям. Речь идет о префиксально-суффиксальных образованиях *заболотье (заболоть)* ‘место за болотом’, *заручье* ‘место за ручьем’, *подборье (подборина)* ‘место под бором’, *подлужье* ‘место под лугом, возле луга’, *поречье* ‘местность у реки, вдоль реки’ и т. п. — с первичным значением ориентации, а не характеристики места. Такие лексемы редко попадают в диалектные словари, например, в НОС не вошел ни один из вышеперечисленных ориентирующих терминов, а в СРГК и СРНГ присутствует только *заболотье*. Однако они регулярно обнаруживаются в топонимической функции, будучи закрепленными за множеством локусов. Названия *Заболотье, Заручье, Подборье, Подборовье, Подлужье* и т. п. до десяти и более раз повторяются на новгородской территории. Наиболее яркий случай демонстрирует ранее подробно изученный старый новгородско-псковский топоним *Захонье* (буквально *Захолмье* — ‘место за холмом’): название повторяется более 40 раз в ограниченном ареале между озерами Ильмень и Чудско-Псковским при том, что ни одного апеллятива *захонье* не найдено ни в исторической документации, ни в современных диалектных записях [Васильев 2012: 482–485]. Преимущественная сфера использования такого рода префиксально-суффиксальных образований — топонимия, в терминологической же сфере они обычно становятся употребительными лишь тогда,

когда развивают, наряду с ориентационно-топографическим, дополнительные качественные смыслы. Так, лексемы *за́болотье*, *за́болоть*, *заболотина* получили во многих говорах дополнительную семантическую филиацию: наряду со значением ‘место за болотом’, они нередко обозначают ‘низкое, заболоченное место’ [НОС, 3: 7; СРГК, 2: 83], ‘заболоченное дно долин и балок’, ‘сырое место на лугу’ [СРНГ, 9: 265].

Слова, изначально характеризующие особенности места, тоже иногда многократно повторяются как топонимы без заметного терминологического сопровождения. Например, *Каменка* служит собственным именем десятков и сотен небольших речек и ручьев с каменистым руслом, однако трудно найти хотя бы один ожидаемый термин-мотиватор *ка́менка* в значении ‘каменистая речка’ или ‘речка, ручей с каменистым руслом’. Функционирующие в новгородских говорах *ка́менка* ‘печь из камней в бане’ или *ка́менка* ‘каменный забор’ [НОС, 4: 15] выступают омонимами, не имеющими семантико-мотивационного отношения к многократно повторяющемуся гидрониму. Такие названия, как *Каменка*, надо полагать, исконно возникали в гидронимической функции.

Представленные наблюдения носят предварительный характер и не исчерпывают всей специфики термино-топонимных корреляций. Уточнение путей появления ландшафтного термина в диалекте и его дальнейшей семантико-словообразовательной эволюции во многих случаях нуждается в привлечении значительных лексико-топонимических данных. Общая картина существенно искажается отсутствием скоординированных параллельных собраний ландшафтной лексики и географических имен, особенно многочисленной микротопонимии. Последнюю обычно фиксируют крайне неполно и разрозненно.

Литература

Азарх 1979 — *Азарх Ю. С.* Данные ономастики как источник исторической диалектологии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1979. М., 1981. С. 221–241.

Васильев 2001 — *Васильев В. Л.* Новгородская географическая терминология (Ареально-семасиологические очерки). Великий Новгород, 2001.

Васильев 2012 — *Васильев В. Л.* Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012.

ВГ-110 — Вопросы географии. Вып. 110. М., 1979.

ВГ-81 — Вопросы географии. Вып. 81. М., 1970.

ВГ-94 — Вопросы географии. Вып. 94. М., 1974.

Даль ТСЖВЯ — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1998.

КНОС — Картотека Новгородского областного словаря. Хранится на кафедре русского языка Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого (НовГУ).

Матвеев 1974 — *Матвеев А. К.* Тезисы о топонимике // Вопросы ономастики. № 7. Свердловск, 1974. С. 5–18.

- МГТТ — Местные географические термины в топонимии. М., 1996.
- Мокиенко 1971 — *Мокиенко В. М.* Закон «относительной негативности» и региональная топонимика // Ученые записки Уральского гос. ун-та. № 114. Свердловск, 1971. С. 79–85.
- Неволин 1853 — *Неволин К. А.* О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. С приложением карты. СПб., 1853.
- Никонов 1965 — *Никонов В. А.* Введение в топонимику. М., 1965.
- НОС — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995; Вып. 13. Великий Новгород, 2000.
- НОС 2010 — Новгородский областной словарь / Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб., 2010.
- НПК — Новгородские писцовые книги. Т. I–VI. СПб., 1859–1910.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–. Л., 1967–.
- РОиВАЛ — Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой. Свердловск, 1976.
- РТиГТ — Русская топонимика и географическая терминология. Свердловск, 1977.
- СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Т. I–VI–. Екатеринбург, 2001–2014–.
- Селигер — Селигер: Материалы по русской диалектологии: Словарь / Под ред. А. С. Герда. Вып. 4 (Н–П). СПб., 2010.
- СЛРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред.: С. Г. Бархударов (Вып. 1–6), Ф. П. Филин (Вып. 7–10), Д. И. Шмелев (Вып. 11–14), Г. А. Богатова (Вып. 15–26), В. Б. Крысько (Вып. 27–29), Р. Н. Кривко (Вып. 30). М., 1975–2015–.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
- Срезн. МСДРЯ — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1–3. СПб., 1893–1912.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. 2-е изд., испр. / Ред. Ф. П. Сороколетов. Вып. 1–47–. СПб., 2002–2014–.
- Строгова 1991 — *Строгова В. П.* Как говорят в Новгородском крае. Новгород, 1991.
- Толстой 1969 — *Толстой Н. И.* Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969.
- Указ. к НПК — Новг. писцовые книги. Указатель к первым шести томам (I–VI). Имена географические. Пг., 1915.
- Фасм. ЭСРЯ — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачев. Т. I–IV. М., 1986–1987.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева (Вып. 1–31); А. Ф. Журавлева (Вып. 32–39–), А. Ф. Журавлева, Ж. Ж. Варбот (Вып. 40). Вып. 1–40–. М., 1974–2016–.
- Bezl. SVI — *Bezlaj F.* Slovenska vodna imena. D. I–II. Ljubljana, 1956–1961; D. I–IV. Ljubljana, 1976–1982.

Valery Vasilyev

The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

(Veliky Novgorod, Russia)

vihnn@mail.ru

ABOUT THE TYPOLOGY OF CORRELATIONS BETWEEN LANDSCAPE TERM AND GEOGRAPHICAL NAME

The objective of the article is to assess possibilities of exploring regional history of folk landscape terms, taking into account the testimonies of regional toponymic correlates. Four main types of relationship between homonymous landscape terms and place names within the Novgorod region is highlighted and described. The type I consists of frequently used polysemic terms, which correlate with numerous regional place names (*bor* ‘coniferous forest; an open sublime place’, *niva* ‘arable land; wasteland’, etc.); the type II is represented by rare terminology that has rare toponyms-correlates (*bagno* ‘swamp’, *suhodon* ‘dry place’, etc.); the type III is the most commonly used polysemic terms with rare toponyms-correlates (*liman* ‘bay; swamp; deep place’, *kurgan* ‘mound; elevation’, etc.); the type IV is extremely rare (single or even missing in the region) terms with very many counterparts in the regional toponymy (*dubrova* ‘forest; field; mowing’, *dor* ‘wooded terrain’).

Keywords: landscape terms, toponyms, correlation type, Novgorod region dialects.

References

Azarkh Yu. S. Dannye onomastiki kak istochnik istoricheskoy dialektologii. *Obshchoslavyanskij lingvisticheskij atlas. Materialy i issledovaniya*. 1979. M., 1981, pp. 221–241.

Vasil’ev V. L. *Novgorodskaya geograficheskaya terminologiya (Areal’no-semasiologicheskie ocherki)*. Velikij Novgorod, 2001.

Vasil’ev V. L. *Slavyanskije toponimicheskie drevnosti Novgorodskoj zemli*. M., 2012.

Voprosy geografii. Vyp. 110. M., 1979.

Voprosy geografii. Vyp. 81. M., 1970.

Voprosy geografii. Vyp. 94. M., 1974.

Dal’ V. I. *Tolkovyj slovar’ zhivogo velikorusskogo yazyka*. T. 1–4. M., 1998.

Kartoteka Novgorodskogo oblastnogo slovarya. Khranitsya na kafedre russkogo yazyka Novgorodskogo gos. un-ta im. Yaroslava Mudrogo (NovGU).

Matveev A. K. Tezisy o toponomastike. *Voprosy onomastiki*. No 7. Sverdlovsk, 1974, pp. 5–18.

Mestnye geograficheskie terminy v toponimii. M., 1996.

Mokienko V. M. Zakon «otnositel’noj negativnosti» i regional’naya toponimika. *Uchenye zapiski Ural’skogo gos. un-ta*. No 114. Sverdlovsk, 1971, pp. 79–85.

Nevolin K. A. *O pyatinakh i pogostakh Novgorodskikh v XVI v. S prilozheniem karty*. Spb., 1853.

- Nikonov V. A. *Vvedenie v toponimiku*. M., 1965.
- Novgorodskij oblastnoj slovar'*. Vyp. 1–12. Ed. V. P. Strogova. Novgorod, 1992–1995; Vyp. 13. Velikij Novgorod, 2000.
- Novgorodskij oblastnoj slovar'*. Izd. podgot. A. N. Levichkin, S. A. Myznikov. In-t lingv. issled. RAN. SPb., 2010.
- Novgorodskie pistsovye knigi. T. I–VI*. SPb., 1859–1910.
- Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi. Vyp. 1–*. L., 1967–.
- Russkaya onomastika i ee vzaimodejstvie s apellyativnoj leksikoj*. Sverdlovsk, 1976.
- Russkaya toponimika i geograficheskaya terminologiya*. Sverdlovsk, 1977.
- Slovar' vologodskikh govorov. Vyp. 1–12*. Vologda, 1983–2007.
- Slovar' govorov Russkogo Severa. T. I–VI–*. Ekaterinburg, 2001–2014–.
- Seliger: Materialy po russkoj dialektologii: Slovar'*. Vyp. 4 (N–P) Ed. A. S. Gerd. SPb., 2010.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv*. Eds.: S. G. Barkhudarov (Vyp. 1–6), F. P. Filin (Vyp. 7–10), D. I. Shmelev (Vyp. 11–14), G. A. Bogatova (Vyp. 15–26), V. B. Krysko (Vyp. 27–29), R. N. Krivko (Vyp. 30). M., 1975–2016–.
- Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastej* Ed. A. S. Gerd. Vyp. 1–6. SPb., 1994–2005.
- Sreznevskij I. I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka. T. 1–3*. SPb., 1893–1912.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 1–47–*. 2-e izd., ispr. Ed. F. P. Sorokoletov. SPb., 2002–2014–.
- Strogova V. P. *Kak govoryat v Novgorodskom krae*. Novgorod, 1991.
- Tolstoj N. I. *Slavyanskaya geograficheskaya terminologiya. Semasiologicheskie etyudy*. M., 1969.
- Novg. pistsovye knigi. Ukazatel' k pervym shesti tomam (I–VI). Imena geograficheskije*. Pg., 1915.
- Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. T. I–IV*. Ed. O. N. Trubachev. M., 1986–1987.
- Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov* Ed. O. N. Trubachev (Vyp. 1–31); A. F. Zhuravlev (Vyp. 32–39-), A. F. Zhuravlev, Zh. Zh. Varbot (Vyp. 40). Vyp. 1–40–. M., 1974–2016–.
- Bezljaj F. *Slovenska vodna imena. D. I–II*. Ljubljana, 1956–1961; Ljubljana, 1976–1982.

РЕЦЕНЗИИ

Д. Ю. Ващенко
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)
daranis@mail.ru

**P. ŽIGO. VÝVIN SUBSTANTÍVNEJ DEKLINÁCIE
V SLOVANSKÝCH JAZYKOCH
(BRATISLAVA. UNIVERZITA KOMENSKÉHO V BRATISLAVE. 2017. 116 S.)**

Монография П. Жиго «Развитие субстантивного склонения в славянских языках» вышла в Братиславе в 2017 г. Книга сравнительно невелика по объему (чуть более 100 страниц), однако является чрезвычайно ёмкой и насыщенной как в теоретико-методологическом отношении, так и в плане представленного фактического материала. В ней словацкий лингвист продолжает разрабатывать свою концепцию эволюции субстантивного склонения в естественных языках, очерченную еще в предыдущих исследованиях, напр., в монографии «Аналогии и аномалии в развитии субстантивного склонения»¹. На этот раз П. Жиго, по его словам, хочет сосредоточиться на типологическом аспекте изменений в субстантивном склонении. Монография состоит из трех разделов, каждый из которых в свою очередь состоит из нескольких глав, при этом сами разделы лишь пронумерованы, а отдельные главы уже имеют названия, носящие при этом подчеркнuto философский, полемический характер. Книга основывается на материалах морфологической части Общеславянского лингвистического атласа. В ней автор отнюдь не стремится дать исчерпывающее описание славянского субстантивного склонения, для него важно наметить и аргументированно обосновать те теоретико-методологические принципы, которые позволят сделать подобное описание, с учетом материала и задач такого рода исследований, максимально адекватным.

Первый раздел носит вводный характер и состоит из трех глав. В первой главе «Исходные положения интерпретации» П. Жиго говорит о необходимости применения комплексного подхода при изучении субстантивного склонения — это касается как совмещения семантического и морфонологического критериев при интерпретации форм, так и синтеза генетически и ареально ориентированных подходов. Кроме того, словацкий исследователь пишет о важности приложения оппозиции

---

¹ P. Žigo. Analógie a anomálie vo vývine substantívnej deklinácie. Bratislava. 2012.

«свой / чужой» к материалу диахронической морфологии, когда часть собственных элементов в процессе развития вытесняется чужими, при этом решающее значение имеет функциональность конкретного элемента. В следующей главе, «Смена парадигмы: от формы к значению» рассматриваются возможные подходы к трактовке дублетности форм в том или ином языке, подчеркивается, что в лингвистике наблюдается переход от чисто фонологических интерпретаций к семантико-синтаксическим истолкованиям. При этом, как утверждает П. Жиго, на современном этапе подобного рода исследования могут и должны быть верифицированы корпусно-статистическими данными, которые будут предоставлять информацию о фактической распространенности того или иного варианта в национальном языке — а также социолингвистически и когнитивно ориентированными разработками: те, в свою очередь, призваны определить значимость той или иной вариантной формы прежде всего с позиции пользователей языка. Высказываемые положения П. Жиго иллюстрирует на примере подобного комплексного анализа развития флексии Р. п. ед. ч. м. р. -а / -и, причем не только на словацком материале, вернее, словацкий материал здесь трактуется исследователем в максимально широком контексте, в том числе с привлечением картографических материалов ОЛА. В третьей главе «Стабилизация морфологических структур» П. Жиго пишет, что в словацком языке влияние грамматического рода на трансформацию субстантивного склонения проявилось, в отличие от иных славянских языков, не только на внутрипарадигматическом, но также на межпарадигматическом уровне (ср. флексии Д. п. ед. ч. м. р., также Р. п. мн. ч. ж. р.), и вместе с тем в ходе развития субстантивного склонения, как показывают материалы в т. ч. ОЛА, в регионах Славии сформировались новые ареалы, не совпадающие с классическим членением славянских языков на восточно-, западно- и южнославянские.

Второй раздел занимает в монографии центральную позицию. Его первая глава носит название «От хаоса к бифуркациям», в ней П. Жиго стремится дать широкую прежде всего философскую интерпретацию стихийности языковых изменений, релевантными для него представляются два аспекта хаоса как фундаментальной философской категории: темпоральный хаос, который онтологически предшествует системности (в языке) и периодически приходит ей на смену — и квантитативно-квалитативный хаос, который характеризуется синхронной нечеткостью, асистемностью. В применении к языковому материалу, пишет автор, первый аспект приобретает роль своего рода «спускового механизма», здесь невозможно говорить о каком-либо предшествовании / чередовании, но темпоральный хаос предстает как несоотнесенность, разноплановость тех или иных элементов языковой структуры в разные периоды времени, когда изменения происходят постепенно и неравномерно — и вместе с тем как движущая сила преобразований в языке. Со вторым, т. е. с квантитативно-квалитативным хаосом, связан тот факт, что в результате подобных, квази-хаотичных трансформаций языковая система становится чрезвычайно гибкой и чувствительной к новым изменениям, и в итоге переходит от изоляции к открытости и дивергентности, постепенно формируются системы (парадигмы), оптимально соответствующие новым функционально-коммуникативным критериям

в языке, который оказывается тесно связан с социально-историческими и культурными изменениями, хаос тем самым выступает как часть порядка и даже как один из его конститuentов. Вторая глава носит подчеркнуто полемический характер, что о чем говорит и её название: «Бифуркации или мультифуркации?», в ней словацкий лингвист, развивая тезис о неравномерности языковых изменений, утверждает, что, хотя вариативность субстантивного склонения по-разному проявила себя в различных славянских языках — где-то сильнее, где-то менее явно — в словацком языке она получила наиболее широкое развитие. П. Жиго постулирует здесь значимость рассмотрения языковых явлений в макроструктурной проекции, а также необходимость применения ареального критерия в его комплексной комбинации с собственно генетическим как методологического принципа при исследовании истории субстантивного склонения. Третья глава «Диспропорции генетической — ареальной — типологической классификации» напрямую развивает положения, высказанные в предыдущей главе в т. ч. на богатом материале морфологических карт ОЛА (Д. п. ед. ч. названий животных, Предл. п. ед. ч. слова *sup*, Д. п. ед. ч. субстантива *host'* и др.) Как пишет автор, нельзя говорить об однозначном доминировании ареального либо типологического критерия при анализе языков Славии, но скорее о многомерности системы, когда на первый взгляд противоположные векторы взаимно дополняют и взаимно обогащают друг друга, речь в данном случае идет не столько о новациях или отклонениях, сколько о различных сосуществующих тенденциях. Четвертая глава «Социальная и культурная континуальность» посвящена проблеме естественности, вернее, неестественности в языке. П. Жиго вновь обращается к философскому аспекту проблемы, рассматривая три возможных трактовки не-естественности, когда сама естественность может рассматриваться как статическая, как комплексная и полифакторная, либо же как принципиально открытая конструкция: на морфологическом уровне это проявляется, во-первых, в необходимости верифицировать диахронический срез социолингвистически ориентированными исследованиями, и, во-вторых, в понимании естественности той или иной флексии как ее функциональной оптимальности (ср., например, карту ОЛА *kolo / koleso* и др.). В пятой главе «Поэтому мультифуркации» П. Жиго подводит черту под тезисами, которые он последовательно развивал в предшествующем изложении. То, что в начале языковых изменений предстает как хаос, постепенно приобретает системный характер, так что в ретроспективе можно уже в первоначальном хаосе определить будущие системообразующие знаки, и поскольку новая система может нести в себе элементы совершенно разного порядка, имеет смысл говорить не о би-фуркациях, но о мультифуркациях.

Третья, заключительная часть открывается главой «Инородность и чуждость — современное «открытие» или *natura stabilis*», где П. Жиго подчеркивает, что в национальных славянских языках значительную роль играют не только конвергентные, но и дивергентные процессы, именно поэтому материал ОЛА помогает увидеть явление в широкой ареально-типологической перспективе, и, кроме того, «достроить» те фрагменты языковой системы, которые недостаточно полно зафиксированы в письменных источниках. Немаловажную роль здесь сыграла

социокультурная ситуация, когда во многих регионах Славии преобладало смешанное население, среди которого локальная идентичность превалировала над этнической, тем самым часть элементов в том или ином славянском языке подвергалась внешнему давлению, носившему не столько экспансивный, сколько инфильтративный характер. Наиболее рельефно указанная тенденция проявляется в области лексики, но это не означает, что она никак не проявляет себя на уровне грамматики. Вторая глава третьей части носит название «Современное понимание естественности, инородности и чуждости», в ней П. Жиго на новом материале представляет положение о том, что естественность в применении к языковому материалу означает естественность прежде всего для пользователя языкового идиома, иными словами, функциональность: именно функциональный критерий составляет тот фильтр, через который проходят элементы языковой структуры в ходе эволюции. Наконец, в третьей главе «Противоречия и перспективы» словацкий исследователь пишет о том, что языковое развитие представляет собой процесс открытый, который на разных уровнях отличается различной мерой стабильности — менее в области лексики, гораздо сильнее в области морфологии — и материал ОЛА поможет определить как сущность процесса в диахронии, так и его возможную перспективу в будущем.

Книгу дополняет приложение, где приводятся все основные типы праславянского субстантивного склонения. Монография П. Жиго чрезвычайно насыщена иллюстративным материалом — помимо карт ОЛА, сюда относятся многомерные диаграммы и графики, а также системы граф, демонстрирующие соотношение между исходным праславянским состоянием и нынешним положением дел в словацком литературном языке.

Глубина философской проблематики, ценность высказываемых теоретических положений, широкая эмпирическая база, а также энциклопедический кругозор автора делают данную монографию ценной для российского читателя. Представляется чрезвычайно актуальным последовательно разрабатываемый автором тезис о том, что лингвистика на современном этапе должна стремиться к комплексному описанию, когда различные подходы, равно как и различные страты в языке, не исключают, а взаимно дополняют друг друга: лишь в этом случае возможно получить многомерный образ, максимально приближенный к реальной действительности. Монография напрямую подводит также к проблеме вариативности в языке и дублетности форм, которые в данном случае предстают не как случаи нарушения нормы, но как результат естественного развития, а вариативность становится функционально мотивированной и потому естественной. Новую интерпретацию получает понимание «иноного» в языке: чужое предстает не как некая противодействующая сила, а как движущая энергия языкового развития. Монография открывает широкую перспективу дальнейших разработок, когда полифакторное исследование позволит сделать ценные и при этом точные обобщения на базе материала в т. ч. Общеславянского лингвистического атласа, а введение социолингвистических и ареально-типологических параметров позволит соотнести результаты исследования с материалом соседних неславянских языков.

Л. В. Куркина
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
lyukurkina@ramler.ru

**RADA COSSUTTA. RIBIŠKA JEZIKOVNA IN KULTURNA DEDIŠČINA
V TRŽAŠKEM ZALIVU IN SLOVENSKI ISTRI.
KOPER, 2015. 277 S.**

В монографии Р. Кошуты представлены в картографированном виде результаты исследования языкового и культурного наследия в сфере рыболовства в наречиях и говорах на Адриатическом побережье в районе Триестского залива и в словенской Истрии, где в новых условиях с изменением уклада жизни активно протекали и протекают процессы славян.-роман. лексической интерференции. Обследованы только словенские поселения в Италии в р-не Триестского залива (Križ, Kontovel, Nabrežina) и истровенецианские поселения на территории Словении (Piran, Izola). Обращение к терминологии рыболовства и культуре, связанной с этим промыслом, не случайно. С древних времен этот вид хозяйственной деятельности был важным дополнением к разведению скота и занятию земледелием, а «в некоторых богатых водами славянских краях рыболовство занимало первое место среди всех других отраслей хозяйства» [Нидерле 2000: 357]. В настоящее время в обследуемых регионах рыболовство занимает незначительное место, соответственно наблюдается сокращение численности рыбаков, отмечается, что человек, занимающийся рыбным промыслом в заливе Триеста, — большая редкость. Но старая, практически исчезнувшая форма хозяйственной деятельности продолжает жить в воспоминаниях, в рассказах старшего поколения, в домах хранятся как драгоценные реликвии предметы рыболовного промысла.

Обследование региона с целью получения и систематизации сведений о рыболовной лексике проводилось по программе проекта «Рыболовное наследие и языковое многообразие в альпийско-адриатическом просторе». Проект разработан в Институте лингвистических исследований г. Копер под руководством двух диалектологов — Фр. Креватин и Рады Кошутты, автора «Словенского диалектного лексического атласа словенской Истрии» [Копер, 2005–2006], «Словенского диалектного лексического атласа Тржажской провинции» [Копер, 1987] и многих других исследований, посвященных диалектной лексике этого региона. В задачи

работы входило изучение той части художественной литературы, в которой получило отражение рыболовство, анализ источников, связанных с этой темой, подбор информантов, знакомых с терминологией рыболовства, сбор диалектного материала по вопроснику «Диалектного атласа словенской Истрии и Краса» (436 вопросов). Вопросник охватывает следующие темы: море, геоморфология, метеорология, плавательные средства, растительный и животный мир моря. Результаты исследования представлены в виде монографии, основную часть которой (с. 25–245) составляют карты, показывающие распределение в разных пунктах рассматриваемой территории диалектных наименований, полученных от информантов и из других источников и записанных в словенской и итальянской фонетике. Большой интерес представляют связанные с рыболовством небольшие рассказы, записанные в дер. Криж в р-не Триеста (3 рассказа), Контовело (в 3 км к сев.-зап. от Триеста; 5 рассказов), Изола (ю.-зап. часть Словении; 2 рассказа). Каждый из текстов дан в трех вариантах: в записи на словенском диалекте, в переводе на словенский литературный язык и в переводе на итальянский язык. В текстах прослеживается сильное романское влияние на рыболовную лексику в словенских поселениях (ср. особенно записи из п. Изола), влияние со стороны словенского языка чрезвычайно редко. К монографии приложен список литературы, связанный с исследуемой темой, а также снятый автором и технически подготовленный Д. Мухич документальный фильм «Рыболовство Триестского залива и словенской Истрии» [Koper, 2015].

Культурно-историческая информация, открывающая вводную часть, помогает понять особенности той языковой ситуации, которая сложилась в словенско-итальянское пограничье с пестрым этническим составом (авторы Тина Рожач и Клара Шуменяк). В Приморье Крас был той территорией, где словенские племена в VIII в. впервые поселились в непосредственной близости от моря на землях, опустошенных чумой, многолетними войнами, где и по сей день сохраняются словенская культура, обычаи и язык. Глубокие традиции, связанные с рыболовством, отмечены в ряде деревень (Škedenj, Barkovlje, Kontovel, Nabrežina, Sesljan, Štivan).

Из небольшой исторической справки читатель узнает, что на пол-ов Истрия, в настоящее время разделенном между тремя странами (Хорватия, Словения, Италия), славяне пришли с севера до VII в., и в то время население Истрии в языковом и этническом отношении представляло собой гомогенное образование, но уже в средние века здесь приходят в соприкосновение разные этнические группы, что повлияло на пестроту и разноликость говоров этой территории. После второй мировой войны прибрежная часть вместе с Приморьем отошла к Италии, и тогда в п. Изола и Пиран было более 200 рыбаков. После войны Истрия вошла в состав Югославии, что стало причиной переселения итальянских рыбаков Истрии в Италию. После распада Югославии Словения потеряла значительную часть морского побережья. В настоящее время в Изоле и Пиране по статистике 2005 г. в рыболовном промысле насчитывалось 142 рыбака. Во введении дается краткое описание поселений итальянских рыбаков в словенской Истрии (Изола, Пиран, Копер), венецианской части Истрии, где в 50-е г. XX в. в прибрежной части жили словенцы: в 1991 г. 4% населения — итальянцы, в 2002 г. — 2,8%.

В обследуемых регионах идет постепенное сокращение словенской части населения. Так, авторы характеризую языковую ситуацию в восточной части Фурлании — Юлийском крае, отмечают, что в этом регионе вместе со словенцами и итальянцами сосуществуют этноязыковые меньшинства — фурланы и немцы. По данным 1958 г. здесь проживало 125 тыс. словенцев (из них в р-не Триеста 65 тыс.), в 1996 г. число сократилось до 61 тыс. (из них 25 тыс. в р-не Триеста).

В небольшой справке, приведенной во вступительной части, сообщается, что на современной словенской территории традиционно рыболовством занимались итальянцы, а на итальянской территории — проживающие там словенцы.

Словенские говоры в изучаемом регионе принадлежат приморской наречной группе, исследуемые по проекту пункты относятся к крашскому наречию, на котором говорят в западной части Краса и нижней части Випавской долины.

В работе представлен в словенской фонетической записи лексический материал, собранный в полевых условиях по вопроснику «Диалектного атласа словенской Истрии и Краса» в трех пунктах (Križ, Kontovel и Nabrežina) и в двух контрольных пунктах (Piran, Izola). Материал наглядно показывает, в каком объеме сохранилась лексика рыболовства в словенской части Истры и как распределяется лексика итальянского и словенского происхождения в этих двух небольших соседних регионах: в словенских поселениях большое количество терминов романского происхождения, тогда как в итальянских незначителен процент славянских рыболовных терминов. При живых тесных языковых контактах на небольшой территории, где населенные пункты расположены не так далеко друг от друга (ср. Изола и Пиран разделяют 10 км), сложилась рыболовная терминология из словенских и итальянских слов для обозначения реалий рыболовного промысла.

Словенская рыболовная терминология сохранилась в очень ограниченном объеме, что вполне объяснимо: рыболовство утратило статус основной формы хозяйственной деятельности. Вместе с угасанием рыболовства выходят из активного употребления и термины. Как показывают приведенные материалы, словенская лексика рыболовства сохранилась лишь в р-не Триестского залива, практически в словенской Истре отсутствуют наименования словенского происхождения.

Многие карты наглядно показывают отсутствие словенских и итальянских терминов рыболовства во всех или отдельных обследуемых поселениях Триестского залива. Приведем некоторые примеры из основных разделов вопросника:

«море»: к. 16 (Kontovel);

«метеорология»: 41 a), 41 b) (Kontovel), 45 (Kontovel);

«навигация»: 64 (Nabrežina);

«судно»: к. 82 и 94 (Nabrežina), к. 99 (Nabrežina, Križ), к. 103 (Nabrežina), к. 104 (Nabrežina, Križ), к. 105 (Nabrežina), 109 (Nabrežina), к. 110 ((Nabrežina, Kontovel), к. 111 и 112 (Križ, Kontovel), к. 122 (Nabrežina), к. 127 (Nabrežina), к. 138, 139, 140 (Kontovel), к. 136, 137, 151, 153 (Nabrežina), к. 154 и 155 (Nabrežina), к. 167, 175 (Nabrežina), к. 177 (Nabrežina, Križ), к. 180 (Nabrežina), к. 181 и 182 (Nabrežina), к. 183 (Nabrežina, Kostovel), к. 184 (Nabrežina), к. 185, 194 и 195 (Nabrežina, Križ),

к. 190 (Nabrežina), к. 192 и 193 (Nabrežina), к. 196 (Nabrežina), к. 202 (Nabrežina), к. 203 (Nabrežina, Kostovel), к. 204 и т. д.;

«рыбная ловля»: к. 238 (Kontovel), к. 242;

«названия животного и растительного мира»: к. 300 и 301 (Nabrežina, Križ), к. 302, 303 и 304 (Kontovel), к. 305, 310, 312 (Križ, Kontovel), к. 314 (Križ, Kontovel), к. 360 (Nabrežina, Križ), к. 370 (Nabrežina, Križ), к. 401 (Nabrežina, Križ), к. 406 (Križ, Kontovel), к. 415 (Nabrežina), к. 416 (Nabrežina), к. 423, 431, 432, 436 и т. д.

Можно отметить, что в этом регионе лучше сохранились словенская лексика из разряда «метеорология», «рыбная ловля», в меньшей степени она присутствует в составе обозначений животного и растительного мира.

Параллельно прослеживается вытеснение словенских лексем, замена их итальянскими. Так, только итальянские слова используются при обозначении мили, морской меры длины (к. 87), разных видов плавучих средств (к. 88), кормы (к. 90), носа корабля (к. 89), разных частей рыболовецкого судна (к. 93, к. 94, к. 95), надводной части судна (к. 99), палубы (к. 103), боковой части (к. 102), трюма (к. 107), перегородки на судне (к. 109), судостроительной верфи (113 а), долота (к. 125), маленького якоря (к. 145), подъемного крана (к. 149), руля (к. 150), подпорной части руля (к. 152), цепи (к. 161), уключины (к. 176) и т. д.

Сильное романское влияние проявляется в сосуществовании исконно словенских и итальянских терминов в близлежащих поселениях и даже в одном говоре: ср. обозначение подводной части судна — исконное *d'no* и итал. *kə'rena* (к. 92), в значении 'смола' словен. *s'mola* и итал. *'peylà* (< *pégola*) (к. 121), 'пакля' — словен. *predivo* и итал. *š'tuora*, *š'tuapà*, *š'tuapà* (< *stoppa*) (к. 124), 'деревянная колотушка' — словен. *'bāt*, *'bātāk* и итал. *mə'cuālā* (< *mazzuola*) (к. 126), 'ремонт подводной части судна' — словен. *pop'raulāt 'barku* и итал. *karə'nərət* (< *carenaggio*) (к. 128) и т. д.

Единичны случаи с использованием только словенских лексем во всех обследуемых точках в качестве обозначения той или иной реалии рыболовной сферы: ср. в значении 'лопасть весла' *lu'pata*, *lə'patā*, *lu'patā* < *lopata* (к. 168), '*veslo* / *'väslyü* / *'vjäslüä* / *v'jəslä* pl. 'весло / весла' (к. 165), 'два весла' — *d'vej 'vesli*, '*duajna v'jəslä* (к. 169), 'гребец' — *vəs'lač* (к. 174). Исконно словенская лексика, унаследованная из древней эпохи, присутствуют в названиях сети: (к. 257) *'vərša* / *vəršā* / *'vəršā* < **vbrša* [Bezljaj IV: 363], (к. 258) *m'rieža* / *m'riežā* / *m'rejžā* / *m'režā* < **merža* (Bezljaj II: 201); в наименованиях разных частей, деталей пловучего судна: (к. 220) *vəzu* 'узел' < **vzľ* [Bezljaj IV: 347], (к. 221) *'zanka* / *'zankä* 'затяжная петля' < **zamtka* ~ **zamtknöti* [Bezljaj IV: 388–389], (к. 164) *za'vora* / *zə'vöorä* / *zəvörä* 'тормоз' < **zavora* ~ **vorč* [Bezljaj IV: 344], (к. 142) *pot'jegənt* / *put'jəgnət* *guər žə'lejzūä* 'потянуть вверх якорь' < *potegnöti* и *pu'lejč žə'lejzūä* < **povelkt i* 'потянуть вверх якорь', (к. 134) *žə'lezo* / *žə'lejzūä* 'якорь' < **železo*, (к. 135) *ob'roč* 'якорный рым' < **ob-ročč* ~ **rōka* [Bezljaj II: 237] и т. д.

Сохранившиеся фрагменты словенской лексики рыболовства дают материал для изучения проблемы лексической интерференции. Этот материал открывает новые грани в семантическом развитии словенской лексики, парадигматических отношений в языке и т. п. Остановимся на некоторых примерах.

Так, в некоторых сочетаниях словенские лексемы функционируют в значении, неизвестном словенскому языку и вообще славянским языкам. Наблюдаемые семантические сдвиги в словенской терминологии обусловлены в значительной степени итальянским влиянием.

Примером может служить карта №3 под названием «Бурное море» (с. 27). В значении ‘бурное море’ в р-не Триеста отмечено необычное не только для словенского языка сочетание *'gardo 'murje*. Словен. *grd* ‘гадкий, безобразный, противный’ и его славянские соответствия, употребляемые по отношению к человеку [ЭССЯ 7: 206–207], в данном сочетании приобретает метафорическое значение не без влияния итал. *mare agitato, grosso* ‘беспокойное, бурное море’: море воспринимается как одушевленное, живое существо с проявлениями, свойственными человеку.

В районе Триеста мелкое море обозначается сочетанием *'niska 'uoda* (карта 6). Нигде более не отмеченное на славянской территории [ЭССЯ 25: 151–152] использование прилаг. **nizьkь(jь)* для обозначения морского мелководья, видимо, является семантической калькой итал. *mare basso*, ср. *acque basse* ‘мелководье’. Под влиянием итал. *mare profondo* — *mare basso* в словенских диалектах этого региона складывается противопоставление **nizьkь(jь)* — **globokь(jь)* (ср. *globoko morje*).

В значении ‘берег’ отмечено в р-не Триеста словен. *kraj: 'gremo h k'raji* (к. 8). Это значение, известное также некоторым диалектам на территории Македонии, Польши и др. (см. ЭССЯ 12: 88–89), явилось результатом переосмысления исходного значения, мотивированного семантикой производящего гл. **krojiti* ‘резать’, т. е. берег как конец, край земли. Таким образом семантическая изоглосса обнаруживает продолжение в западной части ю.-слав. ареала.

Словен. *s'viesla* ‘деревянное ведро’ (к. 158: Nabrežina, Križ), вероятно, сохраняет старое значение, отмеченное еще в словаре Трубара (XVI в.): *pet svipli* ‘piscina quinque porticus habens’ при более распространенном употреблении этого слова в качестве строительного термина: ср. словен. *svišli* ‘подстрешье; стог сена’, чеш. *svísel* ‘треугольная стена на сторонах козолца’ и т. д. < **svišlь*, далее к **visěti* [Bezlej III: 352].

Лексема *škripec*, более известная в метафорическом употреблении, ср. *v škripcih biti* ‘оказаться в неловком положении’ [Bezlej IV: 70–71], употребляется в функции технического термина: ср. *šk'ripc* ‘блок’ (к. 191), *šk'ripčeuje* ‘одно из обозначений ворота’ (к. 157).

Функцию рыболовного термина выполняют не только отдельные лексемы, но и сочетания, небольшие предложения, как правило, с включением итальянских слов. Ср. *že'lazo 'uərje, že'lejzà 'uərjà pud 'barku* ‘якорь волочитя по дну’ (ср. итал. *l'ankora ara il fondo*) (к. 143); *'lou z 'bombi* ‘лов с использованием взрывчатки’ (к. 233); *že'lezo ot 'fušna* ‘железная часть гарпуна’ (к. 254); *ar'mierat m'rieža* = ‘armare le reti’ (к. 272), *g'remo 'largo* ‘идем в открытое море’ (к. 7) и т. п.

Детально проанализированная в книге рыболовная лексика в районе активных межъязыковых контактов на крайней юго-западной периферии славянского мира предстает на широком славянском фоне как один из фрагментов исследований

большой тематической группы, изучаемой на материале отдельных языков или всех славянских языков (ср. Коломиец 1986 с библиографией).

Нельзя не отметить высокое качество оформления представленного в книге материала. Тщательно выполненные карты дают наглядное представление о составе лексики рыболовства и процессах, которые привели к формированию смешанных наименований и вытеснению исконно словенской лексики.

Литература

Коломиец 1986 — *Коломиец В. Т.* Происхождение названий рыб. К IX Международному съезду славистов. Киев: Наукова думка, 1986.

Нидерле 2000 — *Нидерле Л.* Славянские древности. Перевод с чешского Т. Ковалевой и М. Хазанова. М.: Алетей, 2000.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–40-. Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева, Ж. Ж. Варбот. М.: Наука, 1974–2016-.

Bezljaj — *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Vol. I–V. Ljubljana, 1976–2007.

Lyudmila Kurkina

*V.V. Vinogradov Russian Language Institute
Of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
lyukurkina@rambler.ru*

REVIEW OF LINGUISTIC AND CULTURAL HERITAGE IN FISHERIES IN THE GULF OF TRIESTE AND SLOVENIAN ISTRA

References

Bezljaj F. *Etimološki slovar slovenskega jezika* [Etymological Dictionary of Slovenian Language]. Vol. I–V. Ljubljana, 1976–2007. [In Slovenian].

Etimologičeskii slovar' slav'anskih jazykov. Praslav'anski leksičeskii fond. [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Vol. 1–40-. M.: Nauka. 1974–2016-. [In Russian].

Kolomiec V. T. *The origin of the names of fish.* IX International Congress of Slavists. Kiev, 1986. [In Russian].

Niderle L. *Ancient Slavic. Translation from Czech.* M., 2000. [In Russian].

Научное издание

**Труды Института русского языка
им. В. В. Виноградова
Выпуск 15, 2018 г.**

Общеславянский лингвистический атлас
Материалы и исследования 2015–2017

Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 00.00.2018. Формат 70×100 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 17.4. Заказ № 1332
Тираж 300 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86